

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»
Юридический институт
Кафедра международного права

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ОСНОВА ДИАЛОГА И ГАРАНТИИ МИРА

Материалы круглого стола
XIX Международного конгресса
«Блищенковские чтения»

Москва, 15 апреля 2023 г.

Под редакцией
А.Х. Абашидзе

Москва
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
2024

УДК 341(063)
ББК 67.91
М43

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Под редакцией
А.Х. Абашидзе

М43   Международное право как основа диалога и гарантии мира : материалы круглого стола XIX Международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 15 апреля 2023 г. = International law as a basis for dialogue and guarantee of peace : Proceedings of the Roundtables Discussion of the XIX Blischenko Congress. Moscow, 15 April 2023 / под редакцией А. Х. Абашидзе. – Москва : РУДН, 2024. – 639 с. : ил.

Издание представляет собой сборник выступлений участников круглого стола «Международное право прав человека: состояние и перспективы» XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». Материалы данного научного форума отражают исследования известных, а также молодых учёных-правоведов, которые, несомненно, будут полезны для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических вузов, практических работников и всех интересующихся актуальными проблемами международного права прав человека.

ISBN 978-5-209-12353-8

© Коллектив авторов, 2024
© Оформление. Российский университет
дружбы народов, 2024

**Участники XIX Международного конгресса «Блищенковские чтения»
РУДН имени Патриса Лумумбы, 15 апреля 2023 г.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международный конгресс «Блищенковские чтения», по счету XIX, был проведен в 2023 г. под лозунгом «Международное право как основа диалога и гарантии мира», провозглашенным резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 77/32, на основе которой был проведен «Международный год диалога как гарантии мира».

Что касается самого 2023 г., то он, к сожалению, не стал годом диалога на глобальном уровне по разрешению глобальных вызовов. Наоборот, США и их союзники по НАТО продолжили в одностороннем порядке и с позиции силы навязывать «порядок, основанный на правилах», что диаметрально противоположно принципам международного права, как единственно возможной основы диалога между суверенными государствами и эффективного средства установления международного сотрудничества по решению международных проблем и противоречий.

Именно такой подход преобладал на дискуссионных площадках Конгресса в рамках пленарного заседания, а также на секциях и круглых столах. В работе конгресса в 2023 г. приняли участие представители 35 государств: Азербайджан, Албания, Алжир, Армения, Афганистан, Бразилия, Бурунди, Вьетнам, Египет, Индия, Индонезия, Ирак, Иран, Казахстан, Камерун, Кения, Китай, Мексика, Нигерия, Объединенные Арабские Эмираты, Палестина, Республика Беларусь, Руанда, Сербия, Сирия, Таджикистан, Тунис, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Франция, Чад, Черногория, Швеция, Эстония.

Блищенковский конгресс сохраняет и укрепляет свои следующие отличительные черты: инновационность, междисциплинарность, всеохватность и доступность для всех – известных и начинающих ученых, а также студентов, проявляющих склонность к научным исследованиям. Конгресс способствует объединению ученых по специальной проблематике, следовательно, секции данного форума становятся площадкой для апробации научных изысканий соискателей на степень кандидата и доктора наук. Круглые столы, проводимые в рамках Конгресса, сохраняют актуальность по причине обсуждения на них новых инициатив системы ООН, особенно в тематические годы и десятилетия, отмечаемые в рамках ООН.

Перед Вами, уважаемый читатель, материалы Блищенковского конгресса 2023 г. Публикация этих материалов в рамках серии указывает на потенциал и масштаб Блищенковского конгресса, получившего всемирную известность научного сообщества.

*А. Х. Абашидзе,
Заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, профессор МГИМО МИД России, Член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Член Научно-консультативного Совета при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, Член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, Председатель Комиссии международного права Российской Ассоциации содействия ООН, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор*

СЕКЦИЯ
ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

THE VIENNA CONVENTION AND THE PROVISIONS IT HAS FOR MITIGATING NON-PERFORMANCE OF TREATY OBLIGATIONS

Akinbodewa Oluwateniola Solape

SJD Candidate

Golden Gate University School of Law

A treaty is an international agreement concluded between states in written form and governed by international law, whether embodied in a single instrument or in two or more related instruments and whatever its particular designation¹. Treaties are by far the most important tools of regulating international relations² as they also serve as the constitutions of international organizations. Although challenged in some contexts in its role, the multilateral treaty remains the best medium available at the moment for imposing binding rules of precision and details in the new areas in which international law is expanding and for codifying, clarifying and supplementing the customary international law already in existence in more familiar settings³.

The fundamental principle of treaty law is undoubtedly the proposition that treaties are binding upon the parties and must be performed in good faith⁴. This rule is *pacta sunt servanda* and is, arguably, the oldest principle of international law. It was reaffirmed in Article 26 of the 1969 Vienna Convention on the Law of

---

¹ 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, United Nations Treaty Series, Vol. 1155, Article 2(a).

² Malcom Shaw, *International Law*, 6th edition, (Cambridge University Press, Cambridge, 2008), p 902.

³ J. G. Starke, *Introduction to International Law*, 9th edition. (Butterworth & Co., London 1984), p 426.

⁴ Nuclear Tests Case, (Australia v France) (1974) ICJ Rep 253 ; See Vienna Conventions on the Law of Treaties, 1969, United Nations Treaty Series, Vol. 1155, p.331, Articles 31, 46, 69.

Treaties⁵. It underlies every international agreement for, in the absence of a certain minimum belief that states will perform their treaty obligations in good faith, there is no reason for countries to enter into such obligations with each other⁶. Every state is a party to hundreds of treaties and has an interest in ensuring that treaties work effectively, just as for example, all states have a common interest in preserving the rules of diplomatic immunity in order to facilitate diplomatic relations. The Convention enhances international values as opposed to national exigencies. Thus, the interpretation of treaties must emphasize their potential rather than give pride of place to states' sovereignty⁷.

To see whether a particular agreement is intended to create legal relations, all the facts of the situation have to be examined carefully⁸. As Anzilotti emphasized in 1912, there are no binding rules of interpretation, rather the criteria for construing treaty law, which are merely rules of logic borrowed from national law or developed by arbitral courts, or those very general criteria, which could be inferred from the nature and character of the international legal order⁹. It is the intention to create a binding arrangement governed by international law that makes the difference between treaties and informal international instruments. The International

---

⁵ *Gabcikovo-Nagymaros Project Case, (Hungary v Slovakia) (1997) ICJ Rep 778.*

⁶ Peter Malanczuk, *Akehursts' Modern Introduction to International Law*, 7th edition (T. J International Limited, Padstow, 1997), p 130.

⁷ 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, United Nations Treaty Series, Vol. 1155, p.331 Article 31

⁸ Registration of the agreement within the U.N under Article 102 of the U.N Charter is one useful indication. However, as the International Court pointed out in the *Qatar v Bahrain* case, ICJ reports (1994) (pp. 115, 121); non registration does not affect the actual validity of an international agreement nor its binding quality.

⁹ Thomas Buegenthal and Sean D. Murphy, *Public International Law*, 3rd Edition. (West Publishing Co, America, 2002) p. 176.

Court of Justice addressed this issue in the Qatar v Bahrain case¹⁰ with regards to minutes dated 25th December 1990 signed by the parties and Saudi Arabia. The Court emphasized that whether an agreement constituted a binding agreement would depend upon all its actual terms and circumstances in which it had been drawn up¹¹ and, in the situation in the case, the minutes were to be construed as an international agreement creating legal obligations for the parties since on the facts they enumerated the committees to which parties had consented¹².

A major feature of treaties is that they only bind parties to them, that is, the states that have agreed to be bound by their provisions¹³. As the PCIJ put it in the case of Polish Upper Silesia (Merits),¹⁴ a treaty only creates law as between the states, which are party to it. Hence, for third party states, treaties are something devoid of any legal consequences,¹⁵ a thing made by others (*res inter alios acta*). To put it differently, treaties may neither impose obligations on, nor create legal entitlements for, third parties (*pacta tertiis nec nocent nec prosunt*). Articles 35-36 of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties state that third parties may derive rights and obligations from a treaty only if they consent to assuming the obligations or exercising the rights laid down in the treaty.

Apart from the provisions mentioned above, we can see that the scope of what became the Vienna Convention was narrowed to

---

¹⁰ Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain, Qatar v Bahrain, [1994] ICJ Rep 112, ICGJ 81 (ICJ 1994)

¹¹ Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain, Qatar v Bahrain, [1994] ICJ Rep 112, ICGJ 81 (ICJ 1994)

¹² Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain, Qatar v Bahrain, [1994] ICJ Rep 112, ICGJ 81 (ICJ 1994)

¹³ Fisheries Jurisdiction (United Kingdom v Iceland) (Jurisdiction) [1973] ICJ Rep 3, 18 [36]

¹⁴ German Interests in Polish Upper Silesia (Germ. v. Pol.), 1926 P.C.I.J. (ser. A) No. 7 (May 25) (1926) PCIJ reports.

¹⁵ Vienna Convention on the Law of Treaties (23 May 1969), 1155 UNTS 331; 8 ILM 679, Article 34.

exclude most issues of the performance of treaty obligations. Indeed, it is not too much to say that the Vienna Convention focuses its attention on the conclusion, content and termination of treaties and ignores questions of performance. A general exception, of course, is article 26 (*pacta sunt servanda*), but it is almost the only article, which deals with performance as such. Article 60, is concerned with the issue of breach of treaties only insofar as it gives rise to a right to terminate or suspend the treaty. Hence it is limited to ‘material breach’, narrowly defined,¹⁶ whereas any breach of a treaty (material or not) gives rise to the responsibility of the state committing the breach. In short, issues of performance are left to be catered to under the law of state responsibility. Under article 73, ‘the provisions of the present Convention shall not prejudice any question that may arise in regard to a treaty ... from the international responsibility of a state ...’.

It is essential to understand the relatively narrow focus of the Vienna Convention in order to understand its provisions on treaty suspension. Although, of course, the suspension of a treaty has consequences for its performance (as does the invalidity or termination of a treaty), this is not the essential point. Instead, suspension is a substitute for termination of a treaty in several different ways. It sounds convenient to be able to suspend the performance of a treaty, particularly when the said treaty does not state how long this suspension should last. More so, in the context of bilateral treaties, a state with the right to terminate a treaty may instead suspend its operation.¹⁷ Such suspension operates both ways, that is, it suspends the requirement to comply for both parties, including the state responsible for the breach. It is therefore not a sanction or a penalty as such. The responsible state may be seeking to rid itself

---

¹⁶ Material breach refers to a violation of a provision essential to the accomplishment of the object and purpose of the treaty.

¹⁷ The exception is art 56 (denunciation of or withdrawal from a treaty). Under art 61 (supervening impossibility of performance) a state may only suspend and not terminate a treaty if the impossibility is temporary: art 61(1).

of the obligation, whereas the only interest of the injured state may be to reinstate its performance. Furthermore, the VCLT has provided little or no information as regards “removing a treaty from suspension” very little is said about the subsequent process of ‘unsuspension’, that is, of bringing the treaty back into operation. It is not clear, for example, whether this requires the consent of both states, or whether a state, which has unilaterally suspended a treaty, is entitled unilaterally to restore it.¹⁸ All that is said is that, during the period of suspension ‘the parties shall refrain from acts tending to obstruct the resumption of the operation of the treaty’.¹⁹ It may be inferred that where a treaty is suspended for temporary impossibility of performance, the treaty revives when performance once more becomes possible. But even this is not expressed in article 61(1) and it may be that, again, some act of the parties is required. The VCLT doesn’t provide adequate provisions for the internal procedures that states have for joining and implementing treaties. The issues of ratification of treaties are also entirely outside the scope of the VCLT and left entirely to municipal discretion. Whereas, considering the major setbacks state parties face in the process of implementing a treaty, I believe that it is important that the VCLT also regulates ratification of treaties in so far as it concerns performance of the said treaty.

The VCLT has a “celebrated flexibility”.²⁰ This reality makes it both relatively easy for states to comply with the VCLT and relatively difficult to measure how effective the VCLT is in terms of actually changing state behavior. While Articles 31 and 32 do not make treaty interpretation as “free-form” as Myres

---

¹⁸ It can be argued that such a unilateral right, if it existed, would have been expressed in art 72, which is silent on the point. Art 68 deals with revocation of instruments, but only before they have taken effect; it does not deal with revocation of a suspension that has become effective.

¹⁹ 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, United Nations Treaty Series, Vol. 1155, Art 72(2)

²⁰ Jean Galbraith, “The Oxford Guide to Treaties; Edited by Duncan B. Hollis,” *American Journal of International Law* 108, no. 4 (October 2014): p 859

McDougal desired,²¹ they are still understood to leave considerable room for maneuvering.

The VCLT rules on interpretation are also presented concisely in relation to international organizations and international human rights. Although the VCLT remains the primary legal tool for the interpretation of the constitutive treaties of international organizations, it doesn't properly accommodate the distinctive characteristics of international organizations. The same applies to international human rights treaties. The VCLT doesn't adequately provide interpretative functions for human rights treaties.

In their respective chapters on treaty interpretation for 10 charters and for human rights treaties, Catherine Brolmann and Bayak Gali both read Articles 31 and 32 as expansive enough to cover specialized approaches in these contexts. Brolmann emphasizes that "the VCLT framework [on interpretation] is famously broad, subsidiary and not very hierarchically structured" (p. 508), while Cali considers that the "principles of interpretation enshrined in Article 31 ... are flexible enough to incorporate human rights treaties" (p. 526).²² In other words, Brolmann and Gali conclude that interpretive practices for international organizations charters and for human rights treaties comply with the VCLT rules on treaty interpretation, but they do not consider effectiveness, and the reader is left wondering how much the law of treaty interpretation, as set forth in the VCLT, which has actually shaped the ways in which international organization charters and human rights treaties are interpreted.²³ Indeed, causality may also run in the other direction: rather than (or complementary to) Articles 31 and 32 shaping

---

²¹ See Julian Davis Mortenson, *The Travaux of Travaux: Is the Vienna Convention Hostile to Drafting History?*, 107 *AJIL* 780, 789-90, 809-18 (2013) (describing McDougal's position and his efforts to advance it at the VCLT's negotiation).

²² Jean Galbraith, "The Oxford Guide to Treaties; Edited by Duncan B. Hollis," *American Journal of International Law* 108, no. 4 (October 2014): p 861

²³ Jean Galbraith, "The Oxford Guide to Treaties; Edited by Duncan B. Hollis," *American Journal of International Law* 108, no. 4 (October 2014): p 861

the interpretation of these specialized treaties, the existence of these specialized treaties may have helped to give rise to a more flexible interpretation of Articles 31 and 32.

The third form of flexibility in the VCLT is its use of default rules. Borrowing on Hollis's analogy,²⁴ the law of treaties itself bears some resemblance to a Swiss army knife, as it allows negotiators to do considerable picking and choosing. To give a few examples, the VCLT explicitly allows the parties to contract around its default rules for treaty amendment, for treaty reservations, and for treaty termination. Jutta Brunne, Edward Swaine, and Laurence Helfer in their chapters of the Oxford Guide to Treaties. These chapters do an excellent job not only of explaining the default rules but also of recognizing that treaty negotiators often take advantage of their right to contract around these rules. Helfer, for example, notes empirical evidence suggesting that treaties frequently contain explicit termination provisions, thus declining to adopt the VCLT's default rules. The VCLT thus governs in part by not governing- or, put more precisely, achieves widespread compliance partly by deliberately declining to prioritize effectiveness. The heavy use of default (as opposed to absolute) rules allows treaty negotiators to structure treaties as they deem best, while at the same time providing a template that serves both as a reference point and as a back-drop option²⁵.

Second, the Vienna Convention deals with suspension of multilateral treaties. Here too the concern is not performance as such but the impact of suspension on third states. The basic principle is that the termination of a multilateral treaty (other than in accordance with its provisions) requires the consent of all the states parties. States injured by the breach of a multilateral treaty or faced with a situation of impossibility of performance or fundamental

---

²⁴ Ibid.

²⁵ Jean Galbraith, *The Oxford Guide to Treaties*; Edited by Duncan B. Hollis, 108 AM. J. INT'L L. 859 (2014).

change of circumstances may be individually entitled to withdraw from the treaty or to suspend it in their relations with the responsible state. But the treaty itself survives until the last (or perhaps the second-last) state leaves and, as it were, turns out the lights. None of this has anything to do with treaty performance as such.

Third, the Vienna Convention deals with the suspension of treaties containing what are sometimes (misleadingly) referred to as 'integral' obligations but which are perhaps better termed 'interdependent obligations'. An obligation is interdependent if it is of such a character, according to article 60(2)(c), that 'a material breach of its provisions by one party radically changes the position of every party with respect to the further performance of its obligations under the treaty'. In such a case, any party may invoke the breach in order to suspend the treaty in whole or in part as with respect to itself against all other parties, not only the state responsible for the breach.

КОНТРМЕРЫ И САНКЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Веселкина Анастасия Кирилловна

Аспирант

МГУ имени М.В. Ломоносова

veselkina_ak@mail.ru

Право международной ответственности приобрело современные очертания сравнительно недавно. Регулирование отношений в этой области до сих пор осуществляется на уровне проекта статей об ответственности¹. Вопросы обстоятельств, исключающих ответственность по международному праву, нечасто становятся объектом теоретических исследований. Одним из таких обстоятельств являются контрмеры, которые зачастую упоминаются практиками, когда поднимается вопрос «санкций», преимущественно – односторонних санкционных ограничений. Тем не менее, хотя эти явления и внешне схожи, их нельзя отождествлять. И для понимания, можно ли отнести санкции к праву международной ответственности, или же это какой-то другой институт, нужно, в первую очередь, понимать, что же такое контрмеры.

Историческими формами контрмер являются репрессалии и санкции, а также блокада, эмбарго, разрыв дипломатических связей, ограничение на въезд иностранцев и другие меры, в настоящее время не утратившие актуальность. В то же время эти явления не всегда являлись ответной реакцией на недружественное действие. Скорее, они являлись правомер-

---

¹ Резолюция 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941379?section=text> (дата обращения: 11.02.2023); Проект статей об ответственности международных организаций // Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН А/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008.

ным дополнением к оборонительным и наступательным военным действиям. При этом практика их применения основывалась исключительно на политическом решении государства.

Сам термин «контрмеры» хотя и не так давно был включен в международные акты, в современном значении используется несколько дольше, с 1945 года. Синонимами к термину «контрмеры» в этот период являются термины «мера» и «противодействие». Так, в практике международных судов и арбитража² используются одновременно как термин «меры», так и термин «контрмеры». При этом, несмотря на отсутствие международных актов, уже в 1978 году, в Деле о Соглашении о воздушных перевозках от 27 марта 1946 года даются достаточно четкие и близкие к современным критерии существования контрмер³.

В этом деле появляется отсылка к пропорциональности мер, применяемых в качестве контрмер. В этом же деле поднимается вопрос, могут ли одновременно применяться контрмеры в качестве средства пресечения противоправного поведения, и одновременно требоваться сатисфакция.

Более того, Постоянная палата третейского суда (ППТС) в целом рассмотрела вопрос законности контрмер и пределов их применения. Как указала ППТС в рассматриваемом деле, в

---

² Case concerning the Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France, United Nations, Reports of International Arbitral Awards, vol. XVIII, Decision of 9 December 1978 (Sales No. E/F.80.V.7), // URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XVIII/417-493.pdf (дата обращения: 03.02.2023); Case United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran), 1980. // URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/64> (дата обращения: 03.02.2023); Case Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), 1984. // URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/70/judgments> (дата обращения: 03.02.2023).

³ States Responsibility: Comments and Observations Received from Governments, UN doc. A/CN.4/515, 19 March 2001. // URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_515.pdf Дата обращения: 11.02.2023.

случае нарушения международных обязательств каждое государство имеет право предпринимать необходимые действия в пределах, установленных нормами международного права, исключая применение военной силы. Тем не менее, предпринимаемые контрмеры должны быть эквивалентны нарушенному праву. При этом предпринимаемые контрмеры не должны существенно затрагивать права и законные интересы третьих государств.

Хотя ППТС и указала, что сами по себе контрмеры – это законное явление, она особо подчеркнула, что контрмеры должны обладать качеством соразмерности и не должны быть чрезмерны, поскольку их цель – это восстановить справедливость между сторонами и побудить их к продолжению переговоров. Эта цель в дальнейшем была закреплена в Проекте статей об ответственности государств 2001 года⁴.

Современные контрмеры – это институционализированный элемент института обстоятельств, исключаяющих противоправность международного деяния, обладающий достаточно четкими критериями применения.

В то же время положения о контрмерах в Проекте статей об ответственности сформулированы достаточно лаконично, в связи с чем особое значение приобретают дискуссии, имевшие место в процессе принятия проекта⁵. Интересными представляются вопросы необходимости обоснования применения

---

⁴ Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН A/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001.

⁵ Third report on State responsibility, by Mr. Gaetano Arangio-Ruiz, Special Rapporteur. A/CN.4/440 // URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_440.pdf (дата обращения: 02.02.2023); Yearbook of the International Law Commission 1980 Volume II part two. Report of the Commission to the General Assembly on the work of its thirty-second session. // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1980_v2_p2.pdf (дата обращения 11.02.2023).

контрмер, обязательности попыток мирного урегулирования спора, возможности ограничения права на применение контрмер.

Среди государств разгорелась дискуссия: одни государства в лице своих представителей настаивали на том, что «необходимо четко указать, что утверждение о совершении противоправного деяния должно подкрепляться надежными доказательствами, прежде чем потерпевшее государство сможет принять контрмеры». Другие указывали, что в этом нет необходимости, так как в случае, если государство, которое применяет контрмеры, делает это в нарушение ст. 49 Проекта статей об ответственности⁶, т. е. не в ответ на противоправное деяние, то такое государство и без того будет нести международно-правовую ответственность. Тем не менее, международная практика пошла по пути обязательности достоверного подтверждения факта противоправного деяния, на что указал Международный суд ООН в деле Габчиково-Надьмарош⁷, в соответствии с которым перед введением контрмеры государство обязано «потребовать, чтобы государство-правонарушитель прекратило правонарушение и возместило причиненный вред». При этом Суд указал, что это положение является нормой обычного права.

Важно отметить, что на протяжении всего развития существования контрмер они рассматривались в качестве суверенного права государства. Первое ограничение этого права намечается в деле⁸, где указывается, что если стороны передают дело

---

⁶ Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН A/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001.

⁷ Case Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia). Judgment. – I.C.J. Reports. 1997. // URL: <https://www.icj-cij.org/case/92> (дата обращения: 15.02.2023).

⁸ Case concerning the Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France, United Nations, Reports of International

на рассмотрение третьего лица (арбитраж или суд), и такое лицо устанавливает обеспечительные меры, то принятие таких мер должно прекратить действие контрмер. Тем не менее, на значительное расширение оснований ограничения права на применение контрмер для защиты собственных интересов государства так и не пошли. В 2001 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния⁹, обобщившая практику государств по вопросу международной ответственности и, в частности, обстоятельств ее исключающих (таких как контрмеры). Этой резолюцией впервые в международных документах был закреплен термин «контрмеры».

А теперь перейдем к сравнению контрмер и санкций в соответствии с современным международным правом. Однозначного понимания понятия «санкции» в доктрине не выработано. Так, Т.Н. Нешатаева указывает, что под санкциями следует понимать «все меры охраны международного правопорядка, закрепленные в нормах международного права, носящие принудительный характер и применимые в случае правонарушений к государству-делинквенту с помощью институционального механизма международных организаций»¹⁰. Аналогичная позиция высказывается в зарубежной доктрине¹¹.

Если обратиться к исторической перспективе, как отмечал Ю. Я. Михеев, «под санкциями в международном праве

Arbitral Awards, vol. XVIII, Decision of 9 December 1978 (Sales No. E/F.80.V.7), // URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XVIII/417-493.pdf
Дата обращения: 03.02.2023.

⁹ Резолюция 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941379?section=text> Дата обращения: 11.02.2023.

¹⁰ Цит. по Кешнер М.В. Право международной ответственности: учебник. – Москва: Проспект, 2019. С. 142.

¹¹ Кешнер М.В. Право международной ответственности: учебник. – Москва: Проспект, 2019. С. 142.

принято понимать меры, принимаемые в ответ на противоправные действия – «деликты». Характерным для санкций является то, что они применяются после того, как определенное государство совершает деликт – нарушит лежавшее на нем международно-правовое обязательство или норму международного права, и санкции применяются в ответ на этот деликт»¹². То есть, по сути, Ю. Я. Михеев под санкциями понимал меры, предпринимаемые в ответ на недружественное действие, отчасти аналогичные контрмерам.

В настоящее время, в доктрине также существует позиция, в соответствии с которой под санкциями следует понимать также все формы индивидуального государственного принуждения¹³. В таком смысле понятие санкций в достаточной степени близко к понятию контрмер.

Тем не менее, ни то, ни другое понимание санкций не отражает в полной мере существо того, что в современном мире понимается под санкциями. Термин санкции в современных международных отношениях приобрел значение, отличное от исторического, и его уже нельзя в полной мере отнести к праву международной ответственности¹⁴.

Важно отметить, что все, что сейчас обозначается термином «санкции» можно разделить на коллективные и односторонние. При этом для целей настоящего исследования рассматриваются только санкции в отношении государств, санкции в отношении конкретных физических и юридических лиц являются совершенно особым институтом. Если же рассматривать санкции в отношении государств, нельзя не обратить внимание на ряд существенных отличий, благодаря которым

---

¹² Михеев Ю. Я. Применение принудительных мер по Уставу ООН. М.: Международные отношения, 1967. С. 47.

¹³ Цит. по Кешнер М.В. Право международной ответственности: учебник. – Москва: Проспект, 2019. С.142

¹⁴ Дорасев, М.Г. Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России. — М.: Инфотропик Медиа, 2016.

санкции и контрмеры – это явления в достаточной мере различные.

Хотя коллективные санкции являются институционализированным способом принуждения к соблюдению международно-правовых обязательств, в соответствии с Проектом статей об ответственности контрмеры – это меры, предпринимаемые одним государством в отношении другого государства. При этом интересы государства, вводящего контрмеры, прямо затронуты действиями другого государства. Таким образом, коллективные санкции нельзя отнести к контрмерам.

Односторонние санкции хотя внешне схожи и контрмерами, однако зачастую не обладают целым рядом признаков, таких как:

1. Применение в ответ на нарушение международно-правовых обязательств. В случае введения санкционных ограничений зачастую невозможно установить конкретное нарушенное право и далеко не всегда они вводятся при наличии каких-либо нарушений прав у вводящего их государства;

2. Пропорциональное применение. В случае, если есть указание на предполагаемое нарушение, санкционные ограничения зачастую вводятся в сферах, отличных от сферы предполагаемого нарушения, а их последствия зачастую несоизмеримы с нарушенным правом. В то же время, если говорить о контрмерах, как уже упоминалось выше, одним из их признаков является пропорциональность;

3. Институционализация в актах международного права. Зачастую санкционные ограничения вводятся актами внутреннего права, но при этом распространяют свое действие далеко за пределы территории введшего их государства;

4. Ограниченное по времени применение. Зачастую санкционные ограничения не имеют ограниченного срока действия, они не отменяются при передаче дела на рассмотрение в суд или арбитраж, а даже введение обеспечительных мер в отношении предполагаемого нарушителя не является основанием для их приостановления;

5. Направленность на урегулирование конфликта. Как уже упоминалось выше, цель контрмер – стимулировать переговоры и в итоге привести к мирному урегулированию спора. При введении санкционных ограничений зачастую отсутствует возможность для диалога и мирного урегулирования споров, поскольку государство, введшее санкции, единственным условием отмены таких ограничений видит прекращение каких-либо действий подсанкционного государства;

Таким образом, санкции – это совершенно особенный институт в современном международном праве, не относящийся к праву международной ответственности. Нам еще предстоит определиться, чем же они по своей природе являются.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Гуляева Елена Евгеньевна

*Канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры международного права
Дипломатическая академия МИД России
gulya-eva@yandex.ru*

«Четвертая промышленная революция» претворила в жизнь инновационные технологические решения в биологическом¹, физическом и цифровом блоках, которые побуждают государства активнее разрабатывать и реализовывать на практике программы поддержки цифровой трансформации. Сегодня важнейшие элементы общественного бытия уже перенесены в виртуальное пространство со специфической темпоральностью новых технологий, что повлекло за собой революционные преобразования и в системе управления, от электронного правительства и «умных» городов до «Интернета вещей». Это побуждает к применению политических механизмов стимулирования программы всеобщей цифровизации в контексте формирующейся цифровой цивилизации. При этом практически все государства в вопросе обеспечения безопасности сталкиваются с «проблемой ускорения исторического времени»².

---

¹ Гуляева Е.Е., Трикоз Е.Н. Юридические аспекты генетических исследований в странах Латинской Америки (опыт судебной генетики в Аргентине) // Международный правовой курьер. 2020. № 3-4. Июль-Август. С. 56-60.

² Стратегия «Казахстан - 2050: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана (г. Астана, 14 декабря 2012 г.) // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-

Смена технологического уклада жизни современного общества формирует новые стратегии цивилизационного развития, оказывающие непосредственное влияние на динамику права. Как отмечается в Концепции внешней политики России от 2023 года в п. 22 «Механизм формирования универсальных международно-правовых норм должен основываться на свободном волеизъявлении суверенных государств, а ООН должна оставаться главной площадкой для прогрессивного развития и кодификации международного права»³. Более того, происходит «перевод общественных отношений на новую технологическую основу (в том числе внедрение технологий искусственного интеллекта, новейших информационно-коммуникационных, энергетических, биологических технологий и нанотехнологий)»⁴. В контексте современных тенденций прогрессивного развития и кодификации международного права следует констатировать феномен «гибридизации» права, его конвергенции с нано-, био-, информационно-коммуникационными и когнитивными технологиями (*NBIC-конвергенции*)⁵. В результате этого процесса происходит

---

prezidenta-respubliki-kazahstan-na-nazarbaeva-narodu-kazahstana-fevral-2005-g (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

³ Указ Президента России «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

⁴ П. 7 Указа Президента России «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

⁵ *NBIC-конвергенция* – это расширение человеческих возможностей, основываясь на генной терапии, нейрофизиологии, биоинформатике, нейроинтерфейсах, ИИ, продлении жизни, социальных технологиях и принципиально новых производственных процессах. URL: <https://euroasia-science.ru/pdf-arxiv/44-47-belyantsev-a-e/> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

зарождение таких новых отраслей права как киберправо, квантовое право, биоправо, геномное и нейроправо⁶.

Именно развитием указанных технологий определяется качественный переход человечества в информационное общество (*new information era*). Но нельзя забывать о том, что современные коммуникационные технологии помимо очевидного позитивного эффекта могут стать источником нарушения состояния защищенности общества или его отдельных элементов.

Цифровизация, являющаяся в современных условиях важным фактором динамики общественных отношений, ведет к «цифровому и «технологическому разрыву», что предполагает существование условно информационно «богатых» и информационно «бедных» государств. По сути, эта ситуация негативно влияет на соблюдение принципа суверенного равенства государств в международном праве.

Вне зависимости от позиции в этих дискуссиях ясно, что особенно серьезного обсуждения и обдумывания требуют эмоциональные аспекты использования искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах. В настоящее время армии мира уже обсуждают возможность оснащения своих сил усовершенствованными ментальными способностями (суперинтеллектуальными агентами), чтобы лучше предугадывать боевую конфигурацию и более умело расшифровывать потоки данных. Природа войны в эпоху стремительной эволюции также влияет на изменение концепции «справедливого распределения» плодов технологической революции⁷.

Не менее значимые изменения происходят и в области обеспечения прав человека. Отличительной особенностью

---

⁶ Farinella F., Gulyaeva E. Human neuro-rights // *Quaestio Iuris*, Vol. 15, №. 1, 2022, P. 278-299. URL: <https://www.e-publicacoes.uerj.br/index.php/quaestioiuris/article/view/6414> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

⁷ Rose McDermott, Some Emotional Considerations in Cyber Conflict // *Journal of Cyber Policy*. 4 (3). 2019.

современного международного права является распространение международно-правового регулирования на права человека. По мнению выдающегося юриста-международника Г.И. Тункина, это стало «великой революцией в международном праве»⁸.

Внедрение норм об индивидуальных правах человека в новые сферы зашло достаточно далеко. Некоторые специалисты высказывают мнение, согласно которому когда-нибудь должен закончиться «век личности» и государства устремятся к коллективным правам в международном нормотворчестве⁹.

Автор отмечает, что применение современных нейротехнологий вызывает необходимость дополнительного правового обеспечения прав и свобод человека, констатируют факт появления совершенно новых составов преступлений, как нейрохакинг и нейроцид¹⁰. Кроме того, у участников публичных отношений возникают новые проблемы охраны коммерческой тайны, например, при использовании данных нейропротезов, а также новые аспекты кибербиобезопасности и нейробезопасности.

Когнитивная свобода индивида предусматривает свободу контролировать свои собственные психические процессы, познание и сознание¹¹. Защита когнитивной свободы включает в себя реализацию таких прав, как право на здоровье и психическую свободу, а также развитие и соблюдение

---

⁸ Тункин Г.И. Международное право: законность в 20 веке // Российский ежегодник международного права. 1994. С.18.

⁹ Абашидзе А.Х., Гуляева Е.Е., Трикоз Е.Н. Техника и практика международного нормотворчества: обзор материалов Международной конференции ESIL // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 2. С. 508-527.

¹⁰ Gulyaeva E. Neurisecurity as an emerging trend in International Law // Revista Confrontos. 2022.Vol. 4. № 7. P. 1-15.

¹¹ Гуляева Е. Е. К вопросу о правовом понимании когнитивной свободы личности // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 4(9). С. 76-86.

этико-правовых норм. В связи с применением современных технологий возникает необходимость принятия этических кодексов с целью защиты традиционных основополагающих ценностей международного сообщества. Автор приходит к выводу, что следует рассматривать когнитивную свободу как новое право в списке основополагающих прав человека.

Постепенное включение междисциплинарной методологии и компонентов общественных наук в сферу позитивного международного права привело к развитию «мягкого права», и появлению подвижной шкалы нормативности на международном и национальном уровнях. Некоторые ранее значимые положения и ценности в современном формальном праве утрачивают свою важность: 1) эпистемологические (знать, что обязательно к исполнению); 2) нормативные (обеспечивать законную власть посредством согласия государства); 3) правоведческие (снять границы с предмета нашего изучения). Возникает дилемма о признании необязательного права, которое имеет определение полноценного права с точки зрения социологии и нередко становится равным ему по важности. Собственно, «политические нормы» иногда более значимы, чем некоторые игнорируемые «жесткие» нормы права. Возникает вопрос о возможности встраивания неформальных норм в контексте статьи 38 Статута Международного суда ООН в знакомые категории и понятия, такие как «*opinio juris*», «практика государств», «последующая практика» и др. Так, «необязательные к исполнению декларации» прямо упоминаются в праве международных договоров, и призваны дополнять неоднозначные термины в текстах международных договоров.

В контексте нормативных нововведений на международном уровне, хотя они и не являются нормами договорного права, возникает проблема поддержания рациональности «мягкого права» и получения согласия от государств на под-

чинение ему, обеспечения в таком случае внутригосударственной законности при соблюдении конституционной системы сдержек и противовесов.

В целях поддержания целостности национальных правовых систем и рациональности «мягкого права» в статье рассматриваются вопросы воздействия цифровой революции на форму и содержание международного правотворчества. В этой сфере существенно увеличилось количество неформальных норм и стандартов, распространились так называемые «экспертные кодификации». Это вызывает необходимость обсуждения вопросов обеспечения гармонизации внутригосударственной законности и нормотворчества негосударственных субъектов, учет корпоративных и гражданско-общественных интересов в правотворческом процессе, международных переговорах и практике государств, востребованность междисциплинарных парадигм, подходов и методов в ситуации коллизий правовых режимов и формирования «живого права». Автор формулирует вывод, что современное международное право подвергается существенной «цифровой перекалибровке» и развивается на основе новых технологий от гиперформализма к гиперфактуализму¹².

Обострение политических, социальных, экономических и иных противоречий в современном мире не может не оказывать влияния на право и практику. Одной из особенностей современных международных отношений является фрагментация международно-правовой системы¹³, в частности, фрагментация международного правосудия, отдельных отраслей

---

¹² Абашидзе А.Х., Гуляева Е.Е., Трикоз Е.Н. Техника и практика международного нормотворчества: обзор материалов Международной конференции ESIL // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 2. С. 508-527.

¹³ Fragmentation of international law: difficult arising from the diversification and expansion of international law. International Law Commission A/CN.4/L.702 of 18 July 2006. Report of the Study Group of the International

международного права. Актуальной является фрагментация подхода к концепции общего наследия человечества в вопросах правового регулирования генетических человеческих ресурсов, морских генетических ресурсов, космических внеземных природных ресурсов¹⁴. Концепция общего наследия человечества является частью международного обычного права. Она формирует четкую правовую базу, предусматривающую общие, но не конкретные, юридические обязательства в отношении использования районов за пределами национальной юрисдикции государств. Она вступает в противоречие с принципом уважения государственного суверенитета, поскольку поднимает идеи общего публичного блага и обязательности международного сотрудничества. В этом контексте международному сообществу следует уделять особое внимание глобальным усилиям по обеспечению долгосрочной устойчивости космической среды в контексте коммерциализации внешнего космического пространства.

В контексте развития и использования киберпространства отдельные государства и международное сообщество в целом едины в понимании того факта, что сеть Интернет предоставляет не только определенные преимущества, но и вызывает к жизни существенные проблемы, которые необходимо решать. К таким проблемам относятся, в частности, обеспечение глобальной информационной безопасности, защита персональных данных, вопросы юрисдикции и идентификация пользователей.

В связи с новыми социально – экономическими и иными процессами в современном мире меняется роль сравнитель-

---

Law Commission. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_1702.pdf (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

¹⁴ Gulyaeva E., Anisimov I. The common heritage of mankind and the world heritage: correlation of concepts // *Suprema: revista de estudos constitucionais*, Brasilia. 2022. Vol. 2. №.2. P. 27-49.

ного правоведения. Классическое наследие Рене Давида сохраняет свое значение для компаративистов многих стран, в том числе и для России. Вместе с тем в новой ситуации требуется расширение используемых средств правового познания. Какой вектор будет преобладающим: анализ новых правовых массивов, вторжение цифровизации в правовую сферу, противоречия между государствами, актуальность решения глобальных проблем или слом международных и национальных регуляторов?

Необходимо учитывать не только меняющуюся роль права, но и возникновение разрывов в правовых пространствах. В настоящее время меняется соотношение между глобальными и региональными составляющими мирового развития. Новый формирующийся глобальный порядок привел к усилению процесса регионализации, имеющего множество различных аспектов. Если ранее региональные проблемы находились в тени глобальных процессов, то сейчас регионализм оказывает все более заметное влияние на состояние системы международных экономических и политических отношений.

Динамика правосознания и правовой культуры выходят на передний план, и это позволяет глубже оценивать влияние реальных процессов на право, новое соотношение публичного и частного права, международных и национальных регуляторов, в повестке дня – анализ источников правоприменения в разных странах.

Объективный анализ происходящих процессов и явлений свидетельствует об искажении роли национально – правовых регуляторов. Наблюдается, во-первых, навязывание «своих» актов и норм «чужим» правовым системам. Во-вторых, грубое вмешательство в национальный порядок решения выборных и иных вопросов. В-третьих, допускается угроза национальными актами нарушить международные сделки и договоренности между другими странами. В-четвертых, есть

практика неправомерного отнесения к собственной юрисдикции ряда вопросов судебной и правоохранительной деятельности.

Мировой порядок, основанный на международном праве, западные державы пытаются заменить концепцией порядка, основанного на правилах (rules-based order), которая призвана описать желательный, с их точки зрения, порядок мироустройства и сущность современных международных отношений. «Порядок, основанный на правилах» включает как традиционные нормы международного права, так и нормы «мягкого права». В конечном счете, данный концепт размыкает различие между обязывающими и необязывающими установлениями, создавая впечатление, что все государства и другие субъекты международного права подчиняются «порядку, основанному на правилах» независимо от того, согласились они с ними или нет. В то время как международное право основано на принципе суверенного равенства государств, «правила», не требующие согласия с ними, могут стать «порядком сильного» или порядком по диктату большинства. По мнению министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова намерения инициаторов концепции «порядка, основанного на правилах» затрагивают исключительные полномочия Совета Безопасности ООН.

Проблемы социальной и правовой регуляции сопряжены со становлением общества нового типа - «цифрового», «конвергентного», «гибридного». Конвергентные технологии закономерно влияют на социальное регулирование, в том числе на право. В свете развития и использования конвергентных технологий меняется познавательный инструментарий юридической науки, в том числе, сравнительного правоведения и юридического прогнозирования.

Тенденции трансформации права, изменения сферы правового регулирования, системы, содержания и формы права отражаются также на современных подходах к концепции су-

веренитета государств и его видов. В доктрине международного права идет активная дискуссия о формировании таких видов суверенитета, как: биосуверенитет, киберсуверенитет, кибербиосуверенитет, геномный суверенитет¹⁵, цифровой суверенитет, технологический суверенитет, экономический суверенитет и т.д.

Цифровые технологии изменяют вектор развития социума, что неизбежно отражается в конституционном правотворчестве. Становится ясным, что такие глобальные процессы как сохранение климата, преодоление пандемии, соблюдение безопасности, общечеловеческие ресурсы требуют согласованных и совместным действий разных государств, и такие конструктивные глобальные решения в интересах мирового сообщества должны побуждать к адекватным изменениям национальных законодательств.

В условиях современных конституционных преобразований и политических процессов в мире, интернационализации внутригосударственных правопорядков большое значение приобретает конституционализация международных отношений и международного права. Процесс конституционализации международного права должен осуществляться при учете мирового политико-правового опыта и доктринальных установок национальной юридической науки. В этом многоплановом процессе находит свое полное воплощение государственная воля, отражающая в концентрированном виде объективно понятые государственные и национальные интересы.

Требуют осмысления и научного обоснования вопросы сохранения отечественных конституционных традиций, испытывающих воздействие со стороны глобализированного

---

¹⁵ Гуляева Е.Е. Проблемы обеспечения биобезопасности в современном международном праве // Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира: монография / под науч. ред. О.П. Иванова; Дипломатическая академия МИД России. М.: Квант Медиа, 2021. С. 175-221.

мира, проблемы сочетания традиций и новаций в конституционном правотворчестве. Поправки, внесенные в Конституцию России в 2020 г., обусловлены необходимостью дать ответ на вызовы современного мира, среди которых цифровизация занимает одну из ведущих позиций.

Основные правовые принципы справедливых отношений на международной арене диктуют, что главные государственные интересы – это устранение угрозы глобального военного конфликта и обеспечение мира как непреложного условия реализации национальным государством своих внутренних функций. Ныне возрастает интерес и к учению И. Канта, обосновывающего идею мира, лежащую в основе важнейших международных политико-правовых документов, в том числе по правам человек, и к идее «международного общения» Ф. Мартенса, которые могут и должны служить основой «диалога цивилизаций» и быть ведущим принципом существования глобального мира, утверждения основ мирового правопорядка, закрепленных Организацией Объединенных Наций.

Более того, рекомендуется создание единой международной нормативно-правовой базы и формулирование четкой позиции каждого государства, которые в совокупности создали бы баланс между потенциальными выгодами и рисками использования геномных и постгеномных технологий. Уже на данном этапе человечество осознаёт необходимость перехода от мягкого права при регулировании безопасности геномных исследований к праву как таковому. В настоящем исследовании автор призывает международное сообщество признать полученную в результате медицинских исследований генетическую информацию коренных народов и местных общин общим наследием человечества и закрепить особую юридиче-

скую ответственность нынешних поколений за будущее человечества на универсальном уровне¹⁶. Автор отмечает, что важно не допустить разработки расового и этнического оружия, направленного против определенной группы населения, а также не допустить совершения преступления «геноцида» в отношении коренных народов и местных общин и соблюдать меры биобезопасности при проведении научных исследований и получении определенной генетической информации, обеспечить сохранение уникальности биокода наций и народов, населяющих нашу планету.

---

¹⁶ Гуляева Е.Е. Правовой режим охраны генетической/геномной информации коренных народов и местных общин в международном праве // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 1. С. 6-24.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ
ОДНОСТОРОННИХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
В СВЕТЕ ИНСТИТУТА КОНТРМЕР**

Евдокимова Анастасия Александровна

*Аспирант 1 года обучения кафедры международного права
юридического института
РУДН имени Патриса Лумумбы
evdokimova.anast@mail.ru*

В настоящее время широкое распространения получает практика применения односторонних принудительных мер в международных отношениях. Некоторые государства пытаются навязать свою политическую волю другим для того, чтобы достичь определенных целей. Методы такого воздействия имеют характер международно-противоправных деяний и влекут за собой нарушение норм международного права.

В попытках придать ложную правомерность своим действиям, такие государства отождествляют или заменяют понятие «односторонние принудительные меры» понятием «контрмеры». В связи с этим, особенно важно, проводить четкое различие между принудительными мерами, применяемыми в межгосударственных отношениях, не допуская подмены понятий и терминологии.

Прежде всего, необходимо остановиться на порядке применения контрмер в международном праве. Условия и пределы реализации контрмер четко регламентированы Статьями об ответственности государств за международно-противоправные деяния от 2001 года. При разработке положений данного документа некоторые государства однозначно выступили против придания контрмерам правомерного характера. Основным аргументом в пользу этого мнения было предположение о возможности неограниченного применения силы крупными государствами.

Однако, данная точка зрения не оправдалась ни в теории, ни на практике. В Статьях об ответственности государств 2001 года были детально проработаны условия, критерии и пределы применения контрмер. Основной целью придания правомерного характера контрмерам была необходимость ограничить возможные злоупотребления в области применения государствами принуждения¹.

Под контрмерами понимается одно из обстоятельств, исключающих противоправность деяния в международном праве². Важнейшими условиями применения контрмер являются:

- 1) их применение только в ответ на международно-противоправное деяние, исключительно с целью побудить государство-нарушителя выполнять свои международные обязательства;
- 2) временный характер таких мер;
- 3) они применяются, таким образом, чтобы было возможно возобновить исполнение соответствующих обязательств³;
- 4) соразмерность применяемых контрмер нарушению⁴;

---

¹ Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.10. Москва, 2019. – С. 76.

² Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001, UN Doc. No A/56/49. Ст. 22. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf (дата обращения: 25.04.2023 года).

³ Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001, UN Doc. No A/56/49. Ст. 49. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf (дата обращения: 25.04.2023 года).

⁴ Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001, UN Doc. No A/56/49. Ст. 51. URL:

5) контрмеры не могут затрагивать ряд обязательств, предусмотренных международным правом, среди которых можно выделить «обязательства воздерживаться от угрозы силой или ее применения, закрепленные в Уставе Организации Объединенных Наций; обязательства по защите основных прав человека; обязательства гуманитарного характера, запрещающих репрессалии; иных обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права⁵»;

6) государство, намеренное применить контрмеры, до момента их введения должно потребовать выполнения обязательства от ответственного государства и уведомить это государство о начале применения контрмер с возможностью урегулировать их межгосударственный спор путем переговоров⁶;

7) государство, вводящее контрмеры, не освобождается от своих обязательств по урегулированию спора любыми мирными средствами между ним и ответственным государством, а также от обязательств по соблюдению норм международного права, связанных с дипломатическими и консульскими отношениями⁷.

---

https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf
(дата обращения: 25.04.2023 года).

⁵ Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001, UN Doc. No A/56/49. Ч. 1 Ст. 50. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf
(дата обращения: 25.04.2023 года).

⁶ Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001, UN Doc. No A/56/49. Ч. 1 Ст. 52. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf
(дата обращения: 25.04.2023 года).

⁷ Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001, UN Doc. No A/56/49. Ч. 2 Ст. 50. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf
(дата обращения: 25.04.2023 года).

Контрмеры не могут применяться и/или прекращают свое действие в случае, если прекращено международно-противоправное деяние либо если спор передан для рассмотрения в компетентный суд или трибунал⁸.

По сути, контрмеры представляют собой абсолютно правомерные принудительные меры государства при строгом соблюдении условий их применения⁹.

Исходя из анализа указанных целей и пределов применения контрмер, можно сделать вывод, что данные условия никоим образом не соотносятся с применением и реализацией односторонних принудительных мер¹⁰.

Несмотря на то, что универсального определения понятия «односторонние принудительные меры» не существует, в 2004 году Совет по правам человека ООН принял Резолюцию 27/21, в которой под односторонними принудительными мерами понимают, «среди прочего, но не исключительно принимаемые государством или группой государств по отношению к другому государству экономические и политические меры, направленные на ущемление его суверенных прав с целью добиться какого-то конкретного изменения в проводимой им политике¹¹». Исходя из данного определения четко прослежива-

---

⁸ Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001, UN Doc. No A/56/49. Ч. 3 Ст. 52. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf (дата обращения: 25.04.2023 года).

⁹ Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.10. Москва, 2019. – С. 76.

¹⁰ Там же. – С. 78.

¹¹ Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Идриса Джазаири. 10 августа 2015. A/HRC/30/45. П. 13. URL: <https://www.refworld.org/rw/category,REFERENCE,UNHRC,,,565ff2fe4,0.html> (дата обращения: 16.11.2022 года).

ется абсолютно разная цель применения контрмер и односторонних принудительных мер, что говорит об абсолютно разной сущности и природе данных явлений.

Однако, в настоящее время некоторые исследователи отождествляют понятие «контрмеры» и «односторонние принудительные меры», в частности односторонние принудительные меры экономического характера¹². Сторонники данной точки зрения говорят о «горизонтальном» характере принуждения, как в случае контрмер, так и в случае односторонних принудительных мер, поэтому смысла разделять их не существует, а правовая природа и сущность данных явлений одинакова, что подтверждается распространяющейся практикой применения односторонних принудительных мер государствами.

Однако, с таким утверждением невозможно согласиться. Односторонние принудительные меры экономического и неэкономического характера являются прямым нарушением норм международного права, норм международного гуманитарного права и других международно-правовых обязательств¹³, в то время как контрмеры являются одними из исключительных правомерных методов принуждения в международном праве (наряду с санкциями и самообороной)¹⁴.

---

¹² Галиев Р. С. Международно-правовой анализ соотношения категорий санкции, контрмеры и односторонние экономические меры // Вестник экономической безопасности. 2019. №3. С. 239. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoy-analiz-sootnosheniya-kategoriy-sanktsii-kontrmery-i-odnostoronnie-ekonomicheskie-mery> (дата обращения: 25.04.2023).

¹³ Резолюция 24/14 «Права человека и односторонние принудительные меры», принята Советом по правам человека на двадцать четвертой сессии от 8 октября 2013 года. Преамбула. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/AdvisoryCom/A_HRC_RES_24_14_RUS.pdf (дата обращения: 25.04.2023 года).

¹⁴ Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. – Жданов Юрий Николаевич. – М.: 1999. – С. 10.

Распространение практики применения односторонних принудительных мер не придает правомерности данным действиям, а свидетельствует лишь об обострении международной обстановки и необходимости скорейшего разрешения сложившихся проблем. Применение односторонних принудительных мер экономического, финансового и любого иного характера влекут за собой серьезные нарушения международного права прав человека, а также приводят к различным негативным социальным и гуманитарным последствиям¹⁵. Кроме того, в соответствии с принципом «*ex injuria jus non oritur*» («право не может возникать из несправедливости») действия, противоречащие нормам международного права, являются недействительными и не могут быть источником каких-либо прав для нарушителей, что подтверждает невозможность придания правомерности односторонним принудительным мерами даже в случае их применения большинством государств.

Дополнительные проблемы создает отсутствие универсального определения и четко закрепленного международно-правового статуса односторонних принудительных мер. В связи с этим в 2015 году Специальный докладчик ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека в своем докладе упомянул, что наилучшим способом придания законности односторонним принудительным мерам является применение к ним правового режима контрмер¹⁶. С данным утверждением

---

¹⁵ Резолюция 24/14 «Права человека и односторонние принудительные меры», принята Советом по правам человека на двадцать четвертой сессии от 8 октября 2013 года. Преамбула. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/AdvisoryCom/A_HRC_RES_24_14_RUS.pdf (дата обращения: 25.04.2023 года).

¹⁶ Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Идриса Джазаири. 10 августа 2015. A/HRC/30/45. П. 38. URL: <https://www.refworld.org/category,REFERENCE,UNHRC,,,565ff2fe4,0.html> (дата обращения: 26.04.2023 года).

также трудно согласиться, поэтому в дальнейшем Специальный докладчик приходит к выводу о том, что отождествление контрмер и односторонних принудительных мер невозможно в связи с четко закрепленными условиями применения контрмер¹⁷.

Следующим аспектом соотношения односторонних принудительных мер и контрмер является ситуация, при которой государства настаивают на том, что принимаемые ими определенные меры являются не односторонними принудительными мерами, а именно контрмерами¹⁸. Механизм принятия контрмер четко определен в праве международной ответственности. По своей сути, контрмеры вполне могут применяться в качестве принудительных мер, помогающих восстановить нарушенные международные обязательства. Однако, их применение возможно только при четком соблюдении закрепленных пределов и условий и не должно повлечь негативных гуманитарных последствий¹⁹. Никаких условий применения односторонних принудительных мер не может быть установлено, т.к. они представляют собой международно-противоправные деяния государств, за которые должна наступать международная ответственность. Любая попытка подмены понятий государствами должна пресекаться другими членами международного сообщества, а принудительные меры, вводимые государствами необходимо интерпретировать строго в соответствии с нормами современного международного права.

Таким образом, любые односторонние принудительные меры экономического, финансового и иного характера являются прямым нарушением норм современного

---

¹⁷ Там же

¹⁸ Douhan A. Unilateral coercive measures, IHL and impartial humanitarian action // *International Review of the Red Cross* (2021), 103 (916-917). P. 32.

¹⁹ Там же. P. 32.

международного права²⁰, в связи с этим отождествление их с контрмерами невозможно. Четко определенные условия применения контрмер позволяют отличить их от любых неправомерных односторонних принудительных мер.

Кроме того, применение односторонних принудительных мер, зачастую, имеет политические цели, а основания для их осуществления некоторые государства видят в несоответствии их политических взглядов взглядам других государств на международный миропорядок. Данный факт также подтверждает неправомерный характер односторонних принудительных мер, которые направлены на реализацию индивидуальных политических интересов государств, не соответствующих международно-правовым нормам и обязательствам. Контрмеры, в свою очередь, имеют цель побудить государства должным образом выполнять свои международные обязательства, что полностью соотносится с нормами современного международного права.

Односторонние принудительные меры представляют собой угрозу коллективной безопасности, основанной на Уставе ООН²¹, в то время как контрмеры служат для обеспечения и возобновления выполнения международных обязательств государствами, что является определенной гарантией безопасности международного сообщества и соблюдения норм международного права.

---

²⁰ Abashidze A.Kh. The negative impact of unilateral coercive measures on human rights, development, cooperation, international relations // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2015. №1. С. 65.

²¹ Там же. С. 64.

**ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТНК ЗА СОВЕРШЕНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА**

Жебриков Василий Витальевич

Студент 3 курса

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

iaarturian@inbox.ru

Современный этап развития международного публичного права характеризуется наглядными эволюционными преобразованиями в контексте трансформации юридико-нормативного и концептуального наполнения институциональных основ правосубъектности, что неизбежно создаёт объективные предпосылки для выделения нового круга продуцируемых правоотношений с уникальным субъектным составом в лице различных юридических лиц, в том числе транснациональных корпораций (далее ТНК). Это, в свою очередь, связано, с логическим, закономерным и историческим развитием института ответственности ТНК в связи с совершением преступлений международного характера в рамках отраслевой специфики международного уголовного права, в частности, и в контексте международного публичного права как самостоятельной правовой системы.

Предмет дискуссии, возникший, прежде всего, в связи с непосредственными и коренными изменениями в самой конфигурации деликтоспособности юридических лиц как совокупности сущностных составных элементов, составляющих саму по себе осуществимость и возможность юридических лиц быть обременёнными ответственностью по поводу их противоправного, общественного опасного деяния, базируется на длительном пути, пройденном данным институтом в

системе общего международного права. Данный путь дифференцируется на два независимых, сепарированных, и, что наиболее важно и примечательно, взаимоисключающих друг друга по значимым юридическим характеристикам этапа, отражающих в наиболее чистом виде фазисный, эволюционно-прогрессивный процесс трансформации основ концепции правосубъектности.

1) До 1985 года, когда в самостоятельном, автономном виде предполагалась исключительно материально-имущественная ответственность юридических лиц, которые, в свою очередь, выступали только как субъекты национальных частноправовых (гражданско-корпоративных) отношений, осложнённых и модифицированных иностранным элементом, в близком, трансграничном сосуществовании с зарубежным юрисдикционным воздействием (международное частное право). Как следствие, правосубъектность, личный правовой статус, и, что наиболее важно и существенно, реализуемые в случае деликта конкретные меры воздействия за неисполнение законных предписаний полномерно замыкались либо на внутригосударственных положениях законодательства страны непосредственной регистрации («теория инкорпорации» на примере Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 года)¹, либо на правовое поле, связанное с местоположением административно-распорядительного, координирующего органа («теория оседлости» на примере Вашингтонской конвенции 1965 года)².

---

¹ Резолюция ГА ООН. Хартия экономических прав и обязанностей государств. 12 декабря 1974 г. A/RES/29/3281. URL: <https://api.bigenc.ru/storage/d60c87362c781458142e20e430ac8f0d.pdf> (дата обращения 27 апреля 2023 г.).

² Вашингтонская конвенция 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами. // Международное частное право. Сборник международных документов. 1994. С. 526.

Другими словами, основополагающее значение в определении исчерпывающего и конечного объема правосубъектности юридических лиц на том этапе имел феномен «применимого права», являющий собой либо договорное, вытекающее из контрактных условий усмотрение и согласие сторон на использование норм внутреннего права обозначенного государства либо, в случае отсутствия выраженного по данному обстоятельству мнения участников соглашения, презумпцию автоматически действующего корпуса норм, коррелирующего с предметом договора.

2) После 1985 года, когда принимаются Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка³, которые, не порождая юридические обязывающие последствия, впервые в истории на универсальном международном уровне зафиксировали возможность самостоятельной, публично-правовой ответственности юридических лиц, породив, тем самым, впоследствии, целый ряд универсальных международных договоров, предполагавших возможность для государств привлечь юридические лица к уголовной ответственности за противоправные, общественно-опасные деяния, признаваемые в связи с международно-правовыми договорными нормами, преступными.

Так, в свою очередь, в течение последующих десятилетий на универсальном уровне была сформирована следующая правовая база, фиксирующая возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, являющей собой

---

³ Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка. Приложение к Миланскому плану действий, принятому VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и одобренный резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901809391> (дата обращения 27 апреля 2023 г.)

одно из безусловных проявлений публично-правовой деликтоспособности: Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г.; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г.; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.; Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.; Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации от 10 сентября 2010 года.

Ввиду вышеприведённой международно-правовой базы, отдельно стоит сфокусировать внимание на том аспекте, что по фундаментальному внутреннему нормативному содержанию данных актов рассматриваемая уголовная ответственность юридических лиц, несмотря на безусловное происхождение из конкретных положений многостороннего договорного международного правотворчества, тем не менее, во многом опирается на обозримый потенциал национального, внутригосударственного правового субстрата, на наличие или отсутствие конкретных юридически урегулированных институтов и механизмов, в широком смысле на материальные нормы права, наделяющие субъектов правоотношений строго лимитированным набором прав и обязанностей, а не на существующую безотносительно внутреннего права и воли государственного правоприменения безусловную международно-правовую ответственность. Данная позиция в рамках универсального международного права, в частности, выражена в таком документе как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, а именно в ч. 1, ст. 10, где закрепляется принцип того, что государство-участник «...принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов,

могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц...»⁴.

Говоря об институте ответственности юридических лиц как проявленной публично-правовой деликтоспособности, нередко апеллируют к таким ситуациям, когда юридическое лицо, реализующее делегированные ему государством публично-властные функции и полномочия, может быть привлечено к ответственности. Наиболее примечательный пример в представленном контексте являет собой Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, фиксирующая на базе ст. 153 за юридическими лицами правомочия по освоению части дна Мирового океана (части района) в порядке установленного Органом по морскому дну (далее Орган) лицензионно-разрешительного режима. В качестве таковых юридических лиц могут, вне зависимости от организационно-правовой формы, выступать либо государственные предприятия и частные фирмы, зарегистрированные в юрисдикциях государств-участников, либо такие юридические лица, которые находятся под фактическим и эффективным контролем определённых государств, в отношении которых, в свою очередь, государства-участники выразили волю на поручительство по оговоренному характеру выполняемых работ⁵. Однако, дабы избежать дальнейших спорных моментов в квалификации юридически существенных аспектов в рамках международной публично-правовой деликтоспособности и, в целом, правосубъектности как структурно целостного явления, необходимо обратить внимание на то, что в данном юридико-регулятивном случае речь идёт не об автономной ответственности юридических лиц как обособленных

---

⁴ Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 3-33.

⁵ Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года. // Бюллетень международных договоров. 1998. №1.

субъектов международного публичного права, а о классической ответственности государств, осложнённой передачей юридическим лицам собственных публично-властных функций и осуществлением поручения за них в связи с делегированными полномочиями. Следовательно, данный сегмент правоотношений не относится к ситуации с институтом ответственности юридических лиц, о чём, в свою очередь, прямо говорится в вышеназванных нормативных положениях.

Кроме того, в современном международном праве отдельно рассматривается такая разновидность юридических лиц как международные неправительственные организации (далее МНПО), которые, несмотря на особую, иногда крайне заметную роль в системе международных отношений, с точки зрения текущего международного универсального регулирования являют собой всего-навсего юридические лица, создающиеся исключительно физическими или юридическими лицами на основе учредительного документа вне какого-либо участия государства и правительственных структур в процедуре их образования и отвечающие критериям, закреплённым в резолюции Экономического и Социального Совета Организации Объединённых Наций от 23.05.1968 №1968 «Мероприятия по консультациям с неправительственными организациями», а именно: 1) Отсутствие целей извлечения прибыли; 2) признание, по крайней мере, одним государством или наличие консультативного статуса при международных межправительственных организациях; 3) Получение денежных средств более чем из одной страны; 4) Осуществление деятельности, по крайней мере, в двух государствах; 5) Создание на основе учредительного акта⁶.

---

⁶ Резолюция ЭКОСОС ООН. Мероприятия по консультациям с неправительственными организациями. 23 мая 1968 г. E/RES/1968/1296. URL: <http://www.un-documents.net/1296.htm> (дата обращения 27 апреля 2023 г.).

Особое внимание, ввиду вышеизложенного подхода к критериям МНПО, необходимо в силу очевидной двойственности и амбивалентности юридико-регулятивной ситуации обратиться на экстраординарный, уникальный, единственный в своём роде (*sui generis*) случай, связанный с правосубъектностью Международного Комитета Красного Креста (далее МККК), который, в соответствии со статьей 60 Гражданского кодекса Швейцарии, является собой некоммерческую организацию в организационно-правовой форме ассоциации, созданную на основе Устава и имеющую, несмотря на частно-правовое национальное происхождение, особый статус в системе международного права (в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 года и Дополнительными протоколами к ним 1977 года и некоторыми соглашениями с отдельными странами, приравнивающими статус МККК на их территории к статусу межправительственных организаций и закрепляющими полный объем присущих такому статусу привилегий и иммунитетов). Таковая ситуация с, де-юре, промежуточным, пограничным, смешанным статусом МККК, на мой взгляд, позволяет, распространив ключевые атрибуты вышеизложенного подхода, не только сформулировать на базе уже существующей правовой реальности наличие самостоятельной, непроизводной безусловной международно-правовой ответственности юридических лиц но и, как следствие, констатировать уже наличествующий механизм надления их международной правосубъектностью.

Проанализировав наиболее общий подход к современной концепции правосубъектности юридических лиц в международном праве, включая уникальные юридико-регулятивные случаи, можно перейти непосредственно к обозначенной и обозреваемой в контексте предмета настоящей работы проблеме, связанной с существованием особой разновидности сложноорганизованных, многоуровневых юридических лиц, именуемых ТНК. В первую очередь, стоит заострить внима-

ние на том, что в современном международно-правовом регулировании на универсальном уровне нет разработанной, единообразной, зафиксированной юридической дефиниции, определяющей критерии и признаки относимости юридических лиц к такой особой их разновидности как ТНК, однако, опираясь на предыдущий правотворческий опыт ООН, в частности, на проект Кодекса поведения ТНК, вобравшего в себя наиболее генерализированное и всеобщее представление об экономико-хозяйственной и правовой сущности ТНК, можно декларировать, что ТНК – это корпорации безотносительно их страны происхождения и собственности, интегрируя частно-приватную, публично-государственную или смешанную, имеющие отделения в двух и более странах, независимо от правовой формы и сфер деятельности таких отделений, которые действуют в системе принятия решений, позволяющей проводить согласованную политику и общую стратегию через один и более центров принятия решений, в которой отделения так связаны, собственностью или иным способом, что одно или более из них может быть способно оказывать существенное влияние на деятельность других и, в частности, разделять знания, ресурсы и ответственность с другими⁷. Таким образом, анализируя представленное в проекте определение, можно выделить характерные для ТНК свойства, облегчающие квалификацию правовой природы многокомпонентных юридических лиц:

1) многообразие и полиморфизм в аспекте существования ТНК в различных, неограниченных формах собственности, предполагающих и не исключающих в качестве опционального фактора широкую степень государственного участия.

---

⁷ Инвестиционное право / Богатырев А.Г.; Ред.: Рябова Л.И. - М.: Рос. право, 1992. С. 206-223.

2) Существование составных частей ТНК в двух или более государственных юрисдикциях, не коррелирующее с конкретной организационно-правовой формой и направлением деятельности данных составных частей.

3) Наличие особого всеохватного механизма принятия решений и согласования действий, формирующего потенциал одновременной, синхронной координации работы всех отделений ТНК.

4) Существование одного и более центров принятия решений, определяющих регионально-локальную и генеральную(общую) повестку ТНК при допустимости их разрозненного правового статуса.

5) Презумпция безусловной взаимозависимости и взаимовлияния всех составных частей ТНК, позволяющая им, находясь в непрерывном контакте друг с другом, оказывать ощутимое влияние на сопредельные, граничащие процессы.

Вышеназванный Кодекс поведения ТНК как единственный на универсальном уровне правотворчества документ в отношении данной проблемы предлагал термин «ТНК» применять к предприятию в целом, равно как и к его отделениям, что в целом представляется правильным и эффективным решением в контексте правового регулирования с осложнением иностранного элемента, однако, в то же время Кодекс, безусловно, имея передовые для своего времени идеи, не предлагал непосредственного механизма претворения в жизнь целостной правосубъектности ТНК, что, в целом, оставляло существование ТНК в правовом измерении в спорном статусе. Следовательно, как было обозначено выше, в текущем правовом регулировании ТНК представляют из себя сложносоставные, многокомпонентные юридические лица, подразделения которых, в свою очередь, за пределами страны базирования являются такими же самостоятельными юридическими лицами и в любом случае безотносительно целостной, общей структуры локально и точечно подчиняются национальному

законодательству страны пребывания, оказываясь в перманентной зависимости от территориально-юрисдикционного фактора (ст.2 Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 года)⁸, что порождает отсутствие унифицированного и единообразного правового регулирования, вследствие чего наиболее остро встаёт вопрос относительно механизма привлечения ТНК к ответственности как целостного образования при попытке реализации неделимой деликтоспособности в условиях дисперсионного, раздельного правового статуса его частей, непосредственно образующих ТНК. Другими словами, можно констатировать, что на сегодняшний день не существует возможности комплексно и полномерно даже в контексте международного частного права, уже не говоря о международном публичном праве, реализовать привлечение к ответственности ТНК, что, собственно говоря, ставит под сомнение само существование категории ТНК как юридического феномена, выводя её в сугубо экономическое, неправовое измерение многонационального хозяйствующего предприятия.

В силу представленных выше существующих юрисдикторегулятивных пробелов в современном международном праве относительно дискуссионной правосубъектности ТНК, особенно в вопросе соблюдения неделимой деликтоспособности, можно выдвинуть следующие предложения по решению существующих проблем:

1) На основе Консультативного заключения Международного Суда ООН 1948 года о возмещении ущерба, понесённого на службе Организации Объединённых Наций⁹, закре-

---

⁸ Резолюция ГА ООН. Хартия экономических прав и обязанностей государств. 12 декабря 1974 г. A/RES/29/3281. URL:<https://api.bigenc.ru/storage/d60c87362c781458142e20e430ac8f0d.pdf> (дата обращения 27 апреля 2023 г.).

⁹ Возмещение за увечья, понесённые на службе Организации Объединённых Наций. Консультативное заключение. Международный Суд ООН. 11

пившего ныне общепризнанную концепцию правосубъектности международных межправительственных организаций, Проекта статей об ответственности международных межправительственных организаций 2011 г.¹⁰, Кодекса поведения ТНК, уникального правового опыта МККК при участии Комиссии международного права и Международного Суда ООН представить проект Конвенции о ТНК, обосновав международную публично-правовую субъектность международных неправительственных организаций как специальных юридических лиц, а, следовательно, по соответствующей логике обосновать и международную-публично-правовую субъектность транснациональных корпораций ввиду их особой значимости в современных аспектах деятельности в международных отношениях, закрепив юридически обязательную дефиницию ТНК с её однозначными, фундаментальными критериями и признаками и зафиксировав положение о том, что различие правового статуса отдельно взятых составных частей ТНК не является препятствием к привлечению ответственности ТНК как целостного образования по основанию общей организационно-управленческой структуры.

2) В контексте нормативного содержания Конвенции о ТНК сформировать специализированный договорный орган (трибунал) с соответствующей компетенцией, касающийся противоправной деятельности ТНК как субъектов универсального международного публичного права.

апреля, 1949 год. // Издание Организации Объединённых Наций. 1993. ST/LEG/SER.F/1. № R. 92. V. 5. С. 9-10.

¹⁰ Доклад Комиссии международного права, представленный Генеральной Ассамблее ООН. Текст проектов статей об ответственности международных организаций. Шестидесятая сессия. 2008 год. A/63/10. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf (дата обращения 27 апреля 2023 г.).

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ДИАЛОГА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Киселева Ольга Анатольевна

*Канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного
и муниципального права
Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского
olga8986@mail.ru*

Международное право имеет согласительную основу, а достижение консенсуса между равно-суверенными участниками международных отношений возможно только посредством общения. Диалог является одной из форм такого общения в международном праве. В ходе последовательного изложения сторонами своих позиций по существу вопроса и при наличии желания/потребности найти возможность согласовать такие позиции рождается правило поведения, которое может стать любым из существующих на сегодня источников международного права. При этом диалог – это основная форма переговоров. Посредством диалога в большинстве случаев совершаются внешние сношения. Диалог в сфере международного права должен иметь четкую правовую и фактическую аргументацию позиций сторон. Ведение диалога – это, по сути, искусство, целью которого является некий взаимный интерес сторон. В измерении международного права такой взаимный интерес – это мир, мирное разрешение спора, конфликта, недопонимания, расхождения в позиции и пр.

Идея мира пронизывает всю историю человечества и является центральной сферой международного права. К ней обращались известные мыслители, такие как голландский ученый

Гуго Гроций¹ (считающийся основоположником международного права), немецкий философ Иммануил Кант², российский ученый-правовед и специалист в международном праве Ф.Ф. Мартенс³ (уже в своей магистерской диссертации определил «свои взгляды по очень сложным проблемам соотношения категорий «право – сила», «война-право», «война – мир» . . . ., которых (что очень показательно) он будет потом придерживаться всю жизнь»⁴).

Л.А. Камаровский характеризует идею мира, как еще более древнюю и широкую, чем отделившуюся от нее идею международного суда⁵. Он полагает, что именно «любовь к истине и миру», возлагает на стороны конфликта, невзирая на принцип равенства, в «деликатных случаях обязанность поступать с большей осмотрительностью»⁶. Эта позиция демонстрирует качественную составляющую международного общения – осмотрительность, не безоговорочное следование собственным интересам, а оглядку на наличие возможно иного интереса/довода у контрагента.

---

¹ См.: Гроций Г. О праве войны и мира (1625 год): три книги, в которых объясняется естественное право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А.Л. Сакетти // Под общ. ред. С.Б. Крылова. Репринт с изд. 1956 г. М., 1994.

² Кант И. К вечному миру (*Zum ewigen Frieden*). 1795. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения 05.03.2023 г.).

³ См.: Мартенс Ф.Ф. О праве частной собственности во время войны. С.-Петербург : печ. В. Головина , 1869 .- VIII, 454 с.

⁴ Иваненко В.С. Санкт-Петербургская школа международного права: Место и роль Санкт-Петербургского университета, его ученых и выпускников в становлении и развитии науки и практики международного права. Часть первая: 1720-1920-е гг. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2019. С. 160.

⁵ Камаровский Л.А. О международном суде. М.: тип. Т. Малинского, 1881. С. 287.

⁶ Там же. С. 72.

Путь от преодоления разногласий, способных привести к войне (применению силы), посредством созыва конференций и переговоров до создания международных организаций на таких конференциях – это естественный ход международно-правовых событий. Это подтверждается еще средневековыми Европейскими тенденциями, когда зародилась сама практика проведения международных конференций как квалифицированного способа мирного разрешения споров и как первого шага на пути к институциональной организации международного общения, т.е. к созданию международных организаций⁷.

Таким образом, идея мира до XX века состояла в большей степени из ее противопоставления войне, вооруженному столкновению, применению силы в международном праве.

Вместе с тем уже в XX веке идеи мира материализовывались в Статуте Лиги Наций⁸ и Уставе Организации Объединенных Наций⁹ (далее ООН) – учредительных документах универсальных международных организаций.

Преамбула Статута Лиги Наций предусматривает, в частности, что «Высокие Договаривающиеся Стороны, принимая во внимание, что для развития сотрудничества между народами и для обеспечения им мира и безопасности, важно принять некоторые обязательства не прибегать к войне...». Пока тоже существенное противопоставление войны и мира, то есть мир как состояние отсутствия войны. Но несмотря на то,

---

⁷ Абашидзе А.Х. Солнцев А.М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. М., Российский университет дружбы народов, 2012. С. 48.

⁸ Статут Лиги Наций 28.07.1919 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. VIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 года. — М.: НКВД, 1935. С. 37-49.

⁹ Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26.06.1945 г.) // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 05.03.2023 г.).

что ООН была, по сути, правопреемником Лиги Наций, а обстоятельства их сознания в обоих случаях базировались на ужасах двух мировых войн, Устав ООН несколько иначе воплотил идею мира. В преамбуле указано на необходимость «...проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности...». Уже появляется категория «поддержания международного мира» и «укрепление всеобщего мира». То есть составители Устава пошли дальше классического противопоставления войны и мира, а поставили цели развивать состояние мира, поддерживать его и укреплять.

Так или иначе, мир – есть то, к чему стремится человечество, используя в качестве средства достижения международное право. То есть это, по сути, квинтэссенция цели международного общения и права как такового. Как обязательства *erga omnes* – обязательства в отношении и всего межгосударственного сообщества в целом, и в отношении каждого из его участников¹⁰, мирное сосуществование в условиях неизбежного международного общения – это обязательство каждого государства – участника международного общения по отношению ко всем остальным и ко всему мировому сообществу в целом.

Доктрина «культуры мира» вошла в международное право в качестве парадигмы гармонизации международных отношений.

Устав ООН по вопросам образования, науки и культуры (далее ЮНЕСКО) еще в 1945 г. определил цели и принципы культуры мира. В его преамбуле указано:

---

¹⁰ Черниченко С.В. Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes*. Московский журнал международного права. М.: 2012. № 3. С. 6. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-3-17>.

- мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира.
- взаимное непонимание было на протяжении всей истории человечества причиной подозрительности и недоверия между народами, вследствие чего их разногласия слишком часто приводили к войне
- мир, основанный лишь на экономических и политических соглашениях правительств, не сможет завоевать единодушной, прочной и искренней поддержки народов, он должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества.

В 1999 г. на своей 53 сессии Генеральная Ассамблея ООН (далее ГА ООН) приняла резолюцию № 53/243 А и В «Декларация о культуре мира» и «Программа действий в области культуры мира»¹¹.

Согласно преамбуле Декларации о культуре мира «мир – это не просто отсутствие конфликта, а позитивный, динамичный и основанный на широком участии процесс, в котором поощряется диалог и урегулируются конфликты в духе взаимопонимания и сотрудничества». Такое определение наиболее полно раскрывает данную категорию и позволяет оценивать ее во всем многообразии форм проявления, не только в формате противопоставления состоянию войны. И одной из форм такого проявления называется именно диалог, взаимное общение, которое поощряется мировым сообществом. Базовыми принципами диалога названы взаимопонимание и сотрудничество, то есть способность и желание акторов международного общения искать точки соприкосновения взаимных интересов.

---

¹¹ Резолюция ГА ООН № 53/243 от 06.10.1999 г. А и В «Декларация о культуре мира» и «Программа действий в области культуры мира» // Официальный сайт ООН URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shtml (дата обращения 05.03.2023 г.).

Согласно ст. 3 Декларации о культуре мира эта доктрина тесно и неразрывно связана с:

- поощрением мирного урегулирования конфликтов, взаимного уважения, понимания и сотрудничества;
- предоставлением людям на всех уровнях возможности развивать навыки диалога, переговоров, формирования консенсуса и мирного урегулирования разногласий.

Отметим, что консенсус невозможен без взаимных уступок, которые и должны базироваться на взаимопонимании и сотрудничестве.

Глава 6 Устава ООН регулирует вопросы мирного разрешения международных споров. С точки зрения ст.ст. 34–35 Устава ООН, средства мирного разрешения имеют отношение не только к спорам, но и к любой ситуации, которая может привести к международным трениям или вызвать спор. Перечень средств урегулирования не является закрытым с точки зрения ст. 34 Устава ООН, сам диалог не используется в международном праве как категория мирного способа разрешения споров. При этом, исходя из формулировок Резолюции № 53/243, может создаться впечатление попытки подмены понятий, однако все-таки и переговоры, и посредничество включают диалог, как базовый элемент.

Нужно сказать, что, несмотря на все имеющиеся сомнительные тенденции функционирования структур ООН, резолюции ГА ООН в своей сущности призваны отражать консолидированное видение абсолютного большинства мирового сообщества на отдельные вопросы повестки дня. В этом смысле принятая на 77 сессии ГА ООН резолюция № 77/32 «Международный год диалога как гарантии мира, 2023 год»¹²

---

¹² Резолюция ГА ООН № 77/32 от 08.12.2022 г. «Международный год диалога как гарантии мира, 2023 год» // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL: <https://app.powerbi.com/view?r=eyJrIjoiY2MxNGMwNGMtOTYzYS00MTU1LTg3N2UtMjc2ZTBmZDhmOTZlZiw> (дата обращения 05.05.2023 г.).

представляет несомненный интерес. В данном документе даются некоторые интерпретации диалога в международном праве:

1. Усилия, прилагаемые государствами-членами ООН с целью решать глобальные проблемы и добиваться результатов в духе доверия и солидарности, чтобы находить общие решения и продвигаться вперед в представляющих взаимный интерес областях на пути к построению отношений, основанных на диалоге и сотрудничестве.

2. Усилия, направленные на содействие предотвращению конфликтов, мирному урегулированию споров, поддержанию мира, миростроительству, посредничеству, разоружению, устойчивому развитию и пр.

Ключевым, в первую очередь, следует отметить, что диалог – это активная деятельность, не пассивное наблюдение или бездействие, это, говоря категориями резолюции № 53/243, позитивный, динамичный процесс.

Международные отношения, учитывая качественные характеристики их участников, всегда будут носить характер соперничества, конфликтологии, наличия встречных интересов, однако это еще более усиливает потребность в формировании теории диалога, как характеристики метода регулирования таких отношений.

Диалог есть форма коммуникации. Проблема диалога как способа позиционного обмена уходит корнями в далекое прошлое, где диалог возникает в качестве способа культивации искусства убеждения, т. е. эффективного управления умами и чувствами людей посредством использования языка и логики.

Диалог даже при наличии противоречивых позиций сторон может строиться только на основе наличия той самой квинтэссенции целеполагания для участия в международных отношениях – потребности в мире. Целью диалога является убеждение противоположной стороны в обоснованности и правильности своей позиции, но, например, как показывают

международные отношения, – есть базовая цель коммуникации в формате диалога – это мирное сосуществование (Устав ООН, Устав ЮНЕСКО).

Таким образом, диалектика диалога заключается в принципе единства и борьбы противоположностей. Наличие личного интереса у каждой из стороны, через реализацию которого она видит достижение глобальной единой для всех участников диалога цели.

Кроме того, в отношении процесса создания норм международного права Г.И. Тункин писал, что «согласование воле государств в процессе создания норм международного права – это борьба и сотрудничество государств»¹³. Взаимодействие различных по своей сущности категорий борьбы и сотрудничества требуют общения в формате изложения своих позиций – и здесь тоже возникает диалог, например, рамках конференции обсуждение условий будущей нормы международного права.

Важно, что диалог нужно вести, поскольку глобальная цель должна быть достигнута, а значит требуется проактивное формулирование позиций сторон с обоснованием такой позиции через применение в первую очередь нормативных категорий. Наличие противоречивых позиций – это нормально – само международное общение предполагает, что существуют несовпадающие точки зрения. При этом и отсутствие противоречий, желание кооперации – это тоже диалог.

На наш взгляд, из содержания Резолюции № 77/32 можно выделить совокупность основных характеристик диалога в международном праве:

- инклюзивный характер;
- активная, а не пассивная деятельность сторон для обоснования своей позиции;

---

¹³ Тункин Г.И. Теория международного права. Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. – М.: Издательство «Зерцало», 2006. С. 186.

- тесная связь со всеми принципами современного международного права;
- потребность наличия взаимного доверия субъектов диалога;
- солидарность субъектов диалога — это в целом, а вот в частностях – наличие собственного интереса чаще обуславливает как раз наличие встречных позиций;
- равенство сторон диалога.

Что не указано в резолюции, но очевидно вытекает из современных условий международного общения (сотрудничества):

- наличие системы сдержек и противовесов;
- наличие согласованного предмета диалога – то есть определенность такого предмета и, соответственно, ориентация субъектов диалога на сферу предлагаемых аргументов;
- необходимость соблюдения норм международного права в процессе диалога, в особенности императивных (это напрямую следует из необходимости наличия доверия между сторонами диалога).

Становится очевидной еще одна диалектическая сущность диалога. Он с одной стороны является базисным элементом структуры регулирования международных общественных отношений и процесса формирования норм международного права. А с другой стороны, именно уже имеющимся нормам международного права такой диалог между субъектами должен регулироваться. Представляется, что для международного права – это весьма закономерный дуализм. В этом смысле диалог является и основой международного права, и само международное право – есть основа диалога.

С точки зрения научного познания, обобщая сказанное можно выделить следующие задачи диалога в международном праве:

- поощрение и сохранение мира;
- реализация и развитие основных принципов международного права (*jus cogens*);

- предотвращение возникновения или разрешение конфликтной ситуации / конфронтации / противодействия;
- развитие сотрудничества и доверия;
- продвижение идей равенства, терпимости, солидарности, гармонии;
- (выделим отдельно от предыдущего) борьба с неравенством во всех его проявлениях (нищета, голод, болезни, неграмотность, безработица и пр.);
- достижение истинной цели международного сообщества – мира.

На основании изложенного становится очевидным, что диалог – это категория, которая всегда имела место в международном праве, но выходит на первый план только сейчас (возможно в условиях некоторой весьма условной «бессильности» имеющихся средств разрешения спора), а возможно и по причине того, что к диалогу можно сформулировать понятные и воспринимаемые критерии для нормативного его регулирования.

Диалог следует вводить в научный оборот международного права посредством модернизации научных взглядов через адаптацию их к изменяющимся условиям современности. Резолюция ГА ООН 53/243 в ст. 4 указывает, что именно «образование на всех уровнях является одним из основных средств созидания культуры мира». Наука международного права России всегда стояла на позициях нормативности системы международного права, поэтому продвижение диалога только в контексте резолюций ГА ООН является не достаточным. Полагаем, что, исходя из всех предложенных характеристик диалога, симметрично и обоснованно можно сформулировать систему основных начал данного явления, ключевым в которых будет состязательность процедуры. Такие основные начала могут стать базисом для нормативного регулирования диалогового процесса, внести ясность в процедурные вопросы, способствовать продвижению диалога, как средства

правового регулирования международного общения, взаимовыгодного и равноправного сотрудничества, а также мирного урегулирования возникающих и возникших разногласий.

В научной литературе отмечается, что «международное право является «утилитарной материей, в основе которой должны лежать базовые универсальные для всего человечества ценности независимо от политического устройства, религиозных догматов, культуры и т. д.»¹⁴. Л.А. Камаровский писал: «человеку прирождена потребность гармонии, справедливости и мира»¹⁵. На сегодняшний день международные диалоги не всех участников международных отношений свидетельствуют о таких потребностях. Профессор А.Н. Вылегжанин отмечает, что «...осознанно стираются международно-правовые ориентиры, а международное право дается в искаженных формах»¹⁶. Это должно стать сигналом для экспертного сообщества к активации исследовательской активности, продвижению своих идей в мировое пространство – созданию почвы для диалога. Поскольку молчаливое отрицание не может привести к учету позиции стороны, она просто признается проигравшей в споре – без диалога.

Закономерно подмечено, что в условиях системы каждое государство вынуждено руководствоваться во внешней политике «не исключительно собственными интересами, но также вниманием к интересам других», а более слабые государства «могут существовать рядом с сильными, сохраняя свою неза-

---

¹⁴ Марочкин С.Ю., Безбородов Ю. С. Упущенная возможность как грядущая неизбежность // Россия в глобальной политике. Т. XVI. 2018. № 1. С. 184–189. Цит. по: Безбородов Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. Москва, 2020. С 47.

¹⁵ Камаровский Л.А. О международном суде. М.: тип. Т. Малинского, 1881. С.288

¹⁶ Вылегжанин А.Н. Выступление на первом Парламентском форуме БРИКС // Россия в БРИКС. Парламентское измерение. М.: Издание Государственной Думы, 2015. С. 172.

висимость, и служат уравнивающим элементом при взаимных столкновениях»¹⁷. Можно констатировать, что это своего рода система сдержек и противовесов, когда баланс системы достигается посредством уравнивания взаимных притязаний. Диалог должен продолжаться на основе строго соблюдения международного права, предлагая свой вклад в развитие самого международного права.

---

¹⁷ Чичерин Б. Н. Философия права. СПб: Издательство: Наука, 1998. С. 254.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ -
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРНОГО
И СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
ГЛОБАЛЬНОЙ ИКТ-СРЕДЫ**

Комлева Александра Михайловна

*Эксперт в сфере информационной безопасности
Департамента эксплуатации и развития ГИСП
Фонда развития промышленности
alexandra.m.komleva@gmail.com*

В условиях глобальной цифровой трансформации современного мира категория государственного суверенитета дополняется новым – цифровым – измерением.

Безопасность информационных технологий, как одного из системообразующих факторов жизни общества, активно влияет на состояние безопасности всего любого государства, в политической, информационной, экономической, оборонной и других сферах. Обеспечение стабильности в информационном пространстве является одной из важнейших задач в рамках обеспечения стратегической стабильности государства.

Сложившаяся в современных условиях перемещение противостояния ведущих кибердержав в сферу информационных технологий непосредственно отражается на сфере всей международной кибербезопасности.

В течении последнего года против российского сегмента Интернета ведется полноценная цифровая и информационная война с десятками тысяч атак на информационные ресурсы органов власти всех уровней, портал Госуслуг и иные объекты критической информационной инфраструктуры, а также сайты и портала ведущих представителей российского бизнеса.

В этих условиях Российская Федерация должна в интересах своей национальной безопасности сосредоточиться на защите своего цифрового суверенитета.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 31 марта 2023 года¹, в качестве национального интереса Российской Федерации называет развитие безопасного информационного пространства.

Укреплению российского суверенитета в глобальном информационном пространстве, а равно обеспечению международной информационной безопасности, будут способствовать такие меры, как:

- совершенствование международно-правового режима предотвращения и разрешения межгосударственных конфликтов и регулирования деятельности в глобальном информационном пространстве;

- формирование и совершенствование международно-правовых основ противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях;

- обеспечение безопасного и стабильного функционирования и развития сети Интернет на основе равноправного участия государств в управлении данной сетью, не допуская установления иностранного контроля над национальными сегментами;

- не допущение милитаризации глобального информационного пространства, использования информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств и в военных целях.

Законодательное регулирование на национальном уровне суверенизации Интернета, а также вопроса обеспечения международной безопасности в среде информационных

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/31/prezident-ukaz229-site-dok.html> (дата обращения 05.04.2023).

технологий должно учитывать окончание эры глобального Интернета. Сегодня все страны стремятся обеспечить контроль национальных сегментов Сети, защищая персональные данные граждан и регулируя размещаемый контент. Выработка международных норм ответственного поведения государств, обеспечение мирного и стабильного развития глобальной среды информационных технологий через международное сотрудничество соответствует национальным интересам России.

Формирование международно-правового режима, создающего условия для предотвращения (урегулирования) межгосударственных конфликтов в глобальном информационном пространстве, а также создание системы обеспечения международной информационной безопасности, учитывающей национальные интересы России, находится в форварде государственной политики России в сфере международной информационной безопасности².

Обеспечение вышеуказанных требований к информационной сфере нашло свое отражение в российско-китайском заявлении по итогам встречи глав государств 21 марта 2023 г.³. Обе страны ставят своей целью внедрять новые модели сотрудничества в таких областях высоких технологий, как искусственный интеллект, интернет вещей и сети связи пятого поколения.

Позиция стран также сходится в вопросе противостояния милитаризации информационно-коммуникационных технологий и ограничения их развития. Сторонами обозначена необходимость обеспечения суверенитета и безопасности

---

² Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности»

³ Заявление по итогам переговоров Российской Федерации и Китайской народной республики, от 21 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70748> (дата обращения 13.02.2023).

всех государств в области информационных технологий путем создания многосторонней равноправной и прозрачной глобальной системы управления Интернетом.

Рабочая группа открытого состава ООН по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и самих ИКТ 2021–2025 и результаты ее функционирования признаются сторонами единственным легитимным процессом в рамках ООН в сфере международной информационной безопасности⁴. Необходимость согласования новых норм ответственного поведения государств в информационном пространстве обозначается в заявлении как один из приоритетных вопросов обеспечения международной безопасности в сфере информационных технологий, включая без альтернативность принятия универсального международно-правового документа.

Необходимость согласования единых норм международного права в области информационной безопасности остается одной из основных тем в международной повестке дня большинства межгосударственных площадок, как глобального, так и регионального уровня, включая ООН, ШОС и БРИКС.

Позиция России в области формирования международного правового регулирования информационной безопасности остается неизменной и последовательной в длительном многолетнем периоде, обеспечивая сдерживание попыток

---

⁴ Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности A/70/174 от 22 июля 2015 года // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/228/37/PDF/N1522837.pdf?OpenElement> (дата обращения 13.02.2023); Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности A/76/135 от 14 июля 2021 года // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/075/88/PDF/N2107588.pdf?OpenElement> (дата обращения 13.02.2023).

ряда западных стран, во главе с США, узаконить на международном уровне применение против других государств информационных технологий в военно-политических целях.

Создание целостной системы международно-правового регулирования информационной безопасности должно основываться на применимости норм международного права к использованию информационных технологий государствами. Прежде всего, необходимо обеспечить формирование новых норм в их взаимосвязи с учетом основных принципов Устава ООН, таких как: суверенное равенство всех государств; разрешение международных споров мирными средствами, не подвергая угрозе международный мир и безопасность и справедливость; отказ от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства; необходимость обеспечения соблюдения прав человека и основных свободы; невмешательство во внутренние дела других государств.

Попытки реализации практического применения норм ответственного поведения государств в ИКТ-среде в условиях применения норм и принципов международного права выявляется ряд проблемных аспектов.

Прежде всего, отсутствует выработанный механизм применения норм и принципов международного права в сфере информационной безопасности.

По общему правилу, в качестве субъектов международного права определены государства. При этом не последнее значение имеет обладание государствами определенной территорией, как одна из их основных характеристик.

В случае применения данной характеристики к среде информационных технологий, формируется так называемая юридическая фикция, когда совокупность технических средств и объектов, в полноте их специфической взаиморганизации и взаимосвязи принимается за аналог территории конкретного государства. Подобный подход позволяет рас-

пространить принципы и нормы международного права и ответственного поведения на сферу международной информационной безопасности с учетом использования информационных технологий.

Если же рассмотреть информационные технологии в физическом смысле, то мы увидим лишь совокупность технических средств, таких как вычислительных машины, коммуникационные устройства и средств передачи данных), а также программного обеспечения, осуществляющего обработку и передачу цифровых данных между указанными техническими средствами в рамках управления ими или поддержания социального взаимодействия.

Закономерным следует вывод, что среда информационных технологий не обладает свойствами территории, а, следовательно, применение к ней норм и принципов международного права возможно лишь при условии принятия системы обязательных для всех государств международно-правовых норм.

Важно понимать, что в среде информационных технологий отсутствуют признанные международным сообществом границы суверенных государств, и это не может не затруднять применение норм и принципов международного права к возникающим в ней отношениям.

В свою очередь, принуждение к правомерному поведению в рамках как национального, так и международного права, существенно затрудняется цифровым характером данных, программ, адресов в среде информационных технологий.

Учитывая вышеизложенное, закономерным является тот факт, что соблюдение основных принципов международного права в среде информационных технологий, а также международное сотрудничество в области противодействия преступности в сфере информационных технологий реализуется в современных условиях только между дружественными странами. Некоторые государства рассматривают в качестве об-

разца регулирования международных отношений в среде информационных технологий Будапештскую конвенцию по киберпреступности, принятую в 2001 г.⁵. Однако, необходимо учитывать, что к указанной конвенции присоединились менее половины государств мира.

Решение проблемы имплементации норм ответственного поведения государств в области информационных технологий в национальное законодательство остается нерешенной проблемой, учитывая, что каждая отдельная страна в рамках реализации суверенитета создает собственную систему норм и принципов национального права с целью регулирования общественных отношения в области деятельности граждан, организаций и государства, а том числе в области использования информационных технологий.

Еще одним важным аспектом проблемы практического применения норм ответственного поведения государств в сфере информационных технологий является их рекомендательный, юридически необязательный характер. Для применения государствами предлагается ряд желательных, добровольно принимаемых для исполнения правил поведения государств как субъектов международного права.

В качестве закономерного следствия возникает проблема отсутствия признаваемых всеми участниками международных отношений возможных процессуальных механизмов обмена объективной информацией по предметам международных споров при возникновении конфликтных ситуация с использованием информационных технологий. В случае возникновения инцидента атаки с использованием вредоносного воздействия на объекты национального сегмента Интернета или иные объекты в области информационных технологий, ответственность за совершенные вредоносные действия офи-

---

⁵ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации. ETS № 185, Будапешт, 23 ноября 2001 г.

циально не берет на себя ни одно государство. Возникает ситуация отсутствия второй стороны конфликта, что не позволяет перевести ситуацию в рамки международного спора и применить к ней механизм мирного разрешения споров в рамках положений Устава ООН.

Для принятия эффективных мер в области применения средств мирного разрешения споров к отношениям, связанным с инцидентами в среде информационных технологий необходимо обеспечить организацию обмена информацией и оказания взаимопомощи, включая преследование лиц, виновных в террористическом и преступном использовании информационных технологий. Это возможно лишь на основе взаимодействия на политическом, дипломатическом и техническом уровнях.

В существующих условиях проведения массированной кибервойны против России информационные технологии используются для нанесения существенного ущерба правам и свободам человека и гражданина, законным интересам коммерческих и некоммерческих организаций, деятельности государственных органов по обеспечению безопасности мирного использования глобальной информационной инфраструктуры как общественного блага.

Учитывая вышеуказанную проблематику, с целью формирования обязательных норм международного права, способного защитить государство от вышеуказанных угроз, Россия в долгосрочной перспективе выступает за принятие международной конвенции по международной информационной безопасности под эгидой ООН, ориентированной на уважение государственного суверенитета, равноправное партнерство и формирование международных режимов, основанных на юридически обязывающих договоренностях⁶.

---

⁶ Письмо постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при ООН от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря (A/66/359) // URL: <https://digitallibrary.un.org/>

В настоящее время основой для разработки международной конвенции по международной информационной безопасности под эгидой ООН смогут стать сформированная Россией концепция конвенции по международной информационной безопасности и предложенная Китаем Глобальная инициатива по обеспечению безопасности данных⁷.

Важным также является формирование процессуальных механизмов применения указанных норм ответственного поведения государств, включая вопросы сотрудничества в установлении и поддержании международного правового режима безопасности объектов критической информационной инфраструктуры, применение мирных средств разрешения спорных ситуаций в сфере информационных технологий.

С целью адаптации норм и принципов международного права к возможности их полноценного применения в среде информационных технологий необходимо, прежде всего, осуществить международное правовое закрепление границ зон ответственного поведения государств. Следующим шагом должно стать уточнение международных обязательств государств в отношении сотрудничества и в области обмена информацией, а также оказания взаимопомощи при преследовании лиц, виновных в террористическом и преступном использовании информационных технологий.

---

record/710973?ln=ru (дата обращения 13.02.2023); 15 Письмо постоянных представителей Казахстана, Китая, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при ООН от 9 января 2015 года на имя Генерального секретаря (A /69/723) // URL: [https:// documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/014/04/PDF/N1501404.pdf?OpenElement](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/014/04/PDF/N1501404.pdf?OpenElement) (дата обращения 13.02.2023).

⁷ Резолюция ГА ООН Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности / A/RES/75/240 / 31.12.2022// URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/000/28/PDF/N2100028.pdf?OpenElement> (дата обращения 13.02.2023).

С целью межгосударственной координации в рамках обеспечения безопасного использования и устойчивого функционирования информационных технологий, необходимо создание системы координаторов на политическом и техническом уровнях, включая определение порядка их взаимодействия.

Международное согласование порядка имплементации в национальное законодательство норм ответственного поведения государств в среде информационных технологий позволит обеспечить гармонизацию норм ответственного поведения государств в среде информационных технологий и норм национального права.

Таким образом, с опорой на общепризнанные принципы и нормы Устава ООН и общего международного права, возникает возможность разработать общие принципы международного сотрудничества государств в среде информационных технологий, а также специальные принципы, включающие меры реагирования государств на нарушения норм ответственного поведения государств в среде информационных технологий.

Международное сотрудничество в области разработки норм международного права, регулирующих область использования информационных технологий, и поиска взаимоприемлемых путей решения проблем практического применения предложенных сегодня норм ответственного поведения государств в сфере информационных технологий будет способствовать достижению цели создания системы единой международной информационной безопасности.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: МЕЖДУНА- РОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Костылева Ульяна Владимировна
Студентка юридического института
РУДН имени Патриса Лумумбы
uliana.kostyleva@mail.ru

За последние несколько десятилетий информационные и инновационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Всё большее развитие получают и технологии искусственного интеллекта (далее также – ИИ), которые обладают огромным потенциалом практического применения, так как могут быть внедрены практически в любую сферу деятельности человека – медицина, транспорт, образование, государственное управление, даже вооруженные конфликты. Искусственный интеллект имеет немало значительных преимуществ, среди которых высокая эффективность и точность работы, высокая скорость обработки данных и принятия решений, минимизация рисков. При этом внедрение таких технологий также порождает ряд социально-экономических проблем, среди которых этические аспекты внедрения высокотехнологичных систем, потенциальные угрозы безопасности личности и государства, нарушение прав человека (право на информацию, право на труд, право на жизнь и прочие).

Регулирование отношений в сфере искусственного интеллекта осложнено необходимостью соблюдения баланса интересов между минимизацией рисков и обеспечения безопасности, с одной стороны, и недопущением создания излишних правовых барьеров, препятствующих развитию данных технологий, с другой стороны (как это произошло в результате введения в Англии Закона о красном флаге – *Red Flag Act*, 1865, – который значительно затормозил процессы разработки и

внедрения транспорта)¹. Затруднения вызывают также универсальность и многогранность технологий искусственного интеллекта: применение ИИ в различных областях экономики требует специального регулирования, учитывающего специфику правоотношений – так, по-разному могут быть решены проблемы ответственности за ущерб, причиненный в результате эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств и в результате применения RPA-решений в бухгалтерии (*Robotic Process Automation* – роботизированная автоматизация процессов).

Повсеместное внедрение и ускоренное развитие данных технологий в сочетании с их непредсказуемостью и высокой степенью риска обуславливают острую необходимость в правовом регулировании отношений в сфере разработки, применения, эксплуатации и утилизации систем искусственного интеллекта. На национальном уровне можно встретить различные модели решения данной проблемы: принятие актов стратегического планирования (Россия, Франция, Китай); преобладание норм права, укрепление тенденции к комплексному подходу (Южная Корея); сочетание точечного и комплексного регулирования с актами стратегического планирования (США, страны ЕС). Спецификой также является наличие «регуляторных песочниц» – создание закрытой безопасной среды для апробации принятых решений, приобретения экспериментального опыта, предваряющего создание общеобязательного регулирования². Например, в Российской Федерации активно используются экспериментально-правовые режимы для тестирования инновационных технологий в сфере транспорта – курсирование беспилотных такси в казанском Иннополисе,

---

¹ Автопилоты: первая кровь. Иного пути у человечества просто нет? // [Электронный ресурс] URL: <https://autoreview.ru/articles/pryamotok/redflag-act> (дата обращения: 14.04.2023).

² Арзуманян А. Б. Искусственный интеллект: вопросы международно-правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – №3.

перевозка грузов беспилотными грузовыми транспортными средствами по логистическому коридору «М-11»: Москва-Санкт-Петербург³ и т. д.

Национальное правовое регулирование характеризуется также значительным влиянием общественной инициативы на процесс правотворчества – различные организации и бизнес-сообщества создают собственные объединения по разработке и применению искусственного интеллекта, в том числе затрагивая вопросы правового регулирования процессов создания и эксплуатации систем ИИ, этические принципы, проблемы ответственности и защиты персональных данных⁴, что служит материалом, используемым законодателем для закрепления уже сложившихся и признанных моделей поведения, показавших наибольшую эффективность («Альянс в сфере искусственного интеллекта» в России; *Partnership on AI* в Соединенных штатах).

В целях минимизации рисков использования данных технологий представляется рациональной унификация подходов государств путем создания системы международно-правового регулирования. К основным задачам в данной сфере можно отнести:

1. Фиксация базовых этических принципов и правил;
2. Закрепление общего понятийно-категориального аппарата;
3. Создание методик измерения параметров и характеристик систем искусственного интеллекта⁵.

---

³ Реестр экспериментально-правовых режимов в сфере цифровых инноваций // [Электронный ресурс] URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (дата обращения: 10.04.2023 г.).

⁴ См. напр.: Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // [Электронный ресурс] URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 14.04.2023).

⁵ Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 90 с.

Как уже было указано выше, отношения с участием искусственного интеллекта являются крайне многогранными и сложными по своей природе и могут затрагивать различные аспекты. Так, в контексте международного права искусственный интеллект порождает ряд серьезных проблем в таких областях, как:

1. защита прав человека;
2. поддержание мира и безопасности;
3. международно-правовая ответственность государств;
4. международное гуманитарное право;
5. усиление проблемы Север \ Юг⁶.

Отдельно хотелось бы остановиться на первых двух аспектах, где внедрение искусственного интеллекта представляет, на взгляд автора, наибольшую опасность.

Искусственный интеллект может выступать угрозой таким правам человека, как неприкосновенность частной жизни (нередки случаи злоупотреблений со стороны государства в использовании персональных данных и нарушении конфиденциальности, что получило особое распространение в Китае в виде системы социального рейтинга и во многих других странах с периода пандемии, когда устанавливалась строгая система контроля за перемещением граждан⁷), право на труд (когда ввиду структурного изменения экономики происходит замещение человека роботами на ряде позиций, в результате чего растет уровень безработицы), право на жизнь (когда искусственный интеллект принимает решения, имеющие непосредственное значение для жизни и здоровья человека, например, в медицине) и иные.

---

⁶ Lee, J. *Artificial Intelligence and International Law* // Singapore: Springer. – 2022.

⁷ Илюшкова, В. С. К вопросу об ограничениях конституционных прав и свобод человека и гражданина в период пандемии // Молодой ученый. — 2021. — № 50 (392). — С. 208–211.

Особого внимания заслуживает проблема поддержания международного мира и безопасности, так как масштабное применение технологий искусственного интеллекта способно создать угрозу не только национальной, но и международной безопасности. ИИ-технологии способны действовать вне территориальных границ и могут быть использованы не только для сбора данных и шпионажа, но и для организации кибератак на объекты критической инфраструктуры, государственные порталы или информационные базы засекреченных данных, что способно принести ущерб, сравнимый с ущербом от применения химического, биологического и даже ядерного оружия.

В связи с этим 23 марта 2023 года главы ведущих технологических компаний, инженеры и исследователи подписали открытое письмо с призывом срочно приостановить масштабные ИИ-эксперименты хотя бы на полгода, так как продукты с искусственным интеллектом, сопоставимым с человеческим, могут представлять серьёзную угрозу всему человечеству⁸. Среди 25 тысяч подписантов – главы компаний *Apple*, *Skype*, *Pinterest*, сотрудники *Google* и *Microsoft*. Глава Tesla и SpaceX Илон Маск также неоднократно заявлял о об угрозе развития ИИ, заявляя, что он может нести более опасную угрозу, чем ядерное оружие⁹. Из-за «гонки технологий» создатели ИИ стремятся разработать всё более современные и передовые системы, игнорируя важные вопросы безопасности и прозрачности искусственного интеллекта. Международное сообщество приходит к пониманию реальности и масштабности существующей угрозы, что обуславливает необходимость

---

⁸ Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // [Электронный ресурс] URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 14.04.2023).

⁹ AI Can Be Dangerous—How To Reduce Risk When Using AI // [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.com/sites/glenngow/2021/03/28/ai-can-be-dangeroushow-to-reduce-risk-when-using-ai/?sh=1a8a8f924828> (дата обращения: 14.04.2023)

не только национального, но и международного регулирования.

На сегодняшний момент международно-правовое регулирование отношений в сфере искусственного интеллекта отсутствует. Однако существует несколько специализированных документов, носящих рекомендательный характер, среди которых:

1. Азиломарские принципы искусственного интеллекта – 23 принципа, принятых по итогам конференции *Beneficial AI* в Асиломаре (Калифорния, США) в 2017 году;
2. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта – принято в ходе 41-й сессии ЮНЕСКО в ноябре 2021 года;
3. Окинавская хартия глобального информационного общества (*Okinawa Charter on Global Information Society*) – подписана представителями «Большой восьмерки» (G8) 22 июля 2000 года;
4. Рекомендации по искусственному интеллекту – принята Организацией экономического сотрудничества и развития ОЭСР 22 мая 2019 года.

Можно отметить также такие документы регионального характера, как:

1. Европейская этическая хартия Совета Европы по использованию искусственного интеллекта в судебных системах от 3 декабря 2018 года;
2. Декларация о возможностях манипулирования алгоритмическими процессами от 13 февраля 2019 года;
3. Руководство о защите данных при использовании искусственного интеллекта от 25 января 2019 года;
4. Рекомендации о влиянии алгоритмических систем на права человека от 8 апреля 2020 года.

Существуют также и международные технические стандарты, наличие которых позволяет не только унифицировать подход к разработке безопасных и прозрачных ИИ-технологий, но и обеспечить выход данных технологий на глобальный

рынок путем создания единых требований к продукции, включая взаимозаменяемость комплектующих частей, единых методы испытаний и оценки качества ИИ-систем. В 2017 году в рамках структуры Международной организации по стандартизации (*ISO, International Standardization for Organization*) был создан технический комитет по искусственному интеллекту (*ISO/IEC JTC 1/SC 42 Artificial Intelligence*), подготовивший уже 17 стандартов в соответствующей сфере¹⁰.

Стоит отметить, что искусственный интеллект может быть «вписан» в уже существующую систему международного права в той мере, в которой он не противоречит сложившимся нормам *jus cogens*, существующим международным обычаям и международным договорам. К примеру, во всех указанных выше документах рекомендательного характера закрепляется антропоцентрический подход к регулированию искусственного интеллекта, приоритет прав человека. При этом в рамках дискуссий на международных площадках высказываются мнения о необходимости создания дополнительных, специальных принципов потенциально новой отрасли международного права – робототехническое право, цифровое право, право кибербезопасности (определение термина зависит от конкретного предмета регулирования и является ещё достаточно спорным).

В настоящий момент можно отметить следующие перспективы международно-правового регулирования отношений в сфере искусственного-интеллекта:

- Приоритет прав человека;
- Оценка искусственного интеллекта как объекта права (придание ему статуса субъекта представляется преждевременным и крайне дискуссионным вопросом);

---

¹⁰ ISO/IEC JTC 1/SC 42 Artificial Intelligence // [Электронный ресурс] URL: <https://www.iso.org/committee/6794475.html> (дата обращения: 03.04.2023 г.)

- Необходимость контроля за деятельностью ИИ-систем на всем этапе их «жизненного цикла» (разработка, эксплуатация, утилизация);
- Сотрудничество государств в целях разрешения возникающих проблем и минимизации существующих рисков, а также формирование инициатив по внесению изменений в регулирование¹¹.

Таким образом, искусственный интеллект сегодня является крайне мощным и эффективным средством технологического прогресса и социально-экономического развития государств, одновременно представляя собой потенциальную угрозу национальной безопасности отдельных государств и всего мирового сообщества в целом. Порядок разработки, применения, эксплуатации и утилизации ИИ-систем должен быть закреплен не только на национальном, но и на международном уровне для создания единых стандартов в сфере отношений с участием ИИ и обеспечения общих гарантий безопасности, так как широкое распространение должны получать только проверенные, прозрачные и предсказуемые ИИ-технологии. Однако остро стоит вопрос политической заинтересованности государств в установлении мирового лидерства в сфере искусственного интеллекта и отдельные национальные приоритеты, и стратегии, которые могут препятствовать выработке единого подхода к решению данной проблемы и затруднять реализацию принципа сотрудничества государств в решении данного вопроса. (см. напр.: Национальная стратегия США в сфере искусственного интеллекта¹²).

---

¹¹ Никитенко С.В. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития // Вестник ВУиТ. – 2021. – №2 (98).

¹² National Artificial Intelligence Initiative // // [Электронный ресурс] URL: <https://www.ai.gov/> (дата обращения: 02.04.2023).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СВЕТЕ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА

Панова Полина Сергеевна

Аспирант кафедры международного права

РУДН имени Патриса Лумумбы

Apol.panova@yandex.ru

Человечество обладает внушительным массивом источников, дающих представление о праве в разные исторические эпохи, что позволяет проследить изменения в понимании людьми сущности мироздания, основ уклада жизни государств в их внутреннем и внешнем выражении.

Последнее особенно ярко проявляется при исследовании концепций понимания права как регулятора межгосударственных отношений - международного права.

Под влиянием исторических, политических, социальных и иных факторов складывались различные типы правопонимания, которые философы права объединяют в два направления – метафизическое (естественно-правовой, либертарный подходы) и позитивистское (легистский, социологический и антропологический типы правопонимания)¹.

В настоящей статье автор хотел бы проанализировать международное право с точки зрения позитивизма и исследовать, как основатели и последователи позитивистских типов правопонимания рассматривали международное право в рамках своих научных представлений.

Гносеологические основы позитивизма представлены в трудах Огюста Конта, считающегося его основоположником

---

¹ Лапаева В.В. Типы правопонимания : правовая теория и практика : Монография / В. В. Лапаева. - Москва : РАП, 2012. С 36. Электронный доступ: <http://igpran.ru/public/articles/Lapaeva.Monografiya2012.pdf> (дата обращения: 02.04.2023).

и устанавливающего приоритет эмпирического, верифицируемого знания взамен недоступных, идеальных представлений о праве, не поддающихся проверке².

Общие черты течений позитивизма выражаются в том, что они представляют право как систему норм, которая реализуется посредством принуждения, к примеру, юридические нормы – посредством государственного принуждения, поведенческие – общественного. При этом содержание этих норм не имеет значения, важны лишь их источники, формы, способы реализации, то есть внешнее проявление³.

Международное право, для которого вопрос принуждения в современном общепринятом понимании не является определяющим признаком, вызывало особый исследовательский интерес у представителей позитивизма, а ранее - у представителей естественно-правовой школы.

Так, представитель гуманистического направления (естественное право) Г. Гроций (1583-1645) не рассматривает международное право, как то, что может существовать исключительно на законах справедливости, а признаёт важность его фактического существования, то есть существования международных договоров и обычаев, содержащих обязательные нормы⁴.

---

² Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права: Монография. ФГАОУ ВО НИИ ВШЭ, 2010, с. 18-19. Электронный доступ: <http://igpran.ru/aspirantura/obuchenie/literatura/problemy-tgp/Варламова-Типология%20правопонимания.pdf> (дата обращения: 02.04.2023).

³ Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права : Монография. ФГАОУ ВО НИИ ВШЭ, 2010, с. 19. Электронный доступ: <http://igpran.ru/aspirantura/obuchenie/literatura/problemy-tgp/Варламова-Типология%20правопонимания.pdf> (дата обращения: 02.04.2023).

⁴ Gizewski C. "HUGO GROTIUS UND DAS ANTIKE VÖLKERRECHT." Der Staat, vol. 32, no. 3, 1993, p. 344 Электронный доступ: <http://www.jstor.org/stable/43642528> (дата обращения: 02.04.2023).

Последователь «отца международного права», приверженец естественно-правовой школы Э. де Ваттель, возвысил в своих трудах роль государственной воли, то есть позитивных действий, что стало будущей научной основой позитивистов⁵.

В отличие от Г. Гроция Э. де Ваттель признавал, что право для большинства – это не то, что неразрывно связано со справедливостью, а зачастую лишь волеизъявление правителей. Ввиду этого соблюдение международных норм имеет место тогда, когда это отвечает интересам самого государства, а не требует справедливость или божественная воля⁶.

При такой логике война не рассматривалась Э. де Ваттелем как средство для восстановления нарушенного закона и ответная мера на такое нарушение. Вместе с тем, государства не должны оценивать решения других государств об объявлении войны: на международном уровне действует принцип неограниченной воли государств⁷.

Такой взгляд нетипичен для представителей естественно-правовой школы, однако он ценен тем, что подтверждает многослойность, сложность в понимании существа международного права, которое нельзя в полной мере изучить через призму одной отдельно взятой концепции.

---

⁵ Дидманидзе, У. Т. Вклад Эмера де Ваттеля в развитие науки международного права / У. Т. Дидманидзе // Пробелы в российском законодательстве. Юр ВАК – 2016. – № 8. – С 397. Электронный доступ: https://elibrary.ru/download/elibrary_27634092_81074349.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

⁶ Дидманидзе, У. Т. Вклад Эмера де Ваттеля в развитие науки международного права / У. Т. Дидманидзе // Пробелы в российском законодательстве. Юр ВАК – 2016. – № 8. – С 399. Электронный доступ: https://elibrary.ru/download/elibrary_27634092_81074349.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

⁷ Дидманидзе, У. Т. Вклад Эмера де Ваттеля в развитие науки международного права / У. Т. Дидманидзе // Пробелы в российском законодательстве. Юр ВАК – 2016. – № 8. – С 399. Электронный доступ: https://elibrary.ru/download/elibrary_27634092_81074349.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

Первым позитивистом в зарубежной науке часто называют Ричарда Зуча (1590–1661)⁸. Будучи сильнейшим учёным в области гражданского права своего времени, ряд фундаментальных трудов он посвятил международному праву. Р. Зуч первый, кто систематизировал и наиболее понятно описал идеи современников о позитивном международном праве⁹.

Необходимо учесть, что свои воззрения он основывал на праве Древнего Рима и описывал международное право через соответствующие категории, за что подвергался критике, однако такой курс был неизбежен на ранних этапах развития науки международного права¹⁰.

Важнейшей вехой его научной мысли было то, что он признал наиболее применимым к международному праву понятие *jus inter gentes* (право между народами) вместо ранее используемого *jus gentium* (право народов)¹¹. Хотя указанные понятия использовались и предшественниками Р. Зуча, он в полной мере обосновал такую замену, наполнив *jus inter gentes* позитивистским содержанием.

---

⁸ O'Brien-Thomond, Anthony H. POSITIVISM AND MONISM IN INTERNATIONAL LAW. Franciscan Studies, vol. 8, no. 4, 1948, p. 324. Электронный доступ: <http://www.jstor.org/stable/41974329> (дата обращения: 08.04.2023).

⁹ O'Brien-Thomond, Anthony H. POSITIVISM AND MONISM IN INTERNATIONAL LAW. Franciscan Studies, vol. 8, no. 4, 1948, p. 325. Электронный доступ: <http://www.jstor.org/stable/41974329> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁰ O'Brien-Thomond, Anthony H. POSITIVISM AND MONISM IN INTERNATIONAL LAW. Franciscan Studies, vol. 8, no. 4, 1948, p. 324. Электронный доступ: <http://www.jstor.org/stable/41974329> (дата обращения: 08.04.2023).

¹¹ O'Brien-Thomond, Anthony H. POSITIVISM AND MONISM IN INTERNATIONAL LAW. Franciscan Studies, vol. 8, no. 4, 1948, p. 324. Электронный доступ: <http://www.jstor.org/stable/41974329> (дата обращения: 08.04.2023).

Ранее для обозначения международного права использовалось понятие *jus gentium*, где *gentium* (народы, нации) предполагали весь человеческий род, что хорошо укладывалось в рамки естественно-правовой школы, понимающей международное право через категории универсальной справедливости, высшей воли.

С развитием межгосударственных отношений (Р. Зуч являлся очевидцем установления новой системы межгосударственных отношений, базирующейся на принятии Вестфальского мира 1648 года, признавшего приоритетность государственного суверенитета) *gentes* приобрело иной смысловой оттенок и стало означать обособленные народы, независимые единицы, ввиду чего международное право стало более приемлемо рассматривать через понятие *jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utuntur*¹²¹³ (право народов, как если бы это было право, которым пользуются все народы) - *jus inter gentes*.

Представители естественно-правовой школы продолжили развивать направление, применяя указанное понятие,

---

¹² Mears, T. L. The Institutes of Gaius and Justinian, the Twelve Tables, and the CXVIIIth and CXXVIIth Novels: With Introduction And Translation. Stevens. (1882), p. 88. Электронный доступ: https://www.google.ee/books/edition/The_Institutes_of_Gaius_and_Justinian_th/s74LAAAAYAAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 08.04.2023).

¹³ Полная цитата из источника: «Omnes populi qui legibus et moribus reguntur, partim suo proprio, partim communi omnium hominum jure utuntur: nam quod quisque populus ipse sibi jus constituit, id ipsius civitatis proprium est, vocaturque jus civile, quasi jus proprium ipsius civitatis; quod vero naturalis ratio *inter omnes homines* constituit, id apud omnes populos peraeque custoditur vocaturque jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utuntur. Et populus itaque Romanus partim suo proprio, partim communi omnium hominum jure utitur: quae singula qualia sint, suis a locis proponemus».

однако Р. Зуч толкует *jus inter gentes* как право, представляющее собой обычаи, соответствующие разуму большинства наций и согласованные отдельными нациями¹⁴.

Таким образом, для Р. Зуча международное право основано на обычаях, которые отражают реальные отношения людей.

Иное осмысление международного права получило в трудах Дж. Остина (1790—1859), видевшего право как приказ суверена¹⁵. Общая теория права относит Дж. Остина к основателям легистского позитивизма – направления, отождествляющего право и закон в виде любого акта, содержащего правила поведения, установленные государством и обеспечиваемые его же принуждением¹⁶. Исходя из этого, право исходит из сущности верховенства суверена, проявляющегося в его способности принуждать к повиновению.

Однако в международном праве отсутствует надгосударственный суверен, ввиду чего представляется интересным обоснование Дж. Остином существования международного права.

---

¹⁴ O'Brien-Thomond, Anthony H. POSITIVISM AND MONISM IN INTERNATIONAL LAW. *Franciscan Studies*, vol. 8, no. 4, 1948, p. 324. Электронный доступ: <http://www.jstor.org/stable/41974329> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁵ Палеха Р.Р. ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ ПРАВОПОНИМАНИЯ // *Право и государство: теория и практика*. 2019. №10 (178). С. 7. Электронный доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-nauchnyh-shkol-pravoropimaniya> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁶ Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права : Монография. ФГАОУ ВО НИИ ВШЭ, 2010, С. 20. Электронный доступ: <http://igpran.ru/aspirantura/obuchenie/literatura/problemy-tgp/Варламова-Типология%20правопонимания.pdf> (дата обращения: 02.04.2023).

Остин делит законы на четыре вида: божественные законы, позитивные законы, позитивная мораль, метафорические законы¹⁷.

Позитивные законы, критерии которых перечислены выше, отличаются от позитивной морали тем, что правила второй не устанавливаются высшим сувереном, ввиду чего международное право можно отнести к позитивной морали, как и, к примеру, устав клуба или законы моды или чести¹⁸.

Правила позитивной морали, согласно Дж. Остину, навязаны общим мнением, в частности, международное право – мнением человечества, состоящего из различных наций, отражающим текущие настроения¹⁹. Таким образом, учёный не рассматривает международное право, как право в собственном смысле этого слова.

Вызывает некоторые затруднения исследование международного права с точки зрения антропологического позитивизма. По мнению И.В. Гетьман-Павловой, ни в западной, ни в отечественной доктрине почти не представлено работ, посвящённых обоснованию антропологического позитивизма, конкретнее – психологического подхода в свете международного права²⁰.

---

¹⁷ Синха С. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. /Пер. с англ. — М.: Издательский центр "Академия", 1996. С. 145.

¹⁸ Синха С. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. /Пер. с англ. — М.: Издательский центр "Академия", 1996. С. 147.

¹⁹ ¹⁹ O'Brien-Thomond, Anthony H. POSITIVISM AND MONISM IN INTERNATIONAL LAW. *Franciscan Studies*, vol. 8, no. 4, 1948, p. 329. Электронный доступ: <http://www.jstor.org/stable/41974329> (дата обращения: 08.04.2023).

²⁰ Гетьман-Павлова И.В. Наука международного права и психологическая теория права. Рецензия на монографию доктора юридических наук, профессора А. А. Мережко «Психологическая теория международного права (публичного и частного)». Одесса: Феникс, 2012. Стр. 284// *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. №2. Электронный доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-mezhdunarodnogo-prava-i->

Существующие труды освещают понимание права Л.И. Петражицким (1867-1931) и переносят его на реалии международного права, под которым понимаются «императивно-атрибутивные убеждения людей относительно того, каковы взаимные права и обязанности государств, а также других субъектов международного сообщества»²¹.

Неолегистская концепция или нормативизм отходит от необходимости установления права сувереном (государством), объясняет право через самого себя²². Наиболее ярким представителем является Ганс Кельзен (1881- 1973).

Представляя право как иерархичную структуру, где каждая норма исходит из нормы высшей по отношению к ней, в конечном итоге выявляется основная, первоисходная норма – *grundnorm*²³.

В науке остаётся дискуссионным вопрос, что можно считать основной нормой международного права. Г. Кельзен отмечал, что международное право фиксирует «обычное» поведение государств при взаимодействии друг с другом, ввиду

---

psihologicheskaya-teoriya-prava-retsenziya-na-monografiyu-doktora-yuridicheskikh-nauk-professora-a-a (дата обращения: 08.04.2023).

²¹ Гетьман-Павлова И.В. Наука международного права и психологическая теория права. Рецензия на монографию доктора юридических наук, профессора А. А. Мережко «Психологическая теория международного права (публичного и частного)». Одесса: Феникс, 2012. Стр. 284// Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. №2. Электронный доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-mezhdunarodnogo-prava-i-psihologicheskaya-teoriya-prava-retsenziya-na-monografiyu-doktora-yuridicheskikh-nauk-professora-a-a> (дата обращения: 08.04.2023).

²² Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права: Монография. ФГАОУ ВО НИИ ВШЭ, 2010, с. 20. Электронный доступ: <http://igpran.ru/aspirantura/obuchenie/literatura/problemy-tgp/Варламова-Типология%20правопонимания.pdf> (дата обращения: 02.04.2023).

²³ Синха С. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. /Пер. с англ. — М.: Издательский центр "Академия", 1996. С. 149-150.

чего делается предположение, что основной нормой может являться такое «обычное» поведение государств²⁴, о чём более подробно излагается далее.

Несмотря на отсутствие однозначного ответа, Г. Кельзен отчётливо определил место международного права по отношению к государственному: будучи представителем монизма, он признавал приоритет международного права²⁵.

Тем не менее, иерархичность права, подобно внутригосударственному, невозможно выстроить в праве международном, поскольку, во-первых, не существует акта, закрепляющего исчерпывающий перечень источников международного права, а во-вторых, статья 38 Статута Международного Суда ООН, признаваемая мировым сообществом в качестве такого примерного перечня, не содержит какой-либо градации между перечисляемыми источниками, то есть формально они равны.

Однако Г. Кельзен такую иерархию выстраивает, поскольку в его понимании правового порядка вышестоящая по структуре норма, уполномочивающая создание нижестоящей, является для этой нижестоящей нормы основанием действительности, и только таким образом может существовать право²⁶.

В этой связи необходимо кратко осветить вопросы действительности и действительности международного права, исходя из учения Г. Кельзена.

---

²⁴ Дидикин А. Б. *Философия права Ганса Кельзена* : учебное пособие. – Москва : Проспект, 2021. С. 52.

²⁵ Kammerhofer J. Kelsen – Which Kelsen? A Reapplication of the Pure Theory to International Law. *Leiden Journal of International Law*, 2009. 22(2), 233. Электронный доступ: <https://www.cambridge.org/core/journals/leiden-journal-of-international-law/article/abs/kelsen-which-kelsen-a-reapplication-of-the-pure-theory-to-international-law/2406374B3BE05FE6697D VFB5552E67B7> (дата обращения: 08.04.2023).

²⁶ Краевский А. *Действительность и действительность международного права в чистом учении о праве*. Вестник Санкт-Петербургского университета, *Право*, 2021. С. 191. Электронный доступ: <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/8914/7574> (дата обращения: 23.04.2023).

Под действительностью он понимает существование позитивной нормы, содержащейся в нормотворческом акте, предписывающем, дозволяющем, запрещающем какое-либо поведение²⁷. Действенность является реальным воплощением нормы, подтверждением, что она действительно соблюдается и применяется²⁸.

Таким образом, действительность можно описать через должествование, действенность – через бытие²⁹.

Однако в контексте международного права вопрос должествования осложнён отсутствием международно-правового суверена.

Иерархический порядок Г. Кельзена выглядит следующим образом. На нижней ступени находятся нормы, созданные международными организациями. Их обязательность исходит из международных договоров, уполномочивающих такие организации на создание норм.

Следующий уровень – нормы самих международных договоров. За некоторым исключением указанные уровни ограничены тем кругом государств, которые являются участниками договоров.

Действительность международных договоров основана на принципе *pacta sunt servanda*, являющемся обычным правом, ввиду чего нормы обычного права стоят выше договорных и образуют высший уровень иерархии норм в международном праве³⁰.

---

²⁷ Ганс Кельзен Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 20. Электронный доступ: http://ivka.rsuh.ru/binary/78809_76.1462732758.46936.pdf (дата обращения: 08.04.2023).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Краевский А. Действительность и действенность международного права в чистом учении о праве». Вестник Санкт-Петербургского университета, Право, 2021. С. 191. Электронный доступ <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/8914/7574> (дата обращения: 23.04.2023).

Откуда же исходит действительность обычного права, *grundnorm*, являющаяся, по сути, основанием всего международного права, Г. Кельзен однозначно не отвечает. Анализируемые теории основания действительности международного права так или иначе им опровергаются.

В конечном итоге Г. Кельзен приходит к тому, что основной нормой международного права является не позитивная норма, а гипотеза, состоящая в том, чтобы считать обычай источником международного права³¹.

Таким образом, для позитивистов, на наш взгляд, труднее всего было встроить в свои теории именно существование международного права, которое в силу своей уникальности не позволяет дать четкий ответ о своей сущности в сравнении с правом национальным.

Представляется, что современное международное право с увеличивающимся влиянием *soft law* даёт почву для новых исследований с точки зрения позитивизма. Также остаётся малоизученным международное право с точки зрения психологического позитивизма, что делает дальнейшее изучение обозначенной темы в значительной степени актуальным.

---

³¹ Краевский А. Действительность и действенность международного права в чистом учении о праве». Вестник Санкт-Петербургского университета, Право, 2021. С. 195. Электронный доступ <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/8914/7574> (дата обращения: 23.04.2023).

ПРАВОПРЕЕМСТВО В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ

Ромашев Юрий Сергеевич

*Д-р юрид. наук, профессор, профессор департамента
международного права факультета права
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
romashev-yus@mail.ru*

Международный обычай, как и международный договор, был, есть и, несомненно, в будущем, останется одним из основных источников международного права.

В науке международного права и в практике международных отношений мы довольно часто говорим о правопреемстве в отношении международных договоров. Сформировалась определенная как правовая база, так и научная доктрина. Как известно, данному вопросу посвящена Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров (Вена, 23 августа 1978)¹, действуют обычные нормы международного права.

Вместе с тем, о правопреемстве в отношении международных обычаев в научной доктрине все же редко говорится. Геополитические изменения в мире не могут не затрагивать обязательства государств и в отношении международных обычаев. Государства распадаются, объединяются. Из них выделяются части территории, которые образуют новые государства или они присоединяются к другим государствам. Этот процесс, видимо не остановить, как и саму необходимость осуществления правопреемства в отношении прежних международных обязательств государств.

---

¹ Венская Конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров (Вена, 23 августа 1978 г.) // СПС Гарант.

В международном праве довольно сложно выявить конкретные нормы, обычно-правовые и договорные, регулирующие вопросы правопреемства в отношении международных обычаев. Однако территориальные изменения не уничтожает обязательства прежнего государства или прежних государств в отношении их обязательств по международным обычаям. Механизм правопреемства в отношении международного обычая в доктрине международного права еще в достаточной мере не разработан.

В основе рассуждений по данному вопросу, на наш взгляд, могут лежать следующие общие подходы.

Прежде всего следует подчеркнуть, что, по нашему мнению, необходимо придерживаться согласительной природы возникновения международного обычая. Это наиболее распространенная точка зрения. Хотя имеет место и другая позиция – о спонтанности его возникновения².

Участниками международного обычая, нормы которого составляют общее международное право, являются все же не все государства, активно или молчаливо согласившиеся с наличием обычной нормы международного права. В решении по делу о рыболовстве Международный Суд ООН подтвердил существование нормы обычного нормообразования, заключающейся в том, что государство, настойчиво протестующее против практики других государств, не связано возникшей в результате этой практики обычной нормой³. Это нашло подтверждение в выводе 15 (Настойчиво возражающее государство) резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 20 декабря 2018 г. «Выявление международного обычного права», в котором отмечено, что если государство возражало против нормы международного обычного права в то время, когда эта

---

² См.: Visscher de Ch. *Theory and Reality in Public International Law* (English Translation). Princeton, 1968. P. 153-154, 69-71, 728-732.

³ См.: Материалы Международного Суда ООН, Fisheries case, Judgment of 18 December 1951 // I. C. J. Reports. 1951. P. 131.

норма находилась в процессе формирования, такая норма не может быть противопоставлена данному государству, пока оно продолжает возражать. Такое возражение должно быть ясно выражено, доведено до сведения других государств и быть настойчивым⁴. Однако данный вывод не затрагивает какого-либо вопроса, касающегося императивных норм общего международного права (*jus cogens*). В отношении таких норм механизм настойчивого возражения не применяется.

Обращаясь к рассматриваемой проблеме П.П. Кремнев указывал на группу обычных общепризнанных норм международного права, в отношении которых у государств имеет место особая заинтересованность и в отношении которых они в период формирования таких норм настойчиво не возражают. При этом он также подчеркивал, что событие правопреемства государств не затрагивает международных обычаев, содержащих императивные нормы и другие общепризнанные обязательства *erga omnes* (или иначе их «автоматическое правопреемство»)⁵.

Поэтому, на наш взгляд, по аналогии с международными договорами можно все же говорить об участниках международного обычая, определяя тем самым круг субъектов международного права, для которых международный обычай является юридически обязательным. И это несмотря на общую установку всеобщности международного обычая. Указанное также не дает оснований отнесения такого рода международных обычаев к партикулярным нормам.

Советский Союз в своей основе не отказывался от применения международных обычаев, обязательных для дореволюционной России. При этом СССР негативно относился к обычным нормам международного права, имеющим отношение к колониализму и праву войны. Российская Федерация,

---

⁴ См.: Док. ООН, A/RES/73/203.

⁵ См.: Кремнев П.П. Правопреемство государств в неcodифицированных областях // Московский журнал международного права. 2006. № 4. С. 53.

как и государства, образовавшихся на территории прежнего Советского Союза, в своей практике не отказывались от международных обычаев, признаваемых СССР.

Возникновение новых государств в поствоенный период сопровождалось правопреемством и в отношении своих международных обязательств. После тех или иных территориальных изменений новым государствам наследовались и обычные нормы, признанные прежними странами. Принцип чистой доски (*tabula rasa*) здесь, на наш взгляд, не применялся.

В основу понимания механизма правопреемства в отношении международных обычаев, по нашему мнению, может быть положено использование отдельного понятийного аппарата, являющегося общим в отношении международных договоров и нашедшего отражение в Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г.:

«правопреемство государств» – смена одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории;

«государство-предшественник» – государство, которое было сменено другим государством в случае правопреемства государств;

«государство-преемник» – государство, которое сменило другое государство в случае правопреемства государств;

«момент правопреемства государств» – дата смены государством-преемником государства-предшественника в несении ответственности за международные отношения применительно к территории, являющейся объектом правопреемства государств⁶.

---

⁶ Венская Конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров (Вена, 23 августа 1978 г.). Available at: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml (дата обращения: 09.04.2023).

Здесь важно учитывать, что согласно общему международному праву объектом правопреемства является территория, применительно к которой сменяется собственник. Это один из важных моментов при анализе вопроса правопреемства в отношении международных обычаев.

Также следует учитывать тот факт, что общий международный обычай на момент правопреемства уже сформировался, а у новых государств отсутствует возможность против него протестовать.

Кроме того, для анализа вопроса правопреемства применимы и общие принципы права, такие как *pacta sunt servanda*, добросовестности, свободного согласия и др.

Исходя из изложенных выше можно предложить следующие общие положения механизма правопреемства в отношении международных обычаев.

Рассматривая случай появления новых государств в результате распада прежнего государства, то можно сказать следующее.

Если прежнее государство ранее признавало сформировавшуюся обычную норму международного права, то государства-преемники, на наш взгляд, несомненно должны ее соблюдать. Они являются правопреемниками в несении ответственности за международные отношения прежней территории.

В случае, если же прежнее государство ранее возражало против обычной нормы международного права, то государства-преемники, на наш взгляд, не обременены прежним подходом и могут в любое время признавать данную обычную норму международного права юридически обязательной, как бы присоединиться к международному обычаю. Однако такое признание на статус международного обычая, содержащий уже сложившуюся норму общего международного права, не окажет никакого влияния. При этом весьма важно, чтобы такого рода признание было сделано явно выражено. В противном случае отсутствие такого шага может рассматриваться

как неизменная позиция отрицательного отношения прежнего государства к существованию обычной нормы международного права. Другие государства, считающие сложившийся международный обычай обязательным, должны иметь представление, с кем у них существуют правоотношения применительно к данному обычаю.

Аналогичный подход, на мой взгляд, применим и для ситуации появления нового независимого государства, выделившегося из состава прежнего государства. Нельзя, на мой взгляд, обнулять обязательства по общему международному праву при любых территориальных изменениях. Принцип чистой доски как уже было указано, на мой взгляд, не приемлем. Тем более, если речь идет об императивной норме общего международного права (*jus cogens*).

При объединении государств может сложиться ситуация, когда одно из них ранее признавало обычную норму международного права, а другое нет. По нашему мнению, новое образовавшееся государство может самостоятельно определиться – признавать ли обычную норму, являющуюся обязательной для одного из прежних государств, или нет.

Можно говорить и о правопреемстве в отношении партикулярного международного обычая. Здесь на наш взгляд механизм правопреемства имеет больше сходств с правопреемством в отношении международных договоров.

Теоретические основы правопреемства в отношении международных обычаев еще четко не разработаны и, несомненно, требуются дальнейшие более углубленные исследования.

СЕКЦИЯ

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАСШИРЕНИЯ НАТО: ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

Антоник Антон Витальевич

*Студент кафедры международного права юридического
института*

РУДН имени Патриса Лумумбы

Организация Североатлантического договора (НАТО) является одним из важнейших военно-политических блоков, занимающихся вопросами обеспечения коллективной безопасности. Деятельность данной международной межправительственной организации касается не только ее стран-членов, но и затрагивает весь миропорядок, в частности путем включения в партнерские программы более чем 40 стран в разных регионах. Отношения НАТО-Россия (ранее НАТО-СССР) довольно подробно изучены, однако до сих пор не проведен исчерпывающий анализ непростой линии взаимодействия этих акторов с позиций международно-правовой науки. В данном сообщении рассматриваются некоторые аспекты, разработка которых позволит приблизиться к созданию концепции, с позиций которой можно будет понять международно-правовые последствия расширения НАТО и дать правовую оценку влияния расширения этой организации на отношения с Российской Федерацией (СССР).

Необходимо принимать во внимание то, что НАТО была создана в условиях складывания не просто двух больших групп государств, во главе которых стояли свои лидеры — Советский Союз и США, но глобальных политико-экономических систем. Разделительная линия между ними затрагивает экономику (с одной стороны — плановое хозяйство, с другой

— свободный рынок), идеологию (коммунизм и атлантизм)¹ и многие другие сферы.

Следует подчеркнуть ведущую роль западноевропейских стран в заключении Североатлантического договора. Концепция «атлантического альянса», отстаиваемая министром иностранных дел Великобритании Э. Бевином, отражала стремление стран Западной Европы заключить военно-политический союз с США, поскольку они нуждались не в политической поддержке и обеспечении безопасности², опасаясь мнимой советской угрозы. Не случайно Североатлантическому договору предшествовало подписание Договора об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной самообороне³ (Брюссельский пакт⁴). 17 марта 1948 года представителями Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Статья 4 договора предполагала оказание помощи в случае вооруженного нападения в Европе на какую-либо из договаривающихся сторон. Основным противником западноевропейские государства считали коммунистический строй во главе с Советским Союзом. Начиная с лета 1948 г. постоянный военный комитет государств — членов Брюссельского пакта начал планирование единой стратегии защиты в случае нападения Советского Союза⁵.

---

¹ Пилько А. В. У истоков «холодной войны»: создание НАТО и его последствия (1947–1955) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 22.

² Кеннан Д. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 17.

³ Пилько А. В. У истоков «холодной войны»: создание НАТО и его последствия (1947–1955) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 27.

⁴ Брюссельский пакт от 17 марта 1948 г. (перевод и комментарий к. ю. н. Калиниченко П. А.) // URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-pravu-evropejskogo-soyuza/bryusselskij-pakt-1948-g-perevod-i-kommentarij-k-ju-n-kalinichenko-p-a/> (дата обращения 26 марта 2022 г.).

⁵ Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955): в 2 ч. Ч. 1. М., 2005. С. 165.

НАТО — постоянно расширяющаяся организация. В 1952 г. к ней присоединились Греция и Турция, в 1955 г. — Западная Германия, а в 1982 г. — Испания⁶. После окончания холодной войны НАТО пережила еще несколько волн расширения: Чешская Республика, Венгрия и Польша присоединились к ней в 1999 г., Болгария, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия и Словения — в 2009 г., Хорватия и Албания — в июне 2017 г. Северная Македония вошла в состав альянса в 2020 году⁷. Финляндия — присоединилась к Североатлантическому союзу 4 апреля 2023 г. Наконец, 32 членом блока стала Швеция. Три расширения во время холодной войны были в основном связаны со стратегическими соображениями. После ее окончания НАТО было необходимо реформирование, поскольку прошлый враг стал больше неактуальным.

Своим главным противником НАТО считает Российскую Федерацию и стремится максимально близко придвинуться к границам России. Еще в 1990 г. в ходе переговоров по объединению Германии между США и Советским Союзом была достигнута договоренность о нерасширении НАТО на Восток, но данные обязательства были нарушены присоединением к альянсу стран Прибалтики и Восточной Европы⁸. Без сомнения, процесс увеличения количества стран — членов Североатлантического договора негативно отражается главным образом именно на Российской Федерации.

---

⁶ Североатлантический договор от 4 апреля 1949 г. // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения 26 марта 2022 г.).

⁷ В ожидании девятой волны. Этапы расширения НАТО на Восток // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13601747> (дата обращения 26 марта 2022 г.).

⁸ Горохов А. Договоренности о нерасширении НАТО на восток подтверждаются архивными источниками / Горохов А., Васильев К. // Русская политология. 2022. №1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovorennosti-o-nerasshirenii-nato-na-vostok-podtverzhdayutsya-arhivnymi-istochnikami> (дата обращения 10 марта 2023 г.).

Тем не менее 27 мая 1997 года РФ и НАТО подписали «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора»⁹. В преамбуле данного документа сказано, что Россия и НАТО не рассматривают друг друга как противников, общей целью сотрудничества является преодоление остатков прежней конфронтации и соперничества, укрепление взаимного доверия и сотрудничества.

Была зафиксирована необходимость решения таких задач, как: закрепление принципов совместного взаимодействия; создание механизма консультаций и сотрудничества в виде постоянного совета Россия — НАТО; определение областей консультаций и сотрудничества, к которым были отнесены обеспечение безопасности и стабильности, предотвращение конфликтов, проведение совместных операций и др.; урегулирование военно-политических вопросов. Несмотря на все вышеперечисленные договоренности альянс работал на ослабление России, а в феврале 2022 г. в новой стратегической концепции Североатлантического альянса Россия названа «самой значительной угрозой безопасности государств — членом НАТО»¹⁰.

Следует отметить, что акт Россия — НАТО не являлся международным договором, некоторые исследователи считают, что он носит характер акта так называемого мягкого права, но это не очевидно. Во всяком случае, положения акта

---

⁹ Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора от 27 мая 1997 г.// Сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 27 марта 2023 г.).

¹⁰ Стратегическая концепция НАТО 2022 года от 29 июня 2022 г.// Сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения 27 марта 2023 г.).

положения носят рекомендательный характер. Следует извлечь уроки из слишком больших ожиданий от принятия таких юридически необязательных документов.

Российская Федерация на протяжении длительного времени сотрудничала с НАТО, выдавая этой организации авансы. При этом очевидно, что существование НАТО и особенно территориальная и функциональная экспансия этой организации влекла и влечет за собой негативные последствия для России.

Во-первых, это прямая угроза безопасности России. Еще в 2004 г., до четвертой и пятой волн расширения НАТО, представитель МИД России А. В. Яковенко заявлял о том, что расширение НАТО затрагивает политические, военные и в определенной степени экономические интересы России, что вынуждает нас воспринимать ее самым серьезным образом¹¹. Вступление трех стран Прибалтики в НАТО в 2009 г. полностью открыло северо-западную границу России для Организации североатлантического договора. Заметим, что три прибалтийских государства не являются участниками Европейского договора об обычных вооружениях 1990 г.¹² Кроме того, на юге Румыния, Болгария и Турция создают непосредственную угрозу Черноморскому побережью России.

Во-вторых, действия НАТО сопровождаются активизацией Соединенными Штатами своей экспансионистской политики в СНГ — регионе, представляющем традиционный интерес для России. Масштабная экспансия НАТО на восток заставила Российскую Федерацию почувствовать давление со стороны США, чтобы конкурировать за стратегическое пространство, и бросила новую тень на российско-американские

---

¹¹ Расширение НАТО затрагивает интересы России // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20040329/556661.html> (дата обращения 27 марта 2023 г.).

¹² Договор об обычных вооруженных силах в Европе от 19 ноября 1990 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <https://www.osce.org/ru/library/14091> (дата обращения 27 марта 2023 г.).

отношения. Постоянный представитель США при НАТО заявила, что все решения по поводу расширения организации будут приниматься исключительно альянсом и соответствующей страной и никто больше не сможет на это повлиять¹³. В этом высказывании цель расширения НАТО на восток интерпретируется очень четко.

В-третьих, политическая и военная ситуация в СНГ стала более серьезной, и традиционные интересы России в регионе находятся под угрозой дальнейшего ущемления. Новый раунд расширения на восток не только укрепляет силу НАТО, но и создает благоприятные условия для расширения ее влияния в СНГ. В последние годы НАТО и США использовали, в частности, помощь в качестве приманки, чтобы подчинить другие страны СНГ для достижения двойной цели — контроля над этой стратегической областью и ограничения в ней влияния Российской Федерации.

В связи с этим разработка концепции, которая позволит дать юридическую оценку расширению НАТО и других действий альянса представляется необходимой и актуальной.

---

¹³ В США заявили о невозможности достичь компромисса с Россией по расширению НАТО // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/11/shire/> (дата обращения 27 марта 2023 г.).

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕСУРСОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ КЛИМАТИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ¹**

Близнецкая Екатерина Александровна

*Московский государственный институт международных
отношений (Университет)*

Ивлев Сергей Вячеславович

Высшая школа экономики

ivlev.iphi@mail.ru

Кутейников Александр Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет

В сфере мировой политики в течение последних десятилетий оформилась область многостороннего сотрудничества, называемая «управление климатом» или «климатическое управление». В праве выделилась отдельная отрасль, в некоторых случаях именуемая климатическим правом или правом климатических изменений². Существуют и «более взвешенные» названия для данного комплекса норм: международно-правовое измерение изменения климата, международно-правовые режимы изменений климата³.

---

¹ Публикация подготовлена в ходе исследования, выполненного за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10320, <https://rscf.ru/project/23-28-10320/>, и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-28-10320 в Санкт-Петербургском государственном университете.

² Climate Change Laws of the world. URL: <https://climate-laws.org> EUR-lex. (accessed 12 March 2023). URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/european-climate-law.html> (accessed 12 March 2023).

³ Солнцев А. М. Изменение климата: международно-правовое измерение. Московский журнал международного права. 2018. No 1. С. 60–78.

Климат в современную эпоху используется в качестве политического и социально-экономического ресурса, при эксплуатации которого возникают как положительные, так и отрицательные эффекты для городских поселений (например, создание, развитие или ликвидация зон туристической индустрии, изменение характера заболеваемости населения и влияние этих изменений на здравоохранение, изменение структуры экономики вплоть до создания или ликвидации целых отраслей производства, сервиса, пригородного сельского хозяйства, диверсификация миграционных потоков, включая т. н. климатическую и экологическую миграцию, новации в занятости, изменения ландшафтов, направленность транспортных путей, смена карты питания населения и пр.).

Основополагающим международным документом по проблеме изменения климата является Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций по изменению климата (РКИК ООН), принятая 9 мая 1992 года. Конечная цель Конвенции заключается в том, чтобы добиться стабильной концентрации парниковых газов в атмосфере на уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему⁴.

В настоящее время участниками РКИК ООН являются 198 сторон. В зависимости от обязательств, налагаемых конвенцией на них, они делятся на три группы. Требования, предъявляемые Конвенцией к сторонам, включенным в разные группы, различаются. Участники первой и второй группы должны сокращать выбросы парниковых газов. На представителей второй группы возлагается также ряд дополнительных задач, в том числе обеспечение финансовыми ресурсами всех согласованных издержек развивающихся стран в связи с выполнением ими обязательств по РКИК. На государства третьей

---

⁴ Изменение климата. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/climate-change> (дата обращения 3 марта 2023 г.).

группы требования сокращать выбросы парниковых газов не распространяются.

Разделение государств по их вкладу в борьбу с изменением климата заложило ряд особенностей дальнейшего сотрудничества по вопросам изменения климата. В определенной степени оно повлияло и на формирование организационных структур, обеспечивающих реализацию климатических договоренностей и обсуждение многочисленных проблем, вызванных изменением климата, а также на включенность разнообразных акторов в обсуждение климатической повестки дня и в работу в области климата.

Нормы климатического права регулируют действия государственных и негосударственных правовых субъектов с целью снижения их неблагоприятного воздействия на климат, рассматриваемого в качестве глобальной угрозы или глобального вызова. Акторами, противодействующими климатическим изменениям, являются не только государства. К управлению климатом подключились международные организации: Европейский союз, Группа 20, объединение БРИКС⁵, гибридные структуры, неформальные объединения государственных и негосударственных акторов. Отдельную группу акторов образуют города. Они действуют и самостоятельно, и через межгосударственные организации и другие многосторонние объединения, и в составе разнообразных коалиций городов, созданных специально или преимущественно для решения вопросов климата.

Особенность реализации договоренностей в области климата заключается в том, что юридические обязательства распространяются на государства. Правовое и методическое обеспечение мероприятий находится на государственном уровне, тогда как осуществление мер по противодействию

---

⁵ Солнцев А. М. Изменение климата: международно-правовое измерение. Московский журнал международного права. 2018. No 1. С. 66.

климатическим изменениям осуществляется на уровне регионов, местных коллективов, городских сообществ, предприятий.

Например, в Российской Федерации принята и осуществляется Климатическая доктрина Российской Федерации, а также Национальный план по адаптации к изменению климата. В регионах Российской Федерации мониторинг показателей климата регионов осуществляется как составная часть государственного мониторинга. Государственный мониторинг осуществляется на основании Положения о государственном мониторинге состояния и загрязнения окружающей среды, устанавливающего порядок осуществления государственного мониторинга состояния и загрязнения окружающей среды, а также формирования государственной системы наблюдений за состоянием окружающей среды и обеспечения функционирования такой системы⁶

Для городских сообществ, городских властей вопрос об адаптации к климатическим изменениям приобретает характер социальных и административно-управленческих задач и становится частью городской политики. Для ответов на многочисленные вызовы требуется и научное понимание, и разработка комплексного подхода, и создание и запуск конкретных программ адаптации городов и городских сообществ к климатическим изменениям, проведения мероприятий по борьбе с климатическими изменениями. При этом социальные и политические аспекты адаптации к климатическим изменениям, при всей очевидности их наличия, пока еще не получил систематизированного объяснения и не воплотились в программы подготовки населения городов, бизнеса и административных

---

⁶ Положение о государственном мониторинге состояния и загрязнения окружающей среды // Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147245/359801f7d674571d7ce8a5e93b71ab2b0798b508/?ysclid=I929atx1jm159379649 (дата обращения 3 марта 2023 г.).

структур к ним. Если риски, связанные с атмосферным воздухом, почвами, поверхностными водами, озоновым слоем атмосферы, ионосферой и околоземным космическим пространством так или иначе учитываются в городских программах и проектах, то в отношении социальных, политических и юридических рисков и вызовов имеется значительная неопределенность. Международно-правовые нормы непосредственно могут послужить основанием для создания очень широких рамок действий в области климата. Кроме того, многие вопросы выходят за пределы правовой сферы. В связи с этим возникает пока еще слабо изученный комплекс норм, институтов и поведенческих практик, касающихся вопросов управления климата применительно к городам. Для его понимания, а также для создания научно-обоснованной базы противодействия негативным последствиям изменения климата, ориентации городских сообществ на действия в пользу сохранения климата юридический подход должен быть дополнен подходом с позиций других наук и междисциплинарным синтезом.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА ЮРИДИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН**

**Бучникова Екатерина Дмитриевна,
Кудрин Павел Михайлович,
Мишин Даниил Игоревич**

*Студенты факультета социологии
Санкт-Петербургский государственный университет
st087579@student.spbu.ru*

Современные тенденции перераспределения ролей между субъектами международно-политической сферы обуславливают повышение научного интереса, в том числе и исследователей-социологов, к неправительственным организациям (далее НПО), вовлеченным в международные связи. Рост значимости к проблематике НПО можно наблюдать, в частности, по увеличению числа публикаций на эту тему. Например, по запросу “неправительственные организации” на сайте электронной научной библиотеки *eLibrary.Ru* поиск выдает 264 релевантные научные работы, опубликованные в 2020 г., тогда как в 2010 г. индексируются 122 публикации по этой теме¹. Еще более яркую картину можно увидеть, сравнив количество публикаций по запросу «негосударственные акторы»: 72 публикаций в 2020 г. против 10 в 2010 г. Кратный рост численности научных публикаций по теме говорит о повышении интереса исследователей к изучению НПО. Содержательный анализ публикаций свидетельствует, что интерес растет и к изучению международных организаций неправительственного характера. Исследователи продолжают упо-

---

¹ Сайт Научной электронной библиотеки *eLibrary.Ru* URL: [https://elibrary.ru/defaultx.asp?/=](https://elibrary.ru/defaultx.asp?/) (дата обращения 15 июля 2023 г.).

треблять термин «международные неправительственные организации» (МНПО), хотя он все чаще уступает место термину «неправительственные организации» (НПО), когда речь идет о международном сотрудничестве.

Термин «международные неправительственные организации» за последнее время утратил четкость и однозначность определения. По-видимому, этому во многом способствовало изменение подходов ЭКОСОС ООН и Комитета по неправительственным организациям ООН к отбору организаций, наделяемых консультативным статусом при ЭКОСОС.

П. А. Цыганков выделяет три основных подхода к установлению объема понятия международная неправительственная организация²: узкий, основанный на юридических критериях; расширенный, подключающий к ним экономические признаки; широкий, социологический, с позиций которой к международным неправительственным организациям относятся фактически любые коллективные акторы, способные оказывать влияние на международно-политическую систему. С позиций широкого подхода к МНПО можно отнести огромное количество организаций, так или иначе воздействующих на мирополитическое поле и проводящих интересы разнообразных игроков. Факторами, которые влияют на такую дифференциацию подходов, являются: разнообразие организационных структур и негосударственных форм социальных объединений, слабую разработанность и расхождение понятийных аппаратов международных документов в отношении данного вида организаций.

Часто определение понятия НПО дается через перечисление существенных признаков, к которым относятся: добровольность, оформленность, постоянство, некоммерческий

---

² См.: Цыганков П. А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель-Observer. 2013. № 9. С. 5–17.

характер деятельности³. Добровольность объединения в организацию является проявлением свободы воли акторов. При этом надо принимать во внимание, что добровольность не является абсолютной. Любой индивид и любая структура, формирующие НПО, выходящие на международную арену, существуют и действуют в сложных комплексах отношений, формируемых внутренними и международными акторами. Юридическая оформленность предполагает наличие письменно фиксируемых актов о создании и функционировании организации⁴. Наличие постоянных органов свидетельствует о стабильности организационной структуры, что позволяет отличать НПО от спонтанных форм организации граждан. Ротация состава органов управления рассматривается как важный элемент демократизма организации. По общему правилу, в НПО доход не может быть распределен между членами или учредителями организации, как это происходит, например, в акционерных компаниях. Данная характеристика носит сугубо формальный характер.

Исследователи С. Рипински и П. Бошше выделяют следующие виды их деятельности: участие в подготовке решений в международных межправительственных организаций путем прямого или косвенного влияния на участников процедур принятия решений; предоставление экспертных оценок и рекомендаций; участие в запуске, проведении и мониторинге проектов, которые реализуются либо финансируются международными межправительственными организациями; осуществление контроля за выполнением обязательств, принятых государствами; участие в процедурах урегулирования споров

---

³ Кутейников А. Е., Москальчук Е. И. Транснационализация неправительственных организаций // *Международные процессы*. 2016. Т. 14, № 4 (47). С. 33–34.

⁴ Кузнецова Е. В. Эволюция консультативного статуса международных неправительственных организаций при Экономическом и Социальном Совете ООН // *Белорусский журнал международного права и международных отношений* 2001. № 3. С. 27–31.

в рамках международных межправительственных организаций⁵. Можно сказать, что в каждой из этих сфер деятельности неправительственные организации реализуют определенные функции.

Большое внимание социологи уделяют изучению функций НПО. В качестве методов используются системный и структурно-функциональный подходы. Функции организации являются важной характеристикой, которая позволяет социологу познать сущность и типичные признаки того или иного класса организаций. Само понятие «функция» подробно описано авторами-социологами и представителями других областей знаний, изучающими международные организации, среди них: М. Карнс, А. Е. Кутейников, Е. И. Москальчук, К. Мингст, В. Моравецкий, П. Г. Черников. Несмотря на то, что многие из этих исследователей разрабатывали концепцию функции к межправительственным организациям, их идеи могут быть использованы и для изучения неправительственных акторов⁶. В. Моравецкий приравнивает функции к видам деятельности организации, П. Г. Черников рассматривает функцию как метод достижения целей, А. Е. Кутейников, отталкиваясь от общеупотребительного значения этого термина, считает, что функция организации представляет собой своего рода наложение ее собственных волевых усилий на условия окружающей среды⁷. А. Е. Кутейников предлагает определять функцию как объективно сложившуюся взаимосвязь между деятельностью организации и международной средой⁸.

Подходы исследователей к классификации функций МНПО разнятся. Достаточно полная и четкая классификация

---

⁵ Москальчук Е. И. Трансформация функций международных неправительственных организаций // Дискуссия. 2016. № 1 (64). С. 95.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Там же.

⁸ Кутейников А. Е. Международные межправительственные организации как особый класс организаций // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 83–84.

функций была представлена в докладе «Участие НПО в международном экологическом управлении». Несмотря на узкую тематику доклада, выявлены виды функций, которые проявляются и в других сферах деятельности. Авторы доклада относят к функциям: проведение научных исследований; пропаганду и лоббирование интересов; поддержку членов национальных делегаций на переговорах; урегулирование споров; обеспечение прозрачности деятельности государственных и негосударственных структур; поддержку работы международных секретариатов; формирование общественного мнения; кооперацию различных групп, занимающихся одной проблематикой; интеграцию различных уровней управления; «глобализацию» ценностей и интересов⁹. Среди других подходов можно выделить позицию А. Веддера, предлагающего разделить все функции неправительственных организаций на две категории: операционные функции (реализация программ, которые направлены непосредственно на решение разнообразных проблем) и функции лоббирования (формирование общественного мнения, политики, практик национальных и международных акторов и общества в целом)¹⁰. А. К. Субботин считает, что функции неправительственных организаций сводятся к тому, что эти организации играют роль консультантов, выполняют программы по контракту с международными межправительственными организациями, оказывают воздействие на общественное мнение, содействуют социальному развитию¹¹.

Серьезный вклад в понимание функций НПО вносит статья Е. И. Москальчук «Трансформация функций

---

⁹ Щетников А. Г. Деятельность международных неправительственных организаций в Арктике // Диссертация на соискание степени магистра. 2017. С. 26–27.

¹⁰ Москальчук, Е. И. Трансформация функций международных неправительственных организаций // Дискуссия. 2016. № 1 (64). С. 96.

¹¹ Там же.

международных неправительственных организаций»¹². Автор работы прослеживает изменения функций НПО с 1940-х годов до нашего времени. На этапе появления первых НПО в современном понимании этого феномена их функции ограничивались узкоспециализированной деятельностью, например, защита прав человека или содействие представителям определенной научной отрасли, а также участие в обсуждении вопросов, стоящих в повестке дня главных органов ООН. В 1960-е — 1990-е годы произошло увеличение количества НПО и расширение сферы их действий. Их деятельность стала охватывать почти все сферы общества, также повышалась значимость их деятельность в ООН — всё больше организаций получало консультативный статус, в некоторых случаях они даже стали способны непосредственно влиять на политику ООН. На третьем этапе, который продолжается по сей день, НПО превратились по сути дела в интегративную часть ООН. НПО получили возможность участвовать в формировании повестки дня, выступать посредником в урегулировании международных споров и т. д.

Исследуя тему неправительственных организаций как акторов международных отношений, социологи рассматривают такие темы как: международная консалтинговая деятельность неправительственных организаций; процесс трансформации функций неправительственных организаций; особенности развития неправительственного сектора; взаимосвязь между расширением сфер деятельности НПО и особенностями эволюции Организации Объединенных Наций и др.

Социологи широко используют следующие методы: социологический опрос, часто в форме экспертного интервью, полуструктурированные интервью, консультативные беседы. Респондентами выступают: представители российских НПО или органов государственной власти, которые взаимодействуют с этими НПО, руководители и сотрудники (ныне

---

¹² Москальчук, Е. И. Трансформация функций международных неправительственных организаций // Дискуссия. 2016. № 1 (64). С. 93–102.

действующие и работавшие в прошлом) в неправительственных организациях с консультативным статусом при Экономический и Социальный Совет (далее ЭКОСОС), служащие и интерны ООН, служащие и волонтеры отделения ООН в Женеве, дипломаты, лица, работающие в органах ООН в личном качестве и исследователи. Стоит отметить, что в современных западных и отечественных исследованиях гражданского общества значительное внимание уделяется также методу анализа социальных сетей (далее АСС)¹³.

Кроме того, хотелось бы привести в пример ряд интересных и отчасти неожиданных открытий, касающихся НПО, полученных в результате прикладных социологических исследований ООН и других многосторонних структур. Например, метод опроса экспертов в форме интервью использовался в ходе реализации Проекта интеллектуальной истории ООН (*UN Intellectual History Project*). Его авторы пришли к выводам о существовании т. н. третьей ООН, представляющей собой совокупность «частных голосов», существенно влияющих на формирование основных идей международной организации¹⁴.

Социологический взгляд на НПО способен углубить знания о данном классе международных акторов, отойдя от сугубо юридического понимания изучаемого феномена. Благодаря привлечению эмпирического материала и современных методов исследования наши знания о НПО становятся более точными и глубокими.

---

¹³ Москальчук Е. И. Формирование сетевых структур гражданского общества (на примере российских неправительственных организаций с консультативным статусом ЭКОСОС ООН) // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции "Навстречу будущему. Прогнозирование в социо-логических исследованиях", Москва, 15–16 марта 2017 года. М., 2017. С. 791–796.

¹⁴ Кутейников А. Е., Москальчук Е. И. Транснационализация неправительственных организаций // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 4 (47). С. 31.

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ
МЕХАНИЗМА ИЗЪЯТИЯ ИМУЩЕСТВА
РОССИЙСКИХ ЧАСТНЫХ ЛИЦ В ПРАВЕ ЕС
КАК ЭЛЕМЕНТ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ**

Войников Вадим Валентинович

*Д-р юрид. наук, профессор ОНК Институт управления
и территориального развития,
Балтийский федеральный университет имени И. Канта;
профессор кафедры интеграционного права и прав человека
МГИМО (У) МИД России
voinicov@yandex.ru*

После начала Российской Федерацией специальной военной операции Европейский союз существенно расширил односторонние ограничительные меры против России. В дополнение к действовавшим с 2014 г. ограничениям ЕС ввел масштабные ограничительные меры, которые, помимо прочего, предусматривали заморозку активов, принадлежащих РФ, а также частным лицам — гражданам России. По оценкам ЕС, было заблокировано около 300 млрд евро российского ЦБ и еще 19 млрд евро, принадлежащих российским частным лицам¹, хотя ЕС точно не удалось установить местонахождение большей части российских активов². Формально заморозка не тождественна конфискации и предполагает, что указанные активы когда-то будут возвращены своим владельцам.

---

¹ EU proposes options to seize frozen Russian assets, but legal concerns remain. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-proposes-options-to-seize-frozen-russian-assets-but-legal-concerns-remain/> (accessed 30 April 2023).

² В ЕС заявили о невозможности найти большинство замороженных активов России. URL: https://lenta.ru/news/2023/02/10/where_is_money/ (дата обращения 30 апреля 2023).

Практически сразу на различных уровнях стали звучать призывы об использовании замороженных российских активов якобы для восстановления Украины³ и даже для восстановления экономики самих стран ЕС. Безусловно, такие идеи вызвали неоднозначную реакцию как со стороны экспертного сообщества, так и со стороны представителей власти и бизнеса, поскольку на пути достижения заявленной цели возникал целый ряд препятствий юридического и политического характера. Фактически в данном случае речь идет о присвоении вверенных денежных средств (статья 160 УК РФ).

По мнению чиновников Европейской комиссии, законные возможности для конфискации суверенных активов Российской Федерации отсутствуют. По этой причине Комиссия считает возможным в краткосрочной перспективе инвестировать активы Центрального банка РФ для получения процентного дохода, однако в долгосрочной перспективе после завершения конфликта на Украине российские активы придется вернуть законному владельцу в надежде на то, что Россия добровольно начнет возмещать Украине нанесенный ущерб⁴.

При этом в рамках ЕС были созданы специальные механизмы, призванные помочь в выявлении и аресте имущества. К таким механизмам относятся: Целевая группа российских элит, доверенных лиц и олигархов (РЕПО) (The Russian Elites, Proxies, and Oligarchs Task Force, REPO)⁵, Целевая группа

---

³ Stephan P., 13.03.2023. Justice and the Confiscation of Russian State Assets. URL: <https://www.lawfareblog.com/justice-and-confiscation-russian-state-assets#:~:text=Justice%20and%20the%20Confiscation%20of%20Russian%20State%20Assets> (accessed 30 April 2023).

⁴ Ukraine: Commission presents options to make sure that Russia pays for its crimes. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_7311 (accessed 10 April 2023).

⁵ Russian Elites, Proxies, and Oligarchs Task Force Joint Statement. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/da/statement_22_4232 (accessed 10 April 2023).

«Заморозка и конфискация» (Freeze and Seize Task Force)⁶. Был даже создан так называемый инструмент информирования о санкциях ЕС (EU Sanctions Whistleblower Tool)⁷ для раскрытия случаев нарушения санкций, уклонения от них и их обхода. Данный механизм представляет собой защищенную онлайн-платформу, которая позволяет осведомителю из любой точки мира подать сообщение о предполагаемых нарушениях санкций; при этом осведомитель вправе остаться анонимным.

Проблему легализации изъятия российских активов следует поделить на две части: конфискацию российских суверенных активов; конфискацию денежных средств и иных активов, принадлежащих российским частным лицам, преимущественно нынешним и бывшим олигархам, которые, по мнению чиновников ЕС, ассоциируются с российской властью.

Несмотря на бурное обсуждение, в настоящее время ни в ЕС, ни в других государствах, принявших антироссийские санкции, нет понимания того, каким образом можно использовать замороженные российские активы.

В рамках настоящей статьи основное внимание будет уделено второму направлению, касающемуся попыток властей ЕС изъять частные российские активы.

В период после февраля 2022 г. на уровне ЕС и отдельных государств-членов в отношении России был принят целый ряд мер, которые до настоящего времени никогда не предпринимались со стороны ЕС, тем более в отношении такого государства, как Россия. Рассматриваемый в настоящей

---

⁶ 'Freeze and Seize Task Force': Almost €30 billion of assets of Russian and Belarussian oligarchs and entities frozen by the EU so far. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_2373 (accessed 10 April 2023).

⁷ Welcome to the EU Sanctions Whistleblower Tool // European Commission. URL: <https://eusanctions.integrityline.com/frontpage> (accessed 10 April 2023).

статье механизм конфискации относится именно к таким мерам, из-за чего данная инициатива требует адекватной оценки и анализа.

Изъятие частных активов имеет принципиально иное политическое и правовое измерение, нежели конфискация суверенных активов, поэтому для осуществления этого плана изначально планировалось использовать свои подходы.

Во-первых, страны ЕС и их союзники рассматривали вопрос о том, чтобы предложить российским бизнесменам, попавшим под санкции, выкупить «индальгенцию» путем добровольного перечисления денежных средств в различные фонды, оказывающие помощь Украине. Безусловно, такой формат предполагает обоюдное согласие.

Во-вторых, ЕС приступил к разработке механизма принудительного изъятия частной собственности. Здесь стояла непростая задача — подготовить изящный механизм, который бы, с одной стороны, позволил нарушить право частной собственности, а с другой — сделать это под прикрытием демократических принципов. Иными словами, необходимо было изобрести механизм, позволяющий изъять чужое имущество в полном соответствии с нормами права.

Как известно, Остап Бендер знал 400 относительно честных способов отъема денег. Однако навряд ли среди них был тот, который предложила Европейская комиссия. 25 мая 2022 года Комиссия подготовила первый пакет законопроектов, направленных на легализацию механизма изъятия имущества и денежных средств у частных лиц, попавших под санкции⁸. Суть указанного механизма состоит в следующем. ЕС намеревается криминализировать деяния, связанные с нарушением

---

⁸ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council towards a Directive on criminal penalties for the violation of Union restrictive measures. Brussels, 25.5.2022. COM(2022) 249 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022DC0249> (accessed 25 March 2023).

режима ограничительных мер, а в качестве одного из наказаний предусмотреть ответственность в виде конфискации имущества и денежных средств. Иными словами, было предложено ввести общесоюзные санкции за нарушение санкций.

В настоящее время уголовное право находится в ведении государств — членов ЕС, однако в силу статьи 83 (1) Договора о функционировании Европейского союза (далее ДФЕС)⁹ Союзу предоставлены полномочия по гармонизации норм уголовного права в части особо тяжких преступлений, имеющих трансграничный характер. Перечень преступлений определен в статье 83 (1) ДФЕС, однако в силу данной нормы, исходя из развития преступности, на основе единогласия Совет может принять решение о расширении указанного перечня.

На уровне ЕС реализация данного механизма включает три компонента. Во-первых, необходимо включить деяния, связанные с нарушением санкционного режима ЕС в число наиболее тяжелых видов преступлений, имеющих трансграничный характер, и в отношении которых ЕС может осуществлять меры по гармонизации. В этой целью в мае 2022 г. Комиссия подготовила проект соответствующего решения Совета¹⁰ (ст. 83 (1) ДФЕС). Данное решение было принято в ноябре 2022 г.¹¹ Это очень лаконичный акт, согласно которому нарушение ограничительных мер Союза является преступлением по смыслу второго подпараграфа статьи 83(1) ДФЕС, т.

---

⁹ Договор о функционировании Европейского Союза. URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (accessed 25 March 2023).

¹⁰ Proposal for a Council Decision on adding the violation of Union restrictive measures to the areas of crime laid down in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union. Brussels, 25.5.2022. COM(2022) 247 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/1_191743_prop_dec_cri_en.pdf (accessed 25 March 2023).

¹¹ Council Decision (EU) 2022/2332 of 28 November 2022 on identifying the violation of Union restrictive measures as an area of crime that meets the criteria specified in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union. OJ L 308, 29.11.2022. P. 18–21.

е. относится к особо тяжкой преступности с трансграничными масштабами.

Во-вторых, Комиссия подготовила проект директивы о конфискации¹², которая определяет механизм отслеживания, идентификации, конфискации и управления имуществом в рамках уголовного судопроизводства. По идее Европейской комиссии директива о конфискации должна заменить собой существующие правовые акты, касающиеся заморозки и конфискации имущества в рамках уголовного судопроизводства¹³, которые перестали отвечать вызовам сегодняшнего дня. Указанный акт призван гармонизировать национальные правила в области уголовного права, уголовного процесса и полицейской деятельности, касающиеся отслеживания, идентификации, заморозки и конфискации активов. Отдельной задачей данной директивы является установление правил, способствующих эффективному осуществлению ограничительных мер Союза и последующему возвращению соответствующего имущества, когда это необходимо для предотвращения, выявления или расследования уголовных преступлений, связанных с нарушением ограничительных мер Союза.

Согласно директиве, конфискация применяется в отношении имущества, которое является орудием преступления или которое получено в результате преступной деятельности.

В-третьих, Комиссия подготовила проект директивы о гармонизации уголовной ответственности за нарушение союзных ограничительных мер¹⁴. Согласно данной директиве,

---

¹² Proposal for a Directive of the Parliament and of the Council on asset recovery and confiscation Brussels, 25.5.2022. COM(2022) 245 final. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/proposal-directive-asset-recovery-and-confiscation_en (accessed 25 March 2023).

¹³ Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union. OJ L 127, 29.4.2014. P. 39–50.

¹⁴ Proposal for a Directive of the Parliament and of the Council on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive

устанавливаются союзные гармонизированные правила, определяющие понятия преступления, связанного с нарушением санкционного режима, и характера уголовной ответственности. При этом директива определяет, какие именно деяния подпадают под сферу ее действия (объективная сторона преступления). К таким деяниям, в частности, отнесены: предоставление средств и имущества лицу в нарушение режима запрета; бездействие по заморозке активов; предоставление услуг в нарушение режима запрета; разрешение на въезд в страну в нарушение установленного запрета и т. д.

В соответствии с проектом директивы уголовную ответственность должно нести любое лицо, которое нарушает режим ограничительных мер, способствует обходу санкций либо содействует в совершении указанных деяний.

Главный момент применительно к рассматриваемой в настоящей статье проблематике содержится в статье 10 законопроекта, согласно которой государства-члены принимают необходимые меры для обеспечения того, чтобы средства или экономические ресурсы, подпадающие под ограничительные меры Союза, в отношении которых указанное лицо, организация или орган совершают или участвуют в преступлении, считаются «доходами» от преступлений для целей Директивы о возвращении и конфискации. Таким образом, независимо от характера действий и вовлеченности имущества в случае наличия признаков нарушения санкций все замороженные активы признаются доходами от преступной деятельности и подлежат конфискации.

Формально рассмотренный выше пакет законопроектов был принят для повышения эффективности санкционной политики путем введения общесоюзных стандартов,

---

measures. COM/2022/684 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022PC0684> (accessed 25 March 2023).

обеспечивающих правильную имплементацию ограничительных мер¹⁵. Тем не менее, учитывая время, обстановку, а также характер представленного пакета законопроектов, можно сделать вывод о том, одной из ключевых задач разработанного механизма выступает подготовка основы для конфискации активов, принадлежащих российским частным лицам.

Если рассматривать данную схему покомпонентно, то каждый отдельный элемент в полной мере соответствует общемировой практике, а также ключевым принципам уголовного и уголовно-процессуального права. Однако если рассматривать всю схему целиком, то она представляет собой узаконенный механизм принудительного изъятия частной собственности. В современном праве безвозмездное принудительное изъятие имущества возможно в виде конфискации в качестве меры ответственности за совершенное преступление или правонарушение. На момент заморозки активов физические лица, в отношении которых приняты соответствующие меры, никаких правонарушений не совершили. Соответственно, для легализации данной схемы необходимо сделать так, чтобы действия указанных лиц формировали состав преступления. Ввиду очень размытых формулировок как в актах Совета о применении санкций, так и в рассматриваемой Директиве существует большая вероятность квалификации действий лиц, попавших под санкции, либо третьих лиц в качестве преступлений, связанных с нарушением режима санкций с последующей конфискацией активов. Иными словами, существует очень тонкая грань между правомерным поведением и нарушением санкций.

Фактически предложенный механизм будет подталкивать государства — члены ЕС искусственно создавать ситуации, при которых лица, попавшие под санкции, будут

---

¹⁵ Vermeulen, G. EU Criminal justice and law enforcement cooperation: never a dull moment // *Revue internationale de droit pénal*. Vol. 92. Issue 2. P. 7.

совершать действия, за которые их привлекут к уголовной ответственности с конфискацией имущества.

Кроме того, вызывает сомнение законность положения проекта Директивы о гармонизации уголовной ответственности за нарушение союзных ограничительных мер в той части, которая обязывает государства-члены обеспечить квалификацию имущества и денежных средств, подпадающих под санкции в качестве доходов, полученных преступным путем. Во-первых, невозможно признать имущество и средства, приобретенные до момента совершения преступления (в данном случае до момента нарушения санкционного режима) в качестве доходов, полученных от этого же преступления. Во-вторых, признание имущества и денежных средства в качестве дохода, полученного преступным путем, может быть осуществлено только на основе индивидуальной оценки, с учетом всех обстоятельств дела. Соответственно, в случае введения соответствующих законодательных норм возникает существенный риск нарушения принципа свободы оценки доказательств. Указанное положение является одним из наиболее спорных в рамках всего пакета законопроектов. Вместе с тем оно играет чрезвычайно важную роль, поскольку, по мнению разработчиков законопроекта, должно обеспечить формальную легализацию всей схемы принудительного изъятия частной собственности.

Подготовка рассмотренного выше пакета законопроектов свидетельствует также еще об одном обстоятельстве. Традиционно ограничительные меры, за исключением тех, которые были приняты в соответствии со статьей 75 ДФЕС, выступали инструментом общей внешней политики и политики безопасности. Однако сейчас для обеспечения реализации санкционной политики на союзном уровне используются инструменты, разработанные в области правового сотрудничества по

уголовным делам¹⁶. Все это свидетельствует о том, что санкционная политика ЕС постепенно выходит за рамки общей внешней политики и политики безопасности, постепенно проникая в другие направления политики ЕС.

Таким образом, на основе анализа предложенного механизма конфискации активов, принадлежащих российским частным лицам, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, на сегодняшний день в рамках ЕС отсутствуют решения по законному изъятию суверенной и частной российской собственности. Во-вторых, использование предложенного механизма конфискации частных активов может создать опасный прецедент подрыва со стороны ЕС права частной собственности. Данный механизм в конечном счете нарушает принцип верховенства права, выступающий ключевой ценностью и достижением европейской интеграции. В-третьих, санкционная политика ЕС выходит за рамки общей внешней политики и политики безопасности, постепенно проникая в другие сферы союзной политики, превращаясь, таким образом, в самостоятельное направление политики ЕС.

---

¹⁶ Olsen K. B., Kjeldsen F. S. Strict and Uniform: Improving EU Sanctions Enforcement // DGAP Policy Brief, 2022. N 29. URL: <https://nbnresolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-85171-2> (accessed 25 March 2023).

ВОЗМОЖНО ЛИ РЕФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ?

Доурадо Роша Габриел
*Аспирант кафедры международного права
РУДН имени Патриса Лумумбы
1042215156@pfur.ru*

В ходе обсуждения доклада «Нормативные и политические аспекты деятельности Организации американских государств в современных условиях развития»¹ на секции «Международные организации в современном мире: право и политика» восемнадцатого Международного конгресса «Блищенковские чтения» в 2022 г. автору данного доклада был задан вопрос: нужно ли серьезно реформировать ОАГ или создать вместо нее новую организацию? Данный доклад содержит ответ на этот вопрос.

Предложения о реформировании ОАГ или создании новой организации выдвигались. Оценивая вероятность реализации таких предложений, следует принимать во внимание несколько факторов: расстановку сил в организации, ее сравнительные преимущества и недостатки в сравнении с другими формами многостороннего сотрудничества, потенциал развития.

Вектор политики ОАГ во многом определяют Соединенные Штаты. Не случайно, что штаб-квартира ОАГ находится в Вашингтоне. К изменениям организации готовы Куба, Ни-

---

¹ Доурадо Р. Г. Нормативные и политические аспекты деятельности Организации американских государств в современных условиях развития // Международные организации в современном мире: право и политика: материалы круглого стола XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». Санкт-Петербург, 19 ноября 2022 г. М.: РУДН, 2023. С. 27–31.

карагуа и Венесуэла. Остальные государства, даже если и желают перемен, не всегда могут открыто высказывать свои предпочтения. Тем не менее, в 2010 г. 33 страны региона (т. е. все государства Америки, кроме США и Канады) создали новый форум — Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК).

ОАГ имеет ряд достижений. Следует признать вполне успешной Межамериканскую систему защиты прав человека. Тем не менее, в отношении США и большинства бывших колоний Великобритании в регионе Межамериканская комиссия не имеет права передавать дела в Межамериканский суд, поскольку эти страны не присоединились к Американской конвенции 1969 г. или не признали полномочия суда, что является существенным фактором, подрывающим эффективность Межамериканской системы². США не полностью принимают во внимание доклады межамериканской комиссии, например, в отношении дел «Мэри и Кэрри Дэн»³, «Лезмонд Чарльз Митчелл»⁴, «Роберто Морено Рамос»⁵, «Эдгар Тамайя Ариас»⁶, «Феликс Роча Диас»⁷. А. Х. Абашидзе отмечает, что созданию Межамериканской системы защиты прав человека во многом способствовало обострение политической обстановки в регионе в 1930-е годы. В то время президент США Франклин Рузвельт заявил о том, что США намерены проводить в отноше-

---

² Кузнецова С. Н. Международная защита прав человека. Нижний Новгород, 2005. С. 159.

³ Inter-American Commission on Human Rights. Report 75/02, Case 11,140, Mary and Carrie Dann (United States), December 27, 2002.

⁴ Inter-American Commission on Human Rights. Report No. 211/20. Case 13.570. Lezmond C. Mitchell vs. USA. August 24, 2020.

⁵ Inter-American Commission on Human Rights. Report 01/05, case 12.430 (Roberto Moreno Ramos v. United States), January 28, 2005.

⁶ Inter-American Commission on Human Rights. IACHR Condemns Execution of Edgar Tamayo Arias in the United States. January 27, 2014.

⁷ Inter-American Commission on Human Rights. Report No. 11/15. Case 12.833. Felix Rocha Diaz vs. United States. March 23, 2015.

нии государств Латинской Америки новую политику — политику добрососедства⁸. Однако до сих пор в отношении некоторых государств Латинской Америки США проводят агрессивную политику (с различными нюансами). При этом в СЕЛАК вообще отсутствуют механизмы защиты прав человека, и в этом отношении ОАГ в большей степени соответствует современной модели международной организации, предполагающей наличие правозащитной функции.

Существенным фактором, снижающим эффективность ОАГ, является ее позиция по отношению к Кубе. Между Кубой и ОАГ до сих пор сохраняется связь в основном благодаря кубинскому участию в Панамериканской организации здравоохранения⁹. Тем не менее, санкции против острова до сих пор не сняты, несмотря на то, что ОАГ, ООН, СЕЛАК и другие международные организации не раз заявляли, что санкции должны быть отменены в соответствии с нормами международного права. Генеральная Ассамблея ООН 30 раз безуспешно требовала от США снятия блокады с острова. В Генеральной Ассамблее ООН, уже более 20 лет практически все страны ООН, кроме США, настроены против санкций в отношении Кубы, но дипломатической победе острова в ООН и в других международных организациях препятствуют санкции и экономическое давление на население.

Одной из причин сохранения блокады является то, что США считают незаконной национализацию имущества своих граждан США, не смотря на наличие юридических оснований и механизма компенсации. Анализируя дело Верховного суда США *'Banco Nacional de Cuba v. Sabbatino'* (1964), И. П. Блищенко и Ж. Дория отмечают, что закон Кубы о национализации соответствовал резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН, то есть документам, известным американским судьям,

---

⁸ Региональные системы защиты прав человека. М., 2023. С. 142.

⁹ Barrios P. R. F. Cuba y el sistema interamericano. Entre el mito político y la realidad jurídica // Revista Foro Cubana. Vol. 2. 2021 N 2. P. 24–36.

участвовавшим в разборе данного дела. Однако во время судебных заседаний по делу Саббатино они квалифицировали проведенные мероприятия по национализации как конфискацию. В материалах суда термин «национализация» даже не упоминался. Тем самым предпринималась попытка придать отчуждению имущества оттенок наказания, то есть извращалась сама сущность национализации, которая для Кубы была прежде всего средством обеспечения экономической независимости¹⁰. Национализация на Кубе прошла в соответствии с международным правом. Канада, Испания, Франция, Великобритания и Швейцария согласились заключить соглашения о получении компенсации от кубинского государства. Только США отказались от репараций, предложенных правительством Кубы¹¹.

В настоящее время США не снимают блокаду Кубы. Тем не менее они не создают «параллельное правительство», как в случаях с Никарагуа и Венесуэлой, вышедших из организации и денонсировавших Устав ОАГ. Куба же не денонсировала устав ОАГ. Несмотря на отмену ОАГ своей резолюции 1962 г. о приостановке участия кубинского правительства в работе ОАГ, Куба не вернулась к работе в структурах организации и продолжает считать ОАГ империалистической организацией.

В 2009 и 2016 гг. Генеральная Ассамблея ОАГ принимала резолюции, признающие нарушения международного права в случаях приостановления участие Кубы или вторжения в Доминиканскую Республику в 1965 г. Однако, чтобы полностью вернуться к нормам международного права, предстоит принять еще другие решения. Иными словами, ОАГ ещё есть перед кем извиняться.

---

10 Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М., 1999. С. 61.

11 Rocha, G. D.; Silva, M. A. As potencialidades e os limites do Direito Internacional Público contemporâneo: uma análise do bloqueio imposto à Cuba pelos EUA. Brasília, Brasil. Universidade de Brasília. Revista de Estudos e Pesquisas sobre as Américas, 2019, 13 (3), P. 100–134.

Недавно ОАГ заявила о нелегитимности выборов в Боливии. Это усилило нестабильность в стране, и в 2019 г. там произошёл государственный переворот. Позже стало известно, что даже если бы все итоговые списки, признанные ОАГ якобы фальсифицированными, содержали бы данные в пользу кандидата К. Месы, результат избирательного процесса сохранил бы разницу между кандидатами более 10%, и это, согласно конституции Боливии, обеспечило бы победу Э. Моралесу уже в первом туре голосования. Однако ему пришлось покинуть страну и оказаться в Мексике на правах беженца. Вскоре после этого его партия снова выиграла выборы, и он вернулся в Боливию.

Эксперт Российского института стратегических исследований И. Пшеничников справедливо отметил, что Л. Альмагро, Генеральный секретарь ОАГ, полностью подчиняется установкам, полученным от правительства США¹². В 2002 г. и в 2019 г. ОАГ признала в Венесуэле «параллельные правительства», незаконно сформированные оппозицией.

Постоянный совет ОАГ 21 апреля 2022 г. одобрил резолюцию о приостановке статуса Российской Федерации в качестве наблюдателя при организации из-за ситуации вокруг Украины. Резолюцию поддержали 25 стран, а ряд стран, включая Бразилию, Мексику и Боливию, воздержались от голосования. При голосовании посол Мексики в ОАГ задала резонные вопросы: для чего будет приостановлен статус постоянного наблюдателя России в ОАГ? Решит ли приостановка какие-то конкретные задачи? Будет ли это способствовать поиску приемлемых решений? Посол Российской Федерации в США А. Антонов заявил, что ему не дали выступить на заседании ОАГ, где было принято решение о приостановке ста-

---

¹² Пшеничников И. Б. Конкуренция альянсов в Латинской Америке. 18.11.2021. URL: <https://riss.ru/news/videocomment/konkurenciya-alyansov-v-latinskoj-amerike/> (дата обращения 10 января 2024 г.).

туса России как постоянного наблюдателя. Посол назвал решение ОАГ серьезной ошибкой, отметив, что задача любой международной структуры — объединять государства в решении насущных проблем, которых в регионе более чем достаточно. Он подчеркнул, что ОАГ стала слабее, оттолкнув от себя надежного друга. В этой ситуации проиграли практически все страны ОАГ, за некоторым исключением. Посол связал принятие этого решения с беспрецедентным давлением на страны Латинской Америки со стороны США и их сателлитов. Посол также раскритиковал решение ОАГ включить в резолюцию бездоказательные обвинения в адрес России в нарушении международного права и подчеркнул, что Москва готова продолжить сотрудничество с организацией.

Не смотря на явные признаки кризиса организации, роспуск ОАГ обошелся бы слишком дорого. Организация имеет потенциал обеспечения соблюдения прав человека. Обязательства в этой сфере должны соблюдаться всеми, включая Кубу, Никарагуа и Венесуэлу. В то же время ОАГ не должна игнорировать выхода из ее состава Никарагуа и Венесуэлы в полном соответствии с уставом ОАГ, поэтому никто не должен выступать от имени этих стран в организации. И, конечно, же она не должна вмешиваться во внутренние дела суверенных государств.

**ВЛИЯНИЕ ЧЛЕНСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ
НА ПОЛИТИКУ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО ОТНОШЕНИЮ
К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹**

**Дудченко Марк Геннадьевич,
Кристман Артур Андреевич**

*Студенты факультета международных отношений
и политических исследований*

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС
dudchenko_official@inbox.ru, arturkristman@yandex.ru*

В процессе распада Советского Союза и биполярной системы международных отношений государства Центральной и Восточной Европы, входившие в состав Организации Варшавского договора, Совета Экономической Взаимопомощи, начали вовлекаться в иные организации и союзы. Болгария, Румыния, Венгрия, Польша, Чехословакия, вскоре разделившаяся на Словакию и Чехию, взяли курс на интеграцию в Европейские сообщества/Европейский союз. Для подготовки к вступлению в привлекательное для них объединение Венгрия, Польша и Чехословакия создали группу, получившую название Вышеградская². Болгария и Румыния не создавали объединений и не присоединялись к другим, однако активно ока-

---

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112900010-9.

² Декларация о сотрудничестве между Чешской и Словацкой Федеративной Республикой, Республикой Польша и Венгерской Республикой в стремлении к европейской интеграции (Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration) // Visegrad Group. 1991. URL: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412> (дата обращения 9 апреля 2023 г.).

зывали политическую поддержку друг другу. Страны Вышеградской группы вступили в Евросоюз в 2004 г., Болгария и Румыния — в 2007 г.

В то же время идут реформы внутри самого ЕС. Маастрихтский договор дополняется Амстердамским договором 1997 г. и Ницким договором 2000 г. Последний обеспечил создание правового поля для расширения на Восток, ввёл принцип двойного большинства при голосовании квалифицированным большинством в Совете ЕС. Ницкий договор потребовался для того, чтобы малые страны (число которых возросло) не могли блокировать в Совете решения, отвечающие интересам основного состава ЕС³. Таким образом, с обеих сторон велась подготовка к интеграции.

Между образовавшейся Российской Федерацией, с одной стороны, и Вышеградской группой, Румынией и Болгарией — с другой, существовали прочные связи со времён социалистического блока, они распространялись на газовую отрасль промышленности и всю энергетическую сферу. Сотрудничество в газовой отрасли между Россией, Болгарией, Румынией и странами Вышеградской четвёрки осуществляется на основе Оренбургского соглашения⁴. Соглашение продлевается типовыми Меморандумами о взаимопонимании и Меморандумами о дальнейшем развитии отношений в газовой отрасли между Газпромом и указанными странами. Однако, сотрудничество в энергетической сфере и в газовой отрасли между Россией и странами-покупателями подпадают под действие права ЕС и регулирования со стороны институтов Европейского союза.

---

³ Борко Ю., Буторина О. История развития Европейского союза. М., 2009. URL: https://mgimo.ru/uploads/files/Borko_Butorina_Istoriya_ES.pdf (дата обращения 1 апреля 2023 г.).

⁴ Газпромэкспорт. URL: <https://gazpromexport.com/partners/bulgaria/> (дата обращения 5 апреля 2023 г.).

Поскольку снабжение энергией является исключительно важным вопросом для Евросоюза, то этот аспект нашёл отражение в первом параграфе статьи 194 Договора о функционировании ЕС: политика Союза в энергетической сфере ставит целями обеспечение функционирования энергетического рынка, надежности энергоснабжения, содействие энергетической эффективности и экономии энергии, а также объединению энергетических сетей⁵.

В 2009 г. в целях либерализации рынка газа и электроэнергии Союза вступил в силу Третий энергопакет Евросоюза, который регулировал следующие основные сферы: отделение функций поставщиков энергоресурсов от функций сетевого оператора; усиление роли и независимости национальных регуляторов; создание общеевропейского агентства по кооперации энергетических регуляторов⁶.

Ранее система транспортировки газа была внутренним делом каждого государства-члена⁷. С принятием Третьего пакета проявилась тенденция к созданию единой европейской энергетической сети, которая связывала бы государства между собой, в том числе обеспечивая возможность реверсивных поставок. Это нашло своё применение уже в мае 2022 г., когда Польша отказалась от оплаты российского газа в рублях, в связи с чем Газпром приостановил поставки⁸. Однако наличие единой энергосистемы позволило Польше откачивать часть поставляемого газа из России в Германию себе, когда формально оплату проводили другие страны.

---

⁵ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal 26.10.2012.

⁶ Мельникова С. И., Геллер Е. И., Митрова Т. А., Кулагин В. А. Газовый рынок ЕС: эпоха реформ. М., 2016. С. 11.

⁷ Гудков И. В. Третий энергетический пакет Европейского союза // Нефть, Газ и Право. 2010. № 3. С. 59.

⁸ Польша начала получать газ через виртуальный реверс из Италии и Франции // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/05/2022/62727e049a7947200967829d> (дата обращения 5 апреля 2023 г.).

Имплементация норм Третьего энергопакета вызвала ряд проблем на национальных уровнях. В частности, к 2011 г. ни одна из стран ЕС не смогла полностью удовлетворить все требования, изложенные в этом энергопакете. Уже в 2012 г. состоялось несколько судебных разбирательств в отношении ряда стран, в том числе Польши, Болгарии и Румынии⁹.

В 2014 г. Европейская комиссия приняла новую энергетическую стратегию (European Energy Security Strategy)¹⁰. Цель Стратегии — обеспечение безопасности энергетического сектора Евросоюза путём диверсификации внешних поставок и усиления внутреннего рынка. Согласно этому документу, наиболее уязвимыми регионами являются Прибалтика и Восточная Европа, что связано с их зависимостью от поставок энергоресурсов из России.

В качестве одного из ключевых факторов обеспечения энергетической безопасности ЕС указан коллективный подход к внутреннему и внешнему газовым рынкам. На фоне сбоев в газовых поставках 2006, 2009 и 2014 гг. ЕС призвал к диверсификации внешних поставок и связанной с этими поставками инфраструктуры¹¹.

В 2015 г. в принятой стратегии о создании Энергетического союза указывается на то, что «Еврокомиссия будет использовать все возможные политические инструменты, наста-

---

⁹ Мельникова С. И., Геллер Е. И., Митрова Т. А., Кулагин В. А. Газовый рынок ЕС: эпоха реформ. М., 2016. С. 12.

¹⁰ European Energy Security Strategy. 28 мая 2014 г. SWD(2014) 330 final <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/resources/docs/european-energy-security-strategy.pdf>. (дата обращения 6 апреля 2023 г.).

¹¹ Европейская стратегия энергетической безопасности (European Energy Security Strategy). 28 мая 2014 г. SWD(2014) 330 final <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/resources/docs/european-energy-security-strategy.pdf> (дата обращения 6 апреля 2023 г.).

ивая, чтобы все страны — члены ЕС полностью внедрили положения Третьего энергопакета»¹². Одной из основных сложностей в создании единого энергетического рынка являются двусторонние газовые договорённости между национальными правительствами стран Центральной Восточной Европы и Юго-Восточной Европы, с одной стороны, и Россией — с другой.

Исходя из прописанных основ стратегии 2015 г., Энергосоюз должен был заставить все страны ЕС «обрести единый голос во время переговоров с третьими странами», поскольку зачастую интересы отдельных стран не соответствовали общеевропейским, в том числе по вопросу поставок газа из России¹³.

Таким образом, Третий энергопакет 2009 г., Энергетическая стратегия 2014 г. и стратегия создания Энергетического союза были призваны выработать единый общеевропейский подход к энергетической безопасности, который был бы невозможен без кооперации всех членов ЕС. В том числе, он был бы невозможен и без ущерба российско-центральновосточноевропейским и российско-юговосточноевропейским отношениям.

Современный энергетический кризис, особенно сильно сказавшийся на странах ЕС¹⁴, наглядно продемонстрировал важность энергетической безопасности и её планирования. Неоднородность и разнообразие энергетических возможностей стран Союза и их основных энергетических партнёров

---

¹² Мельникова С. И., Геллер Е. И., Митрова Т. А., Кулагин В. А. Газовый рынок ЕС: эпоха реформ. М., 2016. С. 13.

¹³ Лихачев В. Л., Вестфаль К. Отношения России и ЕС в сфере энергетики. Доклад № 35/2017 [Российский совет по международным делам; Центр им. Роберта Боша Германского совета по международным отношениям]. М., 2017. С. 9.

¹⁴ *Энергетический кризис в Европе*. Новостной портал *Deutsche Welle* URL: <https://www.dw.com/ru/energeticeskij-krizis-v-evrope/t-63777879> (дата обращения 25 февраля 2023 г.). СМИ является иностранным агентом.

делают формирование единого энергетического пространства и диверсификацию энергетических партнёров необходимыми для ЕС.

Одним из последних принятых общеевропейских документов, регламентирующих энергетическую безопасность и, как следствие, затрагивающих взаимоотношение Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с Российской Федерацией, является Внешняя энергетическая стратегия (ВЭС) (EU External Energy Engagement in a Changing World), принятая Европейской Комиссией 18 мая 2022 года.

ВЭС расставляет маяки в энергетическом направлении движения стран ЕС в ближайшем будущем при выборе энергетических партнёров, взаимоотношений стран в энергетической отрасли внутри самого ЕС, в развитии двусторонних и многосторонних соглашений с другими государствами. Данная стратегия оказывает влияние и на Российско-центральновосточноевропейские и Российско-юговосточноевропейские отношения.

В число главных задач ВЭС входят координация разработки энергетической инфраструктуры и переговоров с международными партнерами и диверсификация поставщиков энергоресурсов, в частности газа. Европейский союз намерен увеличивать поставки трубопроводного газа по Южному газовому коридору (TANAP) и Трансадриатическому газовому пути (TAP), которые являются главными конкурентами Турецкого потока с российским газом. В информационном бюллетене ВЭС отмечено, что основные потенциальные и в некоторых случаях действующие партнёры ЕС в газовой отрасли — это страны Персидского залива, Израиль и Египет, а также Иран и Азербайджан. По большому счету ВЭС направлена на вытеснение России с газового рынка стран Евросоюза.

С учетом того, что ЕС перешёл в активную фазу борьбы с Россией в вопросах поставок российского газа, используя термины «диверсификация» и «энергетическая платформа ЕС», всё это негативным образом влияет на отношения между

Россией и странами Центральной и Восточной Европы. Для последних такая стратегия энергетического взаимодействия не является выгодной с торгово-экономической точки зрения, о чём свидетельствует позиция Венгрии в вопросе включения газа в пакет санкций в отношении России. Подтверждением негативного влияния ВЭС на некоторые зависящие от российского газа страны Центральной и Восточной Европы служит заявление министра иностранных дел и внешнеэкономических связей Венгрии П. Сийярто о том, что Венгрия не может обойтись без российского газа. Наряду с этим в Болгарии ввиду невыполнения обещаний премьер-министра К. Петкова о достигнутых договорённостях с Азербайджаном по поставкам газа в Болгарию взамен российского Народным собранием был инициирован вотум недоверия к премьер-министру, вследствие чего К. Петков покинул свой пост. Однако основная борьба за российский газ еще впереди.

Поставки российского газа в страны ЕС свидетельствуют о том, что политику ЕС и большинства стран ЕС направляют антироссийски настроенные силы. Они готовы к ущемлению интересов экономических игроков и граждан своих стран в угоду своих узких политических интересов и недальновидному пониманию международной ситуации.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРАВА ЖЕНЩИН¹

**Зубрякова Ольга Валерьевна,
Торосян Ангелина Михайловна**

*Студенты факультета международных отношений
и политических исследований*

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС
zubrjakovov@gmail.com, atorosyan-20@edu.ranepa.ru*

Международные организации мусульманских стран имеют ряд обусловленных фактором ислама особенностей, отличающих их от других международных организаций, в частности, в осуществлении функции защиты прав и свобод человека. Понимание прав и свобод женщин в Организации Объединённых Наций выражается в следующем лозунге: права женщин — это права человека². В «классическом варианте» доктрины прав человека женщины и мужчины считаются полностью равноправными субъектами правовых отношений. Права и свободы человека носят неотъемлемый и универсальный характер, поэтому их ограничение в зависимости от гендерной принадлежности субъекта является недопустимым.

Восприятие общепринятых гражданских, политических, экономических и иных видов прав человека в рамках мусульманского мира осложняется искаженным представлением, а также ошибками в толкования Священных Писаний. Искорженные представления о нормах и традициях ислама прони-

---

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112900010-9.

² Права женщин — это права человека. URL: <https://www.ohchr.org/ru/publications/special-issue-publications/womens-rights-are-human-rights> (дата обращения 19 февраля 2023 г.).

кают в общественное сознание благодаря деятельности социальных и политических сил, использующих религиозную догматику в качестве элемента политической программы в борьбе за власть.

Рассмотрим миф об униженном положении женщин, носящих хиджаб. Данный миф в некоторых случаях получает подкрепление в действиях чрезмерных ревнителей ислама, которые сами не разобрались в существе вопроса. В то же время известна позиция ряда организаций исламских женщин, выступающих за равноправие, состоящая в том, что интерпретация шариата как сугубо патриархальной модели права и общественных отношений с подчиненным положением женщины не может считаться истинной. Ислам действительно не требует от женщины прятать свое лицо. С точки зрения представителей светской либеральной культуры ношение хиджаба может рассматриваться как обременительная обязанность, тогда как далеко не все женщины-мусульманки рассматривают это как ущемление своих прав и свобод. Некоторые, напротив, видят в этом элемент защиты свободы женщины.

Организация исламского сотрудничества и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива принимают участие в формировании правозащитной системы современных мусульманских стран. При этом выявление случаев и обсуждение проблемы ущемления женщин в правах не стоит в повестке дня этих организаций. Принятая ОИС 1990 г. «Каирская декларация о правах человека в исламе»³ содержит мусульманский взгляд на права человека, выступающий в качестве альтернативы западной модели. Незыблемыми правами, признаваемыми ОИС, являются: право на жизнь, право

---

³ Сафронова Е. В. История и будущее исламской правозащитной системы: шаги навстречу. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwj-1Ymr1fb7AhWOuIsKHZx6AhEQFnoECAwQAw&url=https%3A%2F%2Fvestnik.msal.ru%2Fjour%2Farticle%2Fdownload%2F1451%2F1472&usg=AOvVaw0TyFwxY9Uj-yhe6jDecpXb> (дата обращения 14 февраля 2022 г.).

на свободу, равенство и недопущение дискриминации, право на личную жизнь, право на справедливость и т. д. В статье 6 декларации зафиксировано, что женщина равна мужчине человеческим достоинством и имеет право пользоваться равными правами, так же как и выполнять свои обязанности; она имеет собственный гражданский статус и финансовую независимость, а также обладает правом сохранять свое имя и девичью фамилию. Пожалуй, единственное отличие между мужчиной и женщиной закреплено в пункте b этой статьи, согласно которому «муж отвечает за достаток и благополучие семьи».

Шариат в исламе носит статус божественных установок, законов, обязательных к исполнению и не подлежащих изменению⁴. Источниками прав и обязанностей, закрепленных шариатом, являются Коран, ниспосланный Всевышним, а также фикх — учение о комплексе правил общественного поведения. В исламских государствах шариат выступает в качестве основного закона, разумеется, после Священных писаний, регулирующих деятельность как государственных политических институтов, так и межличностные отношения, сочетая в себе нормы конституционного права, гражданского права, административного, процессуального, а также нравственно-морально-этические правила.

Законотворчество со стороны человека в мусульманском мире ограничено положениями шариата. С точки зрения традиционной исламской концепции политического устройства формирования правовой системы, как результата законотворческой деятельности человека, не носит объективный и универсальный характер, нежели установления Всевышнего, выступающие в исламском государстве в качестве

---

⁴ Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018.

фундаментального источника прав и обязанностей⁵. Индивиду в сформированной под влиянием исламского фактора государственной системе отведена роль структурной единицы уммы, подчиняющегося воле Всевышнего. Именно Бог оценивает человеческие поступки, наказывает и вознаграждает, шариат в данном случае носит второстепенный характер свершения правосудия, осуществляемом на мирском уровне — в человеческом мире, в то время как Божий суд вершится как в мирском, так и в загробном мире.

Классическим примером исламского государства, основанного на модели исламского политического устройства является Королевство Саудовская Аравия. Саудовская Аравия оказывает колоссальное влияние на процессы, протекающие в исламском мире. Наличие на территории государства мусульманских святынь, таких как Мекка и Медина, способствует укреплению статуса государства в роли центра притяжения членов мусульманской уммы. основополагающий правовой акт Саудовской Аравии — «Основы системы власти Королевства Саудовская Аравия» от 1992 года — утверждает главенствующую роль ислама⁶.

Конечно же реализация в жизнь прав и свобод далеки от идеала, но это касается не только мусульманских стран. Либеральный Запад, казалось бы, по своим достижениям в области прав и свобод человека опережает консервативный Восток. Тем не менее, например, практика оценки отчетных докладов комитетами по правам человека ООН показывает, что многочисленные нарушения встречаются и на Западе, и на Востоке.

За два десятилетия XX века мусульманские страны сделали шаг в сторону совершенствования системы обеспечения прав и свобод женщин. Например, в Саудовской Аравии в

---

⁵ Сюкияйнен Л. Р. Ислам и конституции арабских стран // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 4–23.

⁶ Сапронова М. А. Конституция Королевства Саудовская Аравия // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1. Западная Азия. М., 2010. С. 481–510.

2007 г. была основана «Ассоциация по охране и защите прав женщин»⁷, оказывающая юридическую помощь женщинам в трудной ситуации. С 2011 г. широкое распространение получило Движение #Women2Drive. Активистки размещали в сетях материалы о том, как они водят автомобили. Уже в 2013 г. женщины получили право управлять мотоциклами и велосипедами, а в 2018 г. — право на вождение автомобиля.

В Ираке общество Аль-Фирдус обеспечивает защиту девочек, пострадавших в результате гражданской войны (2011–2017 гг.), призывает правительство запретить ранние браки, обеспечить полноценное женское образование. Основательница «Аль-Фирдус» Ф. Аль-Бахадли заявляла, что права женщин как людей, как иракских граждан, и права неправительственной организации, работающей в соответствии с иракским законодательством, были нарушены»⁸.

Другим примером совершенствования отрасли права в мусульманских странах является Иран. Широкую огласку получил случай ареста М. Амини полицией нравов Ирана по обвинению в неправильном ношении хиджаба. В результате оперативных действий девушка скончалась. Это событие послужило отправной точкой волны протестов, прокатившейся по всему Ирану. Основную массу протестующих составляли женщины в возрасте 17–20 лет. Они выдвигали требования на право открытого доступа информации, право свободно встречаться женщинам с мужчинами. В ответ на бурную реакцию

---

⁷ Блог Уральской Ассоциации Молодых Ближневосточников. Борьба за права женщин в Саудовской Аравии: вчера, сегодня, завтра. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/Ural-associationmiddleeast/borba-za-prava-zhenshchin-v-saudovskoy-aravii-vchera-segodnya-zavtra/> (дата обращения 12 февраля 2022 г.).

⁸ Семенова М. Как женщины отстаивают свои права в странах, где равенства не существует // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/470277-kak-zensiny-otstaiyait-svoi-prava-v-stranah-gde-ravenstva-ne-susestvuet> дата обращения (дата обращения 14 декабря 2022 г.).

населения правительство Ирана заявило об упразднении полиции нравов и пообещали изменить закон об обязательном ношении хиджаба. О работе над законом сообщил генеральный прокурор М. Д. Монтазери, по его словам, процесс начался 30 ноября 2022 года.

Совершенствование отрасли прав женщин характерно для межгосударственного сотрудничества мусульманских стран. Функциями Организация по развитию прав женщин в государствах — членах ОИС является разработка и проведение учебных программ, поддержание государственных проектов, отстаивающих политические права женщин, и создание новой площадки для обмена опытом государств в сфере прав женщин. Деятельность организации связана с разработкой планов по процессу преодоления гендерной дискриминации, проведением семинаров и конференций на темы расширения прав женщин.

В документе ОИС 2016 г. «План действий ОИС по улучшению положения женщин» говорится о значимости вклада женщины в развитие экономики и политики государств. Дискриминация, с которой сегодня сталкиваются мусульманские женщины, объясняется тем, что в современной законодательной системе стран законы формируются с учетом исламских традиций и обычаев, в искаженном их восприятии. В плане действий ОИС по улучшению положения женщин 2016 года также представлены положения о защите женщин от насилия в случае возникновения кризисных ситуаций.

В совет сотрудничества арабских государств Персидского залива входят Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия. Страны подписали Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, отчитываются о ее выполнении. Однако страны ССАГПЗ все же сделали оговорку, что реализуют концепцию ликвидации всех форм дискриминации с учетом особенностей ислама. Иными словами, страны признают наделение женщины всеми теми

же правами, что и мужчины, но тем не менее оставляют за собой право трактовать положения конвенции с позиций шариата, которая не во всех положениях совпадает с положениями Конвенции.

Резюмируя вышеперечисленные тезисы, можно прийти к выводу, что тенденции к продвижению прав женщин имеются у всех мусульманских стран. Запрос на улучшение положения женщины в мусульманском мире есть. Однако, данный запрос не включает в себя наделение женщины статусом, который коренным образом противоречил бы догмам ислама и шариату.

Изучение взаимосвязи между Организацией Исламского сотрудничества и правами женщин позволяет понять сложные социокультурные, религиозные и правовые аспекты влияния ислама на статус и права женщин в государствах — членах организации. Организация Исламского сотрудничества играет важную роль в определении вектора развития законотворческой сферы стран-членов в соответствии с религиозными нормами и ценностями ислама с учетом незыблемых прав человека, закрепленных Всеобщей декларацией прав человека⁹.

Однако, несмотря на усилия Организации исламского сотрудничества, вызовы в области прав женщин остаются актуальными, особенно в связи с такими аспектами, как дискриминация, насилие, ограничения в доступе к образованию и труду. Поэтому дальнейшее развитие международного сотрудничества и принятие эффективных мер на уровне организации и государств-членов необходимы для улучшения положения женщин в соответствии с общепринятыми международными стандартами прав человека.

---

⁹ Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 7 декабря 2022 г.).

Деятельность ОИС на современном этапе подчеркивает важность поиска новых путей утверждения ценностей и традиций ислама, их учета в государственной политике современных мусульманских стран, в том числе и в сфере обеспечения и защиты прав женщин в рамках современных социокультурных и правовых реалий.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НЕМЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ АДРЕСНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ ИНТЕРНЕТА

Истомин Никита Алексеевич

*Соискатель кафедры международного права
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Понятие «управление интернетом» появилось на рубеже XX–XXI вв. в ходе различных дискуссий, связанных с регулированием общественных отношений в интернете. Рабочая группа по вопросам управления интернетом, учрежденная решением первого этапа Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (далее ВВУИО) дала следующее определение управления интернетом, использованное затем в итоговом документе ВВУИО — Тунисской программе для информационного общества: «разработка и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом при выполнении ими своей соответствующей роли общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, регулирующих эволюцию и использование интернета»¹. В другом итоговом документе — Декларации принципов ВВУИО — было закреплено, что в управлении интернетом должны участвовать все «заинтересованные сто-

---

¹ Сайт Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества / Тунисская программа для информационного общества. Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev. 1)-E. 18 ноября 2005 года. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества, Женева 2003 – Тунис 2005. URL: <https://www.itu.int/net/wsis/docs2/tunis/off/6rev1-ru.pdf> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

роны» и соответствующие межправительственные и международные организации². Использование и дальнейшая отсылка к заинтересованным сторонам открыло дорогу для более активного частного сектора и гражданского общества и использования «модели участия многих заинтересованных сторон» в управлении интернетом на международно-правовом уровне³. Определение является довольно широким и охватывает все группы общественных отношений — как опосредованных интернетом, так и специфических, то есть тех, что возникают по поводу его функционирования как технологической сети. Существует два подхода к определению его объема: узкий и широкий.

Узкий подход включает в себя вопросы технологического функционирования интернет-инфраструктуры (DNS, IP адреса, корневые сервера и т. д.) и положение Интернет-корпорации по присвоению имен и IP-адресов (*Internet Corporation for Assigned Names and Numbers*, далее ICANN) — ключевой организации, обеспечивающий единство и целостность интернета.

Широкий подход, используемый в итоговых документах ВВУИО и резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН⁴, включает, кроме технических вопросов, вопросы государственной

---

² Сайт Высшей Встречи по вопросам управления информационным обществом / Декларация принципов: построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-E. 12 декабря 2003 года. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества, Женева 2003 — Тунис 2005. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/S03-WSIS-DOC-0004!!PDF-R.pdf (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

³ Cerf V., Ryan P., Senges M. Internet Governance Is Our Shared Responsibility // *I/S: A Journal of Law and Policy for the Information Society*. 2014. Vol. 10, № 1. P. 4; Hofmann J. Multi-stakeholderism in Internet governance: putting a fiction into practice // *Journal of Cyber Policy*. 2016. Vol. 1, № 1. P. 35.

⁴ Information and communications technologies for development: resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2010. A/RES/65/141. URL: <https://undocs.org/en/A/RES/65/141> (дата обращения 07.04.2020).

политики, связанные с правовым, экономическим, социокультурным развитием общества, вопросами безопасности (например, сетевая безопасность и киберпреступность), вопросами, уже входящими в компетенцию международных организаций (например защита прав интеллектуальной собственности, международной торговли), вопросами прав человека (в частности, защиты свободы слова и неприкосновенности частной жизни, а также персональных данных), вопросами устойчивого развития (в частности, укрепление потенциала развивающихся стран в распределении доменных имен)⁵.

Попытка отделить технические аспекты (узкий подход) от вопросов публичной политики (широкий подход) не увенчалась успехом. Инфраструктура интернета стала проводником более широких политических и социоэкономических разногласий, от споров по доменам верхнего уровня до манипулирования функциями *DNS* (*Domain name system*, система доменных имен)⁶.

Государства и международные межправительственные организации являются субъектами системы международного права, а «иные» заинтересованные стороны, являются субъектами национального права. Государства и международные межправительственные организации могут являться субъектами частноправовых отношений. Заинтересованные стороны (несубъекты международного права) могут быть только субъектами частноправовых отношений, в том числе осложненных

---

⁵ Сайт Конференции ООН по развитию и торговле / Mapping of international Internet public policy issues: Commission on Science and Technology for Development, eighteenth session 17 April 2015. E/CN.16/2015/CRP.2. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ecn162015crp2_en.pdf (дата обращения 7 апреля 2020 г.); Курбалия Й. Управление Интернетом. DiploFoundation, 2016. С. 49.

⁶ Bradshaw S., DeNardis L., Hampson F. O., Jardine E., Raymond M. The Emergence of Contention in Global Internet Governance // Who Runs the Internet? The Global Multi-stakeholder Model of Internet Governance. 2016. Vol. 2. P. 50.

иностранным элементом, но не могут быть субъектами международно-правовых отношений в силу отсутствия у них международной правосубъектности. Объективным фактором, обуславливающим специфику сферы управления интернетом, является необходимость взаимодействия всех заинтересованных сторон, т. е. субъектов, принадлежащих к двум разным правовым системам. Их взаимодействие осуществляется в различных формах.

Деятельность международных межправительственных организаций, так или иначе занимающихся какими-либо вопросами, относящимися к управлению интернетом, могут предусматривать в своей организационной структуре участие разнообразных рабочих групп, комиссий, программ, форумов, к работе которых привлекаются заинтересованные стороны (несубъекты международного права). В Рабочей группе открытого состава⁷, созданной по инициативе России, активно участвовали несубъекты международного права (представители научного сообщества, гражданского общества). Такое участие выразилось в неформальных консультациях между государствами и несубъектами международного права, а также в направлении предложений и примеров лучших практик, консультациях отдельных делегаций государств с отдельными представителями технического и научного сообществ, организаций гражданского общества. Подобная форма взаимодействия не предполагает непосредственного участия несубъектов международного права в принятии каких-либо обязательных решений. Часто итог такого взаимодействия может оформляться в виде какого-либо доклада или исследования

---

⁷ Final Substantive Report. Open-ended working group on developments in the field of information and telecommunications in the context of international security. A/AC.290/2021/CRP.2. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2021/03/Final-report-A-AC.290-2021-CRP.2.pdf> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

либо акта рекомендательного характера. В обоих случаях участие несубъектов международного права в таком взаимодействии сведено к сугубо консультативной (экспертной) роли.

Примером является Форум по управлению интернетом, функционирующий в структуре ООН, чей 10-летний мандат был продлён до 2025 г.⁸ Форум — это площадка, открытая для встречи многих заинтересованных сторон (субъектов международного права и частных лиц — представителей коммерческих организаций, экспертно-технических сообществ, организаций гражданского общества) и ведения между ними политического диалога, создание которой было поручено Генеральному Секретарю ООН⁹. Мандат Форума не закрепляет за ним полномочий по принятию обязательных решений. Форум не вмешивается в вопросы повседневной эксплуатации или технического обслуживания интернета и не обладает надзорными функциями, а предусматривает обсуждение различных вопросов государственной политики, связанных с управлением интернетом и пересекающихся с ним вопросов международной политики, выработки идей и политических инициатив, обмена информацией и передовым опытом, использования знаний технического, академического и научных сообществ.

Аналогичные форумы нашли свое воплощение на национальных, субрегиональных и региональных уровнях. Так, существуют Форум по управлению интернетом Азиатско-тихоокеанского региона, Европейский диалог по управлению интернетом, Форум по управлению интернетом стран Латинской

---

⁸ Резолюция ГА ООН. Итоговый документ совещания высокого уровня Генеральной Ассамблеи, посвященного общему обзору хода осуществления решений Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества: 16 декабря 2015 г. A/RES/70/125. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/125> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

⁹ Резолюция ГА ООН. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества. 27 марта 2006 г. A/RES/60/252. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/252> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

Америки и Карибов и др.¹⁰ Арабский форум учрежден под совместной эгидой Лиги арабских государств и Экономической и социальной комиссии Организации Объединенных Наций для Западной Азии, а Африканский форум — на базе Африканского союза при поддержке Экономической комиссии ООН для Африки.

Еще одной организационно-правовой формой взаимодействия международных организаций и заинтересованных участников является предоставление им в рамках соответствующей международной межправительственной организации либо специального статуса (консультативного статуса, статуса наблюдателя), либо предоставление «членства». Например, Общество интернета, являющееся юридическим лицом (штат Вирджиния, США), обладает консультативным статусом в Экономическом и консультативном совете ООН (ЭКОСОС). Консультативный статус был предоставлен Обществу интернета в 2010 г., что дает этой организации, представляющей частный сектор, право участвовать в заседаниях ЭКОСОС и его вспомогательных органах, а также в конференциях ООН. Общество интернета является членом сектора двух секторов Международного союза электросвязи (далее МСЭ), а именно: сектора Т (Стандартизация электросвязи) и сектора Д (Развитие электросвязи). Членом последнего сектора МСЭ является также ICANN. Члены секторов вправе участвовать в мероприятиях Международного союза электросвязи.

Особым случаем взаимодействия государств и несубъектов международного права в управлении интернетом можно считать участие государств в деятельности ICANN. В 1999 г. с принятием нового устава ICANN был создан Правительственный консультативный комитет (далее Комитет). Члены

---

¹⁰ Сайт Международного Форума по управлению Интернетом / Regional IGF Initiatives. URL: <https://www.intgovforum.org/multilingual/content/regional-igf-initiatives> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

Комитета представлены государствами, имеющими право голоса в Комитете, и международными правительственными организациями, имеющими статус наблюдателей. В настоящее время в Комитете состоят 178 членов и 36 наблюдателей, причем в число последних входят такие организации, как Совет Европы, Международный союз электросвязи, Международный уголовный суд, ВОЗ, ВОИС, ВТО, ЮНЕСКО и др. Согласно статье 12.2a(i) Устава ICANN от 2 июня 2022 года, Комитет «должен разрабатывать и предоставлять рекомендации относительно деятельности ICANN, затрагивающей интересы правительств, в частности по вопросам взаимодействия правил ICANN и различных законов и международных соглашений, или затрагивающей вопросы государственной политики». Устав не обязывает Правление ICANN следовать рекомендациям Комитета. Это касается как рекомендаций Комитета общего характера, так и рекомендаций по отдельным случаям, связанным с делегированием конкретного доменного имени верхнего уровня. Например, в 2019 г. ICANN делегировала домен верхнего уровня ‘.amazon’ одноименной американской компании электронной торговли *Amazon*, а не одному из южноамериканских государств или организации Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки¹¹.

С точки зрения международно-правового регулирования в управлении интернетом сложилась двоякая ситуация. В большей части вопросов, относящихся к управлению интернетом и публичной политике, бесспорно, главенствуют государства и международные межправительственные организации. В вопросах технического функционирования интернета

---

¹¹ Сайт Internet Corporation of Assigned Names and Numbers. Letter from Vice President, Public Policy Brian Huseman (Amazon) to Chair, Board of Directors, Cherine Chalaby (ICANN). April 17, 2019. URL: <https://www.icann.org/en/system/files/correspondence/huseman-to-chalaby-17apr19-en.pdf> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

как глобальной сети большую роль играют ICANN и подобные ей организации. На сегодняшний день именно ICANN, а не МСЭ или какая-то иная международная межправительственная организация разрабатывает правила использования доменных имен, распределяет их и решает вопросы целесообразности создания новых доменных имен. Такая роль частных организаций в управлении адресным пространством интернета обусловлена самой историей создания и развития интернета. Технические вопросы и вопросы политики государств не изолированы друг от друга. Интерес со стороны государств и международных организаций (особенно МСЭ) во взаимодействии с такими организациями, как ICANN, в частности, обусловлены стремлением усиления своего влияния в управлении интернетом.

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ПРАВЕ ВТО

Лукина Лариса Сергеевна

Соискатель кафедры международного права

Белорусский государственный университет

lukinals@bsu.by

Реализация принципов ГАТТ/ВТО приводит как к глобальному расширению производственно-сбытовых цепочек, так и к возрастанию негативного воздействия на состояние окружающей среды. При этом необходимо принимать во внимание, что изменяющаяся окружающая среда, деградация природных ресурсов и изменение климата также оказывают влияние на дальнейшее развитие мировой экономики. В 1999 г. ВТО опубликовала специальный отчет о торговле и окружающей среде, в котором признала, что торговля имеет негативное воздействие на природные экосистемы: экономический рост сопровождается деградацией окружающей среды, включая уменьшение площадей леса, потерю биоразнообразия, глобальное потепление, загрязнение атмосферного воздуха, истончение озонового слоя и проч.¹

Проблеме введения членами ВТО ограничений в международной торговле в соответствии со ст. XX ГАТТ уделяется значительное внимание в англоязычной литературе

---

¹ WTO Special Report on Trade and Environment 1999 URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/special_study_4_e.pdf (дата обращения 28 апреля 2023 г.). Р. 1.

(П. ван ден Боше², С. Чарновитс³, Ф. Фонтанелли⁴, Б. Л. Боуен⁵, К. Т. Феддерсен⁶ и др.). Ряд авторов (С. Гэнс⁷, Р. Тарасофски⁸, А. Г. Хамид⁹, М. А. Е. Каранца¹⁰ и др.) рассматривают вопросы соотношения права ВТО и международных природоохранных соглашений. В отечественной доктрине применение общих исключений из режимов недискриминации также анализируют А. С. Смбатян¹¹, Ж. И. Ибрагимов и

---

² Bossche P. Van Den The Law and Policy of the World Trade Organization. Cambridge: University Press, 2007. 737 P.

³ Charnovitz S. Exploring the Environmental Exceptions in GATT Article XX // *Journal of World Trade*. 2007. P. 37–55.

⁴ Fontanelli F. Necessity Killed the GATT – Art. XX GATT and the Misleading Rhetoric about “Weighing and Balancing” // *European Journal of Legal Studies*. 2012/13. Vol. 5, Issue 2. P. 36–56.

⁵ Brandon L. Bowen The World Trade Organization and its Interpretation of the Article XX Exceptions to the General Agreement on Tariffs and Trade, in Light of Recent Developments // *Georgia Journal of International and Comparative Law*. 2000. Vol 29:181. P. 181–202.

⁶ Feddersen C. T. Focusing on Substantive Law in International Economic Relations: The Public Morals of GATT’s Article XX(a) and Conventional Rules of Interpretation // *University of Minnesota Law School*. 1998. Vol. 7:75. P. 75–122

⁷ Gaines S. The WTO’s Reading of the GATT Article XX. Chapeau: a Disguised Restriction on Environmental Measures // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 2001. P. 739–862.

⁸ Tarasofsky R. G. The Relationship between MEAs and WTO Rules 2004. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Energy,%20Environment%20and%20Development/rtmay04.pdf> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

⁹ Hamid A.G. The WTO Rules Versus Multilateral Environmental Agreements: The Search for Reconciliation // *Macquarie Journal of International and Comparative Environmental Law*. 2008. URL: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/MqJILCEnvLaw/2008/3.html> (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

¹⁰ Carranza M. A. E. MEAs with Trade Measures and the WTO: Aiming toward Sustainable Development? // *Buffalo Environmental Law Journal*. 2008. Vol. 15. P. 43–96.

¹¹ Смбатян А. С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2018. 448 с.

Т. С. Асанова¹², Э. Ф. Пушкарева¹³, О. В. Кадышева¹⁴ и другие. Вместе с тем следует отметить, что решение коллизии применения статьи XX ГАТТ и выполнения природоохранных обязательств членами ВТО требует дополнительного комплексного изучения.

В преамбуле Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации отражено намерение ее членов сотрудничать в целях «повышения жизненного уровня, обеспечения полной занятости и значительного и постоянного роста уровня реальных доходов и эффективного спроса... при оптимальном использовании мировых ресурсов... и стремлении к охране и сохранению окружающей среды»¹⁵.

Для достижения баланса между обеспечением развития международной торговли, предотвращения злоупотребления политикой протекционизма, навязывания собственных стандартов и охраной окружающей среды в статью XX ГАТТ было включено ограничительное условие при введении барьеров в международной торговле: «такие меры не применяются таким образом, который мог бы стать средством произвольной или

---

¹² Ибрагимов Ж. И., Асанова Т. С. Статья XX ГАТТ 1994 и члены ВТО: достаточная свобода для определения и достижения целей экологической политики // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Право. 2022. Том 138 (1). С. 38–46.

¹³ Пушкарева Э. Ф. Обеспечение охраны окружающей среды при осуществлении экономической деятельности: международно-правовое регулирование (часть 1) // Московский журнал международного права. 2013. № 1. С. 39–60. Пушкарева Э. Ф. Обеспечение охраны окружающей среды при осуществлении экономической деятельности: международно-правовое регулирование (часть 2) // Московский журнал международного права. 2013. № 2. С. 32–46.

¹⁴ Кадышева О. В. Экологические аспекты в деятельности ВТО // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6 (61).

¹⁵ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152> (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

неоправданной дискриминации между странами, в которых преобладают одинаковые условия, или скрытым ограничением международной торговли».

При этом право на проведение действий, противоречащих положениям ГАТТ, ограничивается требованием обеспечения баланса между обязанностью соблюдать принципы международной торговли, закрепленные в статьях I, III и XI ГАТТ, и правом прибегать к общим исключениям статьи XX ГАТТ. В решении Апелляционного органа «Стандарты на реформулированный бензин и обычный бензин» указано, что соотношение между исполнением позитивных обязательств, установленных в статьях I, III и XI ГАТТ, и введением на национальном уровне протекционистских мер на основании статьи XX ГАТТ должно проверяться на соответствие целям и предмету ГАТТ при рассмотрении каждого конкретного случая с учетом фактических обстоятельств и правовой основы, а также заявлений членов ВТО касательно их намерений и целей¹⁶. Третья палата при рассмотрении спора «Запрет на импорт некоторых креветок и продуктов из креветок» указала, что применение членом ВТО какой-либо из мер, перечисленных в статье XX ГАТТ, не должно подрывать многостороннюю торговую систему (пп. 7.44, 7.45)¹⁷.

При рассмотрении споров «Стандарты на реформулированный бензин и обычный бензин», «Запрет на импорт неко-

---

¹⁶ United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline 1995 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds2_e.htm (дата обращения 28 апреля 2023 г.). P. 18.

¹⁷ United States – Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products 1996 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds58_e.htm (дата обращения 28 апреля 2023 г.). P. 14. Bossche P. Van Den The Law and Policy of the World Trade Organization. Cambridge: University Press, 2007. P. 600.

торых креветок и продуктов из креветок», «Дело об асбесте»¹⁸, «Импорт некоторых автомобильных рессор в сборе»¹⁹ был выработан логический подход к определению того, подпадают ли защитные меры члена ВТО под действие пунктов b и g статьи XX ГАТТ и ее вводной части.

Основное внимание Органа по разрешению споров ВТО было уделено вопросам, связанным с толкованием статьи XX ГАТТ, а именно:

1) пункт b статьи XX ГАТТ ссылается на меры, «необходимые для защиты жизни или здоровья человека, животных и растений». При рассмотрении Дела о сигаретах (пп. 73 и 75)²⁰ Орган по разрешению споров ВТО признавал меру необходимой, если нет иной альтернативы, соответствующей положениям ГАТТ, для достижения цели по защите жизни и здоровья человека, животных и растений. Применение такой меры не должно быть произвольным и создавать неоправданную дискриминацию;

2) согласно пункту g статьи XX ГАТТ меры, «относящиеся к сохранению истощаемых природных ресурсов», будут рассматриваться как подпадающие под действие статьи XX ГАТТ, если: цель указанных мер — сохранение истощаемых природных ресурсов; меры непосредственно связаны с сохранением этих истощаемых ресурсов; меры одновременно

---

¹⁸ European Communities – Measures Affecting Asbestos and Products Containing Asbestos 1998 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds135_e.htm (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

¹⁹ United States – Imports of Certain Automotive Spring Assemblies 1981 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/gatt_e/81spring.pdf (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

²⁰ Thailand — Customs and Fiscal Measures on Cigarettes from the Philippines 2008 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds371_e.htm#:~:text=Thailand%20violated%20Article%20X%3A3,potential%20consequences%20of%20non%2Dcompliance%3B (дата обращения 30 апреля 2023 г.).

распространяются также на отечественных производителей или потребителей.

Исчерпаемые или истощаемые природные ресурсы включают минералы, живые и неживые ресурсы (Запрет на импорт некоторых креветок и продуктов из креветок, пп. 128–130), а также такие ресурсы окружающей среды, как чистый воздух (Стандарты на реформулированный бензин и обычный бензин, с. 18–19);

3) в отношении вводной части в решении по делу «Стандарты на реформулированный бензин и обычный бензин» было подчеркнуто, что при оценке правомерности применения ограничительной меры необходимо анализировать не саму ограничительную меру, но способ ее применения²¹. Цель и объект вводной части направлены на предотвращение злоупотреблений при введении исключений. Используемый в вводной части термин «произвольный» означает решение или меру, принятые без чёткого обоснования. Для определения «неоправданности» используется тест, направленный на выяснения соотношения выгоды для члена ВТО, который применяет ограничительные меры, и бремени от её применения для международной торговой системы²².

Споры, связанные с введением ограничений на международную торговлю в связи с охраной окружающей среды, начали рассматриваться в рамках ГАТТ с 90-х годов XX века.

---

²¹ United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline 1995 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds2_e.htm (дата обращения 28 апреля 2023 г.). P. 22-23.

²² Brandon L. Bowen The World Trade Organization and its Interpretation of the Article XX Exceptions to the General Agreement on Tariffs and Trade, in Light of Recent Developments // Georgia Journal of International and Comparative Law. 2000. Vol 29:181. P. 184.

Резонансными стали споры в отношении США, инициированные Мексикой (Ограничения на импорт тунца I)²³ и Европейским союзом (Ограничения на импорт тунца II)²⁴.

Дело, начатое Мексикой в отношении США, поставило перед Третейским органом ГАТТ два вопроса: может ли одна страна указывать другой, какими должны быть ее природоохранные нормы; разрешают ли правила торговли принимать меры против метода, используемого для производства товаров, а не против качества самих товаров (п. 3.1).

Ответы на оба вопроса были отрицательными: США не могли применять эмбарго на импорт продуктов из тунца из Мексики в связи с тем, что мексиканские правила производства тунца не соответствовали правилам США (пп. 5.17, 5.18). Было отмечено, что правила ГАТТ не предоставляют прав принимать экстерриториальные торговые меры в отношении другого члена ГАТТ даже в целях защиты здоровья животных или сохранения невозполняемых природных ресурсов (пп. 5.26–5.29).

При рассмотрении спора, инициированного Европейским союзом, Третейский орган отметил, что пункт b статьи XX ГАТТ не содержит ограничений для государства устанавливать свои национальные правила для собственных физических и юридических лиц, даже если они ведут промысел исчерпаемых природных ресурсов за пределами территории своего государства. При этом Орган по разрешению споров еще раз подчеркнул недопустимость вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом охраны окружающей среды (п. 4.329).

---

²³ United States – Restrictions on Imports of Tuna 1990 URL: <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=reports/gattpanels/tunadolphiI.pdf&mode=download> (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

²⁴ United States — Measures Concerning the Importation, Marketing and Sale of Tuna and Tuna Products 2008 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds381_e.htm (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

Выводы, сделанные по результатам рассмотрения упомянутых выше споров, были подтверждены Апелляционным органом при разрешении спора «Запрет на импорт некоторых креветок и продуктов из креветок», указавшим, что односторонняя экологическая политика не должна полностью ограничивать торговлю. Было признано неприемлемым использование экономического эмбарго для принуждения другого государства к проведению той же политики, что и другого члена, без учета различных условий другого государства (пп. 35, 164).

В целях создания правовой основы применения пункта b статьи XX ГАТТ был принят ряд соглашений, устанавливающих ограничения для применения протекционистских мер. К таковым относят Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер²⁵, которое закрепляет за членами ВТО право введения мер, «необходимых для охраны жизни или здоровья людей, животных или растений» (преамбула и ст. 2.1). Целями принятия таких мер являются поддержание доверия потребителей и снижение потерь от вредителей, болезней и загрязняющих веществ, а также инвазивных видов растений и животных²⁶.

Право членом ВТО вводить меры, направленные на ограничение международной торговли, «законны», если они основываются на научных принципах и не поддерживаются без достаточных научных доказательств (ст. 2.2); соответствуют международным стандартам или научной оценке риска (преамбула, ст. 3); применяются в той мере, в какой это необходимо для защиты жизни или здоровья людей, животных или

---

²⁵ Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер от 15 апреля 1994 г. URL: <https://fsvps.gov.ru/fsvps-docs/ru/importExport/tsouz/docs/sogl.pdf> (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

²⁶ Training Module on the WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary Measures 2005 URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctncd20043_en.pdf (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

растений (ст. 2.1); не проводят произвольную или необоснованную дискриминацию между странами, в которых преобладают идентичные или схожие условия, и не представляют собой скрытое ограничение международной торговли (ст. 2.3).

Следует отметить существующую взаимосвязь между правилами ВТО и универсальными природоохранными договорами, оказывающими непосредственное влияние на организацию международной торговли, такими как Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г., Конвенция о международной торговле видами, находящимися под угрозой уничтожения 1973 г., Монреальский протокол по веществам, разрушающим стратосферный озоновый слой 1987 г. (далее Монреальский протокол), которые ввели использование торговых ограничений в целях охраны окружающей среды, и др.

В 12-м принципе Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. закреплена обязанность государств сотрудничать «в деле создания благоприятной и открытой международной экономической системы, которая привела бы к экономическому росту и устойчивому развитию во всех странах». Также отмечается, что «меры в области торговой политики, принимаемые в целях охраны окружающей среды, не должны представлять собой средства произвольной или неоправданной дискриминации или скрытого ограничения международной торговли»²⁷, что фактически является отсылкой к статье XX ГАТТ и скрепляющим звеном между правом ВТО и многосторонними природоохранными договорами.

В качестве примера сбалансированного соблюдения правил ведения международной торговли и норм международных природоохранных конвенций, можно обратиться к

---

²⁷ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию от 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

Монреальскому протоколу²⁸, регулирующему принятие мер «для охраны здоровья людей и окружающей среды от временных последствий, которые возникают или могут возникнуть в результате человеческой деятельности, изменяющей или способной изменить озоновый слой».

Указанный договор и решения, принятые в ходе совещаний Сторон Монреальского протокола, можно рассматривать как первый комплексный документ, который использует торговые меры и ограничения международной торговли в качестве составной части механизма для решения глобальной экологической проблемы через значительное сокращение производства и потребления определенных химических веществ, разрушающих озоновый слой, регулирование заключения контрактов, поставку продукции, содержащей озоноразрушающие вещества, сокращение и последующее закрытие предприятий, производящих такие вещества²⁹.

Система Монреальского протокола предусмотрела ряд ограничений международной торговли. Пункты 1, 2, 8 статьи 4 закрепляют использование ограничений на проведение экспортных и импортных операций в отношении регулируемых веществ между государством-участником и государством, которое не является участником данного договора. Торговля между ними разрешается, только если второе государство в полном объеме соблюдает статьи 2, 4 и 7 Монреальского протокола. Пункт 3 статьи 4 содержит обязательство государств — участников Монреальского протокола запретить импорт продуктов, содержащих регулируемые вещества, из любого

---

²⁸ Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой от 16 сентября 1987 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

²⁹ Experience with the Use of Trade Measures in the Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer. Joint Session of Trade and Environment Experts. 27–28 ноября 1997 г. URL: <https://www.oecd.org/environment/envtrade/36786349.pdf> (дата обращения 28 апреля 2023 г.). P. 6.

государства, не являющего участником международного договора.

Согласно пункту 4 статьи 4 Монреальского протокола его государства-участники рассматривают возможность введения запрета или ограничения на импорт продуктов, производимых на основе регулируемых веществ, но их не содержащих, из государств, не являющихся сторонами Протокола. В соответствии с пунктом 5 статьи 4 Монреальского протокола не поощряются экспорт в любое государство, не являющееся участником Протокола, технологии для производства и использования регулируемых веществ, а также предоставление новых субсидий, помощи, кредитов, гарантий или программ страхования для экспорта продуктов, оборудования, установок или технологии, которые содействовали бы производству регулируемых веществ (ст. 4.6).

В ходе девятого совещания Сторон Монреальского протокола (15–17 сентября 1997 г.) было принято решение, предусматривающее запрет для государства — участника договора, которое продолжает производить регулируемое вещество после установленной даты прекращения его производства, экспортировать бывшие в употреблении, переработанные или измененные виды этого вещества, кроме как для целей уничтожения³⁰. Принятие данного положения ставит целью предотвратить экспорт переработанных веществ под видом новых, торговля которыми не подпадает под контроль Монреальского протокола.

Введение торговых ограничений в отношении потребления и производства продукции, содержащей регулируемые ве-

---

³⁰ The Montreal Amendment (1997): The amendment to the Montreal Protocol agreed by the Ninth Meeting of the Parties 15–17 September 1997. URL: <https://ozone.unep.org/treaties/montreal-protocol/amendments/montreal-amendment-1997-amendment-montreal-protocol-agreed?q=ru/node/2174> (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

щества, с одной стороны, направлено на выполнение международных обязательств по договорам, регулирующим сохранение озонового слоя. Ограничительные торговые меры, предусмотренные в Монреальском протоколе, также распространяются на торговлю с государствами, которые не являются его участниками, что, несомненно, вносит определенный вклад в охрану окружающей среды в глобальном масштабе.

С другой стороны, следует отметить, что приведенные выше нормы Монреальского протокола, несмотря на их природоохранную направленность, нарушают принципы недискриминации, закрепленные в статьях I и III ГАТТ, предусматривая обязанность государств — участников международного договора использовать ограничительные меры в отношении тех государств, которые не являются его участниками. Несмотря на то, что в настоящее время Орган по разрешению споров ВТО не рассматривает дела, связанные с коллизией между обязанностью членом международной организации обеспечивать международную торговлю на недискриминационной основе и природоохранными обязательствами, на примере спора «Торговое описание сардин» можно прийти к заключению: Орган по разрешению споров ВТО способен основывать свои выводы также на положениях многосторонних природоохранных договоров³¹.

Положения статьи XX ГАТТ предусматривают право членом ВТО вводить обоснованные ограничения в отношении применения режима наибольшего благоприятствования и национального режима в связи с необходимостью охраны животных и растений, а также предотвращения истощения природных ресурсов. При этом до введения таких мер члены ВТО

---

³¹ Tarasofsky Richard G. The Relationship between MEAs and WTO Rules. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Energy,%20Environment%20and%20Development/rtnmay04.pdf>. (дата обращения 28 апреля 2023 г.).

должны удостовериться, что предпринимаемые действия являются единственным вариантом достижения поставленной цели, то есть отсутствует иная альтернатива, соответствующая положениям ГАТТ. Важным требованием является применение ограничений на недискриминационной основе как в отношении отечественного бизнеса, так и иностранного.

Вместе с тем вопросы коллизии между необходимостью обеспечить выполнение природоохранных обязанностей и правом вводить общие исключения все еще требуют комплексного анализа, в том числе в части соблюдения баланса между достижением выгод для члена ВТО и бременем для международной торговой системы.

**ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
И РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ
ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Парсян Асмик Аргамовна

Студентка

*Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития
Российской Федерации*

Интеллектуальная собственность все чаще участвует в международном экономическом обороте и представляет собой один из наиболее ценных активов¹. В связи с этим участники коммерческого оборота нуждаются в комплексе правовых норм, который обеспечивает охрану прав интеллектуальной собственности. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) является фундаментальным международным инструментом, регулирующим вопросы охраны интеллектуальной собственности. ТРИПС имеет всеобъемлющий характер. Это соглашение устанавливает принципы регулирования интеллектуальной собственности, определяет стандарты наличия, объема и использования прав интеллектуальной собственности и, наконец, включает в себя требования, которым должны соответствовать правовые системы членов Всемирной торговой организации (ВТО) в области правоприменения и защиты интеллектуальных прав².

---

¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности/ Сайт Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» URL: <https://tradepol.hse.ru/programme4.6.15?ysclid=lfsi28zoq5550011155> (дата обращения 4 марта 2023 г.).

² Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности/ Сайт Национального исследовательского университета «Высшая

Согласно ТРИПС, всем продуктам и процессам, в том числе фармацевтическим, предоставляется патентная защита в течение не менее 20 лет³. ТРИПС предусматривает не только защиту прав патентообладателя, но и защиту закрытой информации (например, данные клинических и пост-клинических исследований), защиту торговой марки (например, правила замены лекарств на более дешевые отечественные аналоги, борьба с поддельными лекарствами)⁴.

До учреждения ВТО отдельные страны могли свободно определять свои собственные нормы и требования, регулирующие патенты. Несмотря на наличие отдельных международных правил в отношении патентов, эти правила не носили императивного и универсального характера. Однако с созданием ВТО и принятием ТРИПС ситуация изменилась. Развитые страны — члены ВТО поддерживают нормы, регулирующие патентование фармацевтических продуктов и процессов, утверждая, что такая охрана создает необходимые стимулы для новых изобретений и инноваций в сфере здравоохранения⁵. Развивающиеся, особенно наименее развитые, страны

школа экономики» URL: <https://tradepol.hse.ru/programme/4.6.15?ysclid=lfsl28zoq5550011155> (дата обращения 4 марта 2023 г.).

³ Статья 33 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights) от 1 апреля 1995 г. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/31bis_trips_01_e.htm (дата обращения 4 марта 2023 г.).

⁴ Интеллектуальная собственность, соглашение ВТО/TRIPS и общественное здравоохранение // Информационный бюллетень Документационного центра Всемирной организации здравоохранения при Центральном научно-исследовательском институте организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации. Апрель 2007. URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/component/attachments/download/44.html> (дата обращения 4 марта 2023 г.).

⁵ International Institute for Sustainable Development. TRIPS and Public Health (IISD Trade and Development Brief, Number 9 of 9, on December 11, 2003) URL: https://www.iisd.org/system/files/publications/investment_sdc_dec_2003_9.pdf (дата обращения 4 марта 2023 г.).

заявляют, что принятие законов о патентах, соответствующих ТРИПС, может ограничить производство недорогих непатентованных лекарств их фармацевтической промышленностью и поставки из развивающихся стран, что приведет к увеличению цен на лекарства и недоступности их для населения.

Данная проблема особенно остро проявилась в период эпидемии ВИЧ/СПИД. Тогда группа африканских стран обратилась с просьбой о проведении специальной сессии по доступу к лекарствам в Совете ВТО по ТРИПС⁶. Это привело к принятию в ноябре 2001 г. Дохийской декларации о Соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении (далее Дохийская декларация, Декларация)⁷. Декларация примечательна тем, что в ней признается право государств на охрану здоровья населения. В соответствии с параграфом 5 Декларации каждый член ВТО имеет право выдавать принудительные лицензии на патентуемые лекарственные средства и определять основания, на которых такие лицензии предоставляются⁸.

Несмотря на то, что принятие Декларации стало важным шагом к решению проблем общественного здравоохранения, разумеется, сама Декларация не смогла их решить полностью.

---

⁶ World Health Organization. Regional Office for South-East Asia (SEA-HSD-277, 2004). TRIPS agreement and its impact on health // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://apps.who.int/iris/handle/10665/206504?search-result=true&query=TRIPS+agreement+and+its+impact+on+health&scope=&rpp=10&sort_by=score&order=desc (дата обращения 4 марта 2023 г.).

⁷ Декларация Министерской конференции ВТО о Соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении (Declaration on the TRIPS agreement and public health) от 14 ноября 2001 г. WT/MIN(01)/DEC/2. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_trips_e.htm (Дата обращения 4 марта 2023 г.).

⁸ Параграф 5 Декларации Министерской конференции ВТО о Соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении (WTO, Ministerial Conference, Declaration on the TRIPS agreement and public health) от 14 ноября 2001 г. WT/MIN(01)/DEC/2. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_trips_e.htm (дата обращения 4 марта 2023 г.).

Предоставленные Декларацией «гибкие возможности» (принудительное лицензирование, исчерпание прав (параллельный импорт), пролонгация переходных периодов для имплементации норм ТРИПС в развивающихся и наименее развитых странах и т. д.), оказались явно недостаточными для ликвидации проблемы нехватки и недоступности лекарственных средств в развивающихся и наименее развитых странах. В 2003 г. было принято Решение Генерального совета ВТО, касающееся выполнения параграфа 6 Дохийской декларации по ТРИПС и общественному здравоохранению (далее Решение 2003 г.)⁹. Оно позволяет государствам, производящим по принудительным лицензиям дженерики (аналоги оригинальных лекарственных средств), при соблюдении определенных правил экспортировать эти лекарства в страны, у которых наблюдается нехватка или отсутствие фармацевтических производственных мощностей.

Принятие вышеупомянутого решения также оказалось недостаточным. Например, пандемия коронавирусной инфекции вызвала глобальную проблему доступа к вакцинам и медикаментам от *COVID-19*. Развитые страны имели возможность закупить вакцину для своего населения в таком количестве, чтобы можно было вакцинировать несколько раз¹⁰, а в развивающихся и особенно в наименее развитых странах наблюдалась нехватка вакцин¹¹. В рамках ВТО на заседании

---

⁹ Решение Генерального Совета ВТО, касающееся выполнения параграфа 6 Дохийской декларации по ТРИПС и общественному здравоохранению (Implementation of paragraph 6 of the Doha Declaration on the TRIPS Agreement and public health) от 30 августа 2003 г. WT/L/540 and Corr.1. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/implem_para6_e.htm#asterisk (дата обращения 4 марта 2023 г.).

¹⁰ Хвостик Е. Гонка за миллиардами // Ъ-Деньги. № 3 от 25.02.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4722996> (дата обращения 5 марта 2023г.).

¹¹ Маллпас Д. Решение проблемы неравномерности вакцинации // Точка зрения. 22 сентября 2021 г. // Сайт Блоги Всемирного Банка. URL: <https://blogs.worldbank.org/ru/voices/solving-vaccination-gaps> (дата обращения 5 марта 2023 г.).

Совета по интеллектуальной собственности в 2021 г. Индия и Южно-Африканская Республика предложили установить временные изъятия из ТРИПС для предотвращения, сдерживания и лечения коронавирусной инфекции, однако члены ВТО не пришли к согласию по данному вопросу¹², и столь важное с гуманистической точки зрения решение принято не было.

В ходе состоявшейся в июне 2022 г. Министерской конференции ВТО был принят Проект решения по ТРИПС¹³ (далее Проект), который касается вопроса изъятий из некоторых положений ТРИПС в отношении вакцин от *COVID-19*. Проект распространяется на развивающиеся государства — члены ВТО, не имеющие потенциала для производства вакцин. Им разрешается использовать патент без разрешения патентообладателя, при этом они должны предпринять все меры для предотвращения реэкспорта продукции, произведенной в рамках такой процедуры¹⁴.

Отмечается, что данный Проект не будет результативным¹⁵, поскольку он дает, по сути, разъяснения по «механиз-

---

¹² Члены ВТО стремятся к консенсусу в вопросе регулирования прав интеллектуальной собственности в период пандемии *COVID-19*. 18 октября 2021 г. // Сайт Центра экспертизы ВТО. URL: <https://www.wto.ru/news/chleny-vto-stremyatsya-k-konsensusu-v-voprose-regulirovaniya-prav-intellektualnoy-sobstvennosti-v-pe/?ysclid=le2p8o7ast405039834> (дата обращения 5 марта 2023 г.).

¹³ Проект Решения по Соглашению ТРИПС (WTO, Ministerial Conference, Draft Ministerial Decision on the TRIPS Agreement, Revision) WT/MIN(22)/W/15/Rev.2. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN22/W15R2.pdf&Open=True> (дата обращения 5 марта 2023 г.).

¹⁴ Евгения Михеева. Члены ВТО договорились относительно TRIPS waiver. 24 июня 2022 // Сайт Центра экспертизы ВТО. URL: <https://wto.ru/our-blog/chleny-vto-dogovorilis-otnositelno-trips-waiver/> (дата обращения 5 марта 2023 г.).

¹⁵ Love J. The June 17, 2022 WTO Ministerial Decision on the TRIPS Agreement. Posted on June 17, 2022 by James Love // Knowledge Ecology

мам гибкости» в отношении вакцин от *COVID-19* и не представляет собой изъятие из ТРИПС. Более того, первоначально Индия и ЮАР предлагали изъятия не только по патентам, а также по другим объектам интеллектуальной собственности, которые вышеуказанное решение не затрагивает.

Становится очевидным, что для решения задач общественного здравоохранения в рамках ВТО необходимо предпринять гораздо более серьезные, системные меры во имя спасения десятков тысяч жизней людей.

International. URL: <https://www.keionline.org/37830> (дата обращения 5 марта 2023 г.).

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ ВТО

Рахмилов Александр Игоревич

Студент магистратуры

Всероссийская академия внешней торговли

rakhmilov2011@yandex.ru

В составе пакета документов о создании ВТО содержится приложение к Марракешскому соглашению «Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров» (ДРС), на основании которого создана единая система урегулирования споров для многосторонних соглашений, включенных в пакет ВТО. Организационной основой системы является Орган по разрешению споров (ОРС). Система разрешения споров ВТО является интегрированной. Статья 3 ДРС гласит, что система разрешения споров ВТО является центральным элементом, обеспечивающим безопасность и прозрачность многосторонней торговой системы, а более быстрое разрешение споров является важным фактором для эффективного функционирования ВТО. В компетенцию ОРС входят вопросы, возникающие по любому из соглашений ВТО.

Вместе с тем специфика ряда соглашений ВТО потребовала разработки специальных дополнительных правил и процедур разрешения споров. Поэтому Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер, Соглашение по применению статьи VI ГАТТ 1994 г., Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам, ГАТС и соглашения с ограниченным кругом участников в своих текстах прописывают положения о дополнительных правилах и процедурах разрешения споров, которые включены в Дополнение 2 к ДРС («Специальные или дополни-

тельные правила и процедуры, содержащиеся в охваченных соглашениях»¹). В соответствии с пунктом 2 статьи 1 ДРС² в случае различий либо коллизии между правилами и процедурами, изложенными в ДРС, и специальными дополнительными правилами и процедурами, указанными в Дополнении 2, применяются последние.

В последние годы наблюдается кризис механизма разрешения споров ВТО. Срок полномочий трех из четырех последних на тот момент действующих членов Апелляционного органа (АО) подходил к концу (в 2018 и 2019 гг. соответственно), и на пике проблемы на своем посту оставался только член АО от Китая, срок полномочий которого истекал 30 ноября 2020 года. При этом США довольно долгое время блокировали и продолжают блокировать решения о назначении новых членов АО, ставя тем самым систему разрешения споров ВТО в сложную ситуацию приостановки. Роберт Лайтхайзер, назначенный в 2017 году торговым представителем Соединённых Штатов, не раз выступал с критикой правил многосторонней торговой системы и поддерживал позицию американского президента Дональда Трампа. Тот утверждал, что ВТО и действующий в нём механизм разрешения споров несправедливы по отношению к США. В этом плане показательна следующая статистика: США выигрывают 9 из 10 споров, а в качестве ответчика 9 из 10 проигрывают. Свою позицию США

---

¹ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Дополнение 2. Специальные или дополнительные правила и процедуры, содержащиеся в охваченных соглашениях - docs.cntd.ru — Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. текст Дополнения 2 к Марракешскому соглашению. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152/titles/8PO0LT> (дата обращения 19 февраля 2023 г.).

² Приложение 2. Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2541158/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/> (дата обращения 19 февраля 2023 г.).

объясняют необходимостью радикальной реформы всей системы разрешения споров ВТО, и в частности Апелляционного органа. Вопрос о срочном проведении системных реформ АО поднимался уже много раз, и все предложения отвергались теми же Соединенными Штатами³, которые не выдвигали при этом конкретного списка требований или предложений по изменению работы органа. Все их предложения сводились к общим пожеланиям.

Еще одной актуальной проблемой является нарушение шестимесячного срока рассмотрения дел, как в так называемой первой инстанции, так и в апелляциях. Когда в соглашениях ВТО устанавливали этот шестимесячный срок, система соглашений ВТО еще не была разработана столь детально. С тех пор она значительно усложнилась, споры стали сложнее и рассмотреть их в короткие сроки не представляется возможным. Возвращение к системе разрешения споров ГАТТ периода 1947–1994 гг. не является лучшим решением. В ГАТТ существуют возможность сторон (включая ответчика) заблокировать рассмотрение спора на любой стадии. Разрешение споров в соответствии с нормами ГАТТ означает признание большей степени протекционизма, чем в современных соглашениях ВТО, наличие более серьезных мер поддержки государственной экономики.

Сложности усугубляются мерами торговой защиты, которые используют Соединенные Штаты. По мнению КНР, США злоупотребляют ими, нарушая принципы конкурентной борьбы. Действительно, Вашингтон чрезвычайно активно практикует антидемпинговые, компенсационные и специальные защитные меры, а 2/3 споров против американцев в ВТО связаны именно с этим⁴.

---

³ Boklan D., Bahri A. The WTO's Collapsing Judicial and Legislative Wings: Is "Consensus" the Real Elephant in the Room? // *Global Trade and Customs Journal*. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 81–90.

⁴ Bown C. P., Keynes S. Why Trump shot the Sheriffs: The end of WTO dispute settlement 1.0 // *Journal of Policy Modeling*. The Society for Policy Modeling. 2020. Vol. 42. No. 4. P. 799–819. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2020.03.006.

За более чем 20 лет активной работы механизма разрешения споров ВТО в ОРС ВТО накопились серьезные проблемы. Помимо заморозки деятельности АО, к проблемам системы разрешения споров ВТО можно отнести: затяжное (иногда занимающее десятилетия) разрешение споров, несоблюдение рекомендуемых системой соглашения ВТО сроков, отсутствие механизма компенсаций, участвовавшие случаи невыполнения рекомендаций ОРС, запуск процедуры уступок и компенсаций, участвовавшее апеллирование к «интересам национальной безопасности» при введении протекционистских мер⁵.

Некоторые члены ВТО ведут активный переговорный процесс и уже заключают двусторонние соглашения, которые могут стать (а иногда и становятся) альтернативной системой разрешения споров пока ОРС ВТО находится в затянувшемся кризисе. В начале ноября 2019 г. Россия официально сообщила, что ведет с ЕС подобные переговоры. 24 января 2020 года Европейский союз сформировал коалицию стран, готовых заменить арбитражем (ст. 25 ДРС) замороженную на данный момент систему подачи апелляции в ОРС ВТО. За основу планировалось взять соглашения по арбитражу, заключенные ранее ЕС с Норвегией и Канадой.

Разблокирование Апелляционного органа — это только часть реформы ВТО. Но необходимо понимать возможные варианты развития событий в области разрешения споров и возможные последствия реализации таких вариантов для многосторонней торговой системы⁶. Существует три предполагаемых сценария: более широкое использование арбитража для

---

⁵ Баева М. ОРС ВТО: от создания до кризиса. URL: https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2020/02/Monitoring_17.02.pdf (дата обращения 19 февраля 2023 г.).

⁶ Калачигин Г. М. Апелляция «в никуда» // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 5. С. 193–206.

рассмотрения апелляций; расширение односторонних контрмер против злоупотребления дисфункцией АО; восстановление и оптимизация деятельности АО.

Первые два сценария будут способствовать усугублению фрагментации системы регулирования торговых отношений и, возможно, переходу к отдельным региональным инициативам. Третий же сценарий — наименее вероятный из всех перечисленных. Фундаментальные изменения в ВТО возможны только на базе консенсуса. С учетом американской позиции («новые правила должен писать не Китай») консенсус маловероятен.

Более того, разблокирование работы Апелляционного органа априори не будет означать автоматической нормализации системы разрешения споров. На рассмотрении арбитров будет находиться слишком много апелляций, в том числе: апелляции, которые не были завершены до распада АО (10); апелляции «в никуда» (14 по состоянию на август 2022 г.), и это число будет расти по мере того, как страны будут продолжать инициировать споры.

Таким образом, даже при немедленном восстановлении АО вновь избранным арбитрам предстоит рассмотреть более двадцати апелляций. По половине споров уже проделана определенная работа, но арбитрам потребуется время для завершения отчетов. АО никогда в своей истории не сталкивалась с таким количеством апелляций одновременно; почти невероятно, что они будут рассмотрены своевременно и качественно.

Всё вышеперечисленное позволяет сделать однозначный вывод: система разрешения споров ВТО в данный момент переживает глубокий кризис, разрешать который предстоит ещё длительное время.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ ВТО

Романова Екатерина Евгеньевна

*Аспирант кафедры международного права
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина
romanovaeaterinaev@mail.ru*

Вопросы международно-правовой ответственности на протяжении всего периода существования международного права и изучающей его науки остаются одними из приоритетных, а с учетом сложившейся на данный момент политической обстановки в мире являются особо актуальными.

Нормы об ответственности являются «ядром» каждой правовой системы. Однако ответственность в международном праве представляет собой особую категорию, поскольку этот институт пронизывает всю систему и ее составляющие, служит «связующим звеном», обеспечивая не только единство, но и надлежащее функционирование последней. Основополагающая роль ответственности для формирования общесистемного института международного права составляет особый предмет изучения в мировой правовой науке. При этом вопрос об ответственности в международном праве является одним из наиболее сложных для исследования в юридической науке, что связано с наличием ряда неясностей и пробелов регулирования, а также разногласий и противоречий во взглядах специалистов. В свете этого понятно, что трудности постижения сути явления «международная ответственность» существуют и в той части науки, которая занимается принципами и нормами ответственности в праве Всемирной торговой организации — праве ВТО. Помимо сугубо доктринального подхода, при установлении надлежащего

содержания избранного предмета ключевую роль играет практика Органа разрешения споров ВТО (далее ОРС ВТО).

Значение международной ответственности в международной торговле возросло после вступления в силу Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров, являющейся элементом пакета соглашений Уругвайского раунда. В связи с этим представляется крайне необходимым проанализировать и провести сравнение норм Комиссии международного права Организации Объединенных Наций (далее КМП ООН) и Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров (далее ДРС ВТО) с целью определения их сходства и различий, выявления закономерностей их действия и применения. Данный анализ важен как для международного права в целом, так и, в частности, для России в связи с ее членством в ВТО и участием в торговых спорах в рамках ВТО, ввиду чего у России как участника данной организации возникает ряд специфических прав и обязанностей.

В период между вступлением соглашений ВТО в силу 1 января 1995 г. и 31 декабря 2021 г. членам ВТО было направлено в общей сложности 607 запросов на консультации. За этот период 52 члена ВТО инициировали как минимум один спор, а 61 член выступил ответчиком как минимум в одном споре. Кроме того, в общей сложности 90 членов участвовали в качестве третьих лиц в разбирательствах между двумя или более другими членами ВТО. Активное участие в урегулировании споров в качестве стороны или третьей стороны принимали в общей сложности 111 членов организации.

В свете относительно недавнего вступления России в ВТО проблема квалификации и оценки международной ответственности с точки зрения правовой науки требует тщательного исследования, особенно в современных реалиях, когда против России был принят широкий перечень «санкционных мер» торгово-экономического характера. Вопрос ответственности в «праве ВТО» для российских

ученых стал носить не только научный, но и практический характер.

Россия является постоянным участником в спорах, рассматриваемых ОРС ВТО (*Russian Federation — Measures Concerning the Exportation of Wood Products — Request for consultations by the European Union — Revision*¹; *Russian Federation — Certain Measures Concerning Domestic and Foreign Products and Services*²; *Russian Federation — Additional Duties on Certain Products from the United States*³; *Ukraine — Anti-Dumping Measures on Ammonium Nitrate*⁴), как в качестве истца, ответчика, так и в качестве третьей стороны (на сегодняшний день Российская Федерация участвовала в 8 спорах в качестве заявителя, в 11 спорах в качестве ответчика и в 99 спорах в качестве третьей стороны).

Значимость вопросов международно-правовой ответственности подтверждается работой Комиссии международного права ООН, которая на протяжении 80 лет ведет работу в данном направлении.

---

¹ DS 608: Russian Federation — Measures Concerning the Exportation of Wood Products. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds608_e.htm (accessed 20 December 2023).

² DS 604: Russian Federation — Certain Measures Concerning Domestic and Foreign Products and Services. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds604_e.htm (accessed 20 December 2023).

³ DS 566: Russian Federation — Additional Duties on Certain Products from the United States. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds566_e.htm (accessed 20 December 2023).

⁴ DS 493: Ukraine — Anti-Dumping Measures on Ammonium Nitrate. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds493_e.htm (accessed 20 December 2023).

Итогом многолетней работы стала принятая в 2001 г. Генеральной Ассамблеей резолюция «Ответственность государств за международно-противоправные деяния»⁵, в приложении к которой содержатся статьи об ответственности государств. Интересным представляется тот факт, что Генеральная Ассамблея не указывает на факт принятия данных статей. Однако работа в данном направлении продолжается и в настоящее время. В повестку дня семьдесят седьмой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая открылась 13 сентября 2022 года в Центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке, также был поставлен вопрос об ответственности государств за международно-противоправные деяния, однако вопрос о принятии Конвенции об ответственности остается открытым.

В статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния отражены принципы, основания, содержание ответственности, а также указано, в каких случаях данные статьи не применяются. Так, в статье 55 '*Lex specialis*' говорится о том, что статьи КМП ООН не применяются, если международно-противоправное деяние или содержание международной ответственности государства или ее имплементация определяются специальными нормами международного права⁶.

В Докладе КМП ООН отмечается, что от самой специальной нормы зависит, в каком объеме она будет замещать более общие правила, касающиеся ответственности государств, которые изложены в статьях КМП ООН «Об ответственности государств». В некоторых случаях формулировки договора или другого текста дают ясно понять,

---

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи, A/RES/56/83, 2002. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/56/83 (дата обращения 14 марта 2023 г.).

⁶ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (1 мая – 9 июня и 3 июля – 11 августа 2006 г.). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестьдесят первая сессия. Дополнение N10 (A/61/10).

что могут возникнуть только оговоренные конкретные последствия. В таких случаях последствия будут «определяться» такой специальной нормой и будет применяться принцип, изложенный в статье 56. Примером данного подхода является Механизм ВТО по урегулированию споров, который связан с некоторыми средствами правовой защиты. Статья 55 применяется как к автономным режимам, так и в «разбавленных» формах, таких как конкретные положения договоров, касающиеся отдельных вопросов.

В этом плане ВТО, безусловно, является примером '*lex specialis*', однако на практике существуют моменты, когда та или иная ситуация не предусмотрена ДРС ВТО, и в таком случае будут применяться нормы общей международной ответственности. Таким образом, проявляется тесное взаимодействие «права ВТО» с общим международным правом, благодаря которому происходит «обогащение» норм ответственности с обеих сторон, что демонстрирует целостность всей системы.

Формулируя общие принципы международно-правовой ответственности, КМП ООН подчеркнула: «термин “международная ответственность”, используемый в статье 1, охватывает отношения, возникающие по международному праву в результате международно-противоправного деяния государства, независимо от того, ограничиваются ли такие отношения государством-правонарушителем или распространяются также на другие государства или даже на другие субъекты международного права, и независимо от того, ориентированы ли они на обязательства по реституции или компенсации или также предоставляют потерпевшему государству возможность реагировать посредством принятия контрмер».

В праве ВТО отсутствует понятие ответственности как таковой. По большей части ответственность проявляется в приведении страной-нарушителем нарушенных или не исполненных соглашений в надлежащий вид, а в

исключительных случаях, с «разрешения» ОРС ВТО, применяются уже контрмеры, однако на практике это не всегда действенно. А зачастую, если в споре участвуют страны с различным уровнем экономики, так и вообще невыполнимо. В данном случае пострадавшая сторона может не только не стимулировать процесс исполнения обязательств, а даже понести дополнительные убытки, например в случае экспортной зависимости от страны-нарушителя.

Согласно пункту 1 статьи 22 ДРС ВТО использование компенсаций и приостановления уступок возможно, однако данная мера не является предпочтительной; она используется в том случае, когда решения ОРС не исполняются в течение разумного периода.

Примечателен тот факт, что использование контрмер в праве ВТО строго регламентировано и не может быть применено без разрешения ОРС. В результате проведенных консультаций ОРС ВТО выносится решение, которое в основном исполняется добровольно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в праве ВТО нет мер ответственности в ее привычном понимании, что привело к ряду критических замечаний относительно механизма ответственности в праве ВТО. Так, в общем международном праве ответственность наступает за совершение международно-противоправного деяния, как правило, с причинением ущерба. В то же время в праве ВТО речь не идет о совершении противоправного деяния: ответственность здесь наступает за нарушение соглашений ВТО либо за недолжное их исполнение. Ущерб в данном случае — это неполучение определенных выгод в настоящем или будущем.

В ДРС ВТО прямо не говорится об ответственности государств за нарушение соглашений ВТО, однако в статье ДРС ВТО отмечена необходимость устранения «неблагоприятных последствий». То есть ответственность

наступает за неполучение выгод в настоящем или будущем, за неисполнение установленных соглашений, а не за совершение международно-противоправного деяния, как это принято в общем международном праве. В статьях Комиссии международного права ВТО прямо говорится о международной ответственности и о случаях, когда она наступает.

Бывший работник Секретариата ВТО Д. Повелин в своей научной работе «Конфликт норм в публичном международном праве: как право ВТО соотносится с другими нормами международного права» провел глубокое и всестороннее исследование, рассмотрев вопрос соотношения права ВТО с международным правом и изложил убедительные аргументы в пользу той позиции, что общее международное право (как договорное, так и обычное) применимо в качестве права в урегулировании споров в ВТО, и наиболее актуальное международное право будет осуществлять надзор над правом ВТО в случае возникновения коллизий⁷. Однако необходимо отметить, что ответственность в праве ВТО имеет природу, отличную от норм ответственности в международном праве, и следует определить, в каком объеме и каким образом в данном случае будут применяться нормы общего международного права. В данном случае Возникновение коллизий здесь неизбежно, ведь с расширением круга участников ВТО возникает все больше правовых вопросов, которые предусмотреть изначально было невозможно, и целью ОРС ВТО является разъяснение неких «казусов» с помощью норм международного права, в частности с использованием статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

---

⁷ Pauwelyn J. Conflict of norms in public international law: how WTO law relates to other rules of international law. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 554.

Д. Гомула в своей работе «Ответственность и Всемирная торговая организация» утверждает, что «вопрос об автономности права не возникает, так как ВТО является частью международного права»⁸. В своей аргументации Д. Гомула ссылается на ДРС ВТО, в связи с чем с ее мнением невозможно не согласиться. Примечательно, что в статье 3.2 данного соглашения указано: одной из целей системы урегулирования споров является разъяснение положений ВТО в соответствии с обычными правилами толкования международного публичного права. Также Д. Гомула отмечает в своей работе не только взаимосвязь права ВТО с общим международным правом, но и непосредственную связь права ВТО с нормами ответственности государств. Если бы ВТО была автономным режимом, то общие правила об ответственности государств были бы заменены правилами ответственности государств, содержащимися в самой системе. Однако если право ВТО является частью общего международного права, то, соответственно, будут применяться нормы об ответственности государств. Это означает, что статьи КМП об ответственности государств будут иметь отношение к разрешению споров, касающихся и споров в ВТО.

Как отмечает Я. С. Кожеуров, «основания ответственности за аннулирование или сокращение выгод, предусмотренные пунктами 1b и 1c статьи XXIII ГАТТ 1994 г., а также последствия, установленные в ст. 26 ДРС, представляют собой абсолютно новый, не предусмотренный общим международным правом режим ответственности»⁹. Таким образом, основания международной ответственности в

---

⁸ Gomula J. Responsibility and the World Trade Organization // The Law of the International Responsibility. Oxford Commentaries in International Law. Oxford, 2010. P. 772.

⁹ Кожеуров Я. С. Международная ответственность за нарушение права ВТО: соотношение с общим международным правом // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10. С. 1334–1340.

международном праве и праве ВТО имеют принципиальные различия. Если в международном праве основанием ответственности является противоправное действие или бездействие, то в праве ВТО основанием является неполучение выгод, предусмотренных Соглашением. Данный факт, бесспорно, подтверждает «автономию» международной ответственности в праве ВТО от общей международной ответственности, но не в свете их разобщенности, а с позиции разницы их оснований и содержания. Рассматривая ответственность в праве ВТО, можно говорить об «автономии в автономии» или о существовании двух «автономий» — самого права ВТО и ответственности в праве ВТО.

Характерным примером является дело 2001 г. «Корея — Меры, затрагивающие государственные закупки», в котором третейская группа ОРС ВТО отмечает, что она должна выполнять требования статьи 3.2 ДРС ВТО, однако в данном случае взаимодействие права ВТО и международного права намного шире этого¹⁰.

Проведенный анализ норм международного права, в частности Соглашений ВТО, отечественной и зарубежной доктрины, а также практики ОРС ВТО, позволяет сделать следующие выводы.

1. Важность установления сущности и особенностей понятия международной ответственности в рамках права ВТО обусловлена непосредственно содержанием норм права ВТО, которые как прямо, так и косвенно предписывают использование международной ответственности в самых разных сферах международных торговых отношений. В Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров ВТО не содержится понятия ответственности, однако, проведя анализ обоснований и выводов, присутствующих в материалах ОРС ВТО и КМП ООН, а также множества

---

¹⁰ Korea — Measures Affecting Government Procurement. WT/DS163/R. 19.01.2000. Para. 7.96.

научных комментариев понятия «международная ответственность», можно сформулировать его дефиницию, а именно: «Ответственность за нарушение права ВТО представляет собой последствие нарушения обязательств ВТО или их ненадлежащее исполнение, повлекших за собой аннулирование или сокращение выгод».

2. В рамках теории и практики права ВТО не всегда используется термин «международная ответственность». В отдельных спорах международной ответственности могут быть приданы специфические черты. Так, к международной ответственности в праве ВТО относят: а) проведение мер, которые привели к аннулированию или уменьшению выгод, в соответствии с соглашениями ВТО; б) обращение к контрамерам с согласия ОРС ВТО. Очевидно, что присутствие дифференцированных подходов к определению международной ответственности формирует теоретическую почву для последующего изучения всего многообразия проявления международной ответственности не только в рамках права ВТО, но и за его пределами. Представляется возможным также говорить об образовании «автономии в автономии» (или двух автономных режимах, непосредственно права ВТО и международной ответственности в праве ВТО), которая представляет собой *lex specialis* в отношении норм общей международной ответственности. Ответственность в праве ВТО существует в рамках общего международного права и при этом представляет собой абсолютно иной правопорядок, в котором нет места противоправному деянию как таковому.

3. Институт ответственности в праве ВТО выступает средством гармонизации мер, принимаемых членами ВТО для обеспечения прозрачности, либерализации, свободного и беспрепятственного осуществления международной торговли в рамках многосторонней торговой системы. Кроме того, международная ответственность служит отражением существующего уровня избежания дискриминации в рамках права ВТО,

а также мерой восстановления заключенных соглашений и получения установленных выгод. В результате международная ответственность способствует достижению основополагающих целей Всемирной торговой организации, закрепленных в Марракешском соглашении и его приложениях.

**РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА)**

Ушаков Руслан Михайлович

Магистрант факультета права НИУ ВШЭ

*Эксперт Лаборатории антикоррупционной
политики НИУ ВШЭ*

ru.ushushakov@yandex.ru

Признание государственно-частного партнерства ГЧП одним из важнейших инструментов развития экономики, достижения целей устойчивого развития (ЦУР) и пр. относит его к сфере межгосударственных интересов. Анализ мировой практики регулирования ГЧП и имплементации международных соглашений о ГЧП в системы национального законодательства свидетельствует о наличии ряда проблем в исследуемой области. В частности, успешное развитие ГЧП напрямую зависит от эффективности построения организационно-правового механизма согласования государственных и частных интересов и практического обеспечения их взаимодействия как в общем виде, так и применительно к отдельным сферам деятельности, в том числе сфере нефтегазового комплекса. В подобных условиях особую значимость приобретает вовлечение международных организаций в регулирование взаимодействия государства с частными инвесторами, поскольку необходимо формирование не только гармоничной и эффективной национальной правовой основы, но и международно-правовой основы ГЧП, выступающей результатом деятельности международных организаций по разработке правовых рекомендаций и соответствующих модельных актов.

В первую очередь следует определить содержание используемой терминологии. В соответствии с нормами российского законодательства, закрепленными в положениях статьи 3 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Федеральный закон о ГЧП), в качестве ГЧП рассматривается сотрудничество публичного и частного партнера, основанное на объединении ресурсов и распределение рисков между договаривающимися сторонами, оформленное соответствующим срочным соглашением о ГЧП¹. При этом в российской практике формы ГЧП могут носить разнообразный характер, одними из наиболее распространенных, помимо соглашения о ГЧП, являются концессионные соглашения.

В свою очередь международная юридическая доктрина ГЧП включает в себя совокупность образцов его правового регулирования, носящих рекомендательный характер и направленных на оказание содействия государствам при формировании национального законодательства в сфере ГЧП. Перечень подобных актов достаточно обширен, одним из наиболее ранних является Руководство ЮНИДО — специализированного учреждения системы ООН — по развитию инфраструктуры через проекты BOT (*Build-Operate-Transfer* — «строительство-управление-передача»), принятое в 1996 г.² Указанный документ представлял собой первую попытку сформулиро-

---

¹ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.

² UNIDO Guidelines for Infrastructure Development through Build-Operate-Transfer (BOT) Projects // URL: <https://open.unido.org/api/documents/4808368/download/UNID0> (accessed 1 April 2023).

вать международные принципы ГЧП путем определения рекомендуемой структуры проектов ГЧП и его этапов. Формированию основ регулирования и поддержки ГЧП способствует деятельность Юридического ресурсного центра по государственно-частному партнерству Всемирного банка, институтов Европейского союза, ОЭСР³.

Сущность ГЧП раскрывается в указанных документах с позиции его рассмотрения как формы взаимодействия публичных структур с частным сектором. В частности, положениями «Зеленой книги о государственно-частных партнерствах и местном законодательстве о государственных контрактах и концессиях»⁴ ГЧП рассматривается через «партнерство между государственным и частным секторами с целью осуществления проекта или оказания услуги, традиционно предоставляемой государственным сектором».

В науке недостаточно исследованы вопросы роли и функций международных организаций в сфере ГЧП, не определено должным образом содержание их взаимодействия. Значимый вклад в изучение обозначенных аспектов темы внесена С. В. Масловой, рассматривавшей в своих работах перспективы участия международных организаций в регулировании ГЧП. Автор раскрыла понятие международных стандартов в области ГЧП и особенности правового регулирования

---

³ OECD, Recommendation of the Council on Principles for Public Governance of Public-Private Partnerships, OECD/LEGAL/0392 URL: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/275/275.en.pdf> (accessed 30 January 2024).

⁴ Green Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions // Commission of the European Communities. Brussels, 2004. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/94a3f02f-ab6a-47ed-b6b2-7de60830625e/language-en> (accessed 30 January 2024).

трансграничных отношений⁵, проанализировала формирование современных международных стандартов ГЧП, включающих в себя как положения о рекомендуемом правовом регулировании объектов ГЧП, способах его финансирования, процедуре разрешения споров, так и иные аспекты, имеющие особое значение для повышения эффективности ГЧП⁶. При этом следует признать, что роль международных стандартов в формировании международных основ ГЧП является вспомогательной в той мере, в которой они носят ориентирующий характер для систем национальных законодательств при отсутствии единого международного модельного правового акта, направленного на унификацию и оказание регулирующего воздействия.

Представляется, что значимость международного модельного нормотворчества в целях правовой унификации в сфере ГЧП в настоящее время объективно обусловлена потребностью в развитии сотрудничества государств, а также различиями в правовом регулировании ГЧП на уровне национальных правовых систем. Модельный правовой акт, содержащий принципы международного партнерства, является своеобразным мостом между международным и национальным законодательством, его нормы зачастую имеют рекомендательный характер, за исключением императивных норм, признаваемых в порядке добровольных самообязательств. При дефиниции международной модельной нормы возможно исходить из позиции Ю. С. Безбородова, рассматривающего ее в качестве нормы, «управомочивающей или обязывающей

---

⁵ Маслова С. В. *Lex PPPs как источник регулирования трансграничных отношений в сфере государственно-частного партнерства и роль международных организаций в формировании lex PPPs // Международное право и международные организации. 2021. № 4. С. 1–10.*

⁶ Маслова С. В. *К понятию международных стандартов государственно-частного партнерства // Международное право. 2021. № 3. С. 20–21.*

государства разработать и принять правовой акт или отдельные нормы определенного его содержания»⁷. Таким образом, предполагается, что в структуру международной модельной нормы в сфере ГЧП включаются два элемента — предлагаемая модель правового акта или правовой нормы и непосредственно право или обязанность государств принять соответствующий правовой акт либо воспринять соответствующие нормы, в результате чего такая модельная норма позволяет определить будущее поведение участников правоотношений.

Отдельными учеными широко критикуются системы модельного законодательства на примере некоторых международных организаций, прежде всего Содружества Независимых Государств (СНГ), принявшего за период своего существования свыше 284 модельных закона и кодекса, а также целый ряд рекомендаций, заявлений, деклараций и обращений, связанных с различными сферами общественных отношений⁸. В частности, подобная позиция обосновывается Е. В. Шестаковой, которая при исследовании модельного законодательства, принятого в рамках СНГ, отмечает, что как средство гармонизации законодательства подобный способ вызывает сомнения. Она полагает, что «для успешной имплементации модельных законов необходимо разрешение целого ряда межгосударственных проблем, требующих не только длительных сроков и больших финансовых затрат, но и отлаженной, постоянно действующей системы межгосударственного наблюдения за выполнением принятых обязательств»⁹.

С подобным выводом следует не согласиться в той мере, в которой международное правовое регулирование обладает

---

⁷ Безбородов Ю. С. Международные модельные нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 9.

⁸ Москалькова Т. Н. СНГ: история и перспективы. М., 2012. С. 6.

⁹ Шестакова Е. В. Модельное законодательство СНГ. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/4955-modelnoe-zakonodatelstvo> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

значимыми возможностями для эффективной реализации проектов ГЧП на национальном уровне: именно подобным образом проявляется его регулирующая функция, сближающая национальные системы законодательства и устраняющая существующие пробелы и недостатки законодательств государств. В исследуемых случаях и нормы международного публичного, и нормы международного частного права направлены на достижение единой цели — формирование необходимых правовых условий для развития международного сотрудничества в сфере ГЧП с учетом международно-правовых принципов (применительно к сфере ГЧП в нефтегазовом комплексе — прежде всего, с учетом принципов сочетания международного и национального нормативного регулирования, предоставления государством иностранным субъектам специальных правовых режимов, необходимых для осуществления деятельности в исследуемой сфере, добросовестности и разумности, а также принципа экологической безопасности).

Показательной в данном случае являются разработка и принятие в 2014 г. Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ модельного закона «О публичном частном партнерстве», определившего значимый набор условий соглашений о ГЧП, его правовые инструменты, принципы и гарантии участников проектов ГЧП¹⁰. Основной целью модельного закона выступило установление единообразных правил правового регулирования ГЧП на территориях государств — членов СНГ в различных областях общественных отношений, в том числе обладающих повышенной экономической, политической и иной значимостью, прежде всего, в сфере нефтегазового комплекса. Для обеспечения достижения поставленной

---

¹⁰ Постановление № 41-9 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном законе «О публично-частном партнерстве» (принято в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014) // Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. Информационный бюллетень. 2015. № 62 (часть 1).

цели модельным законом предлагается формирование единой системы принципов ГЧП, таких как: установление равенства партнеров перед законом; учет интересов публичной и частной стороны; доступность правил и формирование прозрачных процедур реализации ГЧП; запрет на дискриминацию субъектов, участвующих в соответствующих процедурах; распределение рисков и обязанностей между публичной и частной стороной; добросовестность исполнения соглашений; неизменность правового режима на весь период реализации таких проектов, что имеет особую актуальность в условиях финансовой нестабильности и политической неопределенности. При этом модельный закон не содержит рекомендаций об инкорпорации ЦУР в системы национального законодательства и не рассматривает ГЧП как эффективное средство ее достижения.

В силу отсутствия императивного характера модельного закона, принятого в рамках СНГ, и обязанности государств-участников по соблюдению и выполнению требований положений модельного законодательства, указанный модельный закон сформировал лишь общие правовые ориентиры законодательства в сфере ГЧП. Так, анализ национального законодательства государств — членов СНГ свидетельствует о том, что рекомендуемые нормы модельного закона не получили в них идентичной имплементации. Наибольшую близость с рекомендуемыми принципами ГЧП имеет система принципов, определенная положениями российского Федерального закона о ГЧП, однако в нее не включен принцип «правовой стабильности», подразумевающий «неизменность правового режима, действующего на момент заключения соглашения о публично-частном партнерстве, на протяжении всего срока действия соглашения» (ст. 4 модельного закона). В частности, в соответствии со статьей 4 Федерального закона о ГЧП систему принципов в исследуемой сфере образуют шесть элементов: открытость и доступность, обеспечение конкуренции,

отсутствие дискриминации, добросовестность, свобода соглашения и справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами. Буквальное толкование положений российского законодательства позволяет предположить, что законодателем предпринята попытка подменить указанный принцип установленными правовыми гарантиями защиты имущественных и иных прав частного партнера (ст. 15), однако подобное не может признаваться равноценной заменой правового принципа, носящего наиболее общий и всеобъемлющий характер. Не отражен указанный принцип и в законодательстве о ГЧП Республики Беларусь: в качестве принципов ГЧП определяются, помимо общих принципов, принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности и принцип приоритета общественных интересов, которые в силу своего содержания вступают в противоречие с принципом соблюдения интересов публичного и частного партнера. В качестве отдельного принципа белорусское законодательство определяет также охрану окружающей среды¹¹. Спецификой обладает и отражение принципов модельного закона в законодательстве Республики Казахстан: в соответствии со статьей 3 соответствующего закона на территории государства признается действие шести принципов ГЧП: последовательности, конкурсности, сбалансированности, результативности, ценности для населения и (с 2023 г.) прозрачности и доступности информации о проектах ГЧП¹².

При этом в целом, несмотря на частичную имплементацию норм указанного модельного закона в национальное законодательство стран — участников СНГ, следует признать, что он послужил определенной унификации таких систем и

---

¹¹ Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-3 «О государственно-частном партнерстве». URL: <https://economy.gov.by> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

¹² Закон Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 379-V «О государственно-частном партнерстве». URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения 3 апреля 2023 г.).

обеспечению единообразного и системного регулирования государственно-частных партнерств не только в странах СНГ, но и в государствах — членах Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС), что особенно важно с учетом тенденций формирования общего рынка нефти и газа на их территориях¹³, осложненных в настоящее время наличием значимых различий в организации и функционировании соответствующих рынков на национальном уровне. Предполагается, что подобные значимые различия должны быть устранены и следует разрешить ряд препятствующих развитию форм ГЧП в нефтегазовом комплексе проблем, выраженных, например, в высокой степени монополизации нефтяной и газовой отрасли вертикально интегрированными нефтяными компаниями. Результатом отмеченных изменений может стать повышение конкурентоспособности общего рынка Союза наряду с формированием механизмов защиты от внешнего воздействия и поддержанием курса национальных валют государств-участников.

В подобных условиях сложно переоценить значение деятельности международных организаций в сфере формирования общемировой и локальной концепции публично-правового регулирования ГЧП: воздействие на национальное законодательство путем унификации правовых норм посредством издания модельных законов и правовых рекомендаций может рассматриваться как наиболее эффективный способ формирования системы правового регулирования ГЧП на международном и национальном уровнях, способствующий скорейшему достижению общих политических и экономических целей и

---

¹³ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31 мая 2016 г. № 8 «О Концепции формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза». URL: Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/>, 01.06.2016/ (дата обращения 3 апреля 2023 г.).

задач, а также достижению ЦУР. С учетом активного экономического взаимодействия Российской Федерации с иными участниками таких организаций, как Шанхайская организация сотрудничества (далее ШОС), ЕАЭС, актуальными представляются и вопросы целесообразности принятия модельных законов о ГЧП в рамках указанных объединений применительно к сфере нефтегазового комплекса.

Таким образом, в качестве одной из ключевых задач в сфере ГЧП как в общем виде, так и применительно к отдельным отраслям промышленности выступает формирование гибкой и адекватной сформированным правовым условиям нормативно-правовой базы. Внутригосударственное развитие государственно-частного партнерства может успешно осуществляться при наличии предсказуемых, логичных и стабильных рамок закона, в условиях отсутствия излишней бюрократизации установленных процедур, поскольку в противном случае предпринимательская активность частного бизнеса в инвестировании ожидаемо снижается. Для установления же эффективных организационно-правовых механизмов ГЧП необходимо формирование не только национальной, но и международно-правовой основы ГЧП, поскольку нормы международного публичного и международного частного права направлены на достижение одной цели — создание необходимых правовых условий развития международного сотрудничества в различных областях, в том числе в сфере нефтегазового комплекса.

Одной из современных тенденций мировой практики является вовлечение международных организаций в нахождение согласованных и проработанных решений в правовом регулировании ГЧП, что особенно важно с учетом использования организационных возможностей и специализированных компетенций таких организаций. В настоящее время ключевая роль международных организаций в формировании системы правового регулирования ГЧП видится в совершен-

ствовании его концепции и расширении потенциала для обеспечения общих интересов государств — достижения ЦУР, а также в обобщении практики правового регулирования ГЧП и формировании обычных норм международного права в исследуемой сфере.

Следует ожидать, что создание международных модельных актов и правовых рекомендаций в сфере ГЧП (в том числе рассматривающих ГЧП как средство достижения ЦУР), разработанных на уровне международных организаций, способно упростить и ускорить правотворческие процессы в государствах-участниках, одновременно обеспечивая гармонизацию национального законодательства и унификацию правовых систем сотрудничающих государств. При этом следует учитывать, что для повышения эффективности модельных законов необходимы разработка и заключение межгосударственных соглашений и договоров, закрепляющих основные направления их взаимодействия применительно к определенным сферам.

Разрешая вопрос дальнейших перспектив международного сотрудничества Российской Федерации в сфере ГЧП в нефтегазовом комплексе с учетом сложившейся в настоящее время геополитической обстановки, следует указать на то, что ориентация на принятые международные стандарты и модельные акты в исследуемой сфере не должна являться политизированной. Международные санкции оказывают негативное воздействие на инвестиционную привлекательность предпринимательства в России, но не лишают страну возможности исходить из базовых международных правовых рекомендаций при формировании национальной системы правового регулирования института ГЧП применительно к нефтегазовой отрасли. Подобные выводы актуализируют также роль и значение международных организаций в повышении эффективности построения национального организационно-правового механизма ГЧП и его практического обеспечения.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И МЕХАНИЗМОВ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Фатихов Данил, Баскаков Константин Павлович

Студенты юридического института

РУДН имени Патриса Лумумбы

1032204299@pfur.ru, 1032170215@rudn.ru

Права человека являются высшей ценностью во всем мировом сообществе, данный вопрос стал наиболее обсуждаемым после двух мировых войн, что видно из преамбулы Устава Организации Объединённых Наций: «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций...»¹.

С 10 декабря 1948 года, когда Генеральной Ассамблеей ООН была принята Всеобщая декларация прав человека, укрепилось международное движение по защите прав человека². Декларация, которая является «задачей, к которой должны стремиться все народы и государства», впервые в истории человечества установила основные гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права, которые должны быть доступны каждому человеку. Со временем эти права были признаны общественностью в качестве базовых норм в области прав человека, которые должны соблюдаться и защищаться каждым.

---

¹ Устав ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

² Universal Declaration of Human Rights. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>.

С окончанием Второй Мировой войны, мировым сообществом был принят ряд международных договоров и других инструментов, которые защищали и гарантировали права человека. Также исходя из особой специфики разных частей мира, были созданы региональные документы.

Международные договоры и обычаи являются основой международного права в области прав человека, но также отменить значение и других инструментов, такие как: декларации, руководства и принципы. Что свидетельствует нам о верховенстве права на национальном и международном уровнях, чтобы права человека могли быть защищены.

Важную роль в развитии и в целом создании системы прав человека занимает ООН. С 1945 года ООН стала международным центром обсуждения вопроса прав человека. Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году стала фундаментом для защиты прав, после принятия декларации и до наших дней в рамках ООН создаются и иные механизмы и договоры защиты прав человека³.

В рамках ООН была создана система мониторинга и контроля за соблюдением прав человека. Она включает в себя международные органы и механизмы, такие как Верховный комиссар по правам человека, Комитеты ООН по правам человека и Международный суд ООН (ICJ). Эти органы имеют право принимать жалобы от лиц, чьи права были нарушены, а также проводить расследования и выносить рекомендации и решения.

ООН также содействует созданию и развитию национальных институтов по правам человека в различных странах мира, которые способствуют защите прав человека на местном уровне. Они помогают правительствам и гражданским обществам разрабатывать политики и программы в области прав

---

³ Чиверь П.С. Международные механизмы защиты прав человека // Вестник науки. 2020. №11 (32).

человека, повышать осведомленность о правах человека и проводить обучение и просветительскую работу.

В международном праве существует достаточное количество международных документов, защищающих права человека, после анализа таких договоров можно выделить «ключевые»:

Первым универсальным и основополагающим документом, как и говорилось ранее, является Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году, она определила основные права человека (право на жизнь, свобода мысли, право на работу и т.д).

В 1966 году был принят Международный пакт о гражданских и политических правах, закрепляющий свободу выражения, вероисповедания, собраний, ассоциаций. В том же году был принят Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах который уже закреплял такие права как: прав на труд, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и культуру. Далее в 1979 и 1989 годах были приняты Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Конвенция о правах ребенка, защищающие права женщин от дискриминации и права детей. Кроме того, в 1984 году была принята Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращений и наказаний. Этот документ определяет, что пытки и другие формы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения запрещены, и требует государствам принимать меры для предотвращения таких действий⁴.

Все эти документы определяют стандарты и принципы, которые должны соблюдаться всеми государствами и обществами, и обеспечивают механизмы защиты прав человека на международном и национальном уровнях.

---

⁴ Бегишева Э.А. Международные механизмы защиты прав человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №5-2.

В рамках системы ООН по защите прав человека действуют различные комитеты и специальные докладчики, которые имеют задачу следить за соблюдением прав человека в конкретных странах и областях, а также проводить исследования и составлять доклады по различным тематикам, связанным с правами человека.

Стоит также подчеркнуть один из ведущих органов ООН по вопросу прав человека — это Комитет по правам человека.

Справедливо, что данный орган отвечает за контроль исполнения государствами действий по реализации законов, касающихся защиты личности и человека. Каждое государство-участник международных договоров обязано представлять Комитету периодические доклады о соблюдении прав человека на своей территории. Комитет также может принимать индивидуальные жалобы и давать рекомендации по конкретным случаям нарушения прав человека.

Решения Комитета по правам человека носят рекомендательный характер, так, например на практике Российская Федерация не всегда исполняет поручения данного комитета, но несмотря на это в большинстве случаев решения Комитета приводят к защите и восстановлению прав, что так же свидетельствует об эффективности данного органа.

Есть также несколько специальных процедур, которые включают в себя специальных докладчиков по различным тематикам, таким как свобода вероисповедания или убежища. Они проводят исследования, встречи с правительственными органами и неправительственными организациями, составляют доклады и дают рекомендации.

Кроме того, есть Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка, Комитет по правам инвалидов, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по правам женщин и другие органы, которые занимаются защитой конкретных групп населения и борьбой с нарушениями их прав.

Работа этих комитетов и специальных докладчиков является важной частью системы ООН по защите прав человека

и позволяет обнаруживать и документировать нарушения прав человека, а также давать рекомендации по их устранению⁵.

Заканчивая работу о правах человека хочется выделить исключительную ценность и необходимость данных прав. Уже в конце девятнадцатого века и на протяжении всего 20 века мировое общество шло к закреплению базовых и необходимых для каждого человека прав, создавая тем самым более честный и справедливый мир. Рассмотренные нами выше акты являются тому подтверждением. Из этого мы видим, что человечество уверенно идет к цели, реализовывать и контролировать соблюдение прав человека. Подводя итог можно процитировать одного из классиков постмодерна, Жана Франсуа Лиотара: «Право приходит не от страдания, а от того, насколько его излечение делает систему более эффективной».

---

⁵ Абашидзе А.Х., Абдуллин А.И., Алисиевич Е.С. / Международная защита прав человека : учебное пособие. Москва : Российский университет дружбы народов, 2020. С. 93.

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ
И УГОЛОВНОЕ ПРАВО**

**ВКЛАД ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
В ПОДДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА
И БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
В ЮЖНОМ СУДАНЕ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ КОНГО)**

Абдуманнон Субхон Субхонзода

*Адъюнкт факультета научно-педагогических
и научных кадров*

*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
5007055@mail.ru*

Организация Объединенных Наций (ООН) была создана в 1945 году и является международной организацией, которая занимается поддержанием мирового порядка и безопасности. Она состоит из 193 государств-членов и является форумом для решения значимых международных проблем.

ООН имеет несколько инструментов для поддержания мира и безопасности, включая миротворческие миссии. Они организованы с целью помощи в урегулировании конфликтов, защите гражданских лиц и стабилизации регионов после конфликтов. Миротворческие миссии ООН представляют собой совместную деятельность государств-членов ООН, которые обеспечивают миротворцев и другие ресурсы для выполнения миссий.

Центральная Африка является одним из приоритетных регионов для деятельности ООН в связи с высоким уровнем конфликтов и связанных с этой нестабильностью нарушениями прав человека. ООН активно участвует в миротворческих

операциях в Центральной Африке, направленных на поддержание мира, стабильности и безопасности в регионе¹.

В последние годы ООН усилила свою деятельность в Центральной Африке, особенно в Южном Судане и Демократической Республике Конго. Оба этих региона испытывают серьезные проблемы с насилием, гражданскими войнами, нарушениями прав человека и бедностью. Основной целью миротворческих операций ООН в Южном Судане и Демократической Республике Конго является поддержание мира и безопасности в регионе. Миссии ООН также направлены на защиту гражданских лиц, особенно женщин и детей, от насилия и нарушений прав человека, а также на содействие восстановлению мира и стабильности в регионе. Эти цели позволяют также стабилизировать гуманитарную ситуацию в регионе, способствуя бесперебойной доставке гуманитарной помощи и обеспечению доступа к основным услугам, таким как медицинская помощь и вода, для местного населения.

В целом, миссии ООН в Южном Судане и Демократической Республике Конго являются частью общей стратегии ООН по поддержанию мира и безопасности в регионе, которая включает в себя дипломатические усилия, гуманитарную помощь и укрепление местных институтов правосудия².

Мандат миссий ООН в Южном Судане и Демократической Республике Конго определяется Советом Безопасности

---

¹ Африка. Глобальные вопросы повестки дня // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/africa> (дата обращения 10 марта 2023 г.).

² Ромадан Л.И. Эволюция миротворческой деятельности ООН в конце XX - начале XXI века: на примере Африканского континента: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Ромадан Лилия Игоревна; [Место защиты: Ин-т Африки РАН]. - Москва, 2019.

ООН на основе главы VII Устава ООН, которая предусматривает использование силы в целях поддержания мира и безопасности в миротворческих операциях³.

Миссия ООН в Южном Судане (*UNMISS*) была учреждена Резолюцией Совета Безопасности ООН № 1996 в 2011 году. Мандат миссии включает следующие задачи:

- поддержание безопасности и охрана гражданского населения;
- мониторинг и регистрация нарушений прав человека;
- помощь правительству Южного Судана в укреплении своих институтов и органов управления;
- содействие гуманитарным операциям и защите прав беженцев и вынужденных переселенцев⁴.

Миссия ООН в Демократической Республике Конго (*MONUSCO*) была учреждена Резолюцией Совета Безопасности ООН № 1996 в 2010 году. Мандат миссии включает следующие задачи:

- поддержание безопасности и охрана гражданского населения;
- мониторинг и регистрация нарушений прав человека;
- содействие в проведении выборов и демократических процессов;
- содействие улучшению гуманитарной ситуации в регионе;
- поддержка правительства Демократической Республики Конго (далее ДРК) в укреплении институтов и органов управления⁵.

---

³Maintenance of international peace and security. URL: <https://www.un.org/annualreport/2019/files/2019/09/Annual-report-SG-2019-EN-Chapter-2.pdf> (дата обращения 22 апреля 2023 г.).

⁴Peacekeeping Operations. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/repertoire/peacekeeping-missions#reg18> (дата обращения 22 апреля 2023 г.)

⁵MONUSCO. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/mission/monusco> (дата обращения 22 апреля 2023 г.).

В этих миссиях миротворцы ООН имеют право применять силу в целях самозащиты или защиты гражданского населения.

Миротворцы ООН в Южном Судане и Демократической Республике Конго проводят широкий спектр действий для поддержания мира и безопасности в этих регионах. Они могут проводить следующие действия:

- мониторинг ситуации в зоне конфликта: миротворцы постоянно отслеживают ситуацию на местности, анализируют информацию и предоставляют ее своим командирам и местным органам власти;

- предоставление помощи в охране мира и безопасности: миротворцы оказывают помощь в защите гражданского населения, предотвращают насилие и применение оружия;

- помощь в организации выборов: миротворцы помогают в организации выборов и обеспечивают их проведение в соответствии с международными стандартами;

- помощь в реабилитации беженцев и вынужденных переселенцев: миротворцы оказывают помощь в реабилитации беженцев и вынужденных переселенцев, помогают им возвращаться на свои родины и начинать новую жизнь;

- организация диалога между конфликтующими сторонами: миротворцы организуют встречи и переговоры между конфликтующими сторонами, поощряют диалог и содействуют поиску мирных решений;

- организация гуманитарной помощи: миротворцы организуют доставку гуманитарной помощи в зоны конфликта, где она может быть крайне необходима;

- оказание помощи в восстановлении местных институтов: миротворцы помогают в восстановлении местных институтов и органов власти, в том числе судебных, правоохранительных и законодательных органов⁶.

---

⁶ The Role of Peacekeeping in Africa. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/role-peacekeeping-africa> (дата обращения 22 апреля 2023 г.).

Безусловно, ООН стремится к проведению эффективной миротворческой деятельности и достижению всех целей, определяемых мандатами для проведения каждой конкретной миссии. Отметим факторы, которые с практической стороны могут влиять на эффективность миротворческих миссий ООН:

- поддержка со стороны местного населения: локальные жители могут играть важную роль в успехе миротворческой миссии, предоставляя информацию о местных конфликтах, помогая при обеспечении безопасности и содействуя при сборе данных о вооруженных группировках и других факторах;

- сотрудничество с правительством и вооруженными группировками: работа с правительством и вооруженными группировками может быть важной частью миротворческой миссии. Это может включать переговоры с лидерами группировок, участие в демилитаризации и дезорганизации их сил и внедрение механизмов контроля над вооруженными группами;

- мандат миссии: ясность и конкретность мандата миссии могут повлиять на ее эффективность. Например, если мандат предоставляет миротворцам широкие полномочия, то это может способствовать более эффективной работе в условиях конфликта;

- средства и оборудование: миротворцы должны обладать соответствующим оборудованием и технологиями, чтобы эффективно выполнять свою работу. Это может включать транспортные средства, коммуникационное оборудование и средства защиты;

- компетентность и обучение миротворцев: миротворцы должны обладать навыками и знаниями для работы в условиях конфликта, таких как умение устанавливать контакт с местным населением, навыки обеспечения безопасности и понимание конфликта и политической обстановки;

- политическая поддержка: политическая поддержка со стороны государств-членов ООН может помочь обеспечить успех миротворческой миссии. Это может включать обеспечение финансирования, ресурсов и личного состава⁷.

Миссии ООН в Южном Судане и Демократической Республике Конго имели как успехи, так и провалы.

В Южном Судане миссия UNMISS была организована в 2011 году после обретения страной независимости от Судана. Миссия была направлена на поддержание мира, защиту гражданского населения и гуманитарной помощи. Несмотря на это, ситуация в стране оставалась напряженной, а миротворцы сталкивались с различными вызовами. В 2013 году началась война между правительственными войсками и повстанцами, в результате чего более 200 тысяч человек были вынуждены покинуть свои дома. Миротворцы стали целью нападений со стороны боевиков, и в результате 58 миротворцев были убиты в период с 2011 по 2021 год. Тем не менее, благодаря усилиям миссии было достигнуто соглашение о прекращении огня в 2015 году, которое существует по сей день. UNMISS продолжает работать в Южном Судане, чтобы поддерживать мир и укреплять институты государственного управления⁸.

Миссия *MONUSCO* в Демократической Республике Конго была создана в 1999 году и имела целью поддержание мира и стабильности в регионе. Однако, миссия столкнулась с многочисленными проблемами, в том числе с недостаточной эффективностью в борьбе с насилием и отсутствием политической воли у местных властей. В 2008 году миротворцы были

---

⁷ Security Council Must Gain Early Political, Financial Support, Deepen Local Engagement, Draw in Women and Youth to Succeed in Peacebuilding. URL: <https://reliefweb.int/report/world/security-council-must-gain-early-political-financial-support-deepen-local-engagement-draw-women-and-youth-succeed-peacebuilding> (дата обращения 22 апреля 2023 г.).

⁸ Peacekeeping Operations. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/repertoire/peacekeeping-missions#reg18> (дата обращения 22 апреля 2023 г.).

не в состоянии предотвратить насилие, которое привело к более чем 150 погибшим. Кроме того, миротворцы столкнулись с обвинениями в сексуальных домогательствах и эксплуатации детей. Тем не менее, миссия продолжает работать в Демократической Республике Конго, поддерживая мир и безопасность, и добиваясь успехов в борьбе с насилием⁹.

Несмотря на определенные успехи, миссии ООН в Южном Судане и ДРК также столкнулись с некоторыми провалами. В Южном Судане, например, были зарегистрированы случаи нарушений прав человека со стороны вооруженных группировок, а также были замечены проблемы в обеспечении безопасности мирных жителей. В свою очередь, миссия в ДРК столкнулась с осложнением ситуации в Восточной провинции страны, где несколько вооруженных группировок ведут борьбу за контроль над территорией.

Кроме того, миссии ООН в Южном Судане и ДРК также столкнулись с проблемами в обеспечении участия женщин в миротворческих операциях, а также в предотвращении и ликвидации насилия в отношении женщин и девочек.

Несмотря на данные провалы, можно сделать вывод о том, что миссии ООН в Южном Судане и ДРК все же добились определенных результатов в поддержании мира и безопасности в этих регионах. Они также продемонстрировали, что миротворческие операции могут сыграть важную роль в предотвращении насилия и конфликтов в разных частях мира.

Одним из ключевых факторов успеха миссий ООН в Южном Судане и ДРК можно назвать сотрудничество со стороны местных властей и сообществ. Без такого сотрудничества миротворцы не смогли бы обеспечить безопасность мирных жителей и не смогли бы улучшить общую ситуацию в этих регионах.

---

⁹ MONUSCO. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/mission/monusco> (дата обращения 22 апреля 2023 г.).

Кроме того, эффективность миссий также зависит от того, насколько эффективно используются имеющиеся ресурсы. Например, миротворцы должны быть хорошо обучены и оборудованы для выполнения своих задач. Также необходимо обеспечить необходимую логистическую поддержку и связь с местными властями и сообществами.

Наконец, для эффективности миссий также важно учитывать местную культуру и традиции. Миротворцы должны быть готовы работать с местными сообществами и учитывать их потребности и интересы. Только в таком случае миссии смогут добиться максимальных результатов в поддержании мира и безопасности в регионах, где они проводятся¹⁰.

Сравнение эффективности миссий в Южном Судане и ДРК можно провести на основе различных показателей. Например, провести анализ количества нарушений перемирия, количества конфликтных ситуаций и инцидентов с участием миротворцев, количество помощи, которую получили мирные жители, и т.д.

Согласно отчетам ООН, в результате проведенной миссии в Южном Судане удалось достичь некоторых успехов. Так, например, была достигнута стабилизация обстановки в регионе, сократилось количество насильственных конфликтов, а также было обеспечено безопасное возвращение более 190 тысяч беженцев и внутренне перемещенных лиц. Однако, несмотря на эти достижения, в некоторых частях страны по-прежнему сохраняется нестабильность и насилие.

Миссия в ДРК также имела некоторые успехи. Была достигнута стабилизация ситуации в некоторых регионах страны, а также была оказана помощь более 22 миллионам мирных жителей. Однако, ситуация в стране по-прежнему

---

¹⁰ Загорский А.В. Миротворчество и международное управление региональной безопасностью [Текст] / А. В. Загорский; Ин-т мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской акад. наук. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. - 117 с.

остаётся напряжённой, и многие регионы продолжают ощущать последствия конфликтов.

Таким образом, можно сделать вывод, что обе миссии имели свои успехи, но, к сожалению, имелись и «отрицательные» этапы при их проведении. Обе миссии смогли существенно улучшить ситуацию в регионах, где они проводились, однако, эти регионы все ещё сталкиваются с проблемами и вызовами.

Однако, несмотря на некоторые успехи в ДРК, эффективность миссии остаётся невысокой. Это связано с тем, что конфликт в ДРК имеет множество причин, включая политические, этнические, экономические и другие факторы. Кроме того, конфликт затрагивает большую территорию и разбросан по всей стране, что делает его трудным для контроля. Многие вооружённые группировки продолжают действовать, игнорируя миротворческие силы¹¹.

В целом, можно сказать, что миссии ООН в Южном Судане и ДРК имеют свои достижения и провалы, но с точки зрения эффективности, миссия в Южном Судане показала более высокие результаты в достижении своих целей, чем миссия в ДРК. Однако, необходимо отметить, что каждая миссия уникальна и зависит от множества факторов, в том числе от сложности конфликта и региона, в котором происходит миссия.

Несмотря на некоторые провалы и трудности, миссии ООН в Центральной Африке показывают важность роли ООН в поддержании мира и безопасности на африканском континенте. ООН продолжает работать в регионе и усиливать свои усилия, чтобы предотвратить конфликты и смягчить последствия существующих конфликтов.

---

¹¹ Сорокин А.С. Реализация деятельности миссии ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго // Достижения науки и образования. 2021. № 5. С. 80-81.

Кроме того, в ДРК были отмечены серьезные проблемы с безопасностью и нарушениями прав человека. В отчете Генерального секретаря ООН от 2018 года указывается, что миссия *MONUSCO* столкнулась с препятствиями со стороны вооруженных групп и криминальных сетей, которые провоцировали насилие, в том числе сексуальное насилие в отношении женщин и детей. Однако, благодаря усилиям миссии *MONUSCO*, были предотвращены крупномасштабные конфликты и насилие в ДРК.

Миссии ООН в Южном Судане и ДРК, это лишь некоторые примеры деятельности Организации Объединенных Наций в Центральной Африке. ООН играет важную роль в поддержании мира и безопасности в этом регионе, направляя значительные усилия и ресурсы для решения сложных конфликтов и защиты прав человека¹².

ООН оказывает помощь государствам-членам в укреплении их способности к соблюдению международных норм и принципов, связанных с миром и безопасностью. Организация предоставляет экспертную поддержку в различных областях, таких как политические, экономические и гуманитарные вопросы, помогая решать проблемы, связанные с конфликтами и кризисами.

ООН также активно работает с правительствами и гражданскими обществами, чтобы повысить уровень осведомленности и понимания важности соблюдения международных норм и принципов в области мира и безопасности. Организация сотрудничает с местными организациями и общинами, чтобы помочь им в решении проблем и конфликтов, связанных с миром и безопасностью. ООН является ключевым меж-

---

¹² Африка. Глобальные вопросы повестки дня // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/africa> (дата обращения 10.04.2023 г.).

дународным органом, который принимает на себя ответственность за поддержание мира и безопасности в мире, в том числе и в Центральной Африке.

Миротворческие операции, проводимые ООН, позволяют установить мир и прекратить конфликты в регионе. Они также помогают восстановить порядок и поддерживать безопасность, что позволяет вновь начать экономическое развитие. Миротворческие операции ООН в Центральной Африке имеют большое значение для населения региона. Они позволяют улучшить жизнь людей, которые страдают от конфликтов, и обеспечивают условия для реализации права на жизнь и безопасность. Без помощи ООН и ее миротворцев, ситуация в регионе могла бы оставаться крайне неблагоприятной¹³.

Сравнение эффективности миссий показало, что миссия в Южном Судане была более успешной, поскольку была достигнута главная цель миссии – подписание мирного соглашения и прекращение насилия. В то же время, миссия в Демократической Республике Конго столкнулась с большими трудностями в достижении целей миссии, такими как контроль над вооруженными группировками и снижение уровня насилия. Несмотря на критику, миссии ООН в регионе привели к некоторым положительным результатам, включая снижение насилия и уменьшение числа жертв в конфликтных зонах. Однако, эффективность миссий все еще остается вызовом, и требуется дальнейшее улучшение процесса их проведения. Тем не менее, миротворческие операции являются неотъемлемой частью международного усилия по достижению мира и стабильности в регионе. Они показывают важность сотрудничества между различными странами и организациями в решении конфликтов и поддержании международного мира.

---

¹³ Ромадан Л.И. Эволюция миротворческой деятельности ООН в конце XX - начале XXI века: на примере Африканского континента: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Ромадан Лилия Игоревна; [Место защиты: Ин-т Африки РАН]. - Москва, 2019.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бровко Алина Александровна

*Студент кафедры международного права
РУДН имени Патриса Лумумбы
alina.browko2018@yandex.ru*

Термин «преступления против человечности» впервые был использован на международном уровне в 1915 году в декларации правительств Великобритании, Франции и России, осудившей турецкое правительство за предполагаемые массовые убийства армян как «преступления против человечества и цивилизации, за которые все члены турецкого правительства будут привлечены к ответственности вместе с его агентами, причастными к массовым убийствам»¹.

Несмотря на такое раннее использование термина, первые судебные преследования за преступления против человечности начались после Второй мировой войны в 1945 году в Международном военном трибунале (далее МВТ) в Нюрнберге.

Устав, учредивший МВТ в Нюрнберге, определял преступления против человечности как: ...убийства, истребление, порабощение, депортация и другие бесчеловечные действия, совершенные против любого гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам при исполнении или в

---

¹ Барсегов Ю. А. Декларация 1915 года — этап формирования международной ответственности за геноцид // Турецкая доктрина международного права на службе политики геноцида (о концепции члена «Комиссии примирения» Гюндюз Актана). М., 2002. URL: <http://www.armenianhouse.org/barsegov/genocide-ru/doctrine/doctrine.html#6> (дата обращения 26 апреля 2023 г.).

связи с любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию Трибунала, независимо от того, нарушает ли оно внутреннее законодательство страны, в которой совершено»².

Токийский устав 1946 года, учредивший Международный военный трибунал для Дальнего Востока, включил в себя то же определение преступлений против человечности.

После т.н. Нюрнбергского и Токийского процессов 1945-1946 годов работа по разработке определения преступлений против человечности продолжалась. В 1947 году Генеральная Ассамблея ООН поручила Комиссии международного права сформулировать принципы международного права, признанные и закрепленные в Нюрнбергской хартии и приговоре, а также разработать «кодекс преступлений против мира и безопасности человечества»³. Завершенный в 1996 году, проект кодекса определял преступления против человечества как различные бесчеловечные действия, а именно убийства, истребление, пытки, порабощение, преследование по политическим, расовым, религиозным или этническим мотивам, институционализируемая дискриминация, произвольная депортация или насильственная передача населения, произвольное лишение свободы, изнасилование, принуждение к проституции и другие бесчеловечные действия, совершаемые систематически или в больших масштабах и подстрекаемые или направляемые правительством или любой организацией или группой⁴.

Это определение отличается от определения, использованного выше в Нюрнберге, где преступные действия должны

---

² Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности. Т. 5. М., 1991. URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/1939-1945/NURNBERG/np5.txt> (дата обращения 26 апреля 2023 г.).

³ Metraux G. *International crimes and ad hoc tribunals*. Oxford, Oxford University Press, 2006.

⁴ Доклад Комиссии международного права о работе ее 48-й сессии, 6 мая – 26 июля 1996 г. С. 29. (Док. ООН: A/51/10).

были бы совершены «до или во время войны», что устанавливало связь между преступлениями против человечности и вооруженным конфликтом⁵.

В Уставе Международного трибунала по бывшей Югославии (ст. 5) к отдельным видам преступлений против человечности помимо перечисленных в Уставе МВТ отнесены следующие деяния: изнасилования, пытки, заключение в тюрьму, другие бесчеловечные акты («депортация» заменяет «ссылку»). Устав Международного трибунала по Руанде (ст. 3) содержит аналогичный список («депортация» дополняется «насильственным перемещением населения», а «заключение в тюрьму» — «другим жестоким лишением физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права»).

Наибольшее расширение категория преступления против человечности получает в Римском статуте 1998 г.⁶. Вводятся составы сексуальных преступлений: «обращение в сексуальное рабство», «принуждение к проституции», «принудительная беременность и стерилизация», другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести. Преступление «преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам» дополнено словами «любой идентифицируемой группы», а в качестве основания включает и такие мотивы, как культурный и гендерный, что отражает современный уровень защиты прав человека. Вводятся составы «насильственное исчезновение людей», «преступление апартеида»; другие бесчеловечные деяния аналогичного характера также могут

---

⁵ Шинкарецкая Г.Г. Значение Нюрнбергского процесса для последующего развития международного права // Уроки Нюрнберга и проблемы международного права: сб. М., 2011.

⁶ Schabas W. The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Oxford University Press, 2010.

рассматриваться как преступления против человечности⁷. Между тем, в отличие от других видов тяжких международных преступлений (военные преступления и преступления геноцида), конвенционного определения преступлений против человечности не существует, что считается пробелом в современном международном праве⁸.

В российской и зарубежной доктрине доминирует позиция, согласно которой современная система преступлений против человечности базируется на положениях Устава Нюрнбергского (в меньшей степени Токийского) трибуналов⁹. Также распространенным является т.н. «списочное» понимание современной системы и видов преступлений против человечности как составной части международных преступлений (преступлений против мира и безопасности человечества).

Для западной доктрины характерен однообразный подход к определению преступлений против человечности и их системы, основанный на предписаниях «статутных» норм международного права. Отличительной особенностью российской доктрины, при отсутствии в национальном уголовном законодательстве нормы о преступлениях против человечности, является включение в число этих преступлений геноцида, экоцида и (как самостоятельного деяния) апартеида¹⁰.

«Контекстуальный элемент» преступлений против человечности, как он определен в уставах международных трибуналов, претерпел наиболее значительную трансформацию на

---

⁷ Глотова С.В. Концепция преступлений против человечности: общепризнанность и существенные признаки в свете современного развития международного права // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2016.

⁸ Cryer R. *International Criminal Law* // *International Law* / ed. by M. Evans. 3rd ed. Oxford, 2010.

⁹ Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmhurst E. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2007.

¹⁰ Polyanskuy N.N., *International Criminal Tribunal*. Moscow, 1946.

сегодняшний день. Решающую роль в этой трансформации сыграла практика этих трибуналов. В частности, из «контекстуального элемента» преступлений против человечности исчезли требования по установлению обязательной связи такого преступления с вооруженным конфликтом, а также обязательного участия государства в его совершении путем реализации «политического плана». Обязательными элементами «контекстуального элемента» преступлений против человечности является установление широкомасштабного или систематического характера нападения на гражданское население, под которым понимается все (любое) гражданское население на территории, где произошло нападение.

Модификация «контекстуального элемента» преступлений против человечности позволяет четко разграничить деяния, объективные признаки которых совпадают в конкретных преступлениях против человечности и военных преступлениях (например, убийства, пытки, причинение тяжкого вреда здоровью, акты сексуального насилия). Если установлена прямая связь между таким деянием и вооруженным конфликтом, то оно должно быть квалифицировано как военное преступление. Это имеет большое значение для квалификации деяний в рамках национальной юрисдикции в государствах, уголовное законодательство которых не содержит норм о преступлениях против человечности. В частности, для России данное обстоятельство принципиально важно для целей ст. 356 УК РФ («Применение запрещенных средств и методов ведения войны»).

На основе анализа существующих норм международного права, практики международных трибуналов и «контекстуального элемента» предлагается следующее общее определение преступлений против человечности: преступления против человечности – это умышленные деяния, входящие в систему преступлений против мира и безопасности челове-

ства, выражающиеся в крупномасштабном или систематическом нападении на гражданское население, не связанные с вооруженным конфликтом.

Учитывая положительный зарубежный опыт, наиболее приемлемой для Российской Федерации представляется «рамочная» модель криминализации преступлений против человечности в национальном законодательстве путем трансформации действующих для России норм международного права о преступлениях против человечности в отечественное законодательство (т.е. формулирование самостоятельной нормы в главе 34 УК РФ) т.к. при отсутствии самостоятельной нормы о преступлениях против человечности в национальном законодательстве квалификация таких деяний по УК РФ может осуществляться только по «остаточному» принципу¹¹.

---

¹¹ Скуратова А.Ю. Международные преступления: современные проблемы квалификации. – М., Норма. 2015.

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ
РФ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁН-
НЫХ ПРОТИВ ГРАЖДАН ИЛИ ПРОТИВ СОБСТВЕН-
НОСТИ ЗА ГРАНИЦЕЙ**

Гусева Ольга Владимировна

Студент

*Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет)*

имени И.М. Губкина

olgagu0305@mail.ru

«Северный поток» – экспортный газопровод из России в Европу через Балтийское море. Его маршрут проходит через исключительные экономические зоны России, Финляндии, Швеции, Дании и Германии, а также через территориальные воды России, Дании и Германии.

Германская компания Nord Stream AG является оператором «Северного потока». В апреле 2010 года строительство газопровода «Северный поток» началось, к ноябрю 2011 года завершилось. В октябре 2012 года обе нитки были введены в эксплуатацию. За лето 2022 года прокачка газа по «Северному потоку» сократилась. В конце августа российская компания «Газпром» полностью остановил поставку газа в связи с ремонтом газоперекачивающего агрегата.¹ В сентябре 2018 года началось строительство газопровода «Северный поток – 2», через 3 года завершилось, несмотря на ограничительные меры, введенные США. К концу 2022 года обе нитки газопровода были заполнены техническим газом, но он так и не был

---

¹ Сайт Газпром. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream/> (дата обращения 22 января 2024 г.).

запущен в эксплуатацию, потому что Германия приостановила его сертификацию после признания Россией независимости Донецкой и Луганской Народных Республик.²

В конце сентября 2022 года на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток – 2» были обнаружены 4 утечки газа. Компания-оператор заявила, что утечки произошли из-за физического повреждения газопровода. По сообщениям СМИ (февральской публикации Сеймура Херша³) – о том, что диверсию на газопроводе осуществили американцы и их союзники, российским спецслужбам было известно.

Россия направляла несколько писем Швеции, первым из которых было обращение Михаила Мишустина к премьер-министру Швеции Магдалене Андерсон. В нем говорилось, что Москва знает о начатом расследовании и просит привлечь Россию к нему. Позже было направлено еще одно письмо. И только через 11 дней пришел ответ, где говорилось о том, что дело ведет Генеральная прокуратура Швеции, и она самостоятельно решает, какие меры следует принять. Помимо этого, Михаилом Виноградовым (начальник главного управления международно-правового сотрудничества Генпрокуратуры России) и Михаилом Савицким (первый замначальника следственного управления ФСБ) были направлены письма с предложением создать совместную следственную группу. Ответа не последовало. 28 ноября ФСБ направила новый запрос об оказании правовой помощи в рамках открытого в РФ уголовного дела «в отношении неустановленных лиц, совершивших акт международного терроризма». В рамках запроса просили сообщить, были ли проведены какие-либо экспертизы, изыма-

---

² Маглинова Т.Г. Сложный путь проекта «Северный поток – 2». // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022.

³ Сайт RGRU. URL: <https://rg.ru/2023/02/12/kak-amerika-vzorvala-severnij-potok-publikuem-statiu-zhurnalista-sejmura-hersha-o-tom-chto-podryv-gazoprovodov-byt-rezultatом-tajnoj-operacii-vms-ssha-i-norvezhskih-voennyh.html> (дата обращения 22 января 2024 г.).

лись ли какие-то части газопроводов с места их подрыва, гарантируя, что информация не будет передана третьим лицам. 20 декабря в шведское министерство юстиций поступил запрос удовлетворить ходатайство ФСБ. 22 декабря Генпрокуратура РФ получила отказ, который был аргументирован тем, что данные действия могут поставить под угрозу безопасность Швеции. 27 декабря пришел аналогичный отказ на запрос о создании совместной группы. 17 февраля в МИД Швеции было направлено письмо о том, что Швеция, Германия и Дания, проигнорировали письмо Мишустина, а Генпрокуратура получила отказ. МИД Швеции заявляет, что официальный ответ и вербальная нота были переданы 17 октября.⁴

С Германией Россия придерживалась такого же алгоритма действий. В свою очередь МИД Германии 17 октября направил вербальную ноту, в которой указал, что генпрокурор ФРГ 10 октября принял решение возбудить уголовное дело по факту подрывов «Северных потоков» в отношении неустановленных лиц, но все действия прокурора «носят независимый характер и являются его личной прерогативой». 19 января от Министерства юстиции ФРГ поступил ответ на запросы ФСБ и Генпрокуратуры РФ, аналогичные тем, которые были направлены в Швецию, в котором также говорилось, что данные вопросы находятся в исключительном ведении Генпрокурора ФРГ. Отказ был оправдан тем, что действия, предлагаемые Россией, могут ущемить интересы Германии. После заявления МИДа РФ об игнорировании Германий, Швецией и Данией письма Мишустина и о подозрениях в адрес этих стран, МИД Германии 7 марта направило вербальную ноту, в которой говорилось, что ответ на письмо премьер-министра было

---

⁴ Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2023/641085e79a79479c14f5699f> (дата обращения 22 января 2024 г.).

направлено 17 октября, а также был упомянут ответ 19 января.⁵

В отношении Дании Россия просит предоставить ответ на то, кто ведет расследование, и просит привлечь компетентных органов РФ к данному расследованию. На что Дания отвечает, что расследование проводится полицией Дании в той области, в которой находится датская компетенция, и что МИД Дании и дальше будет информировать РФ о ходе расследования. Так же, как Германии и Швеции, в Данию были направлены письмо Михаила Мишустина, обращения ФСБ и Генпрокуратуры РФ, на что Россия получила отказ по причине того, что данные действия могут поставить безопасность Дании под угрозу, согласно статье 2(b) Европейской конвенции о взаимной правовой помощи от 20 апреля 1959 года.

Как заявляла официальный представитель МИД России Мария Захарова, только при участии Российской Федерации в расследовании оно будет честным и объективным.

Согласно части первой статьи 361 УК РФ: «Совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий – наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы».

Взрыв «Северного потока» и «Северного потока – 2» является преступлением против собственности РФ за границей.

---

⁵ Александров Д.Г., Колпаков П.А., Матиив В.М. Диверсификация национального экспортного энергопакета России в условиях экономических санкций и диверсий на газопроводах: «Северный поток» и «Северный поток – 2». // Экономика строительства. 2023.

За данное преступление в законодательстве Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность. И так как 51% акций «Северного потока» и «Северного потока – 2» принадлежит ПАО Газпром, то участие Российской Федерации в расследовании данной диверсии является обязательным и безукоризненным вопросом.

В РФ возбуждено уголовное дело по статье об акте международного терроризма в связи с повреждениями двух российских газопроводов. Страны Европы не предоставляют информацию и не допускают Россию к расследованию, что плохо их характеризует, раз они не допускают, значит есть, что скрывать. В интересах стран Европы Россию допустить, потому что отношения с ними и так достаточно натянутые. Россия не заинтересована в срыве или закрытии дела, пострадало российское имущество, страна, наоборот, заинтересована в честном и беспрецедентном расследовании. Россия будет продолжать расследование самостоятельно в рамках своих национальных органов, предоставят информацию или нет – дело будет доведено до конца, а информация рано или поздно появится. Но при этом будет учитываться и тот факт, что страны Европы могут быть непосредственно заинтересованными участниками. Мы говорим о сговоре соучастников преступления. А когда РФ доведет расследование до конца, то сможет предъявить обвинения, и тогда все встанет на свои места.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТРЯДА 731.
ОПЫТ ХАБАРОВСКОГО ТРИБУНАЛА
И СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ**

Зубрицкая Ульяна Игоревна

Студент

*Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет)*

имени И.М. Губкина

ul.zubritskaya@mail.ru

Период правления императора Хирохито в Японии, начавшийся в 1926 году, привел к коренным изменениям японского общества. Япония в первой половине XX века вступила во Вторую мировую войну, а также оккупировала Китай. Одной из основных целей было наращивание военной мощи. Хирохито считал, что достичь данной цели можно с помощью силы науки. Он охарактеризовал период своего правления девизом «Сёва», что означало «эпоха Просвещенного мира».

Именно в этот период времени зародилась идея создания бактериологического оружия для борьбы с такими противниками как США, Великобритания, СССР. Ответственность за воплощение данной идеи в жизнь взял на себя генерал-лейтенант Императорской армии Японии, специализирующийся на вопросах микробиологии – Сиро Иссии.

В период с 1928 по 1930 гг. под предлогом научно-ознакомительной поездки за границу, Сиро Иссии была начата тайная разведывательная миссия для сбора информации. Он посетил страны Европы, СССР, Америку, Канаду. В итоговом докладе по результатам поездки он подчеркнул, что, «если Япония срочно не начнет фундаментальные исследования в

этом направлении, она может «опоздать на поезд»¹. Руководство страны было впечатлено докладом, в результате чего были выделены средства для создания лабораторий и проведения исследований в области бактериологии.

В 1933 году в Харбине была создана Главная база Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии. Именно такое официальное название получил секретный научно-исследовательский центр подготовки и ведения бактериологической войны. В 1939 году к югу от Харбина было окончено строительство военных сооружений и отряд был перемещен в этот район. Свое зашифрованное название – «Маньчжурский отряд 731» он получил в августе 1941 года.

Отряд 731, это специальное подразделение, занимавшееся научно-исследовательской работой по подготовке и ведению бактериологической войны. Отряд состоял из 20 исследовательских групп, каждая из которых занималась определённой деятельностью. Так, например, группа Касахары исследовала вирусы, группа Танаки – насекомых, группа Иосимуры – обморожение, группа Такахаси – чуму, группа Ооты – сибирскую язву, группа Минато – холеру и т.д.

Особое внимание стоит уделить специальной группе, которая занималась «брёвнами». Так отряд 731 называл пленных, над которыми проводились эксперименты с помощью биологического оружия². На основании этого номера их направляли в соответствующую исследовательскую группу в качестве «материала для исследований». В первую очередь «материалом для исследования» были китайцы, монголы, корейцы.

---

¹ Моримура Сэйити. Кухня дьявола: правда об «отряде 731» японской армии: перевод с японского / Сэйити Моримура; [вступ. ст. М. Демченко]. – Москва: Прогресс, 1983 (вып. дан. 1984). – 272 с.

² Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия [Текст]. – [Москва]: Госполитиздат, 1950 (Образцовая тип. им. Жданова). – 539 с.

Еще одно из подразделений изучало пределы человеческих возможностей. Велась эксперименты по обморожению и заражению газовой гангреной. Пленным отрубали конечности, подвергали ожогам, удаляли жизненно важные органы. Этот «отряд» не щадил даже беременных женщин. Проводились наблюдения за процессом беременности и ставились эксперименты на ещё не родившемся плоде³.

Перед тем как попасть в данный отряд, люди подвергались пыткам со стороны Квантунской армии. Было разработано даже специальное положение – «Основные правила допроса пленных»⁴.

Отряд 731 использовал бактериологическое оружие и за пределами лабораторий. С помощью брюшного тифа заражались колодцы с водой в местах действия китайских партизан. Готовился план бактериологической диверсии в отношении СССР. На пограничные советские города планировалось сбрасывать авиабомбы, наполненные чумными блохами, распылять бактерии с самолетов. Такие же действия японцы хотели совершить и против США.

Деятельность отряда была завершена 9 августа 1945 года, когда советские войска начали Маньчжурскую наступательную операцию, а на Нагасаки упала вторая атомная бомба. В первую очередь началось уничтожение улик и документации, свидетельствующей о существовании данного отряда. Были разрушены лаборатории и убиты пленные.

Следует отметить интересный факт – генералу Иссии удалось избежать наказания за свои преступления. В 1946

---

³ Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия [Текст]. – [Москва]: Госполитиздат, 1950 (Образцовая тип. им. Жданова). – 539 с.

⁴ Моримура Сэйити. Кухня дьявола: правда об «отряде 731» японской армии: перевод с японского / Сэйити Моримура; [вступ. ст. М. Демченко]. – Москва: Прогресс, 1983 (вып. дан. 1984). – 272 с.

году ему и его команде удалось получить иммунитет Соединенных Штатов Америки в обмен на полное раскрытие информации о своих экспериментах. Хотя представители СССР желали, чтобы судебное преследование имело место, Соединенные Штаты Америки возразили после отчетов американских микробиологов, проводивших расследование. Среди них был Эдвин Хилл, начальник Форт-Детрик, в чьем отчете говорилось, что информация была «абсолютно бесценной»; она «никогда не могла быть получена в Соединенных Штатах Америки из-за щепетильности, связанной с экспериментами на людях», и «информация была получена довольно дешево»⁵. 6 мая 1947 года Дуглас Макатур написал в Вашингтон, округ Колумбия, что «дополнительные данные, возможно, некоторые заявления Исии, вероятно, можно получить, проинформировав вовлеченных японцев о том, что информация будет сохранена по каналам разведки и не будет использоваться в качестве доказательства военных преступлений»⁶.

Хабаровский процесс над бывшими военными служащими Квантунской армии проходил с 25 по 30 декабря 1949 года. В общей сложности в рамках данного процесса было 12 подсудимых, состав которых был весьма неоднороден.

Одиннадцать из двенадцати привлеченные в качестве обвиняемых в предъявленном им обвинении виновными себя признали полностью. Только обвиняемый Кадзицука Рюдзи виновным себя признал частично.

Ни одному из подсудимых Военный трибунал Приморского военного округа не вынес в качестве наказания смертную казнь через повешение, как это было предусмотрено в Указе Президиума Верховного Совета СССР, поскольку на

---

⁵ Brody, Howard; Leonard, Sarah E.; Nie, Jing-Bao; Weindling, Paul (April 2014). "United States Responses to Japanese Wartime Inhuman Experimentation after World War II: National Security and Wartime Exigency". *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 23 (2): 220–230.

⁶ Hal Gold. *Unit 731 Testimony: Japan's Wartime Human Experimentation Program*. Tokyo, Japan: Yenbooks. 1996. 256 p.

момент вынесения приговора смертная казнь в СССР была временно отменена. Все генералы были приговорены к двадцати пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Остальные восемь подсудимых получили от двух до двадцати лет заключения в лагерях.

С точки зрения международного гуманитарного права и международного уголовного права деяния отряда 731 можно рассматривать как преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Япония отказалась от присоединения к Протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июня 1925 года, где уполномоченные, от имени своих соответственных правительств заявляли: «... применение на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов, равно как и всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов, справедливо было осуждено общественным мнением цивилизованного мира». Договаривающиеся Стороны обязались признать запрещение химических средств и согласились распространить его на бактериологические средства ведения войны. Причина отказа Японии заключалась в том, что в планах по созданию «сферы процветания Великой Восточной Азии» бактериологическим средствам ведения войны отводилось особое место.

При этом Япония была участником IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (1907 года) вместе с «Положением о законах и обычаях сухопутной войны». В результате действия отряда 731 противоречили п. а и п. б ст. 23 Положением о законах и обычаях сухопутной войны, согласно которым: «Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, воспрещается: а) употреблять яд или отравленное оружие; б) предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля».

Параллельно с вышеизложенной конвенцией действовала Женевская конвенция об обращении с военнопленными

от 27 июля 1929 года. Согласно ст. 2: «Военнопленные находятся во власти неприятельской державы, но отнюдь не отдельной воинской части, взявшей их в плен. С ними надо постоянно обходиться гуманно, в особенности защищая от насилия, оскорблений и любопытства толпы. Меры репрессий в отношении их воспрещаются». Япония была участницей данной конвенции, однако действия отряда 731 противоречили установленным в ней нормам.

Таким образом, вопросы нарушения международного гуманитарного права со стороны японских вооруженных сил можно считать очевидными и не имеющими сроков давности.

ПРАВОМЕРНОСТЬ УЧАСТИЯ ЧВОК В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Когай Сергей Владиславович

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

1042235003@rudn.ru

Иностраный персонал, нанятый для оказания военных услуг, часто присутствовал в вооруженных конфликтах. В шестидесятые и семидесятые годы эта ситуация в основном ассоциировалась с наемнической деятельностью. Положения о наемниках, включенные в ст. 47 Первого Дополнительного протокола к Женевской конвенции 1949 года (далее ДП I) «Конвенция о ликвидации наемничества в Африке»¹ и «Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников»² были приняты в то время, когда это явление широко наблюдалось.

Однако в последние годы появились высокопрофессиональные компании, которые предлагают свои услуги открыто, иногда с помощью веб-сайтов. Некоторые компании, такие как *Executive Outcomes* и *Sandline*, проводили активные боевые операции в различных странах. Компания *Executive*

---

¹ Convention on the Elimination of Mercenarism in Africa Adopted on 3 July 1977 by the Organisation of African Unity in Libreville. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37287-treaty-0009_-_oau_convention_for_the_elimination_of_mercenarism_in_africa_e.pdf (дата обращения 23 февраля 2023 г.).

² Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения 23 февраля 2023 г.).

Outcomes, которая в значительной степени опиралась на сотрудников южноафриканских сил специального назначения, оказала помощь правительству Анголы в борьбе с повстанческим движением *UNITA*, а также помогла властям Сьерра-Леоне победить Революционный объединенный фронт и вернуть к власти избранного президента³. *Sandline*, родственная компания *Executive Outcomes*, «признает, что с 1993 года провела шесть международных операций», в том числе в Папуа-Новой Гвинее и Сьерра-Леоне⁴.

Гораздо больше частных компаний присутствует в государствах, переживающих вооруженные конфликты, включая Ирак, Колумбию и Афганистан. Согласно источникам, «подрядчики занимаются или занимались подготовкой сил безопасности в Ираке, летают на вертолетах в Колумбии, обучают полицию на Балканах и охраняли президента Афганистана Хамида Карзая»⁵. Их деятельность включает в себя мониторинг безопасности, логистику, обучение и сбор разведывательной информации, и это лишь некоторые из них. Некоторые компании достигли высокого уровня экспертизы, например, американские фирмы *Airscan*, которая занимается частной воздушной разведкой, и *Ronco*, которая специализируется на разминировании минных полей.

Клиентская база этих частных корпораций не ограничивается государствами и включает в себя многонациональные фирмы и международные организации. В известном заявлении, сделанном в 1998 году, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан сказал, что он рассматривал возможность привлечения частной фирмы для разделения боевиков и беженцев

---

³ Press Release «The Secretary-General reflects on 'intervention' in thirty-fifth annual Ditchley Foundation Lecture, SG/SM/6613, 26 June 1998, pt 8.

⁴ A. Vines, "Mercenaries, Human rights and Legality", in *Mercenaries, An African Security Dilemma*, edited by A.-F. Musah and J. Kayode Fayemi, Pluto Press, London, 2000.

⁵ E. Pape and M. Meyer, *Newsweek*, 25 August 2003.

в лагерях беженцев Руанды в Гоме. Но, добавил он, «мир, возможно, не готов к приватизации мира»⁶.

Возможно, ситуация меняется. 12 февраля 2002 года Джек Стро, министр иностранных дел и по делам Содружества, заявил, что «сильный и авторитетный частный военный сектор может сыграть свою роль в обеспечении более быстрого и эффективного реагирования ООН на кризисы. Стоимость привлечения частных военных и охранных компаний (далее ЧВОК) для выполнения определенных функций в операциях ООН может быть гораздо ниже, чем у национальных вооруженных сил»⁷.

В то время как деятельность наемников вызывает неприятие со стороны Организации Объединенных Наций и правительств большинства стран, деятельность частных компаний вызывает как поддержку, так и осуждение. В дебатах сталкиваются те, кто считает деятельность частных компаний де-факто связанной с наемничеством и подлежащей запрету, и те, кто согласен с тем, что, несмотря на необходимость усиления ответственности и запрета ряда видов деятельности, считают неизбежным, что регулярные армии будут все чаще обращаться к услугам частных корпораций для выполнения некоторых своих миссий, особенно за рубежом.

Феномен частных подрядчиков, выполняющих обязанности для вооруженных сил, не нов: ст. 4 (4) Третьей Женевской конвенции прямо указывает на «Лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно, как, [...] поставщики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил [...]»⁸. Ст. 4 (4) третьей Женевской конвенции

---

⁶ SG/SM/6613, op. cit., pt. 8.

⁷ The Foreign and Commonwealth Office, *Private Military Companies: Options for Regulations*, HCP 577, London: The Stationary Office Limited, 2002.

⁸ П. 4 ст. 4 Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв

даже предусматривает, что лица, попавшие во власть противника, являются военнопленными «[...] при условии, что они получили на это разрешение от тех вооруженных сил, которые они сопровождают, для чего эти последние должны выдать им удостоверение личности прилагаемого образца». Однако более свежим является уровень аутсорсинга, который имеет место в настоящее время, и характер деятельности, переданной на подряд частным компаниям, которые выполняют задачи, ранее выполнявшиеся самими военными.

Частные военные компании (далее ЧВК), в традиционном понимании, предоставляют услуги для замены или поддержки армии или вооруженной группы или для повышения эффективности. Некоторые авторы подразделяют эту категорию на две подкатегории: «активные ЧВК, готовые нести оружие в бою, и пассивные ЧВК, которые сосредоточены на обучении и организационных вопросах».

Частные охранные предприятия (далее ЧОП) предоставляют услуги, направленные на защиту бизнеса и имущества от преступной деятельности. Такие компании существуют уже очень давно и встречаются повсеместно, но их число, похоже, растет, особенно в конфликтных регионах, где бизнес чувствует, что не всегда может адекватно полагаться на государственные силы безопасности для своей защиты.

Традиционное различие между ЧВК и ЧОП встречается в различных документах и, безусловно, отражает реалии рынка. Однако в отношении международного гуманитарного права (далее МГП) граница между этими понятиями не так четко очерчена, как может показаться. Лишь немногие ЧВК, стремящиеся к активным боевым действиям, озабочены применимостью этого свода законов.

войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения 23 февраля 2023 г.).

Поскольку сотрудники ЧОП часто работают в государствах, где идет вооруженный конфликт, они могут оказаться вовлеченными в вооруженное противостояние. Например, объект, безопасность которого они обеспечивают, может подвергнуться нападению, и стоит подумать о том, каковы будут последствия с точки зрения МГП, если сотрудники охранных компаний откроют ответный огонь в таком случае. Кроме того, некоторые виды деятельности, осуществляемые частными компаниями, при определенных обстоятельствах могут рассматриваться как прямое участие в боевых действиях. Это поднимает ряд вопросов, касающихся фундаментального различия между гражданскими лицами и комбатантами, которое лежит в основе МГП.

Возвращаясь к вопросу, являются ли сотрудники частных компаний «наемниками» стоит отметить, что хотя термин «наемник» может использоваться в общем – и часто политически нагруженном – смысле, он имеет точное значение с юридической точки зрения. Определение наемника содержится в трех документах: Ст. 47 ДП I, «Конвенция о ликвидации наемничества в Африке» 1977 года и «Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников», принятая в 1989 году ГА ООН.

В соответствии со ст. 47 ДП I 1977 года, наемником принято считать лицо:

(а) специально завербован на месте или за рубежом для участия в вооруженном конфликте;

(b) фактически принимает непосредственное участие в боевых действиях;

(с) мотивирован к участию в боевых действиях главным образом стремлением к личной выгоде и фактически получает от стороны в конфликте или от ее имени материальную компенсацию, значительно превышающую ту, которая обещана или выплачивается комбатантам аналогичных званий и функций в вооруженных силах этой стороны;

(d) не является ни гражданином Стороны, находящейся в конфликте, ни жителем территории, контролируемой Стороной, находящейся в конфликте;

(e) не является военнослужащим вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; и

(f) не был направлен государством, не являющимся Стороной в конфликте, для выполнения служебных обязанностей в качестве военнослужащего его вооруженных сил⁹.

Это определение, которое требует выполнения всех шести условий, многие авторы считают неработоспособным и очень редко применимым к персоналу частных компаний. Например, британские или американские сотрудники ЧВК/ЧОП, выполнявшие свои обязанности в Ираке во время войны, начавшейся в 2003 году, не были бы квалифицированы как наемники, поскольку они являлись гражданами одной из сторон конфликта и не отвечали условиям ст. 47 [d]. Аналогичным образом, во всех случаях, когда персонал частных компаний не является «специально завербованным для участия в вооруженном конфликте», а представляет собой постоянных сотрудников частной компании, назначенных на различные должности и места службы, можно утверждать, что условия ст. 47 [a] не будут выполнены.

Также сообщалось, что персонал ЧВК формально интегрировался в вооруженные силы, на которые они работали, что исключает применимость ст. 47 [e]. Так было, например, в случае с *Executive Outcomes*, когда они находились в Сьерра-

---

⁹ Ст. 47 Дополнительного протокола к Женевским Конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Протокол I принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 года. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения 23 февраля 2023 г.).

Леоне¹⁰. По словам Ф. Калсховена, «следствием этого определения является то, что исключение из ст. 47 применяется только к членам полностью независимой наемной армии, которая не находится с точки зрения ст. 43(1) «под командованием, ответственным перед стороной в конфликте за поведение своих подчиненных».

Вопрос «непосредственного участия в военных действиях», предусмотренный в ст. 47 [b], также имеет решающее значение. Следует отметить, например, что услуги военных советников и техников не рассматриваются как наемничество. В комментарии к ст. 47 ДП I говорится, что «все более совершенный характер современного оружия[...] требует присутствия [...] специалистов [...]». До тех пор, пока эти специалисты не принимают непосредственного участия в боевых действиях, они не являются ни комбатантами, ни наемниками, а гражданскими лицами, не участвующими в боевых действиях». Вопрос о непосредственном участии в боевых действиях будет рассмотрен ниже в более общем плане.

Наконец, ДП I применяется только к международным вооруженным конфликтам. Аналогичное положение отсутствует в ДП II, который применяется в немеждународных вооруженных конфликтах. Напротив, Конвенция ОАЕ 1977 года и Конвенция ООН 1989 года не ограничиваются ситуациями вооруженных конфликтов и поэтому применяются к более широкому кругу ситуаций. Однако Конвенция ООН воспроизводит формулировку ст. 47, ограничения которой были рассмотрены выше, и была ратифицирована ограниченным числом государств. Конвенция ОАЕ имеет более широкое определение, но в ней также присутствуют серьезные недостатки, такие как оговорка об исключении интеграции в вооруженные

---

¹⁰ Cf. J.-C. Zarate, «The Emergence of a New Dog of War: Private International Security Companies, International Law, and the New World Disorder», *Stanford Journal of International Law*, Volume 34, Number 1, Winter 1998.

силы, необходимость демонстрации мотивации личной выгоды и др. Региональный характер этого документа также ограничивает его влияние, поскольку он является обязательным только для ратифицировавших его африканских стран.

С сугубо юридической точки зрения представляется, что ответ на вопрос, являются ли лица, нанятые частными компаниями, наемниками, в большинстве случаев будет отрицательным, поскольку эти лица обычно не подпадают под конъюнктурное определение, предусмотренное в международных документах.

Что касается вопросов статуса персонала частных компаний по международному гуманитарному праву (особенно в рамках их участия в вооруженных конфликтах) можно сказать следующее. В государстве, находящемся в состоянии вооруженного конфликта, первый вопрос, который необходимо рассмотреть для оценки статуса персонала частных компаний, заключается в том, следует ли относить этот персонал к категории гражданских лиц или комбатантов. Краеугольным камнем МГП является то, что в то время, как гражданские лица должны быть максимально защищены от последствий вооруженного конфликта и не могут подвергаться нападениям, вражеские комбатанты представляют собой военные цели и могут быть атакованы на законных основаниях, если они не находятся в состоянии «hors de combat». Только комбатанты имеют право принимать участие в боевых действиях.

В международных вооруженных конфликтах военнослужащие вооруженных сил стороны в конфликте определяются в Положении, приложенном к IV Гаагской конвенции от 18 октября 1907 года (далее «Гаагское положение»), ст. 4 А (1), (2), (3) и (6) III Женевской конвенции и ст. 43 ДП I.

Помимо ситуаций, когда они будут включены в состав регулярных вооруженных сил воюющей стороны, персонал частных компаний будет отнесен к категории комбатантов, если он входит в состав ополчения, принадлежащего одной из сторон конфликта, и отвечает условиям, предусмотренным ст.

1 Гаагского положения и ст. 4 А (2) третьей Женевской конвенции:

- а) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных,
- б) имеют определенный и явно видимый издали отличительный знак,
- в) открыто носят оружие,
- г) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны¹¹.

В ситуациях, когда применим ДП I, персонал частных компаний будет считаться комбатантами, согласно ст. 43, если он принадлежит к организованной группе или подразделению, которое находится под командованием, ответственным перед стороной конфликта за поведение своих подчиненных, и подчиняется внутренней дисциплинарной системе, обеспечивающей соблюдение норм международного права, применимых в вооруженных конфликтах.

Термин «комбатант» часто используется в общем смысле, статус комбатанта не существует в вооруженных конфликтах немеждународного характера. В гражданской войне члены организованных вооруженных групп не имеют права на статус военнопленного после захвата. Их статус, является вопросом внутреннего законодательства, и они могут быть привлечены к ответственности за взятие в руки оружия.

Поскольку положения МГП, применимые в конфликтах немеждународного характера, не содержат определения комбатанта, различие и защита, предоставляемые МГП, в основном основываются на различии между теми, кто принимает непосредственное участие в военных действиях, и теми, кто этого не делает. В период, когда они проводят устойчивые и

---

¹¹ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными от 1949 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения 23 февраля 2023 г.).

согласованные операции под ответственным командованием – формулировка, предусмотренная в пункте 1 ст. 1 ДП II – частные подрядчики не будут иметь права на защиту, предоставляемую гражданским лицам в соответствии с МГП.

Закупки военных услуг частным сектором развиваются в направлении, которое, не предполагалось в предыдущие годы. По бюджетным причинам многие армии, стремятся передать на аутсорсинг все больше видов деятельности, которыми они до сих пор занимались сами. Кроме того, крупные коммерческие компании, желающие вести деятельность в нестабильной обстановке, чувствуют необходимость обратиться к частным компаниям, чтобы те обеспечили им безопасность.

В результате, присутствие вооруженного персонала, работающего на частные компании, увеличивается в странах, столкнувшихся с общественными беспорядками или вооруженными конфликтами. В Ираке отмечают, что резкое увеличение доли деятельности, осуществляемой ЧВОК, стало результатом ситуации с безопасностью после падения Багдада, которую не предвидели коалиционные силы¹².

Во многих странах ЧВОК действуют в правовом вакууме. На уровне ООН рассматривались планы по регулированию деятельности ЧВОК, но, похоже, никаких конкретных шагов предпринято не было¹³. На национальном уровне увеличение и диверсификация деятельности ЧВОК, а также расширение их клиентской базы побудили ряд Правительств рассмотреть вопрос о принятии законодательства для контроля ЧВОК, действующими как внутри страны, так и за рубежом.

---

¹² A. Dworkin, "Security in Iraq, Armed Guards or Private Soldiers?", in Crimes of war project, April 20, 2004. URL: <http://www.crimesofwar.org/onnews/news-security.html> (дата обращения 23 февраля 2023 г.).

¹³ Доклад Генерального секретаря ООН на Саммите тысячелетия "Мы, народы: Роль Роль Организации Объединенных Наций в XXI веке" (A/54/2000), стр. 212.

Одним из таких примеров является Южная Африка, которая в 1998 году приняла Закон о военной помощи иностранным государствам. Закон прямо запрещает участие южноафриканцев в военной деятельности за пределами ЮАР без соответствующего разрешения Правительства¹⁴. Это постановление, которое, как говорят, вынудило *Executive Outcomes* покинуть страну, не помешало многим южноафриканцам искать работу в ЧВОК, представляющих Ирак¹⁵. В Великобритании Правительство откликнулось на просьбу Комитета по иностранным делам изучить вопрос контроля над ЧВОК и в феврале 2002 года выпустило «Зеленую книгу», призванную изложить различные варианты регулирования. Было предложено шесть вариантов, начиная от полного запрета на военную деятельность за рубежом, до общей схемы лицензирования и даже системы саморегулирования. Во Франции, во время принятия закона, согласно которому наемничество является уголовным преступлением по законодательству, члены парламента отметили «прагматичный подход парламента Великобритании к вопросу о ЧВОК» и «необходимость проведения консультаций по этому вопросу с другими европейскими странами».

В этих дебатах ссылки на МГП были довольно редкими. Одной из причин этого может быть то, что «*jus in bello*», как его еще называют, может означать для некоторых молчаливое признание того, что персонал ЧВОК может участвовать в активных боевых действиях. Упоминание этого свода законов как части нормативной базы может выглядеть как косвенное признание того, что частные подрядчики могут вести войну вместо государств.

---

¹⁴ Regulation of Foreign Military Assistance Act, 1998, No. 15 of 1998: Government Gazette of the Republic of South Africa vol. 395, 20 May 1998.

¹⁵ Организация Объединенных Наций недавно сообщила, что Южная Африка «уже входит в тройку крупнейших поставщиков персонала для частных военных компаний, наряду с Великобританией и США».

Как было показано в данной работе, утверждение о том, что применимость МГП касается только тех ЧВОК, которые стремятся к активным боевым действиям, не отражает реальности в стране, столкнувшейся с вооруженным конфликтом.

Наконец, МГП особенно актуально для тех компаний, которые занимаются обучением и реорганизацией иностранных вооруженных сил. В настоящее время эта задача часто возлагается на ЧВОК, и крайне важно, чтобы в процессе обучения был заложен правильный посыл в отношении законов войны.

**ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ НАПАДЕНИЯ
И ДРУГИХ ФОРМ ВРАЖДЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ
ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ**

Ладутько Кристина Фуадовна

Аспирант

*Институт права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
2020088kl@gmail.com*

Одними из центральных терминов в международном гуманитарном праве являются понятия «нападения» и «боевые действия». Они неоднократно упоминаются в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним.

Однако постепенно на практике стали проводить границу между понятиями «нападение» (*attack*), «ведение боевых действий» (*conduct of hostilities*), «военное действие» (*combat action*), «враждебный акт» (*act of hostility*), «акт насилия» (*act of violence*), наполняя их различным содержанием. Примером могут служить разъяснения Международного уголовного суда¹ по делу Боско Нтаганды и официальный Комментарий Международного Комитета Красного Креста от 1987 г. к I Дополнительному протоколу 1977г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.²

---

¹ Situation in the Democratic Republic of the Congo (The Prosecutor v. Bosco Ntaganda). Appeals Chamber's Decision. August 14, 2020. International Criminal Court. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2020_04839.PDF (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

² International Committee of the Red Cross. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of

Также в связи с кардинальным изменением динамики вооруженных конфликтов, наблюдаемым в последние десятилетия, появляются множество новых форм враждебного поведения, которые бросают вызов традиционному пониманию «нападения»: например, кибероперации, хакерские атаки, атаки с помощью дронов и т. д. В этой связи следует упомянуть Таллинское руководство по применению юридических норм международного права к военным действиям в киберпространстве 2013 г.³ Это документ, носящий рекомендательный характер и составленный более чем двадцатью экспертами, которые были приглашены Киберцентром НАТО для проработки вопросов, связанных с применением норм международного гуманитарного права в отношении киберопераций и кибервойн. В Таллинском руководстве определение нападения толкуется с учетом особенностей использования кибертехнологий. Далее в тексте статьи указанное определение будет рассмотрено подробнее.

Международный уголовный суд в деле Боско Нтаганды указал⁴, что в кодифицированных нормах международного гуманитарного права отсутствует определение боевых действий, но дал свое определение: боевые действия (*conduct of hostilities*) — протяженность вооруженного конфликта от его начала и до общего окончания военных операций.

International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. Commentary of 1987. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977/article-49/commentary/1987> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

³ The NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence (CCDCOE) (Ed. Michael N. Schmitt). Tallinn Manual on the International law Applicable to Cyber Warfare. URL: <http://csef.ru/media/articles/3990/3990.pdf> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

⁴ Situation in the Democratic Republic of the Congo (The Prosecutor v. Bosco Ntaganda). Appeals Chamber's Decision. August 14, 2020. International Criminal Court. P. 4. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2020_04839.PDF (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

Согласно ст. 49 I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.⁵, нападения (*attacks* в английской версии Протокола) означают акты насилия (*acts of violence*) в отношении противника, независимо от того, совершаются ли они при наступлении или при обороне. То есть, акт насилия является ключевой составляющей нападения. Комментарий Международного Комитета Красного Креста от 1987 г.⁶ к статье поясняется: понятие «нападение» в контексте ст. 49 не связано с агрессией или первенством в использовании вооруженных сил. В данном случае «нападение» означает только применение вооруженной силы для совершения военной операции в начале или во время вооруженного конфликта.

В кодифицированных нормах международного гуманитарного права отсутствует определение насилия или актов насилия. В комментарии Международного Комитета Красного Креста к своду обычных норм международного гуманитарного права рассматриваются лишь примеры конкретных актов насилия, таких как убийства (в т.ч. массовые), терроризирование гражданских лиц, неизбирательная или массовая бомбардировка, изнасилования, пытки и пр.⁷ Однако, как уже ясно из определения нападения, в рамках международного гуманитар-

---

⁵ I Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. Ст. 49, п. 1. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

⁶ International Committee of the Red Cross. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. Commentary of 1987. P. 602. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977/article-49/commentary/1987> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

⁷ International Committee of the Red Cross. International Humanitarian Law Databases. Rule 2. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl/v1/rule2> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

ного права нападение происходит только во время вооруженного конфликта и в рамках ведения боевых действий, акт насилия же сам по себе может произойти вне вооруженного конфликта и боевых действий.

Для сравнения обратимся к докладу 2022 г. «Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире»⁸ Всемирной организации здравоохранения, в котором её экспертами «насилие» определяется как: преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб.

Нельзя с полной уверенностью утверждать, что в контексте международного гуманитарного права понятие «насилия» имеет аналогичное содержание. Например, остается открытым вопрос о формах психологического насилия в ходе вооруженного конфликта. Также представляется, что в этом контексте в определение акта насилия не может включаться насилие субъекта против самого себя. Вопрос о содержании понятия «насилие» требует дальнейшего изучения и внимания со стороны международного научного сообщества и международных организаций.

Военное действие согласно толкованию Международного уголовного суда (*combat action*) — любые действия, совершаемые в отношении противника, независимо от того, совершаются ли они при наступлении или при обороне⁹. Поня-

---

⁸ Всемирная организация здравоохранения. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Этьенна Г. Круга и др. Пер. с англ. М., 2003.

⁹ Situation in the Democratic Republic of the Congo (The Prosecutor v. Bosco Ntaganda). Appeals Chamber's Decision. August 14, 2020. International

тие военного действия содержит понятие нападения, но их отличие в том, что военное действие не всегда подразумевает совершение насилия: оно может включать в себя такие действия, как развертывание войск, установка артиллерийской батареи в стратегически важном месте и т. д.

В соответствии с Комментарием Международного Комитета Красного Креста от 1987 г. к I Дополнительному протоколу 1977 г к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.¹⁰, в контексте Протокола нападение является военным действием, что согласуется с толкованием Международного уголовного суда. Всякое нападение является военным действием, но не всякое военное действие является нападением.

Как установлено Международным уголовным судом¹¹, враждебный акт (*act of hostility*) — деяние насильственного характера (причиняющее реальный ущерб) или ненасильственного характера (непричиняющее реальный ущерб), совершенное в рамках боевых действий. Враждебный акт также включает в себя понятие «нападение», но шире его по содержанию, т. к. обозначает ещё и деяния, непричиняющие реальный ущерб. Пример: нанесение оскорбительных надписей в храмах, на памятниках. В указанных случаях не совершается насилие по отношению к конкретному гражданскому лицу (лицам), также не происходит разрушения мест отправления

Criminal Court. P. 4. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2020_04839.PDF (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

¹⁰ International Committee of the Red Cross. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. Commentary of 1987. P. 602. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977/article-49/commentary/1987> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

¹¹ Situation in the Democratic Republic of the Congo (The Prosecutor v. Bosco Ntaganda). Appeals Chamber's Decision. August 14, 2020. International Criminal Court. P. 5. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2020_04839.PDF (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

культы или объектов культурного наследия. При этом вне рамок боевых действий аналогичное деяние может расцениваться как вандализм, но не как враждебный акт в рамках международного гуманитарного права.

Международный уголовный суд поясняет¹², что «нападение» состоит из двух элементов: «акта насилия» (*act of violence*) и «относимости к комбатанту» (*belligerent nexus*). Акт насилия должен иметь ощутимый, существенный эффект.

Какое значение это пояснение приобретает в контексте современных вооруженных конфликтов? Например, согласно упомянутому выше Таллинскому руководству, кибератака, это кибероперация оборонительного или наступательного характера, в результате которой разумно предполагается причинение вреда людям, наступление смерти, повреждение или уничтожение объектов¹³. В Таллинском руководстве подчеркивается, что значение имеет не сама природа кибератаки как действия, а именно насильственные последствия кибератаки. Таким образом, кибероперации и схожее враждебное поведение с применением цифровых технологий могут считаться нападением, только если результат кибероперации причинил реальный вред инфраструктуре или гражданским лицам.

«Относимость к комбатанту» (связь с комбатантом) означает, что нападение должно совершаться в рамках ведения боевых действий (*conduct of hostilities*). При этом действие, повлекшее вред, может быть совершено в рамках вооруженного конфликта, но вне рамок ведения боевых действий.

---

¹² Situation in the Democratic Republic of the Congo (The Prosecutor v. Bosco Ntaganda). Appeals Chamber's Decision. August 14, 2020. International Criminal Court. P. 4. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2020_04839.PDF (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

¹³ The NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence (CCDCOE) (Ed. Michael N. Schmitt). Tallinn Manual on the International law Applicable to Cyber Warfare. P. 92. URL: <http://csef.ru/media/articles/3990/3990.pdf> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

Например, как указывалось ранее, повреждение мест отправления культа или объектов культуры при определенных обстоятельствах может считаться актом вандализма или грабежа, но не враждебным актом (*act of hostility*). То есть, принимается во внимание цель (мотив) причинения вреда, его направленность против стороны вооруженного конфликта. При этом составители Комментария 1987 г. к I Дополнительному протоколу 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. заключили, что нападением не будет считаться, например, размещение мин на поле, однако акт нападения начнется в тот момент, когда мина начнет представлять прямую угрозу для человека¹⁴.

Приведенные разъяснения терминологии, относящийся к враждебным формам поведения в рамках международного гуманитарного права, были даны Международным уголовным судом относительно недавно. В то же время разъяснения, данные Международным Комитетом Красного Креста ещё в 1987 г., раскрывают контекст понятия «нападения» и поясняют, почему составителями Вышеупомянутого протокола 1977 г. была выбрана определенная терминология, однако из этих пояснений с трудом можно составить полную картину того, как соотносятся между собой множество понятий, описывающих разные формы враждебного поведения.

Трансформация динамики боевых действий, происшедшая на протяжении многих лет и особенно наглядно проявившая себя в последние десятилетия, потребовала доработку некоторых понятий. Представляется, что способствовать его совершенствованию могли бы, например, дополни-

---

¹⁴ I Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. Ст. 49, п. 1. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm> (дата обращения 2 апреля 2023 г.).

тельные разъяснения экспертов и консультантов Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца в форме акта рекомендательного характера, иные акты мягкого права, изданные под руководством специализированных международных организаций.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНОСТРАННЫМ БОЕВИКАМ-ТЕРРОРИСТАМ

Нигматуллин Ришат Вахидович

*Д-р юрид. наук, профессор
заведующий кафедрой международного права
и международных отношений Института права
Уфимский университет науки и технологий,
nigm2004@mail.ru*

В современных условиях борьба с международным терроризмом осуществляется государствами – членами ООН в рамках реализации Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, принятой в 2006 году. Несмотря на определенные успехи, международный терроризм признается мировым сообществом серьезной угрозой международному миру и безопасности. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш вынужден констатировать: «Несмотря на вытеснение ИГИЛ с захваченных ею территорий в 2019 году, у государств-членов по-прежнему вызывало обеспокоенность сохранение значительных ее отрядов, при этом серьезная, долгосрочная и глобальная угроза исходит, по оценкам, от иностранных боевиков-террористов»¹ (далее ИБТ). Исследователи признают значительную интернационализацию международных террористических организаций, особенно с начала деятельности «Исламского государства

---

¹ Двенадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/013/50/PDF/N2101350.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

Ирака и Леванта» (ИГИЛ или ДАИШ)². Термин ИБТ охватывает не только отдельных лиц, совершающих поездки с целью принять участие в актах насилия в рамках мятежа или в составе негосударственной вооруженной группы, но и другие формы содействия, поддержки или связи с негосударственными вооруженными группами³.

Иностранные боевики-террористы зачастую играют решающую роль в террористической группировке. Особенно это проявилось в Сирии, где было зафиксировано присутствие в рядах террористической организации ДАИШ боевиков-террористов из 80 стран мира. «По данным США в 2015 году в рядах ИГИЛ могло находиться до 5 тыс. граждан Европейского союза в возрасте от 17 до 56 лет. По данным Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых Государств в 2020 году за преступления террористической направленности разыскивалось 6 тыс. человек, принимающих (принимавших) участие в боевых действиях на территориях государств, не входящих в СНГ, в составе террористических, экстремистских организаций и незаконных вооруженных формирований»⁴.

После разгрома ДАИШ в Сирийской Арабской Республике иностранные боевики-террористы из ее рядов вынуждены были переместиться на другие континенты планеты, по-

---

² Деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С.

³ Волеводз, А. Г. Международно-правовые основы противодействия боевикам-террористам и внутригосударственное право / А. Г. Волеводз // Московский журнал международного права. – 2017. – № 1(105). – С. 101.

⁴ Нигматуллин, Р. В. Современные тренды в борьбе ООН с международным терроризмом / Р. В. Нигматуллин, Р. Р. Сулейманова, Е. В. Насырова // Государство и право. – 2022. – № 10. – С. 179.

полнив ряды множества противоправительственных группировок. По данным ООН, филиалы ДАИШ присутствуют в Центральной, Восточной, Западной и Северной Африке⁵.

В Центральной и Южной Азии ситуация усугубилась тем обстоятельством, что движение «Талибан» освободило из тюрем несколько тысяч человек и численность филиала ДАИШ в Афганистане – организации «Исламское государство Ирака и Леванта – Хорасан» возросла с 2200 до 4000 боевиков, причем, по данным ООН, до половины из них являются иностранными боевиками-террористами⁶.

Европейские государства также информируют о наличии иностранных боевиков-террористов на своей территории. В качестве знакового примера говорят об аресте в ноябре 2021 года в Болгарии вернувшегося из Турции бельгийско-марокканского иностранного боевика-террориста, сообщника Абдельхамида Абаауда, организовавшего под руководством ДАИШ теракты в Париже в 2015 году. В ряде европейских государств нелегальные мигранты из Ирака также были идентифицированы как боевики ДАИШ⁷. По данным ООН, от 24

---

⁵ Шестнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в противодействии этой угрозе // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/031/24/PDF/N2303124.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

⁶ Шестнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в противодействии этой угрозе // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/031/24/PDF/N2303124.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

⁷ Шестнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в противодействии этой угрозе // Официальный сайт

тыс. до 30 тыс. боевиков еще живы и представляют реальную угрозу, причем, по мнению О.Н. Новиковой, несопоставимо бóльшую, чем иностранные боевики-террористы, связанные с «Аль-Каидой» после 2002 года⁸.

Наличие значительного числа иностранных боевиков-террористов и попытки их перемещения в страны исхода или третьи страны порождают серьезные угрозы международной безопасности. Во-первых, возвращающиеся из кризисных районов ИБТ пополняют спящие ячейки сетевого терроризма или создают новые, становятся вербовщиками, распространителями идеологии ДАИШ и представляют реальную угрозу в местах проживания и транзитных странах. Во-вторых, имеется множество фактов, когда иностранные боевики-террористы, даже прошедшие программы реабилитации и реинтеграции, совершают террористические акты. Некоторые западно-европейские страны сталкивались с тем, что возвращающиеся после реабилитации женщины подвергали идеологической обработке окружающих, в первую очередь, детей, что ставит под сомнение эффективность соответствующих программ⁹. С учетом географии распространения группировок сторонников

Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/031/24/PDF/N2303124.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

⁸ Новикова, О. Н. После "Халифата". Угрозы терроризма в Европе / О. Н. Новикова // Россия и современный мир. – 2020. – № 3(108). – С. 155.

⁹ Шестнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в противодействии этой угрозе // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/031/24/PDF/N2303124.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

и последователей ДАИШ исследователи признают, что участие европейских граждан в движении иностранных боевиков – долговременная тенденция¹⁰.

Правовую основу противодействия ИБТ составляют две Резолюции Совета Безопасности ООН. Первая Резолюция Совета Безопасности ООН 2178 (2014), принятая 24 сентября 2014 года, в частности, постановила, что государства-члены должны в соответствии с международными стандартами в области прав человека и нормами международного беженского права и международного гуманитарного права предотвращать и пресекать вербовку, организацию, перевозку и экипировку лиц, направляющихся в государство, которое не является государством их проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки, а также финансирование их поездок и их деятельности¹¹. Вторая резолюция была принята Советом Безопасности ООН 21 декабря 2017 года (Резолюция СБ ООН 2396 (2017)). Она призвала государства-члены ООН, в частности, «разрабатывать и осуществлять, в соответствии с их обязательствами по международному праву, всеобъемлющие и адресные стратегии и протоколы в области судебного преследования, реабилитации и реинтеграции, в том числе, в отношении иностранных боевиков-террористов, их жен и детей, сопровождающих возвращающихся и перемещающихся иностранных боевиков-террористов, а также для определения

---

¹⁰ Новикова, О. Н. После "Халифата". Угрозы терроризма в Европе / О. Н. Новикова // Россия и современный мир. – 2020. – № 3(108). – С. 162.

¹¹ Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/548/01/PDF/N1454801.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

того, отвечают ли они требованиям для реабилитации»¹². Проблема реабилитации и реинтеграции иностранных боевиков-террористов, их жен и детей последовательно прослеживается в периодических документах ООН, получивших название «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» и «Доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой».

В феврале 2023 года Генеральный секретарь ООН огласил свой шестнадцатый доклад. Позиция ООН сводится к тому, что сторонники ДАИШ, содержащиеся в лагерях в Сирийской Арабской Республике представляют серьезную угрозу в силу того, что не контролируются в полной мере. В связи с этим ООН призывает к репатриации, т.е. возвращению в страну гражданства или постоянного проживания задержанных ИБТ для целей судебного преследования, реабилитации и реинтеграции, в зависимости от обстоятельств, в каждом конкретном случае.

По классификации А.В. Крылова, «возвращенцев» можно разделить на пять категорий по степени риска, который они представляют¹³. Только представители первой категории, понявшие ошибочность своих действий под воздействием пропаганды игольцев, и не совершавшие преступления, способны к реинтеграции. Остальные четыре категории – это

---

¹² Резолюция 2396 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8148-м заседании 21 декабря 2017 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/460/27/PDF/N1746027.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

¹³ Крылов, А.В. Возвращение террористов «Исламского государства» как угроза социально-политической стабильности России // Международная аналитика. – 2019. – № 4 (30). – С. 12-13.

ярые сторонники ДАИШ, способные в любой момент совершить акт терроризма. Таким образом, реинтеграции могут быть подвержены представители первой категории и четвертой – лица, которые попали в плен или вынуждены были сдаться. Отдельно надо рассматривать категорию женщин и детей, оказавшихся на территории, контролировавшийся ДАИШ. Основная масса ИБТ пытается нелегально вернуться в страну гражданства или исхода.

Доля боевиков, вернувшихся из Сирии и Ирака в Россию (а также в страны Центральной Азии) значительно ниже, чем доля возвращенцев в два основных региона исхода ИБТ – в Европу и на Ближний Восток. Из 5500 ИБТ из России по данным ФСБ России на октябрь 2019 года, на родину вернулось лишь 337 человек, или 6%¹⁴.

ООН рассматривает репатриацию иностранных боевиков-террористов и членов их семей, содержащихся на территории Сирийской Арабской Республики и Ирака, как важную меру, направленную на стабилизацию ситуации и предотвращение возникновения новых очагов терроризма. Содержание женщин и детей, которые юридически не имеют статуса подозреваемых, в тяжелых условиях мест заключения «представляют собой острую правозащитную и гуманитарную проблему и требуют срочных и решительных действий»¹⁵. При этом необходимо также учитывать, что понятие «член семьи

---

¹⁴ Степанова, Е. А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке / Е. А. Степанова. – Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2020. – С. 126.

¹⁵ Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/033/33/PDF/N2303333.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

иностранный боевика-террориста» включает в себя членов семьи, которых они привезли с собой в зоны конфликта, членов семей, созданных в зонах конфликта, и членов семьи, которые родились в зонах конфликта. Соответственно, и степень возможного участия члена семьи ИБТ в террористической деятельности сильно зависит от возраста.

В ноябре 2020 года в местах содержания под стражей на северо-востоке Сирийской Арабской Республики удерживалось приблизительно 11000 боевиков ДАИШ мужского пола. В их числе 5000 сирийцев, 1600 иракцев, 1700 иностранных боевиков-террористов, гражданство которых известно, и около 2500 лиц неустановленного гражданства¹⁶. Полноценно контролировать ситуацию в лагерях для членов ДАИШ и их семей не удастся. Здесь нередки случаи даже торговли людьми. ДАИШ создала каналы для побега лиц, находящихся в лагерях. Так, расходы для совершения побега из лагеря Родж составляют около 14 000 долл. США, при побеге из лагеря «Эль-Хауль» – 3000 долл. США, что ставит беглецов и их родственников в зависимость от террористов¹⁷.

Видимо, учитывая криминальный потенциал ИБТ, многие европейские государства, как отмечает ООН, «неохотно» решали вопрос о репатриации взрослых мужчин. Во многом это вызвано сомнениями в эффективности программ реабилитации и реинтеграции. Сегодня все большее количество стран

---

¹⁶ Двенадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/013/50/PDF/N2101350.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

¹⁷ Нигматуллин, Р. В. Деятельность ООН по борьбе с международным терроризмом: "ковидные" тенденции / Р. В. Нигматуллин // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10(161). – С. 27.

демонстрирует вполне обоснованные опасения, что лица, сознательно присоединившиеся к террористическим организациям, вряд ли могут быть эффективно дерадикализованы и ресоциализованы¹⁸. Тем не менее, ООН в сентябре 2022 года официально объявила о начале реализации Глобальной рамочной программы по содействию репатриации из Сирийской Арабской Республики и Ирака граждан третьих государств и о начале функционирования целевого фонда добровольных взносов в целях содействия оказанию запрашивающим государствам-членам поддержки в вопросах защиты, добровольной репатриации, уголовного преследования, реабилитации и реинтеграции лиц, которые подозреваются в связях с группами, отнесенными ООН к числу террористических¹⁹.

Для России проблема репатриации и реабилитации вернувшихся боевиков ДАИШ не вошла в число наиболее острых или приоритетных в кратко- и среднесрочной перспективе по двум основным причинам:

– ограниченное число и значительно более низкий процент ИБТ, вернувшихся в Россию, по сравнению как с общемировым уровнем, так и с показателями, характерными для стран Европы и ряда государств Ближнего Востока;

---

¹⁸ Арэфьев, А. М. Возвращение граждан из зон террористической активности: гуманизм vs безопасность / А. М. Арэфьев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – № 3(840). – С. 13.

¹⁹ Четырнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в противодействии этой угрозе // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/231/82/PDF/N2223182.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

– значительно более длительные сроки заключения для вернувшихся на родину и осужденных ИБТ российского происхождения²⁰.

Особого внимания требует судьба детей, ставших невольными участниками и жертвами событий в Сирии и Ираке. По данным ООН на начало 2023 года темпы репатриации детей также остаются довольно медленными. С января 2018 года в общей сложности 1454 ребенка (712 девочек и 742 мальчика) были репатриированы в 22 страны Центральной Азии, Европы, Ближнего Востока и Северной Африки²¹. В том числе, 341 несовершеннолетний – российский гражданин²². Возвращение детей в нормальную обстановку позволяет предотвратить их вовлечение в террористическую деятельность. Эта угроза реальна, так как, по имеющимся сведениям, программа ДАИШ «Молодые львы халифата» продолжает функционировать. В секторе для иностранцев, не являющихся гражданами Ирака, лагеря «Эль-Хауль» на начало 2021 года содержалось около 2000 женщин и 7000 детей, причем, по сообщениям, не-

---

²⁰ Степанова, Е. А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке / Е. А. Степанова. – Москва : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2020. – С. 153.

²¹ Четырнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в противодействии этой угрозе // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/231/82/PDF/N2223182.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

²² Ответы официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопросы агентства «Франс пресс» относительно репатриации иностранных террористов-боевиков и членов их семей из Сирии и Ирака // Официальный сайт МИД Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4876395 (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

которых подростков готовят к использованию в будущем в качестве боевиков ИГИЛ²³. Несомненно, возвращение детей в страну гражданства должно сопровождаться серьезными мерами правового, социального и медицинского (в том числе, психологического) сопровождения.

Многие страны испытывают сложности в расследовании и доказывании преступной деятельности своих граждан в рядах ДАИШ. В целях решения этой проблемы Управление ООН по наркотикам и преступности провело для более чем 4500 работников органов уголовного правосудия и правоохранительных органов из более чем 70 стран подготовку, посвященную расследованию преступлений, связанных с терроризмом, в том числе в случае их совершения иностранными боевиками-террористами и возвратившимися иностранными боевиками-террористами, судебному преследованию в связи с такими преступлениями и вынесению судебных решений по ним²⁴.

Важным элементом расследования преступной деятельности является ее документирование, сбор доказательной базы. Положительную роль в этом должна сыграть деятельность Следственной группы ООН по содействию и привлечению к ответственности за преступления, совершенные ДАИШ (ЮНИТАД). Наряду со следственной работой, она ускорила

---

²³ Двенадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/013/50/PDF/N2101350.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

²⁴ Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/033/33/PDF/N2303333.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

реализацию крупного проекта по оцифровке доказательных материалов в рамках поддержки 14 государств-членов ООН путем выявления, сбора, систематизации и каталогизации доказательств, полученных в зонах конфликтов, и проведения опросов выживших потерпевших и свидетелей²⁵.

Противодействию иностранным боевикам-террористам способствует осуществление комплексного контроля за их передвижениями. В настоящее время в рамках Программы ООН по борьбе с передвижениями террористов, осуществлением которой руководит Контртеррористическое управление ООН, 60 государств получают поддержку в развитии или расширении своих возможностей в плане сбора, анализа и использования пассажирских данных в интересах выявления перемещения иностранных боевиков-террористов²⁶.

Противодействие иностранным боевикам-террористам предполагает системное международное и региональное сотрудничество, развитие тесного взаимодействия правоохранительных органов и специальных служб государств, включающего обмен информацией и передовыми практиками борьбы с иностранными боевиками-террористами как на двусторон-

---

²⁵ Четырнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в противодействии этой угрозе // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/231/82/PDF/N2223182.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

²⁶ Шестнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в противодействии этой угрозе // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/031/24/PDF/N2303124.pdf?OpenElement> (дата обращения 12 апреля 2023 г.).

ней основе, так и в рамках международных организации, особенно Интерпола. Несомненна в этом роль структур ООН, непосредственно координирующих борьбу с терроризмом, в первую очередь Контртеррористического управления ООН.

ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ-НАРУШИТЕЛЕЙ

Прохорова Алина Дмитриевна

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

1132223890@rudn.ru

Применение силы в отношении гражданских воздушных судов-нарушителей становится все более актуальной проблемой в современном мире. Нередко возникают ситуации, когда гражданские воздушные суда намеренно или в силу вынужденных обстоятельств нарушают воздушное пространство между государствами. В таких случаях возникает вопрос о правомерности применения силы к таким судам для пресечения нарушений.

Одним из главных вопросов, касающихся применения силы в отношении гражданских воздушных судов-нарушителей, является соответствие таких действий международным нормам и законам национальных государств. Одним из ключевых международных документов, регулирующих применение силы в отношении гражданских воздушных судов-нарушителей, является Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 года. В соответствии с этой Конвенцией, каждое государство обязано преследовать и наказывать лиц, совершающих противоправные акты против безопасности гражданской авиации¹.

---

¹ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Подписана в Монреале 23 сентября 1971 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml (дата обращения: 14 марта 2023 г.).

Однако, помимо международных норм, в каждой стране существуют свои национальные законы, регулирующие применение силы в отношении гражданских воздушных судов-нарушителей. Например, в США существуют специальные законы, разрешающие применение силы в случаях, когда воздушное судно считается представляющим угрозу национальной безопасности. Однако эти законы все же должны соответствовать международному праву и тому же принципу пропорциональности, например. Кроме того, необходимо понимать, что применение любой силы против гражданских воздушных судов-нарушителей с пассажирами и членами экипажа на борту, не причастными к совершению акта нарушения, должно быть вынужденной крайней мерой. В связи с этим, правительства государств сталкиваются с дилеммой, когда суверенные государства должны выбирать между соблюдением прав человека невинных пассажиров на борту и защитой своей территориальной целостности. Здесь важно упомянуть об оправданности применения такой силы. Существуют определенные критерии, которые помогают определить, когда применение силы в отношении гражданских воздушных судов-нарушителей является правомерным. Одним из таких критериев является угроза для безопасности и жизни людей. Если нарушитель представляет опасность для жизни и здоровья других людей, то применение силы может быть оправдано. Другим критерием является невозможность решить ситуацию мирным путем. Если нарушитель не подчиняется указаниям пилота, направленного на перехват, и не выполняет требования контролирующих органов, то применение силы может стать единственным способом остановить его действия.

Также, правомерность применения силы должна быть оценена в контексте соответствующих международных и национальных норм и законов. В случае, если применение силы нарушает эти нормы, это может привести к негативным последствиям и возможным правовым последствиям для ответственных лиц. Применить вооруженную силу допускается,

но только после того, как были исчерпаны все другие принудительные меры, к которым относятся процедуры перехвата².

Статистика показывает, что в современной истории гражданской авиации вооруженные силы государств не раз открывали огонь на поражение гражданских воздушных судов с пассажирами на борту. За последние годы, согласно данным, вооруженная сила была применена в отношении более чем 17 пассажирских гражданских воздушных судов³. После инцидента с южнокорейским боингом над территорией СССР в 1983 г. Международная организация гражданской авиации приняла поправку ст. 3 bis к Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г⁴. Однако данная статья не устанавливает запрет на применение силы, а лишь вводит ограничения.

В современных условиях существует риск использования гражданских воздушных судов не только для совершения террористических актов и иных противоправных действий, направленных на причинения вреда пассажирам, экипажу и судну, но и для попыток шпионажа. Это усложняет задачу квалификации действия воздушного судна, например, при незаконном пересечении воздушной границы государств.

Важно оценивать реальное намерение воздушного судна при нарушении режима воздушного пространства. Определить его можно, например, в зависимости от реакции воздуш-

---

² Приложение 2 к Конвенции о международной гражданской авиации «Правила полетов». URL: https://dream-air.ru/tpl/docs/an02_cons_ru.pdf (дата обращения: 14 марта 2023 г.).

³ Международное консультативно-аналитическое бюро «Безопасность полетов» URL: <https://aviasafety.ru/> (дата обращения: 14 марта 2023 г.).

⁴ Протокол, касающийся изменения Конвенции о международной гражданской авиации (ст. 3 bis). Doc. ICAO 9436.

ного судна на подаваемые команды воздушным судном-перехватчиком или наземными службами (посредством радиосвязи)⁵.

Применение силы в отношении гражданских воздушных судов-нарушителей не может быть осуществлено безответственно. Правильность действий должна быть оценена с разных сторон.

Применение силы и ответственность в этой области остаются сложными и спорными вопросами, которые требуют тонкого баланса между необходимостью защиты суверенитета государства и обязательством соблюдать права человека. Правомерность любых действий в данной теме зависит от многих факторов, включая угрозу для безопасности, невозможность решить ситуацию иным способом, и соответствие действий международным нормам и национальным законам.

---

⁵ Бордунов В.Д., Котов А.И., Малеев Ю.Н. Правовое регулирование международных полетов гражданских воздушных судов.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Пузырева Юлия Владимировна

Канд. юрид. наук, доцент

*Заместитель начальника кафедры прав человека
и международного права*

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Развитие международных отношений на современном этапе свидетельствует о том, что конфликты и споры, возникающие между государствами, народами, этническими группами, а также внутри самих государств между правительственными силами и повстанческими формированиями зачастую разрешаются с помощью оружия.

Несмотря на то, что каждый современный вооруженный конфликт имеет свою динамику и причины возникновения, результаты военных действий всегда несут в себе губительные гуманитарные последствия, в особенности, когда они вызывают масштабную по размерам вынужденную миграцию, сочетаются с разрушением основных систем инфраструктуры, таких как здравоохранение, водоснабжение, а также уничтожением культурного наследия. В дополнение к трагическим потерям человеческих жизней, в числе которых и дети младше 5 лет, конфликты и насилие обходятся мировой экономике в 14 триллионов долларов США ежегодно, что составляет 14% мирового ВВП¹. Более полутора миллиардов человек живут в

---

¹ Президент МККК: «Сегодняшние конфликты становятся все более комплексными и уносят жизни все большего числа гражданских лиц» // Официальный сайт МККК. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/prezident-mkkk-segodnyashnie-konflikty-standovyatsya-vse-bolee-kompleksnymi-i-unosyat-zhizni> (дата обращения 20 марта 2023 г.).

обстановке продолжающейся нестабильности, насилия или конфликта.

Губительной тенденцией последних лет является факт, что сегодняшние конфликты становятся все более затяжными. Как отмечено на официальном сайте Международного Комитета Красного Креста (далее МККК): «Уже десятки лет мы работаем в условиях затяжных конфликтов. Если взять десять самых масштабных операций, проводимых МККК, то можно констатировать, что мы работаем там в среднем по 36 лет... И эти войны все еще продолжаются»².

В этих условиях важную роль играют принципы и нормы международного гуманитарного права (далее МГП), применяемого в период вооруженных конфликтов, которые направлены на смягчение суровостей войны, оказание помощи ее жертвам, и в целом, на гуманизацию военных действий³.

Как отмечают эксперты, ученые, государственные деятели в условиях современных вооруженных конфликтов МГП сталкивается с определенными трудностями, проистекающих из сочетания комплексных взаимосвязанных факторов, кото-

---

² Президент МККК: «Гуманитарное право – лучшая защита от двойных стандартов». Московская конференция по международной безопасности, 4 апреля 2018 г. // Официальный сайт МККК. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/prezident-mkkk-gumanitarnoe-pravo-luchshaya-zashchita-ot-dvoynyh-standartov> (дата обращения 20 марта 2023 г.).

³ В данной статье под международным гуманитарным правом (МГП) будет пониматься система международно-правовых принципов и норм, регулирующих отношения между государствами (сторонами) в период вооруженных конфликтов, в целях ограничения применения воюющими жестоких методов и средств ведения войны, защиты ее жертв и устанавливающих ответственность за их нарушение. См.: Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика): монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. С. 26.

рые по отдельности или совместно формируют и, как представляется, будут формировать облик будущих военных действий.

В последнее время преобладает нарастающая тенденция в размытости границы между внутренним и международным вооруженным конфликтом. Наблюдается появление все большего количества затяжных ситуаций продолжающегося насилия, в которые вовлекаются как местные структуры, наделенные властью и управлением, так и негосударственные акторы, зачастую поддерживаемые определенными коалициями государств.

В этой связи вызывает озабоченность активизация деятельности частных военных и охранных компаний (далее ЧВОК) в зонах ведения военных действий, повсеместная доступность оружия и рост числа общеуголовных преступлений в дополнение к вооруженному насилию в ходе конфликта. Следует отметить, что участие ЧВОК в вооруженных конфликтах не является чем-то новым. Однако в недавних вооруженных конфликтах их число значительно возросло, а характер деятельности существенно изменился. Вовлечение таких компаний в военные или близкие к военным операции не только подчеркивает растущую тенденцию «приватизации» войны⁴, но и поднимает вопросы о применимости норм и принципов МГП в отношении таких компаний и их персонала⁵.

Необходимо обратить внимание еще на один аспект динамики вопроса по участникам вооруженных конфликтов – рост задействованности миротворческих сил ООН и иных

---

⁴ Skuratova A.Yu., Korolkova E.E. Private military and security companies in international law // Moscow Journal of International Law. 2020. № 4. P. 81-94.

⁵ Cameron L. Privatizing War: Private Military and Security Companies under Public International Law // Cambridge University Press. - 2013. - P. 754; Пузырева Ю.В. К вопросу о статусе сотрудников частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 51-57.

международных организаций в зонах ведения военных действий, что определяет важность темы о применимости принципов и норм МГП в ситуациях вовлеченности миротворческих контингентов в вооруженный конфликт⁶. В данном контексте следует отметить, что подходы к определению границ применимости МГП в ситуациях использования миротворческого контингента международных организаций следует формировать не в классическом режиме «международного вооруженного конфликта» или «конфликта немеждународного характера» по смыслу положений Дополнительных протоколов I и II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны), а в параметрах поддержания либо восстановления международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН 1945 г. (глава VII Устава ООН).

Анализ происходящих в мире конфликтов и их гуманитарных последствий в Афганистане, Ираке, Северной Африке, на Ближнем Востоке позволяет выявить тенденцию расширения акторов военных действий посредством вовлечения негосударственных вооруженных групп, которые следует квалифицировать как террористические⁷. Такие организации доказали свою способность брать под контроль территории суверенных государств. Наряду с этим они стали одним из основных факторов, усугубляющих текущие конфликты, делая их более ожесточенными и сложными и подрывая усилия по достижению мира⁸. При этом в доктрине и практике междуна-

---

⁶ Зверев П.Г. Применимость международного гуманитарного права во время миротворческих операции Организации Объединенных Наций: монография. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. - 525 с.

⁷ International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts: Recommitting to protection in armed conflict on the 70th anniversary of the Geneva Conventions. *International Review of the Red Cross* (2019), 101 (911). P. 918-919.

⁸ Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Международно-правовое регулирование противодействия терроризму в мирное время и в период вооруженных

родного права имеются различные точки зрения к квалификации статуса международной террористической организации, участвующей в военных действиях. Диаметрально противоположные позиции отражают либо подход о возможности наделяния таких субъектов статусом комбатанта с последующей реализацией комплекса норм МГП⁹, либо позицию о возможности квалификации международных террористических организаций как самостоятельных субъектов преступления терроризма и правом государств на реализацию ответственности по «международному антитеррористическому праву»¹⁰.

В этом контексте перед государствами стоит сложная задача – обеспечить баланс между эффективностью их контртеррористических мер и соблюдением международных обязательств, в частности по МГП, праву прав человека и ряду других отраслей.

Губительной тенденцией современных вооруженных конфликтов, развязанных на территориях Сирии, Украины, Афганистана, Мали, Ираке является так называемая «урбанизация» военных действий. В таких условиях воюющие стороны продолжают использовать традиционные методы и средства ведения вооруженной борьбы, такие как осады, туннели, мины-ловушки, артиллерию, минометы и снайперов, дополняя их современными возможностями с учетом новых технологий и развития информационных систем¹¹. Однако боевые

конфликтов: региональный подход Содружества Независимых Государств // Московский журнал международного права. 2022. № 2. С. 115-128.

⁹ Duffy H. The «War on Terror» and the Framework of International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 61, 65-66, 68.

¹⁰ Иванов Э.А. Ответственность международных террористических организаций. – М.: Юрлитинформ, 2013. С. 93.

¹¹ См.: Марусин И.С. Международно-правовое регулирование ведения боевых действий в густонаселенных районах: осада и применение взрывчатых веществ // Российский ежегодник международного права. 2020. С. 297-305.

действия в населенном пункте нельзя вести также, как и в традиционной зоне боевых действий, что определяет необходимость выработки новых правовых и политических позиций государств об усилении защиты гражданских лиц и гражданских объектов от гуманитарных последствий, возникающих в результате применения различных видов оружия взрывного действия, а также традиционных методов и средств ведения войны в населенных пунктах¹².

Вызывает серьезную озабоченность всего мирового сообщества усложняющийся характер ведения современных вооруженных конфликтов, связанный со стремительной разработкой и применением новых средств и методов ведения войны, что обусловлено достижениями научно-технического прогресса. Поэтому жизненно важное значение имеет оценка законности новых видов оружия с точки зрения МГП, особенно если принять во внимание то, как быстро развиваются новые оружейные технологии.

Риск применения ядерного оружия продолжает расти. Его усугубляют международная и региональная напряженность, модернизация ядерных арсеналов, включая разработку ядерного оружия небольшого размера, которое считают более удобным в использовании, а также достижения технического прогресса, делающие это оружие и системы управления им уязвимыми для кибератак¹³.

---

¹² Пузырева Ю.В. Проблемы реализации принципов международного гуманитарного права о защите гражданского населения и гражданских объектов в современных вооруженных конфликтах // Современное право. 2022. № 12. С. 103-108.

¹³ Statement at 76th United Nations General Assembly, First Committee General debate on all disarmament and international security agenda items. Statement by the International Committee of the Red Cross (ICRC) - 11 October 2021 // International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/en/document/statement-76th-general-assembly-disarmament> (дата обращения 20 марта 2023 г.).

Бесспорно, историческим решением явилось принятие в 2017 г. Договора о запрещении ядерного оружия (далее ДЗЯО)¹⁴, дополняющего уже существующие международные соглашения по ядерному оружию. Принятие договора явилось серьезной причиной для расхождения позиций государств внутри режима ядерного нераспространения, а также для возникновения напряженности между ядерными и неядерными государствами.

Позиция Российской Федерации по данному вопросу неизменна и конструктивно изложена в аналитических материалах Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России¹⁵.

С учетом заявленных перспектив по формированию новой повестки дня в рамках режима ядерного нераспространения тенденцией развития МГП станет вопрос по содержательному наполнению принципа ограничения воюющих в выборе методов и средств ведения войны.

В аспекте изучения развития новых видов оружия вызывает серьезную озабоченность гуманитарные последствия неограниченной разработки автономных систем вооружений, понимаемых как системы, которые после первоначальной активации или запуска выбирают цели и применяют против них силу без вмешательства человека. Сопутствующее этому размывание контроля со стороны человека над применением силы создает очевидные риски для гражданских лиц и комба-

---

¹⁴ ДЗЯО был принят на Дипломатической конференции Организации Объединенных Наций 7 июля 2017 г. и открыт для подписания 20 сентября 2017 г. Договор вступил в силу 22 января 2021 г. Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Signature and ratification status // International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN). URL: https://www.icanw.org/signature_and_ratification_status (дата обращения 20 марта 2023 г.).

¹⁵ Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима / [под. ред. Е.Б. Михайленко]. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 103 – 105.

тантов, прекративших участие в военных действиях, сложности, связанные с соблюдением МГП, и фундаментальные проблемы в вопросах реализации принципа гуманности в период вооруженных конфликтов¹⁶.

В настоящее время автономные системы вооружений используются относительно ограниченно, однако их разработка и применение расширяются, в том числе в городах, где гражданские лица и гражданские объекты подвергаются наибольшей опасности, о чем свидетельствует опыт ведения современных вооруженных конфликтов. Кроме того, все более интенсивно исследуется возможность использования искусственного интеллекта (ИИ) и программного обеспечения машинного обучения для контроля критически важных функций выбора целей и применения силы. Указанные тенденции в сфере развития вооружения и порождаемые ими гуманитарные проблемы определяют перспективные задачи по разработке стратегий и новых юридически обязательных норм, регулирующих создание и применение автономных систем вооружений, развивая конвенционную базу о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия.

В последние годы происходит активное межгосударственное взаимодействие по установлению ограничений на использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) государствами в контексте международной безопасности. Это еще один аспект новых технологий, которые потенциально могут использоваться как средство или метод ведения военных действий во время вооруженного конфликта.

---

¹⁶ Скуратова А.Ю., Королькова Е.Е. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2019. № 1 (124). С. 22-30.

Среда ИКТ постоянно эволюционирует, равно как и использование киберопераций во время вооруженных конфликтов. Международное сообщество признает, что «ряд государств разрабатывает потенциал ИКТ в военных целях» и что «использование ИКТ в будущих конфликтах между государствами становится более вероятным»¹⁷.

В свете этих реалий остро встает вопрос о потенциальном регулировании киберопераций во время вооруженных конфликтов установленными принципами и нормами МГП. В этой связи требует комплексного изучения следующие вопросы: как и когда принципы МГП применяются к использованию ИКТ государствами в военном аспекте, а также в каких параметрах МГП применимо для установления ограничения на кибероперации во время вооруженных конфликтов. Критически важные вопросы защиты жизни гражданских лиц требуют от государств дальнейшего обсуждения и четкого определения своей позиции с принятием во внимания особенностей среды ИКТ как потенциально нового театра ведения военных действий.

Проблематика расширения театра военных действий также связана со стремлениями отдельных государств пересмотреть параметры запрета на применение космического пространства для ведения отдельных этапов военных действий¹⁸. Как справедливо отмечено в Стратегии национальной

---

¹⁷ Open-ended working group on developments in the field of information and telecommunications in the context of international security. Final Substantive Report. 10 March 2021. A/AC.290/2021/CRP.2 // United Nations. URL: https://namib.online/wp-content/uploads/2021/08/2021-03-10_eng_Final-report-A-AC.290-2021-CRP.2.pdf (дата обращения 20 марта 2023 г.).

¹⁸ Мизин В.И. Проблемы стратегической стабильности в начале XXI века /В.И. Мизин, А.А. Орлов // Международная жизнь. - 2019. - Февраль. - С. 66-81; Специальный доклад Межучрежденческого совещания по космической деятельности об осуществлении доклада Группы правительственных экспертов по мерам транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности в части, касающейся системы Организации Объединенных Наций. 28 апреля 2016 // Док. ООН

безопасности Российской Федерации от 2021 г.: «Космическое и информационное пространства активно осваиваются как новые сферы ведения военных действий»¹⁹. Так, космос провозглашен пятой «оперативной областью» деятельности НАТО наряду с воздушным, наземным, морским пространством и киберпространством²⁰.

Следует признать, что космос активно используется с целью обеспечения военной деятельности целого ряда государств – это и разведка, и связь, и наведение, и навигация, и предупреждение о ракетном нападении²¹. Безусловно, эти сферы будут только расширяться.

Поскольку космические системы в военных операциях в рамках вооруженных конфликтов играют всё более значительную роль, увеличивается вероятность нападений на них с применением как кинетических, так и некинетических средств. Однако технологии, зависящие от космических систем, пронизывают также большинство сфер гражданской жизни. Поэтому применение оружия в космическом пространстве может иметь серьезные последствия для гражданских лиц на земле, нарушив работу служб, критически важных для их безопасности или необходимых для их выживания. Таким

A/AC.105/1116 URL: <https://conferences2.unite.un.org/LLSULinkBase/ContentTree.aspx?nodeID=86917> (дата обращения 20 марта 2023 г.).

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения 20 марта 2023 г.).

²⁰ Foreign Ministers take decisions to adapt NATO, recognize space as an operational domain. 20 November 2019 // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_171028.htm?selectedLocale=en (дата обращения 20 марта 2023 г.).

²¹ Mirmina S., Schenewerk C. International Space Law and Space Laws of the United States. - Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Limited, 2022. – 336 p.

образом, растущий риск военных действий в космосе вызывает серьезную озабоченность, в том числе, в гуманитарном плане²².

Учитывая уникальный характер космической среды и серьезность угроз от любых военных маневров в рамках космического пространства, а также учитывая современные темпы развития военно-промышленной сферы возрастает актуальность комплементарного применения МГП и международного космического права в контексте прогрессирующей деятельности государств на данной территории общего пользования.

Рассмотренный в статье перечень глобальных и значимых проблем современных вооруженных конфликтов, большинство из которых МККК отнесены к «вызовам современных вооруженных конфликтов»²³, не только определяет сложности в реализации действующих принципов и норм МГП, но и позволяет выявить так называемые «серые зоны» международно-правового регулирования ведения военных действий. В целом выявленные тенденции определяют направления развития МГП с учетом реалий современных геополитических отношений в мире, в которых как никогда важно заботиться об обеспечении и защите прав и свобод человека, гуманизации военных действий и обеспечении реализации принципа ответственности за совершенные военные преступления.

---

²² Потапенко А.М. Международно-правовые проблемы демилитаризации космического пространства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. – М., 2022. – 203 с.; Колосов Ю.М. Борьба за мирный космос. – 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2014.

²³ ICRC report on IHL and the challenges of contemporary armed conflicts. Recommitting to protection in armed conflict on the 70th anniversary of the Geneva Conventions. October 2019 // International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/en/document/icrc-report-ihl-and-challenges-contemporary-armed-conflicts> (дата обращения 20 марта 2023 г.).

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ДВОЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Смирнов Михаил Гурамович

Канд. юрид. наук, доцент

доцент кафедры конституционного

и международного права

РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина

nubilis@yandex.ru

Прошло более ста лет с тех пор, как химическое оружие было впервые применено на поле боя. Человечество, оценив жестокость этого средства ведения войны, после окончания Первой мировой попробовало запретить или по крайней мере ограничить данный вид оружия, приняв так называемый Женевский протокол 1925 года (полное название Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 года). Своего рода ограничило развитие отравляющих веществ и принятие множества средств защиты – практически во всех развитых странах появились специальные противохимические службы, а каждый солдат был оснащён средством индивидуальной защиты, прежде всего, противогазом.

Однако прогресс не стоит на месте, и вместо отравляющих веществ первого поколения, которые обладали удушающим и кожно-нарывным действием (хлор, иприт, фосген), пришли новые газы, которые можно с полным основанием назвать боевыми отравляющими веществами (далее БОВ). Практически все они базировались на нервнопаралитическом действии, парализуя органы дыхания и приводя к асфиксии (удушению). В основе производства таких газов, как правило,

лежали фосфорорганические соединения, самым известным из БОВ второй половины XX века стал газ зарин¹.

Следует отметить, что до 1993 года, когда мировое сообщество, наконец, приняло полноценную Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 года (т.н. Парижскую конвенцию ОЗХО), практически все крупные промышленные государства мира обзавелись своими арсеналами химического оружия. Лидерами по количеству т.н. «специальных» боеприпасов на складах были СССР и США. Появилась и новые, т.н. бинарные БОВ, смысл применения которых был в смешивании непосредственно во время применения на поле боя двух компонентов, каждый из которых в отдельности не представлял угрозы и не являлся БОВ. Так называемые V газы, модификации зарина, в целом, риск развития химического оружия был высок. Тем не менее, в первое десятилетие XXI века все сверхдержавы (Франция, Великобритания, США, КНР и РФ) отказались от своих запасов химического оружия. Однако проблема распространения химического оружия не только не уменьшилась, а, напротив, возросла. Основной проблемой было развитие технологий химической промышленности и возрастание доступности оборудования и знаний, позволяющих произвести химическое оружие.

Одним из показательных примеров создания химического оружия в промышленных масштабах может служить иракская национальная программа². Краткая хронология этой программы:

- 1960 год – создаётся Химический корпус, аналог войск РХБЗ;

---

¹ Химическое оружие и международное право / С. М. Пунжин. - Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 408 с.

² См. подробнее Супотницкий М.В., Шило Н.И., Ковтун В.А. Химическое оружие в ирано-иракской войне 1980-1988 годов. 1. Подготовка Ирака к химической войне // Вестник войск РХБ защиты. 2019. Т. 3. № 1. С. 40–64.

- 1971 год – построен промышленный корпус Министерства химической промышленности Al Rashaad в пригороде Багдада;
- 1974 год – химический институт при Министерстве образования и науки Al Hazen Ibn Al Haitham Institute;
- 1981 год – комплекс Al Rashaad начинает программу «Проект 22», которая предполагает создание боевых ОВ, для войны против Ирана;
- 1981 год – Государственное предприятие по производству пестицидов, город Самарра, 16 заводов;
- 1985 год – государственное предприятие Аль-Мутанна, город Фаллуджа, 3 завода.

Как видно из приведённых данных, менее, чем за 10 лет Ираку удалось выйти на производственные мощности, позволявшие производить боевые отравляющие вещества в большом количестве. Всего же в Ираке до 1990 года было произведено более 3850 тонн боевых отравляющих веществ, включая такие известные, как иприт (2850 тонн), табун (500 тонн), зарин (333 тонны), циклозарин и новейшие тогда VX газы (60 и 7 тонн соответственно)³.

При создании БОВ Ирак активно использовал гражданские закупки химического оборудования и материалов двойного назначения под различными легендами:

Закупки пестицидов, гербицидов, фунгицидов и различных удобрений под предлогом развития посевных площадей.

Основные поставщики: Сингапур, Индия, ФРГ, Нидерланды, Египет.

Закупки разнообразных химических реагентов якобы для добычи и переработки нефти, а также производства различных нефтепродуктов.

---

³ Tucker, Jonathan B. Trafficking Networks for Chemical Weapons Precursors: Lessons from the Iran–Iraq War of the 1980s. James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS), 2008, www.jstor.org/stable/resrep09911. Accessed 27 July 2020.

Основные поставщики: ФРГ, Италия, Нидерланды.

Заказ НИОКР под видом улучшения формул пестицидов и ядов против сельскохозяйственных вредителей.

Основные поставщики: США, ФРГ, Нидерланды⁴.

После того, как международному сообществу стали известны факты применения химического оружия на ирано-иракском фронте, была создана подставная фирма Kim Al-Khaleej в ОАЭ для закупки через Сингапур оборудования и химикатов для создания ОВ. Это позволило обойти запреты на продажу Ираку химикатов и оборудования.

Всего за годы войны с Ираном было поставлено более 15 тысяч тонн прекурсоров и химикатов, из которых в Ираке создавалось химическое оружие. Ученые из ФРГ и США помогли Ираку создать множество технологий производства БОВ, в том числе и современных.

Приведённые цифры свидетельствуют о широкой возможности для современных государств и даже международных транснациональных корпораций создавать БОВ. Методы, которые использовал Ирак, не имевший ни химической промышленности, ни научных кадров, ни производственных мощностей, но, тем не менее, создавший БОВ в масштабах, пригодных для военных действий, такие методы являются универсальными и могут быть повторены сегодня.

При этом не обязательно производить зарин или VX газы в промышленных масштабах. Можно использовать производные от зарина фосфорорганические соединения, например, отравляющее вещество «Новичок». Можно создать небольшое количество БОВ для точечного теракта, что в 1996 году пыталась реализовать секта «Аум сенрикё», совершившая теракт в токийском метро.

---

⁴ UN Special Commission, «Annex: Iraq's Procurement for its Weapons of Mass Destruction Programmes», S/2005/742.

Отсутствие ответственности за поставки товаров двойного назначения в настоящее время делает невозможным отслеживание производства БОВ. В Списке химикатов Конвенции 1993 года до сих пор нет прекурсоров, препятствующих созданию зарина и его производных. Таким образом, проблема контроля распространения химического оружия сохраняет свою актуальность в условиях современных геополитических противоречий.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ

Тенета Анастасия Борисовна

Аспирант

РУДН имени Патриса Лумумбы

1042170214@pfur.ru

При рассмотрении вопросов защиты военнопленных и задержанных гражданских лиц, помимо ответственной удерживающей стороны, всегда упоминают Международный Комитет Красного Креста (далее МККК) как важного субъекта.

Лица, лишённые свободы по определению уязвимы, независимо от причины помещения под стражу, поскольку они лишены естественного окружения и права управлять своей собственной жизнью. В мирное время учреждениям пенитенциарной системы может уделяться недостаточно внимания, а во время конфликтов не каждая сторона готова оперативно организовать специализированные помещения и лагеря с особыми условиями. Поэтому с 1870 г., и исходя из основополагающих принципов Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца (далее Движение), МККК осуществляет надзор за условиями содержания лиц, лишённых свободы, и стремится улучшить их.

Согласно III Женевской конвенции 1949 г. об обращении с военнопленными удерживающая сторона обязана обеспечивать уважительное отношение к достоинству и физической неприкосновенности задержанных лиц, недопустимы пытки и иное жестокое отношение, внесудебные казни. Военнопленные имеют право на восстановление и поддержание связей с родственниками, судебную защиту и помощь в реинтеграции после освобождения.

Особое внимание следует обращать на условия содержания задержанных в связи с вооруженным конфликтом или ситуацией насилия, поскольку принадлежность задержанных к противоборствующей стороне может провоцировать жестокое обращение с ними. В ситуациях международного вооруженного конфликта две категории лиц, лишенных свободы, имеют особый статус — это военнопленные и лица, находящиеся под защитой Женевских конвенций 1949 г. Другие лица, задерживаемые во время вооруженного конфликта, как международного, так и немеждународного характера, не имеют какого-либо особого статуса, однако они пользуются основными гарантиями, обеспечивающими как гуманное обращение, так и судебные и процедурные гарантии. К особой категории заключенных относятся:

- военнопленные и интернированное гражданское население, удерживаемое одной из сторон в вооруженном конфликте, а также гражданские лица, удерживаемые оккупирующей державой на оккупированных территориях и находящиеся под особой защитой третьей и четвертой Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола I 1977 г;

- лица, удерживаемые властями или участвующей в конфликте негосударственной вооруженной группой во время немеждународного вооруженного конфликта;

- лица, удерживаемые в связи с другими ситуациями насилия, например, политическими и социальными волнениями¹.

Стоит рассмотреть поэтапное становление международно-правовой системы защиты военнопленных и задержанных лиц в отечественной исторической перспективе.

Российский Красный Крест, созданный в 1867 году указом Императора Александра II, после Октябрьской революции 1917 г. вступил в конфронтацию с советской властью. В

---

¹ См. Защита лиц, лишенных свободы, МККК, январь 2018 г., Софи Мартин Хобден, с.6.

результате действующей политики по распоряжениям Совета народных комиссаров Комитета по реорганизации имущество Российского Красного Креста было конфисковано, многие представители руководства организации арестованы².

Делегат МККК в Москве Эдуар Фрик проводил активную работу для сохранения Российского Красного Креста как организации, основывающей свою деятельность в соответствии с Женевскими конвенциями 1864 и 1906 гг. и как части Движения. Вероятно, данные усилия были отражены и в декрете Совета Народных Комиссаров от 2 июня 1918 г., обозначившего главной задачей Российского Красного Креста помощь военнопленным, как русским, находящимся в Германии, Австро-Венгрии и Турции, так и немецким, австро-венгерским и турецким – в России. Для осуществления указанной задачи Российскому Красному Кресту предоставлялась самая широкая автономность и приветствовалось оказание содействия со стороны МККК, правительств стран, признавших Женевскую конвенцию, и иных Обществ Красного Креста³. Значимость данного декрета невозможно переоценить, поскольку на фоне денонсирования всех соглашений, заключенных царским режимом, советская власть подтвердила свою приверженность гуманитарным обязательствам.

В целях реорганизации Российского Красного Креста (далее РКК) и защиты военнопленных и гражданского населения была созвана Международная конференция Красного Креста, в состав которой в том числе входили представители Датского, Норвежского и Шведского Красного Креста. В задачи Международной конференции, среди прочего, входило:

---

² Decret du 6 janvier 1918, traduction, Archives du CICR, dossier Mis.1.5.

³ Постановление от 30 мая, подписанное Владимиром Ульяновым-Лениным и Г.В.Чичериным, которое опубликовано в газетах «Известия» № 112, 4 июня, и «Известия Советов Москвы и Московской области» № 110, 2 июня. – «Декреты советской власти», т. II. М., Госполитиздат, 1959, с.355 – 357.

- предоставление защиты и помощи военнопленным немецким, австро-венгерским и турецким в России, а также двум с половиной миллионам русских военнопленных в других державах посредством отправки специальных миссий из представителей РКК и обществ нейтральных государств для посещения военнопленных и распределения помощи среди них;

- создание в Петрограде и Москве двух комитетов, уполномоченных оказывать помощь заключенным в тюрьмах;

- направление в Сибирь миссий Шведского и Датского Красного Креста для оказания помощи гражданскому населению и военнопленным.

Деятельность, связанная с посещением мест лишения свободы, в рамках вышеупомянутой Конференции является первой попыткой МККК распространить свой мандат на оказание помощи лицам, взятым под стражу из-за возникновения внутреннего конфликта. На фоне общего кризиса, нехватки продовольствия и переполненности тюрем МККК оказывал помощь как иностранным узникам, так и советским заключенным. Модальности посещения заключенных в тюрьмах были аналогичными процедурам посещения лагерей военнопленных. Постепенно достигались договоренности о регулярных посещениях заключенных⁴.

Однако, в июне 1919 г. Международная конференция была распущена. Поводом стало образовавшееся недоверие советской власти к МККК по причине финансирования деятельности МККК государствами Антанты и отсутствия должного объяснения со стороны МККК о направлении Эдуара Фрика в другую миссию по Восточной Европе и оставления Москвы без делегата МККК. Комиссия по контролю за репатриацией русских военнопленных в Германии в январе 1919 г.

---

⁴ См.: Rapport des docteurs Martini et Bross, 10 Decembre 1918, Archives du CICR, dossier.Mis (Carton 1).

больше чем на год запретила обмен пленными между Советским Союзом и Германией и репатриацию в районы, контролируемые советским правительством. МККК никогда не позволял вовлекаться в операции по насильственной репатриации и считал, что военнопленных надо переводить в места, откуда они родом, или туда, куда они добровольно хотят вернуться, но второй причиной недоверия советской власти к МККК стали именно случаи оказания помощи МККК 58 тысячам русских военнопленных, которых репатриировали только на территории, занятые т.н. «белыми», что сподвигло советские власти пересмотреть свое отношение к МККК⁵.

В результате сложившейся ситуации МККК не был представлен в Москве в критический период Гражданской войны в России в 1919–1920 гг⁶.

С момента вступления в силу Версальского мирного договора 1919г. и поручения Совета Лиги Наций от 11 апреля 1920 г. об организации репатриации всех военнопленных совместно с МККК был установлен порядок репатриации, в результате чего было репатриировано 425 тысяч русских, немецких, австрийских и венгерских пленнх⁷.

Представительство МККК в Москве работало с 1921 г. по 1938 г. В ноябре 1939 г. между СССР и Финляндией началась война, в июне 1941 г. началась война между СССР и Германией.

---

⁵ См.: Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917-1991): [пер. с фр.]/ Ф. Бюньон Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000 33 с.

⁶ Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917-1991): [пер. с фр.]/ Ф. Бюньон Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000 26 с.

⁷ Rapport general du Comite international de la Croix-Rouge sur son activite de 1921 a 1923, Geneve, CICR, 1923, p. 132.

К этому моменту ни Советский Союз, ни Финляндия не присоединились к Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г., которая являлась правовым основанием для МККК по оказанию помощи военнопленным.

МККК старался возобновить отношения с Советским Союзом, направляя ноты в Москву и проводя ряд встреч с посольствами СССР в Европе. Однако всё было безуспешно и официальный ответ СССР ссылался на необязательность условий Конвенции 1929 г. для СССР и отсутствие оснований для направления делегата МККК в Советский Союз⁸.

В декабре 1939 г. попытки МККК в отношениях с Финляндией увенчались успехом, делегат МККК смог посещать военнопленных на территории Финляндии. Финский Красный Крест даже открыл Справочное бюро по делам военнопленных.

23 июня 1941 г. МККК направил всем сторонам вооруженного конфликта предложение обмениваться списками военнопленных и учредить Центральное агентство по розыску. В краткие сроки СССР и другие стороны приняли предложение МККК на условиях взаимности. В течение трех месяцев МККК передавал в СССР списки советских военнопленных в Германии, Финляндии, Румынии и Италии. В Москве было создано Справочное бюро по делам военнопленных, но никаких списков в МККК через данное бюро не поступало. В связи с отсутствием принципа взаимности 24 сентября 1941 г. Германия объявила, что больше не будет предоставлять списки, пока это не сделает СССР.

Несмотря на то, что СССР не был участником Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г., условия содержания иностранных военнопленных в Советском Союзе были достаточно гуманными. О судьбе русских

---

⁸ Lettre de l'ambassade d'URSS a Paris au CICR, 12 octobre 1939, Archives du CICR, dossier Gouvernement de l'URSS (carton 1084); Andre Durand, op.cit., p.342.

военнопленных на территории Германии поступали совсем иные новости – без продовольствия, при тяжелейших работах пленные умирали тысячами⁹. Тогда МККК вновь предложил свои услуги по распределению посылок в лагерях, с условием предоставления возможности контроля за таким распределением. Только Финляндия позволила делегатам МККК посещать лагеря советских пленных на вышеуказанных условиях. Германия запретила посещения советских военнопленных до тех пор, пока МККК не получит доступ к немецким военнопленным в СССР.

Жестокость в отношении советских военнопленных Германия постоянно оправдывала тем, что СССР не присоединился к вышеупомянутой Конвенции 1929 г. и полным отсутствием взаимности со стороны Москвы. Взаимодействие МККК и СССР возобновилось только после окончания Второй мировой войны.

По окончании Второй мировой войны МККК намеревался оказывать помощь и немецким военнопленным, основываясь на принципах беспристрастности и гуманности. Однако, такой подход разделяли не многие. Советское правительство, Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, Югославский Красный Крест выступали за упразднение МККК. В свою очередь, во избежание раскола внутри Движения МККК сконцентрировался на поддержке жертв новых вооруженных конфликтов, а также на пересмотре Женевских конвенций от 27 июля 1929 г., недостатки которых выявила Вторая мировая война.

Путем проведения встреч с Национальными Обществами Красного Креста и Красного Полумесяца и встреч с правительствами определились цели пересмотра действующих Женевских конвенций, а именно:

---

⁹ «Воин без оружия». Москва, МККК, 1996, с. 229-234.

- распространить положения Женевских конвенций о защите на гражданское население, оказавшееся под властью противника;

- обеспечить защиту жертв гражданских войн;

- создать для новых конвенций механизм контроля, в котором бы участвовал МККК.

12 августа 1949 г. Дипломатическая конференция приняла четыре Женевские конвенции, посвященные вопросам защиты:

- раненых и больных в действующих армиях;

- раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение из состава вооруженных сил на море;

- военнопленных;

- гражданского населения¹⁰.

Комплексность и уникальный характер причин и контекста каждого отдельного вооруженного конфликта и кризиса в разной степени предоставляют доступ беспристрастным гуманитарным организациям для защиты гражданского населения и военнопленных. Во время боевых действий в Индокитае МККК не смог помочь французским военнопленным, не смог помочь военнопленным из состава сил ООН в Корее, а также американским военнопленным, находящимся во власти вьетнамцев. МККК оказался бессильным и в помощи гражданскому населению, пострадавшему от бомбардировок.

В те же периоды, но на примере других вооруженных конфликтов – т.н. арабо-израильских войн (1948-1949, 1956, 1967 и 1973 гг.) и индо-пакистанских (1947, 1965 и 1971 гг.) МККК успешно выполнял роль нейтрального посредника. МККК составлял списки военнопленных с обеих сторон, обменивался списками, встречался с военнопленными и с заключенными, проводил беседы наедине, работал над обменом

---

¹⁰ Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917-1991): [пер. с фр.]/ Ф. Бюньон Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000 56 с.

письмами военнопленных с членами их семей и предоставлял продовольственную и медицинскую помощь военнопленным.

Для лучшей координации действий внутри Движения было разработано и принято Соглашение о координационных действиях Движения для коллективного воздействия (Севильское соглашение), пересмотренное в июне 2022 г.

По завершении активных боевых действий все военнопленные должны быть без промедления освобождены и репатрированы, даже если стороны не подписали мирный договор и не достигли соглашения о перемирии. Таким образом, решающим критерием для введения в действие обязательства по освобождению и репатриации является не политическое урегулирование конфликта, а реальное прекращение военных действий, если на разумных основаниях можно ожидать, что они не возобновятся в обозримом будущем. Поводом считать военные действия оконченными можно следующее: вывод войск из района боевых действий, возобновление переговоров или дипломатических отношений между сторонами, демобилизация части вооруженных сил и привлечение международных сил для наблюдения за прекращением огня. Удержание в плену в соответствии со всеми условиями Женевской Конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. обходится удерживающей стороне достаточно дорого. Тем не менее, во многих конфликтах, например, между Эфиопией и Эритреей, между Исламской Республикой Иран и Ираком репатриация тысяч военнопленных откладывалась в течение многих лет, что имело значительные гуманитарные последствия для всех сторон.

В то же время интересно наличие нормы, согласно которой нельзя репатриировать военнопленных против их воли, пока продолжаются военные действия и даже после окончания активных военных действий, если у удерживаемого лица есть опасения, что он подвергнется преследованию, пыткам и иным мерам по возвращении на родину. Принцип запрета

на высылку (*non-refoulement*) был установлен в праве беженцев и явным образом признан в связи с передачей лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций 1949 г. Он широко принят в качестве нормы обычного международного права. Также военнопленные могут удерживаться и после окончания военных действий, если они находятся под следствием или приговорены по суду за совершение уголовного преступления, на период до завершения судебного рассмотрения или до отбытия ими наказания¹¹.

При рассмотрении ситуации задержания лиц негосударственными вооруженными группами в период немеждународного вооруженного конфликта возникает вопрос: до какой степени реалистично ожидать, что оппозиционные вооруженные силы или организованные вооруженные группы будут предоставлять защиту, предусматриваемую международным гуманитарным правом (далее МГП), захваченным комбатантам или другим лицам, содержащимся у них под стражей. Оснащенность и потенциал негосударственных вооруженных групп различен и это влияет на возможности предоставления соответствующих условий содержания задержанных, поддержания связи с родственниками, получения посылок и обеспечения регулярных медицинских осмотров. Исходя из реальности конфликтов и норм МГП негосударственные вооруженные группы должны обеспечивать удовлетворение основных потребностей удерживаемых ими лиц в той же степени, что и в отношении гражданского населения, находящегося под их контролем, либо при отсутствии такого контроля — в той же степени, что и в отношении своих собственных членов¹².

---

¹¹ Nils Melzer Coordinated by Etienne Kuster, *International humanitarian law a comprehensive introduction*, p. 232-233.

¹² Nils Melzer Coordinated by Etienne Kuster, *International humanitarian law a comprehensive introduction*, p. 258-259.

Каждый конфликт имеет сопутствующие характеристики или последствия в виде задержания лиц стороны противника. На практике вопросами по надзору за соблюдением Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. занимается МККК. В процесс контролирования условий содержания военнопленных и иных задержанных лиц, поддержание связей с родственниками включены представители Министерства Обороны, Аппарата Уполномоченного по правам человека и МККК.

В мирное время Национальные Общества Красного Креста и Красного Полумесяца могут посещать заключенных и, например, временно задержанных лиц, ожидающих депортации. Посещение военнопленных представителями Национальных Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца регламентируется статьей 125 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. Данная статья предоставляет все необходимые возможности Национальным Обществам Красного Креста и Красного Полумесяца для посещения военнопленных с целью распределения между ними посылок помощи и материалов любого происхождения, предназначенных для религиозных и воспитательных целей, а также для развлечения или для того, чтобы помочь военнопленным организовать свой досуг внутри лагерей для военнопленных. На данный момент нет Национального Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, которое бы реализовало положения вышеупомянутой статьи.

При этом держащая в плену держава может ограничить число обществ и организаций, представителям которых она разрешит работать на своей территории и под своим контролем, при условии, однако, что подобное ограничение не мешает предоставлению действенной и достаточной помощи всем военнопленным. Особое положение Международного

Комитета Красного Креста в этой области должно всегда признаваться и уважаться¹³.

В заключении стоит отметить, что развитие системы защиты прав военнопленных и гражданских лиц прошло много этапов и претерпело много изменений. Можно положительно отметить факт гибкости данной системы защиты, которая совершенствуется МККК, исходя из реалий современных конфликтов и ситуаций насилия.

При применении норм МГП к задержанным лицам прежде всего необходимо правильно оценивать сложившуюся ситуацию. Но важно помнить, что в любой ситуации минимальным обязательством удерживающей стороны в отношении задержанного лица является гуманное обращение и удовлетворение его основных потребностей.

---

¹³ ICRC Commentary 2020 on Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 12 August 1949. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gciii-1949/article-125?activeTab=undefined> (дата обращения 22 февраля 2023 г.).

**THE NEED OF SPECIAL PROVISIONS
ON PROTECTING THE RIGHTS OF OLDER PERSONS
IN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW**

Фам Тхи Тхук Ань

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

1032205807@rudn.ru

The presence of elderly people among the victims of armed conflict is a relatively recent phenomenon. Two billion people, or a quarter of the world's population, now lives in conflict-affected areas, according to the United Nations. An estimated 84 million people were «forcibly displaced because of conflict, violence and human rights violations,» and an estimated 274 million people will need humanitarian assistance due to conflict¹. In 9250th meeting of Security Council, Deputy Secretary-General Amina J. Mohammed said the world is experiencing the highest number of violent conflicts since 1945, as World War II drew to a close². Although there is no statistical breakdown of victims per category, there can be no doubt that old people paid a heavy toll, as did women and children.

On the other hand, the proportion of older people is growing faster than any other age group globally. The proportion of people

---

¹ 'War's Greatest Cost Is Its Human Toll', Secretary-General Reminds Peacebuilding Commission, Warning of 'Perilous Impunity' Taking Hold – URL: <https://press.un.org/en/2022/sgsm21216.doc.htm> (date of access 15 of February 2023).

² With Highest Number of Violent Conflicts Since Second World War, United Nations Must Rethink Efforts to Achieve, Sustain Peace, Speakers Tell Security Council, 9250TH MEETING – URL: <https://press.un.org/en/2023/sc15184.doc.htm> (date of access 15 of February 2023).

aged 60 years or older in the world is expected to reach 1 in 6 by 2030, which is an increase from 1 billion in 2020 to 1.4 billion. Furthermore, by 2050, the population of individuals aged 60 years and above is projected to double to 2.1 billion³. The combination of current status of armed conflicts and future threats of armed conflict with higher life expectancy has led to an increase in the number of affected older populations.

Although the number of aging people in general and aging people affected by armed conflicts is increasing rapidly, It seems that a significant part of the gerontological community is unaware of the important of special protection of older persons, and its voice is mostly unheard. Their rights are not fulfilled and not guaranteed. There are many gaps in legal framework promote old persons rights. Hence, special provisions which directly target to old persons are necessary. This need can be proven through two premises: the ineffective existing provisions and the older persons social position promoting functions of new special provisions.

International humanitarian law protects all persons who are not taking part in the hostilities, in other words civilians and persons no longer taking part in the fighting (wounded, sick and shipwrecked combatants, prisoners) are all objects of this branch of law. Humanitarian law gives some special protection for older persons as a part of vulnerable group along with children and women. The rights of elderly are protected mostly in Geneva Conventions and their protocols:

---

³ Aging and health – World health organization – URL: [https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health#:~:text=By%202030%2C%201%20in%206,will%20double%20\(2.1%20billion\)](https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health#:~:text=By%202030%2C%201%20in%206,will%20double%20(2.1%20billion).). (date of access 15 of February 2023).

“The elderly, disabled and infirm affected by armed conflict are entitled to special respect and protection.” - Rule 138 from Rules of International Humanitarian Law⁴;

The elderly enjoy all the protections provided in 159 articles of the Fourth Geneva Convention as other civilians. There are some provisions specially mentions ages such as Article 17 regulates the evacuation, Article 27 eliminates all discrimination in treatment, Article 85 sets some requirement for places of Internment, Article 119 enshrined the disciplinary punishments applicable to internees, Article 49 regulates the factors including aged to be considered in the use of labor by prisoners of war⁵;

Article 44 and 55 of Third Geneva Convention require the treatment with regard for officers, prisoners of war other than officers and prisoners of equivalent status suitable to their age and rank⁶.

Of all existing provision, no single one mentions older persons as the direct subjects. There is no provision specifying the rights of older persons. All can be found is that special protection for the elderly is mentioned in an indirect way. Age is considered as a element along with sex, race... to concern when applying the provisions. The failure of existing legal framework is not an individual assessment. This is the fact identified by many studies and many researchers.

---

⁴ IHL databases - URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl/v1/rule138#:~:text=and%20infirmInterpretation-,Rule%20138.,to%20special%20respect%20and%20protection.> (date of access 15 of February 2023).

⁵ Fourth Geneva Convention of 12 August 1949 – URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.33_GC-IV-EN.pdf (date of access 15 of February 2023).

⁶ Third Geneva Convention of 12 August 1949 – URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.32_GC-III-EN.pdf (date of access 15 of February 2023).

Rodriguez-Pinzon and Martin (2003) conducted a broad review of the existing international mechanism regarding the rights of older persons and concluded that at the global and regional level, there is a lack of a well-developed plan to create a comprehensive legal framework that covers the rights of the elderly. There are only a limited number of provisions in international law that explicitly deal with the rights of the elderly. Some international organizations have made attempts to incorporate elderly rights into their conventions through systematic interpretation, but these efforts are sporadic⁷.

If one takes into account the existing success of special provisions, such as the provisions addressing the rights of children and women, one can realize the potential importance of special provisions for the protection of the older population.

For example, New-born babies are assimilated to the « wounded » for the purposes of Protocol I (article 8 (a))⁸.

Children who have not attained the age of fifteen years and mothers of children under seven come into the categories of the civilian population who can be received into the hospital or safety zones established by the parties to an international armed conflict in accordance with article 41 of the Fourth Geneva Conven-

---

⁷ The International Human Rights Status of Elderly Persons, Rodriguez-Pinzon and Martin (2003) – URL: <https://digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1199&context=auilr> (date of access 15 of February 2023).

⁸ Protocol I of 8 June 1977 - URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/protocol-additional-geneva-conventions-12-august-1949-and> (date of access 15 of February 2023).

tion. Likewise, children and maternity cases come into the category of civilian persons who, according to the Fourth Convention, should be evacuated from besieged or encircled areas (article 17)⁹.

These two regulations are special provisions for protection against the effects of hostilities. Basing on the special and particular feature of children, they are targeted to many special care and protection. They created distinctive legal dimensions. Not only being protected as normal civilian, children are effected by additional protections. This is significant as it added more obligations to states. Similarly, aging people have specific nature different from other group of people such as physical and mental inconvenience. Comparing with children, older persons need special assistant just as much as children do.

Furthermore, These provisions could contribute as an important part in “anti-ageist” global policy: Ageism, labeling older persons as incompetent merely for their age (Butler, 1969, 1975, 2005)¹⁰, is a prominent social phenomena, like sexism, racism, or antisemitism. Establishing such those provisions on the other hand would potentially be a strong anti-ageism, anti-discriminatory, and mainstreaming legal tool. In modern international law and domestic law, the discriminations against older persons only focus on the public discrimination. However, to pursuing the

---

⁹ Fourth Geneva Convention of 12 August 1949 – URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.33_GC-IV-EN.pdf (date of access 15 of February 2023).

¹⁰ Vern L. Bengtson, Frank J. Whittington, Origins of Ageism at the Individual Level, Columbia University Press, *The Gerontologist*, Volume 54, Issue 6, December 2014 – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-73820-8_4 (date of access 15 of February 2023).

Sagit Lev, Susanne Wurm & Liat Ayalon, From Ageism to the Longevity Revolution: Robert Butler, Pioneer, *Perspect. Aging*, volume 19 – URL: <https://academic.oup.com/gerontologist/article/54/6/1064/565962> (date of access 15 of February 2023).

completely eliminations of the discrimination, the private discrimination is the important aspect deserving more attention. A new legal dimension need to be added. Accordingly, more responsibilities would be attached to the states. Even if the elderly would continue to be “privately” discriminated against, the recognition that private actors must refrain from discriminatory practices is of great value.

Special provisions have benefits beyond their legal significance. They serve as valuable resources for public education, informing both professionals and laypeople about the challenges faced by specific groups. By communicating clear moral values, these provisions have the potential to transform public attitudes and biases, even before they are formally ratified. International parties can also leverage these provisions to promote the rights of targeted groups in pre-ratification discussions.

It is important to consider implementing special measures to protect the rights of older individuals as a way to combat ageism, a prevalent social issue that unfairly labels older people as incompetent based solely on their age. This type of discrimination is similar to sexism, racism, and antisemitism. Choosing not to support the rights of older individuals, it may be interpreted as discriminatory and neglectful of their unique circumstances. However, creating special provisions to protect their rights would be a powerful legal tool to combat ageism and discrimination, while also promoting mainstream acceptance and inclusion of older individuals.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Экнодосьян Екатерина Арсеновна

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

1032201259@rudn.ru

Римский статут вступил в силу и действует до сих пор на протяжении уже более 20 лет, 1 июля 2023 года будет 21 год, как данный договор вступил в силу.

Государства-участники (в преамбуле к Римскому статуту Международного уголовного суда 1998 г.) подтвердили, что самые серьезные преступления (преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии), вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и что их действенное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества.

Но так ли эффективен Международный уголовный суд (далее МУС, Суд) сегодня? И какие же главные проблемы заключаются в процессе отправления правосудия в данном суде?

Отличительной особенностью Римского статута (далее Статут) является то, что МУС учрежден договором в отличие от «классических» специальных трибуналов, поскольку последние являются творениями Совета Безопасности ООН. МУС является постоянно действующим судом в отличие от временных военных трибуналов в Нюрнберге, Токио и трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. Хотя нет конкретного положения, касающегося прекращения действия Статута, сто-

роны могли бы согласиться прекратить действие Статута в соответствии с соответствующими нормами Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.¹

Согласно статье 34 Статута, основными Органами Суда являются: Президиум; Апелляционное отделение, Судебное отделение и Отделение предварительного производства; Канцелярия Прокурора; Секретариат. Их функции в дальнейшем определяются Римским Статутом в статьях 38, 39, 42, 43.

Согласно статье 35 Статута все судьи (согласно статье 36, положение судей в МУС занимает 18 человек) избираются в качестве членов Суда, выполняющих свои функции на постоянной основе, и находятся в распоряжении Суда для выполнения своих функций на этой основе с начала срока их полномочий. При этом, данный первый пункт может показаться, что входит в противоречие с третьим пунктом данной статьи, в котором указывается, что Президиум может решать, в какой мере от других судей требуется выполнять свои функции на постоянной основе. Однако, судьи вольны выполнять другую работу, но их ключевым приоритетом является работа в Суде на полную ставку судьи. Как таковые, они должны быть доступными, как только возникнет необходимость². При этом данное положение, как сказано в самой статье, не наносит ущерба положением статьи 40, в которой говорится про то, что судьи не занимаются никакой деятельностью, которая может препятствовать выполнению ими своих судебных функций или может заставить усомниться в их независимости.

В процессуальной части стоит отметить следующие действия:

- возбуждение уголовного дела;

---

¹ Mark Klamberg Commentary on the Law of the International Criminal Court., 2017. С. 5.

² Mark Klamberg Commentary on the Law of the International Criminal Court., С. 339.

- расследование;
- судебное разбирательство;
- апелляционное производство – возможная, но не обязательная стадия.

Важное значение в вопросе возбуждения уголовного дела имеет юрисдикция Суда. Согласно статье 13, Суд может осуществлять свою юрисдикцию в отношении какого-либо из четырех указанных в статье 5 преступлений, в соответствии с положениями настоящего Статута, если:

ситуация, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько таких преступлений, передается Прокурору государством-участником.

Это предполагает возможность обратить внимание Суда на события в определенное время и в определенном месте, возможно, связанные с преступными деяниями, с целью инициирования осуществления юрисдикции в отношении этих деяний. В ряде дел (таких как *Prosecutor v. Lubanga*, *Prosecutor v. Katanga*) сказано, что ситуация определяется «территориальными, временными и, возможно, личностными параметрами».

Это полномочие ограничено государствами-участниками, и не может быть никаких специальных обращений со стороны государств, не являющихся государствами.

Стороны, даже те, которые сделали заявления в соответствии со статьей 12(3). Это полномочие не распространяется на государства, непосредственно заинтересованные или вовлеченные в ситуацию³.

б) ситуация, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько таких преступлений, передается Прокурору Советом Безопасности ООН (далее СБ ООН), действующим на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций.

---

³ Mark Klamburg Commentary on the Law of the International Criminal Court., С. 175.

СБ ООН может применить юрисдикцию Суда в соответствии со статьей 13(b), но также создать юрисдикцию в случае преступлений, совершенных на территории государств, не являющихся участниками. Это является признанием основополагающей роли СБ ООН в противодействии ситуациям, связанным с угрозами миру, нарушениями мира и актами агрессии.

с) Прокурор начал расследование в отношении такого преступления на основании полномочия *proprio motu* на основе информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда (подробнее в статье 15 Статута). Прокурор может возбудить разбирательство *ex officio* (в силу своей должности).

Пункт b статьи 13 Статута вызывает неоднозначные точки зрения. На сегодняшний день СБ ООН принял две резолюции о передаче ситуаций в МУС: Резолюцию № 1593 – по ситуации в Дарфуре и Резолюцию № 1970 – по ситуации в Ливии. Кроме того, Совет отклонил три проекта резолюции о передаче в МУС ситуации в Сирии. Во всех трех случаях (как принятия, так и отклонения резолюции) Совет Безопасности рассматривал ситуации в государствах, которые либо не подписали (Ливия, Сирия), либо не ратифицировали (Судан) Статут.

Одна точка зрения исходит из того, что полномочия СБ ООН по главе VII настолько широки, что они включают в себя практически все, включая возложение на государства обязательств по договору, участником которого они не являются, или создавать международные уголовные трибуналы. Но такая точка зрения игнорирует тот факт, что СБ ООН может осуществлять свои «широкие» полномочия только в рамках полномочий самой ООН и точно также связан нормами общего международного права. В этой связи утверждение о праве СБ ООН создавать судебные органы не выдерживает простого те-

ста на предмет соответствия общим принципам права, например, принципа *Nemo dat quod non habet* (никто не может дать то, чего у него нет).

Как указала Постоянная палата международного правосудия в решении по делу *Лотус*, международное право регулирует отношения между независимыми государствами, и, следовательно, нормы права, обязательные для государств, проистекают из их свободной воли, выраженной в соглашениях или обычаях. Суд также подчеркнул, что нормы международного права создаются с целью регулировать отношения между сосуществующими независимыми сообществами или с целью достижения общих целей. И, следовательно, ограничения независимости государств не могут презюмироваться⁴.

После того, как уголовное дело было возбуждено, начинается процесс расследования и уголовного преследования. Согласно статье 53 Статута, Прокурор оценивает предоставленную ему информацию и начинает расследование, при котором Прокурор рассматривает такие вопросы как имеет ли информация разумные основания полагать, что было совершено преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда; является ли это дело или будет ли оно являться допустимым согласно статье 17 Статута и имеются ли веские основания полагать, что проведение расследования не будет отвечать интересам правосудия.

В процессе расследования у Прокурора есть обязанности и полномочия (статья 54 Статута), которые в частности включают в себя проведение расследования обстоятельств, свидетельствующих как о виновности, так и о невиновности; принятие надлежащих мер для обеспечения эффективности расследования и уголовного преследования; соблюдение прав лиц.

---

⁴ Мезяев А.Б. Правовые проблемы передачи в Международный уголовный суд ситуаций в государствах, не участвующих в Римском статуте МУС // Вестник ТИСБИ. 2020. №3. С.71-81.

В полномочия прокурора входит в частности собирание и изучение доказательств, требование явки и допрос лиц, находящихся под следствием, потерпевших и свидетелей, заключение соглашений, не противоречащих Статуту, какие могут потребоваться для облегчения сотрудничества со стороны какого-либо государства, межправительственной организации или лица и ряд иных полномочий.

Также важную роль на данном этапе играет Палата предварительного производства, которая может (в соответствии со статьей 57 Статута) по просьбе Прокурора, отдавать такие распоряжения и выдавать такие ордера, какие могут быть необходимыми для целей проведения расследования; по просьбе лица, которое было арестовано или явилось по приказу, отдавать такие распоряжения; обеспечивать защиту и неприкосновенность частной жизни потерпевших и свидетелей, сохранность доказательств, защиту лиц, которые были арестованы или явились по приказу, и защиту информации, касающейся национальной безопасности и иные функции.

Согласно статье 61 Статута, в течение разумного периода времени после предоставления лица в распоряжение Суда либо после его добровольной явки в Суд Палата предварительного производства проводит слушание по вопросу об утверждении обвинений, на основании которых Прокурор намеревается добиваться проведения судебного разбирательства. Слушание проводится в присутствии Прокурора и обвиняемого, а также его защитника. Таким образом начинается Судебное разбирательство. Судебная палата обеспечивает, чтобы разбирательство было справедливым и быстрым и проводилось при полном соблюдении прав обвиняемого и с должным учетом необходимости защиты потерпевших и свидетелей.

Во время судебного разбирательства действует презумпция невиновности (статья 66 Статута), которая сегодня является основополагающей во многих странах, включая Россию. Бремя доказывания вины обвиняемого лежит на Прокуроре.

Для осуждения обвиняемого Суд должен убедиться в том, что обвиняемый виновен и это не подлежит сомнению на разумных основаниях. Во время судебного разбирательства у обвиняемого есть права такие как право на публичное слушание, на справедливое слушание, проводимое беспристрастным образом, а также ряд иных гарантий на основе полного равенства (например, быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который обвиняемый понимает в полной мере и на котором он говорит, о характере, основании и содержании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты, а также свободно сноситься с выбранным защитником в условиях конфиденциальности и другие права).

Также Суд должен принять надлежащие меры для защиты безопасности, физического и психического благополучия, достоинства и неприкосновенности личной жизни потерпевших и свидетелей. Стоит отметить тот факт, что Суд, согласно статье 70 Статута, обладает юрисдикцией в отношении некоторых преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно, такие как дача ложных показаний после принятия обязательства давать правдивые показания; представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств; противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание помех присутствию свидетеля или даче им показаний или уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору и иные действия.

Согласно статье 76 Статута в случае, если вина обвиняемого установлена, Судебная палата рассматривает вопрос о назначении соответствующего наказания и принимает во внимание представленные в ходе разбирательства доказательства и сделанные представления, которые имеют отношение к назначению наказания. Приговор оглашается публично и, когда это возможно, в присутствии обвиняемого.

После принятия решения Суда, оно может быть обжаловано. Обжаловать решение может как прокурор, так и лицо

признанное виновным. Согласно статье 81 Статута, у лица, признанного виновным, кроме тех же оснований, что есть у Прокурора (процессуальная ошибка, ошибка в факте, ошибка в праве), также имеется еще одно основание для обжалования – любое иное основание, которое влияет на справедливость судебного разбирательства или решения либо доверие к такому разбирательству или решению.

Также приговор может быть обжалован Прокурором или лицом, признанным виновным, на основании неадекватности вынесенного приговора совершенному преступлению.

Таким образом, проанализировав Римский статут Международного уголовного суда и ознакомившись с его положениями можно сделать вывод, что МУС был создан для укрепления безопасности в мире и противодействию международной преступности, но с момента 1998 г. и до настоящего времени количество подписавших стран составляет 137, а участников Статута 123⁵. Тот факт, что не все государства готовы участвовать в вышеупомянутом Статуте и передавать ему полномочия для осуществления правосудия из-за различных опасений, лишь подчеркивает, что до сих пор у международного сообщества, к сожалению, нет единого мнения, как необходимо укреплять мировую безопасность и противодействовать международным преступлениям.

---

⁵ Сайт United Nations Treaty Collection, 10. Rome Statute of the International Criminal Court. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-10&chapter=18&clang=_en (дата обращения 22 января 2024 г.).

СЕКЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ДОКТРИНА СВОБОДЫ УСМОТРЕНИЯ И ЗАЩИТА ПРАВ РЕБЕНКА

Аблеева Гульназ Римовна

*Юриисконсульт ГАУ «Технопарк в сфере высоких технологий
«ИТ-парк»*

323andex.ableeva@mail.ru

В Протоколе № 15 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., который предусматривает внесение поправок в текст преамбулы к Конвенции и в ряд ее статей, особое внимание уделяется содержащемуся в тексте преамбулы к Конвенции принципу субсидиарности и связанной с ним доктрине «свободы усмотрения».

В Протоколе № 15 особое внимание уделяется двум понятиям, давно сформированным в судебной практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд, Страсбургский суд), - «пределы усмотрения» и «субсидиарность». Эти понятия дополняют друг друга и являются выражением принципа, что государствам-членам отводится первичная и основная роль в процессе применения положений Конвенции и они сохраняют определенную степень свободы в определении оптимального (желательно, соответствующего местным условиям) способа применения. А роль Страсбургского суда сосредоточена на последующей оценке, находятся ли конкретные акты и решения национальных властей в допустимых пределах¹.

Ситуация, когда ЕСПЧ, который призван контролировать выполнение предписаний Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., оставляет решение вопроса о соблюдении ее норм на усмотрение государств-участников получила название «доктрина свободы усмотрения».

---

¹ Гарлицкий Л. Реформа Европейского суда по правам человека - текущее состояние и перспективы //Международное правосудие. 2014. N 2. С. 3–9.

Государства-участники должны обладать определенной свободой принимать такие решения, которые в наибольшей степени учитывали бы традиции и культуру соответствующей страны.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что Европейский суд довольно часто руководствуется в своих решениях доктриной свободы усмотрения. Европейский суд справедливо полагает, что национальные и в первую очередь судебные власти, зная потребности общества в большей степени, чем международный суд, способны оценить, что именно находится в интересах общества².

Доктрина свободы означает, в частности, что контроль, осуществляемый Европейским судом, и, следовательно, степень международной защиты права от вмешательства со стороны государства могут быть различными с точки зрения их тщательности, например в отношении разных категорий дел³.

При этом следует четко представлять, что ее применение недопустимо в отношении так называемых абсолютных прав – права на жизнь (ст. 2), права не подвергаться пыткам (ст. 3), права не быть принужденным к подневольному, рабскому труду (ст. 4)⁴.

Целью исследования является определение широты рамок допустимой свободы усмотрения, предоставляемой государству в связи с применением положений Конвенции. Зада-

---

² Ковалев А.А. Международная защита прав человека: учебное пособие. М.: Статут, 2013. 591 с.

³ Голубок С.А., Тимофеев М.Т. Где начинается и чем кончается свобода слова: замечание общего порядка N 34 Комитета по правам человека // Международное правосудие. 2012. N 3. С. 32–36.

⁴ Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights) / Д.В. Афанасьев, М. Визентин, М.Е. Глазкова и др. М.: Статут, 2015. Вып. 1: Европейская конвенция: новые "старые" права. 608 с.

чами исследования являются выявление ряда факторов, которыми руководствуется ЕСПЧ при применении доктрины свободы усмотрения на примере судебных прецедентов.

В практике Европейского суда по правам человека достаточно дел, которые связаны с усыновлением/удочерением и защитой прав ребенка. При этом Европейский суд признает за государствами большую свободу усмотрения в таких вопросах, как установление контроля над неблагополучными семьями, процедура передачи ребенка на государственное попечение или в приемную семью, а также самим процессом усыновления.

Свобода усмотрения, которой пользуются государства связана со сложностью и деликатностью дел, направленных на защиту прав детей.

В качестве примера можно привести постановление Европейского суда по правам человека по делу «Олссон против Швеции», где отражается ситуация вмешательства властей в семейную жизнь. Заявителями являются супруги Олссон, граждане Швеции, имеющие троих детей.

Окружной Совет по социальным проблемам г. Гетеборга в январе 1980 г. решает, что детей необходимо взять под контроль и изучить социальное положение семьи, в результате чего, в августе 1980 г. над детьми был установлен временный надзор. В представленном докладе о социальном положении семьи было сказано, что развитие детей находится под угрозой, так как они живут в неблагоприятной обстановке, что их родители неспособны удовлетворять потребности детей в уходе, воспитании и защите, и Совет решил передать детей на государственное попечение.

Обращение супругов-заявителей в апелляционный суд было отклонено, а также было отказано в подаче жалобы в Верховный суд.

В результате Решения от сентября 1980 г. один из детей был помещен в школу-интернат в Гетеборге, а спустя какое-

то время – в приемную семью, которая проживала в ста километрах от дома заявителей в Гетеборге. Он оставался там более двух лет, а затем был переведен в детский дом.

Двое других детей были направлены в разные приемные семьи. Контакт родителей с детьми был ограничен. Лишь 16 февраля 1987 г. апелляционный суд принял Решение о воссоединении одного из детей с его родителями. Верховный суд 18 июня 1987 г. принял аналогичное Решение в отношении других детей. Однако Решение суда было выполнено только через три года⁵.

Европейский Суд пришел к заключению, что указанное вмешательство властей было необходимо.

Исходя из сложившейся практики ЕСПЧ, можно сделать вывод, что «необходимость» подразумевает, что вмешательство должно соответствовать какой-либо значимой общественной потребности и, что оно соразмерно преследуемой правомерной цели. И определить, является ли вмешательство необходимым, государства – участники Конвенции имеют право сами: определенная свобода усмотрения.

ЕСПЧ считает, что такие меры должны восприниматься как временные решения, и что конечной целью является воссоединение биологических родителей и детей.

В таких условиях, государства должны проводить проверки условий содержания ребенка, который находится под опекой государства для того, чтобы увидеть реальные ситуации в семье, которые могут улучшаться или ухудшаться. Граница между неприемлемым вмешательством государства и свободой усмотрения достаточно тонкая, это говорит о необходимости тщательного изучения ситуации в семье, с учетом того, что у государства такая возможность есть, прежде чем будет принято окончательное решение.

---

⁵ Постановление Европейского суда от 24 марта 1988 г. по делу "Олсон против Швеции" (Olsson v. Sweden) // Килкэли У., Чефранова Е.А. Указ. соч. С. 23.

Например, в деле «Кутцнер против Германии» местная Служба по делам несовершеннолетних обратилась в Суд по делам об опеке с ходатайством о выдаче приказа на лишение родительских прав заявителей, имеющих двух дочерей. Основанием для такого ходатайства стал отчет, в котором указывалось о умственной неполноценности заявителей и соответственно их неспособности воспитывать своих детей. Суд по делам об опеке назначил эксперта-психолога для вынесения заключения и вынес временный приказ, который лишает заявителей права принимать решения относительно того, где должны проживать их дети или какая медицинская помощь должна быть им оказана, ссылаясь на то, что заявители не обладают умственными способностями для воспитания своих детей. Далее девочки были помещены в детский дом. По результатам заключения эксперта и после того, как были заслушаны заявители, Суд по делам об опеке лишил их родительских прав в отношении их дочерей, дети были помещены в два отдельных детских приюта. Заявители подали жалобу на решение Суда по делам об опеке. Однако жалоба была отклонена. Федеральный конституционный суд также в последующем отклонил жалобу. Но ряд экспертов, нанятые местной ассоциацией по защите прав детей, дали заключения благоприятные для заявителей и выразили мнение, что дети должны быть возвращены в семью. Вследствие помещения их дочерей в неназванные приюты заявители не имели возможности видеться с ними в течение первых шести месяцев их пребывания в приютах. По этому вопросу Суд на основании жалобы заявителей издал приказ, предоставляющий им право посещения детей в течение одного часа ежемесячно. Заявители получили разрешение от Суда по делам об опеке сопровождать свою старшую дочь при ее возвращении в школу в начале учебного года, но им было отказано в двухчасовом посещении на Рождество.

По мнению Европейского суда, рассматриваемые меры властей были направлены на защиту здоровья и морали, а также прав и свобод детей.

ЕСПЧ же пришел к выводу, что помещение детей в приюты и такая радикальная мера, как разлучение с родителями, является неприемлемым шагом. Европейский суд указал, что детям была представлена образовательная поддержка по просьбе их родителей; эксперты-психологи, которые были назначены судами давали противоречивые заключения; психологи, нанятые в частном порядке, а также некоторые семейные врачи говорили о необходимости возвращения детей в их семью; и, наконец, нет подтверждения того, что заявители пренебрегали своими родительскими обязанностями или плохо обращались с детьми. Соответственно, национальные власти и суды не изучили должным образом возможности применения альтернативных мер, которые были бы не такими радикальными, как разлучение детей и родителей. Кроме того, необходимо было прежде всего принять во внимание те варианты, которые в наибольшей степени удовлетворяли интересам детей. В рассматриваемом деле девочки были полностью разлучены со своей семьей и даже друг с другом в течение длительного периода, так как они были помещены в разные приюты. Родители неоднократно направляли ходатайства о разрешении видеться и посещать своих детей, но их заявления были отклонены, а когда одно из ходатайств все же было удовлетворено, условия посещения были чрезвычайно жесткими. Такого рода разрыв контактов между родителями и детьми и наложение таких ограничений на посещение детей в столь раннем возрасте могли привести лишь к росту отчуждения детей от их родителей и друг от друга. Соответственно, хотя доводы, приводимые властями для оправдания столь серьезного вмешательства в реализацию права, предусмотренного Конвенцией, были относимы к делу, они не были достаточными.

Конечная цель воссоединения семьи подразумевает, что любые ограничения на контакты и общение между членами

семьи должны очень серьезно обосновываться. Жесткие ограничения оправданы только тогда, когда они мотивированы насущной потребностью в наилучшем обеспечении интересов ребенка.

Делая вывод, необходимо отметить, что особенностью применения доктрины свободы усмотрения в решениях Европейского суда является требование о необходимости существования в демократическом обществе.

Свобода усмотрения зависит от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела, а также от затронутых прав и свобод. Роль Суда заключается в оценке (с учетом пределов усмотрения национальных властей), являются ли решения, принятые национальными властями, совместимыми с Конвенцией⁶.

Однако в тех случаях, когда среди государств – членов Совета Европы отсутствует консенсус либо по вопросу об относительной важности затрагиваемого интереса, либо по вопросу об оптимальных средствах его защиты, особенно когда дело затрагивает деликатные моральные или этические проблемы, рамки допустимого усмотрения государства будут шире. Рамки усмотрения государства будут также широки, если от государства требуется установить справедливый баланс конкурирующих частных и публичных интересов или прав, охраняемых Конвенцией⁷.

Свобода усмотрения не носит абсолютного или неограниченного характера. Как мы видим исходя из приведенных судебных прецедентов, такие факторы как недостаточный су-

---

⁶ Протокол № 15 "О внесении изменений в Конвенцию о защите прав человека и основных свобод" // Пояснительный доклад. Пункт 7 (серии договоров Совета Европы, N 213).

⁷ Эванс против Соединенного Королевства (Жалоба N 6339/05) "Бюллетень Европейского Суда по правам человека", 2006, N 10.

дебный или психиатрический контроль со стороны национальных властей, или несоответствующий внутренний порядок, учитываются Европейским судом.

Таким образом, с одной стороны предоставление государствам – участникам определенной свободы при реализации положений Конвенции отвечает интересам прогрессивного общества, с другой же стороны, исходя из приведенных судебных прецедентов, государства-участники должны понимать роль различных факторов, определяющих тот или иной объем свободы усмотрения, предоставляемой государствам Судом.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ И АДВОКАТОВ

Аньшакова Мария Александровна

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

1032206146@rudn.ru

Необходимость осуществления контроля за надлежащим исполнением установленных в соответствии с международным правом национальных норм является следствием длящейся, никогда не угасавшей проблемы повсеместного нарушения принципа независимости судей, адвокатов, прокуроров и иных работников юридической сферы, представляющих собой *ipso jure* воплощение права человека на надлежащее судебное разбирательство и права на свободу и юридическую защищенность, предусмотренные Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года (далее – МПГПП, Пакт).

В 1994 году Комиссия по правам человека приняла Резолюцию 1944/41¹, в которой констатировала увеличение частоты возникновения случаев посягательства на независимость судей, адвокатов и работников судебных учреждений, а также отметила прямую взаимосвязь указанного явления с ослаблением системы гарантий их независимости. Мандат назначенного таким образом Специального докладчика по вопросу независимости судей и адвокатов (далее – Специальный

---

¹ Resolution of the Commission on Human Rights, 1944/41: Independence and impartiality of the judiciary, jurors and assessors and the independence of lawyers. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/545841> (дата обращения - 15.03.2023).

докладчик) был принят Советом по правам человека и с того момента получает постоянное продление.

На период с 2010 по 2020 гг. во всем мире было зафиксировано более 2500 случаев задержаний, преследований, похищений, убийств адвокатов. В отношении судей, работников судебных органов и органов прокуратуры данные обыкновенно приводятся в рамках официальных государственных источников и международных и национальных некоммерческих организаций. Число случаев посягательства на жизнь и здоровье этой группы работников юридической сферы в пределах территории государств в основном составляет от 10 до 50 ежегодно. Реальное же количество таких преступлений и покушений на них несоизмеримо больше.

Причин, по которым совершаются преступления в отношении юристов – бескрайнее множество. При этом автор считает необходимым выделить одну, являющуюся, по сути, краеугольным камнем рассматриваемой проблемы – коррупцию (в том числе коррупцию, связанную с организованной преступностью). В пункте 21 Доклада Специального докладчика от 25 июля 2017 года A/72/140 отмечается, что коррупция наносит значительный ущерб не только верховенству права, но и непосредственно осуществлению прав человека. Иные не менее глобальные причины сводятся к отсутствию должного уважения (в случае с преступлениями против прав работников судебных органов и органов прокуратуры) к уполномоченным лицам, недостаточно значимый статус судебной ветви власти в пределах того или иного государства, незначительность наказаний за отдельные нарушения (например, процессуальные) и многие другие.

Первичными нормами, закрепляющими право человека на независимое и беспристрастное разбирательство, являются ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 года и ст. 14 МПГПП. К настоящему моменту указанные положения имеют статус обычая и обладают обязательной юридической

силой. Положения статьи 14 Пакта нашли закрепление в целом ряде региональных документов общего характера, касающихся прав человека и обыкновенно имеют схожее по изложению содержание, такое как, например, в ст. 9 Каирской декларации прав человека, ст. 26 Африканской хартии прав человека и народов, в ст. 8 Американской конвенции о правах человека. Несмотря на отсутствие каких-либо специальных международно-правовых актов, существуют документы, носящие рекомендательный характер, устанавливающие общие критерии и принципы осуществления профессиональной юридической деятельности. К ним относятся два базовых документа: Основные принципы независимости судебных органов и Основные принципы, касающиеся роли юристов (*далее – Основные принципы*), принятые в рамках седьмого и восьмого Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Исходя из их положений можно установить некоторые опорные точки для определения сущности понятия независимости — это беспристрастное, не ограниченное каким-либо неправомерным влиянием или прямым или косвенным вмешательством выполнение профессиональных обязанностей в соответствии с национальным законодательством и установленными процедурными нормами. Основные принципы к настоящему моменту являются инструментом «мягкого права» и не имеют обязательной силы, однако служат ориентиром при формировании соответствующей национальной правовой базы. Отношение к обеспечению независимости юристов имеет также Декларация 1998 года о защите общепризнанных прав человека и основных свобод, одно из положений которой предписывает государству принятие мер по обеспечению защиты от насилия, угроз, негативной дискриминации и любого неправомерного вмешательства лиц или групп лиц, осуществляющих деятельность, направленную против нарушений прав человека и основных свобод.

Такой ограниченный спектр правовой базы универсальных источников влечет за собой возникновение очень логичной при таких обстоятельствах проблемы – проблемы лишь визуально унифицированного толкования принципа независимости.

Термин «независимость» в контексте настоящей статьи включает в себя следующие элементы: а) независимость адвокатуры, б) независимость судебной власти, в) независимость судебных органов, г) независимость судей, д) независимость судебной деятельности. Приведенные ниже примеры содержат различные формы отклонения в реализации соответствующих принципов и норм, касающихся одного или нескольких перечисленных элементов.

Теория независимости судебной власти в Китае. На основании статей 63 и 67 Конституции КНР Верховный Народный Суд (ВНС) формируют высшие органы государственной власти, а именно Всекитайское Собрание Народных Представителей (ВСНП) и Постоянный комитет ВСНП. В соответствии с указанными положениями Конституции эти органы уполномочены снимать с должности Председателя ВНС, назначать и снимать с должностей его заместителей и судей ВНС, что позволяет констатировать фактически неравный статус у ветвей власти, к которым принадлежат эти органы. В своем замечании общего порядка № 32 Комитет по правам человека указал: «Ситуация, при которой функции и компетенция судебных органов и органов исполнительной власти четко не разграничены или когда последние оказываются в состоянии контролировать или направлять деятельность первых, не совместима с понятием независимого суда».

Система финансирования судебных органов в КНР тоже представляет собой особый интерес. В вопросе финансирования данные органы напрямую зависят от органов исполни-

тельной власти, потому что оно производится не из государственного бюджета, а из бюджетов местных правительств², что, безусловно, не приводит к положительным результатам в деле обеспечения отправления независимого правосудия, поскольку из общей практики следует дифференциация уровня заработной платы в зависимости от местоположения и финансового обеспечения в пределах территориальных единиц, к которым принадлежит судебный орган. На фоне сравнительно низкой оплаты труда в таких условиях может расти материальная заинтересованность и соблазн работников суда.

Проблема избираемости судей США. В случае с Соединенными Штатами Америки мы имеем проблему, связанную уже с иным аспектом косвенного влияния и вмешательства в судебную систему – проблему влияния СМИ и широкой общественности, участвующих в процессе избрания судей на должность. Избрание проводится по пути либо прямых, либо так называемых «аттестационных» выборов³. В первом случае подразумевается, что к моменту проведения выборов кандидат не занимал соответствующий пост, тогда как во втором происходит продление срока полномочий лица, уже находящегося в статусе судьи. Предвыборная кампания спонсируется тремя возможными путями: 1) за счёт собственных средств; 2) за счёт средств граждан; 3) за счёт средств юридических лиц. Важно отметить, что такими гражданами и компаниями могут быть правозащитники и достаточно крупные фирмы, предоставляющие юридические услуги⁴. Таким образом, невозможно исключить, что пожертвования с их стороны

---

² Лян Минь Янь. Независимость судебной власти в Китае: проблемы и совершенствование // Вестник ВСГТУ. 2010. № 4. С. 1 – 4.

³ Храмова Т. Иллюзия независимости избираемых судей: размышления по поводу решения Верховного Суда США по делу «Уильямс-Юли против Ассоциации адвокатов Флориды // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 4. С. 117–118.

⁴ Храмова Т. Иллюзия независимости избираемых судей: размышления по поводу решения Верховного Суда США по делу «Уильямс-Юли против

останутся незамеченными кандидатом. К настоящему моменту эта проблема решается посредством установления «потолка» пожертвований, однако, во-первых, это не является повсеместной практикой, а во-вторых, такое ограничение все еще достаточно просто обойти (пусть даже такое действие будет противоречить законодательству). Еще один аспект проблемы избираемости судей в США – зависимость последних от мнения общественности, ведь именно она влияет на конечный результат избирательного процесса и голосования по продлению сроков полномочий. В своем мнении к решению по делу «Республиканская партия Миннесоты против Уайта» судья О’Коннор отметила, что в силу упомянутых выше обстоятельств судьи фактически не могут игнорировать реакцию общества (положительную или отрицательную) на их решения по тем или иным делам⁵. В целом же избираемость судей является классическим примером аверс и реверс медали, где аверс представляет собой ответственность судей перед обществом, а реверс – их зависимость перед ним.

Услуги адвокатов в Азербайджане. В заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Азербайджана Комитет по правам человека выразил обеспокоенность в связи с практическим осуществлением законодательных положений, которые гарантируют лицам, лишенным свободы доступ к адвокату. В Замечаниях отмечается, что право на доступ к адвокату реализуется далеко не всегда, что связано с небольшим количеством адвокатов в государстве-участнике, и с данными, полученными из результатов деятельности Рабо-

---

Ассоциации адвокатов Флориды // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. №4. С. 118–119.

⁵ Supreme Court of the United States. Republican Party of Minnesota, et al, Petitioners v. Suzanne White, Chairperson, Minnesota Board of Judicial Standards, et al. Judgment of 27 June 2002 // 536 U.S. 765. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/536/765/case.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).

чей группы по произвольным задержаниям, свидетельствующими о том, что множество задержанных и находящихся под стражей лиц вообще не имели возможности встретиться с адвокатом. Кроме того, в пункте 24 Комитет указывает: «Комитет обеспокоен сообщениями о том, что адвокаты (назначаемые государством)...не получают достаточного вознаграждения и берут на себя большой объем рабочей нагрузки, что...влияет на качество юридической помощи»⁶. Такое положение дел подпадает под нарушение статей 9 и 14 МПГПП.

Приведенные примеры являются воплощением лишь трех возможных сценариев нарушения реализации принципа независимости и беспристрастности юристов и вмешательства. В действительности же их великое множество. Что же касается решения рассматриваемой проблемы, то, конечно, такого решения, которое носило бы универсальный характер – не существует и никогда не будет существовать. Можно было бы предположить, что стоит усилить контроль со стороны международного сообщества, однако на практике принятие каких-либо дополнительных действий в этом направлении кажется либо чрезмерным, либо невозможным. В итоге всё сводится к развитию национального регулирования в области охраны органов судебной власти от всевозможного вмешательства в процесс их функционирования, к развитию института ответственности за любые противоправные действия по отношению к судьям, работникам суда, прокуратуры, и к правозащитникам, а также приоритизации этой направленности в работе органов государственной власти.

---

⁶ Concluding observations on the 4th periodic report of Azerbaijan: Human Rights Committee. UN. Human Rights Committee. Geneva. 118th sess. 2016 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/1314650> (дата обращения: 12.03.2023).

ПРОБЛЕМА ЭВТАНАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Багаудинова Салимат Ахмедовна

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

bagaudinova.salimat@yandex.ru

10 декабря 2023 года отмечается 75-летие принятия Всеобщей декларации прав человека. Этот документ стал нормой обычного права, который закрепил в себе основные права человека, в том числе и право на жизнь. В этой связи возникает вопрос, обеспечивая право на достойную жизнь, обеспечивается ли право человека на достойную смерть?

Впервые понятие «эвтаназия» в XVII в. ввел английский философ Ф. Бэкон, определяя ее как «легкую, безболезненную смерть». В международном праве об эвтаназии начали говорить после принятия Декларации об эвтаназии в 1989 году на Всемирной медицинской ассамблее. Важным итогом этой Ассамблеи было определение эвтаназии как неэтичной меры, но лишь при активном участии в процессе эвтаназии. Пассивные ее проявления были одобрены в итоговой Декларации¹.

Исходя из сказанного возникает определенное структурное видовое деление эвтаназии. Принято считать, что существует 4 основных вида эвтаназии:

1. Добровольная активная – означает осведомленность пациента о необратимости скорой наступающей смерти, и

---

¹ См.: Ethical eye: Euthanasia. Ethical and human aspects. - EU, 2004. - Vol. 1 - 176 p.

проявление пациентом желания расстаться с жизнью при помощи препаратов либо иных средств, вводящих в не мучительную смерть. Например, в капсулах для эвтаназии².

2. Добровольная пассивная – означает согласие пациента или добровольный его отказ от всевозможных методов лечения: медикаментозный, жизнеобеспечивающий и т.д.

3. Недобровольная активная – означает введение неизлечимо больному, не находящемуся в сознании пациенту «укола смерти».

4. Недобровольная пассивная – означает отключение от аппарата жизнеобеспечения или иного вида лечения больного, находящегося в состоянии, необратимо ведущем к скорой смерти³.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) четко выразил свое отношение к данной процедуре на примерах двух дел.

В 2002 году ЕСПЧ было рассмотрено дело *Diane Pretty v. UK* и *Miss B v. UK*⁴. Суть первого дела состояла в том, что Диана Претти находилась в состоянии, при котором она не могла совершить суицид, однако она отдавала себе полный отчет в том, что ее жизнь скоро может закончиться в мучениях. Однако, местные законы Великобритании, разрешая суицид,

---

² Компания Exit разработала Sarco – «капсулу для суицида». Создатели утверждают, что она способна «мирно убить за пять минут». // Новые Известия – 2021. URL: <https://newizv.ru/news/2021-12-08/kapsula-dlya-evtanazii-ozhidaet-odobreniya-vlastey-shveytarii-341359> (дата обращения: 30.04.2023).

³ См.: Судо М.Ж. Эвтаназия // Семья и биоэтика. - 1998. - №5. - С. 195.

⁴ См.: Трушкевич Андрей Андреевич Проблема эвтаназии в международном праве // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2016. №9 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-evtanazii-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 30.04.2023).

запрещали третьим лицам помогать в суициде, и данное содействие привело бы к уголовному делу⁵. Поэтому Диана обратилась в Европейский суд по правам человека, чтобы тот дал разрешение ее мужу ее убить.

Во втором деле, пациентка также находилась в беспомощном положении и не могла покончить свою жизнь самоубийством, однако, отключение ее от аппарата жизнеобеспечения врачами значительно ускорило бы ее смерть. Врачи отказались от этого, ссылаясь на клятву Гиппократата: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла»⁶, поэтому Мисс Б, пройдя все инстанции на родине и не получив результата, обратилась за помощью в ЕСПЧ.

В первом деле ЕСПЧ отказал истцу в удовлетворении ее требований, ссылаясь на отсутствие норм, регулирующих данное действие и оценивающих их как гуманные⁷. Однако, по делу Мисс Б суд принят положительное решение. В связи с этими двумя делами можно прийти к выводу о том, что ЕСПЧ признал эвтаназию правовой с точки зрения международного права, но лишь в пассивном его проявлении. Активная же эвтаназия является негуманной⁸.

Итак, эвтаназию можно определить как «умышленные действия или бездействие медицинского работника, которые осуществляются в соответствии с явно и недвусмысленно выраженной просьбой информированного больного или его законного представителя с целью прекращения физических и

---

⁵ См.: Дело «мисс Б.». Как ей разрешили умереть // Тема дня. - 2002.

⁶ Перевод В. И. Руднева. Гиппократ. Избранные книги. М., 1994. С. 87–88.

⁷ Решение по делу «Претти против Соединенного Королевства» // Практика Европейского суда по правам человека. Решение. Комментарии. - 2002. - № 2. - С. 145–151.

⁸ См.: Гольмен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. - М., 1998.

психических страданий больного, находящегося по медицинским показателям в угрожающем жизни состоянии, в результате которых наступает его смерть»⁹.

И все же, в чем проблемы эвтаназии? Во-первых, остро встает вопрос кто попадает под категорию тех, кто может совершить эвтаназию. По логике, мы должны понимать, что лишь те пациенты, чья скорая смерть необратима, мучительна и сам пациент не может закончить свой земной путь. Однако, давая право определенной категории больных, могут ли быть подвергнуты дискриминации те, кто может выжить, но находится, к примеру, в коме. Ведь многие высказываются о желании быстрой и безболезненной смерти в случае, если они станут обузой для родных. Например, популярный французский актер Ален Делон высказался, что был бы не против эвтаназии, если бы оказался в коме¹⁰.

Во-вторых, нерешенным остается проблема кто именно может обеспечить совершение эвтаназии. Давая возможность родным совершить ее, на международном уровне будет разрешен один из видов убийства, чем могут пользоваться недоброжелатели и преступники в корыстных целях. Ни для кого не секрет, что многие пенсионерам или неизлечимо больным «помогают» уйти из жизни те, кто скорее хочет вступить в наследство, чем облегчить участь родственника. Если же право на совершение эвтаназии дать врачам, то это будет прямое нарушение той клятвы, которую дает каждый медицинский работник, выступающий лишь за спасение, но никак не за смерть.

---

⁹ Алиева М. Т. Эвтаназия в международном праве: право на выбор// Усть-Каменогорск: Вестник КАСУ №4–2010. URL: <https://www.vestnik-kafu.info/journal/25/1060/> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁰ Коваленко Ю. Кино, эвтаназия или битва за жизнь: какой сценарий выберет Ален Делон. // Известия -2022. URL: <https://iz.ru/1307891/iurii-kovalenko/kino-evtanaziia-ili-bitva-za-zhizn-kakoi-scenarii-vyberet-alen-delon> (дата обращения: 30.04.2023).

В-третьих, популяризация эвтаназии даст развитие такому виду туризма как «суицидальный туризм». Это помощь и организация перевозок пациентов, подпадающих под критерии эвтаназлируемого, в те государства, в которых декриминализована эвтаназия, например в Швейцарию или Норвегию¹¹.

Тем не менее, эвтаназия имеет и преимущества в отношении тех, над кем она совершается, а также в отношении родственников тех, кого вводят в смерть. Многие больные физически не могут обеспечить себе смерть, находясь в сознании и испытывая мучительные боли как при метастазах, так и при других прогрессирующих и необратимых заболеваниях, осознавая приближающуюся смерть, эвтаназия выглядит как ни что иное как гуманный метод избавления от естественных пыток. К тому же, те люди, которые должны ухаживать за больным, не могут полноценно жить в обществе, так как им приходится значительное время уделять больному, проживать его жизнь вместе с ним вплоть до достижения естественной смерти. Морально и физически это тяжелый труд, а эвтаназия помогла бы обществу обрести полноценных членов.

Естественно, доводы о плюсах эвтаназии звучат безнравственно, поэтому данный вопрос носит тяжелый внутренний спор в кругах юристов, медиков и даже религиозных сообществ. Поэтому для решения этого вопроса собрались медики и юристы. Помимо вышеупомянутой Декларации об эвтаназии 1989 года, существует ряд международных соглашений, так или иначе регламентирующих действия врачей в отношении смертельно больных.

В 1983 году на 35-й Всемирной медицинской ассамблее (ВМА) была принята Венецианская декларация о терминаль-

---

¹¹ Ларина А. В Цюрих за смертью// Коммерсантъ - 2011. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1641753> (дата обращения: 30.04.2023).

ном состоянии, которая закрепила, что врач не должен продолжать мучения больного, однако врач обязан продолжить его медикаментозное или аппаратное лечение.

В 1997 году, в штате Орегон впервые в истории был принят акт «Закон о смерти с достоинством», по которому врач может ввести смертельную дозу лекарств по просьбе пациента, чтобы ускорить наступление смерти.

Декриминализация эвтаназии, как указывает Парламентская ассамблея Совета Европы в документе от 10 сентября 2003 г., позволит контролировать этот процесс и ограничить его четкими рамками закона. Потому что только контролируемые процедуры и четкие правила применения эвтаназии положат конец произвольной системе, существующей во многих странах Европы¹². В свою очередь Парламентская Ассамблея Совета Европы Резолюцией № 1859 от 25 января 2012 подтвердила доминирующую в европейских странах позицию – эвтаназия, как преднамеренное убийство путем действия или бездействия находящегося в зависимом положении человека якобы для его блага всегда должна быть запрещена»¹³.

На данный момент можно все же проследить тенденцию в отношении легализации эвтаназии на международном уровне. Нормы становятся более лояльными, и проблема био-

---

¹² См.: Parliamentary Assembly. Council of Europe. Euthanasia, Doc. 9898, 10 September 2003. URL: <http://www.assem-bly.coe.int/nw/xml/XRef/XrefViewHTML.asp?FileID=10255&lang=en> (дата обращения: 30.04.2023).

¹³ См.: Parliamentary Assembly. Council of Europe. Protecting human rights and dignity by taking into account previously expressed wishes of patients, Res. № 1859, 25 January 2012 URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/XrefXML2HTML-EN.asp?fileid=18064&lang=en> (дата обращения: 30.04.2023); Трушкевич Андрей Андреевич Проблема эвтаназии в международном праве // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2016. №9 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-evtanazii-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 30.04.2023).

этики перестает быть такой острой. Но тем не менее, развиваясь в этом направлении на международном уровне, не стоит забывать о степени готовности общества того или иного государства к декриминализации эвтаназии в национальном законодательстве.

**ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ
ДОСТИЖЕНИЯ ЦУР 5: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО
РАВЕНСТВА И РАСШИРЕНИЕ ПРАВ
И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВСЕХ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК**

Гайдаржи Полина Ивановна
Студент
РУДН имени Патриса Лумумбы
1032200895@pfur.ru

Необходимость защиты прав женщин и девочек с целью достижения и расширения их прав обусловлена сложившимися и укоренившимися проблемами, которые волнуют все международное сообщество. Ежегодно международные неправительственные и неправительственные организации проводят анализ положения женщин в различных сферах. По всему миру женщины продолжают сталкиваться с нарушениями их прав, затрагивающими здоровье, безопасность и социальный статус.

В статье будут рассмотрены такие актуальные проблемы как: домашнее насилие, вред калечащих операций на женские половые органы, ранние браки, сложность регулирования изнасилования внутри брака и сексуальная эксплуатация.

Согласно исследованию Управления ООН по наркотикам и преступности и структуры ООН-Женщины в 2021 г. каждый час 5 женщин становились жертвами убийства со стороны одного из членов их семей, то есть примерно 56% всех убийств женщин и девочек были осуществлены их партнерами или членами семьи¹. Важнейшими актами, защищающими женщин и девочек от домашнего насилия, являются:

---

¹ Доклад ООН: женщины и девочки подвергаются большему риску быть убитыми дома / Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1435062> (дата обращения 25 марта 2023 г.).

Декларация ООН по искоренению насилия в отношении женщин 1993 г., Межамериканская конвенция о предупреждении искоренения насилия в отношении женщин и наказания за него 1994 г., Пекинская декларация 1995 г., Рекомендация Комитета министров государствам-членам Совета Европы о защите женщин от насилия 2002 г., Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием 2011 г. (далее – Стамбульская конвенция). Несмотря на то, что некоторые из вышеперечисленных международно-правовых актов носят рекомендательный характер, они вносят большой вклад в информирование государств о мерах и средствах борьбы с проблемой домашнего насилия. Также стоит упомянуть, что главный международный договор, посвященный защите прав и свобод женщин – это Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., но она напрямую не затрагивает вопрос насилия в отношении женщин. Изменения в данный документ были внесены в 1992 г. Общей рекомендацией № 19, а в 2017 г. она была обновлена Общей рекомендацией № 35.

На данный момент проблема домашнего насилия имеет много спорных аспектов: например, долгое время ведется дискуссия о введении практики возбуждения уголовного дела по факту поданного заявления о домашнем насилии, даже если жертва забрала заявление. Это обусловлено тем, что жертва может забрать заявление из-за давления со стороны лица, совершившего акт насилия, причем направленного не только напрямую на нее, но и на ее родных и близких, а также жертва может испытывать страх из-за финансового, эмоционального или иного вида зависимости от насильника. Кроме того, существует большая вероятность повторения акта насилия, причем, более жестокого.

Продемонстрировать истинное лицо проблемы домашнего насилия можно с помощью практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). В первую очередь, необходимо упомянуть дело *Balsan v. Romania*. Обстоятельства

дела заключаются в том, что Бэлшан являлась жертвой домашнего насилия на всем протяжении брака. Положение ухудшилось во время бракоразводного процесса, что повлекло обращение в полицию, однако, полиция не отреагировала на обращение. ЕСПЧ в своем постановлении подтвердил факт нарушения статьи 14 и статьи 3 Стамбульской конвенции, так как властями не было предпринято никаких мер пресечения актов насилия и угроз, также не было привлечения виновного к ответственности².

Другим известным делом является жалоба *M.G. v. Turkey*. В 2006 г. истец подала заявление о домашнем насилии с зафиксированным фактом нанесения ей многочисленных травм. После этого она начала бракоразводный процесс, переехав в приют. Однако, лишь в 2012 г. было возбуждено уголовное дело в отношении бывшего мужа жертвы. ЕСПЧ обратил внимание на то, что турецкие власти пренебрегли фактом домашнего насилия, который повлек ухудшение физического и психического состояния жертвы, тем самым нарушив статьи 14 и 3 Стамбульской Конвенции³.

К сожалению, домашнее насилие не является редким явлением, например, на протяжении последнего десятилетия только ЕСПЧ было вынесено более 20 постановлений по нарушению Стамбульской конвенции⁴. Тем не менее, как упоминалось ранее, различные международные организации предпринимают попытки, разрабатывая механизмы борьбы с домашним насилием, о которых будет идти речь далее.

Другой тесно связанной с домашним насилием проблемой являются детские, ранние и принудительные браки (далее ДРПБ). Согласно Управлению Верховного Комиссара ООН

---

² Бэлшан против Румынии (*Balsan v. Romania*). Вынесено 23 августа 2017 г. ЕСПЧ // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 10. С. 184.

³ *M.G. против Турции (M.G. v. Turkey)*. Вынесено 22 марта 2016 г. ЕСПЧ // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. №8. С. 170.

⁴ Комкова Г.Н. Права женщин и мужчин в России. М., 2023. С. 200.

по правам человека, под детским браком понимается любой брак, в котором, по крайней мере, одной из сторон менее 18 лет. Принудительным браком признается брак, в котором одна или обе стороны не выражали лично полное и свободное согласие на вступление в такой союз⁵. Стоит обратить внимание, что Конвенция о правах ребенка 1989 г. устанавливает, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»⁶. Данный международно-правовой акт подписали все государства-члены ООН, за исключением США⁷.

ДРПБ влекут за собой целый перечень проблем: детская смертность из-за беременности; повышение уровня заболеваемости; самоубийства; сексуальное, физическое или психологическое насилие и многое другое. Несмотря на то, что в 1960 г. 55 государств подписали и ратифицировали Конвенцию о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков, которая прямо устанавливала брачный возраст от 18 лет, сохраняется практика детских и принудительных браков. Кроме того, данный вопрос регулирует Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., которую ратифицировали все государства-члены ООН, за исключением Палау и США⁸. Согласно совместному докладу Международной организации труда, Международной

---

⁵ Детские, ранние и принудительные браки, в том числе в гуманитарных ситуациях. URL: <https://www.ohchr.org/ru/women/child-and-forced-marriage-including-humanitarian-settings> (дата обращения: 25 марта 2023 г.).

⁶Резолюция ГА ООН 44/25. Конвенция о правах ребенка. 20 ноября 1989 г. A/RES/44/25. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 25 марта 2023 г.).

⁷Status of Treaties/ United Nation Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11&chapter=4&clang=_en (дата обращения 25 марта 2023 г.).

⁸Status of Treaties/ United Nation Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-8&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 25 марта 2023 г.).

организации по миграции и международной правозащитной группы Walk Free от 12 сентября 2022 г. 22 миллиона девочек вступили в брак вопреки своему желанию. 65 % таких браков заключено в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а согласно данным доклада, 5 из 1000 женщин и девочек вступают в брак по принуждению в арабских государствах⁹. По данным Фонда ООН по народонаселению с 2011 по 2020 гг. было заключено более 140 миллионов ранних браков, а по прогнозам Фонда ежедневно заключается около 40 000 ранних браков¹⁰.

Как указывалось ранее, данный вопрос регулируют сразу несколько международно-правовых актов, однако, сохранение данной проблемы связано напрямую с укоренившимися традициями, которым благоприятствует само государство, не предпринимая достаточных мер по борьбе с ДРПБ. Кроме того, одного лишь закрепления на законодательном уровне ответственности за практику ДРПБ недостаточно – требуется комплексный подход, разработанный с учетом национальных особенностей государства. Так как, в докладе Генерального Секретаря от 24 июля 2018 г., посвященном ДРПБ, упоминалось, что государства должны искоренять ДРПБ путем принятия стратегий и законов. Например, незадолго до издания доклада, Иордания и Ливан отменили статьи своих уголовных кодексов, согласно которым насильник мог избежать наказания, женившись на жертве. Многие страны повысили минимальный брачный возраст до 18 лет, а также приняли законы о домашнем насилии и ДРПБ на национальном уровне. Кроме того, активно разрабатываются программы – Замбия в 2017 г. приняла национальную стратегию, направ-

---

⁹ Рабство в наши дни: 50 млн человек принуждают к труду или браку/ Новости ООН. URL:<https://news.un.org/ru/story/2022/09/1431301> (дата обращения 25 марта 2023 г.).

¹⁰ Детские браки: 39 000 каждый день / Центр новостей. URL: <https://www.who.int/mediacentre/news/> (дата обращения: 25 марта 2023 г.).

ленную на борьбу с верованиями и традициями, которые провоцируют вступление в детские ранние браки. Азербайджан, Бангладеш, Бурунди, Нигер и Франция внедрили в национальную систему планы действий, которые ставят основной задачей обеспечение доступа детей и подростков к информации о правах на охрану сексуального и репродуктивного здоровья. Сербия учредила Совет по борьбе с домашним насилием, который занимается координацией деятельности органов, борющихся за искоренение домашнего насилия и ДРПБ. Интересным методом борьбы с ДРПБ является привлечение религиозных, традиционных и общинных лидеров. Нельзя недооценивать их роль в африканских странах: при поддержке Глобальной программы ЮНФПА и ЮНИСЕФ Уганда привлекла более 50 000 таких лидеров, которые взяли на себя «публичные обязательства поддерживать искоренение детских браков в своих общинах»¹¹.

С ранними браками тесно связана проблема изнасилований внутри брака – в ряде государств отсутствует законодательное регулирование проблемы изнасилований женщин со стороны их мужей, то есть фактически акт изнасилования не имеет признанного противоправного характера.

На протяжении веков женщина отождествлялась с ответственностью мужа, и как бы это не казалось ужасающим, тенденция имеет место и в современном мире, несмотря на активную борьбу с данной проблемой. ЕСПЧ рассматривал дело *S.W. v. The United Kingdom*, обстоятельства которого заключались в том, что муж заставил жену вступить с ним в половую связь против ее воли. Суд постановил отменить прецедент судьи сэра Мэтью Хейла 1736 г.: «Муж не может быть виновен в насилии, совершенном им над его законной женой,

---

¹¹ Доклад Генерального секретаря 73/257 от 24 июля 2018 года «Поощрение и защита прав детей». Документ A/73/257. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/240/90/PDF/N1824090.pdf?OpenElement> (дата обращения 25 марта 2023 г.).

ибо по их согласию и брачному договору жена отдана своему мужу и не может ни в чем отказывать ему»¹². Это стало важной вехой в рассмотрении дел по изнасилованию в браке. Однако, в уголовном кодексе Эфиопии закреплено, что изнасилованием считается любое действие, посягающее на половую неприкосновенность женщины вне брака. Другим негативным примером является Южный Судан, в законодательстве которого закреплено, что половое сношение супружеской пары, даже с использованием принуждения, не является изнасилованием. К странам, с такими же положениями в национальном законодательстве, относятся Индия (с условием, что жене исполнилось 18 лет), Сингапур (с условием, что жене исполнилось 13 лет), Шри-Ланка, Бирма, Багамы (с условием, если жене исполнилось 14 лет).

Важным актом, указывающим на способы решения данной проблемы, является Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, которая в статье 4 их перечисляет. Например, внедрение механизмов по помощи женщинам, уже пострадавшим от изнасилования, в том числе и в браке, закрепление в рамках внутреннего законодательства санкций за нарушение половой неприкосновенности женщин и девочек, а также разработка подходов по защите от изнасилования¹³. Однако важным шагом в решение данной проблемы стала бы полная криминализация в вышеуказанных странах акта изнасилования, вне зависимости от нахождения жертвы в браке или не брака.

---

¹² S.W. против Соединенного Королевства (S.W. v. The United Kingdom). Вынесено 22 ноября 1995 года. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-57965"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (дата обращения: 28 марта 2023 г.).

¹³ Резолюция ГА ООН 48/104. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин 20 декабря 1993 г. A/RES/48/104. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 28 марта 2023 г.).

Не менее важной и актуальной является проблема калечащих операций на женские половые органы. Данная практика продолжает сохраняться как обычай более, чем в 30 странах мира, например, в Кении, Судане, Нигерии, Гвинее, а также Ираке, Пакистане, несмотря на международный запрет таких операций. Такие операции ставят под угрозу огромное количество девочек и женщин: согласно данным ООН, в 2023 г. более 4 миллионов девочек могут быть подвергнуты калечащим операциям на женские органы (далее КОЖПО), а более 200 миллионов уже стали жертвами этой процедуры¹⁴. Опасность данных операций кроется во многих факторах: сама процедура носит болезненный характер как во время ее проведения, так и по факту ее осуществления, кроме того, такие операции зачастую проводятся в антисанитарных условиях людьми без медицинского образования. Тем не менее, в некоторых странах такие процедуры проводят медицинские работники, что тормозит прогресс по искоренению КОЖПО.

КОЖПО подразделяются на несколько типов:

- Клиторидектомия – частичное или полное удаление клитора.
- Эксцизия – частичное или полное удаление клитора и малых половых губ, а также иногда и больших половых губ.
- Инфибуляция – сужение входа во влагалище путем создания плотного кольца в результате обрезания; и другие операции на женских гениталиях в немедицинских целях, например, прокалывание, пирсинг, надрезание, выскабливание и клеймение области гениталий¹⁵.

---

¹⁴ ООН: мужчины могут сыграть важную роль в искоренении практики женского обрезания/Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/02/1437327>(дата обращения 28 марта 2023 г.).

¹⁵ООН: мужчины могут сыграть важную роль в искоренении практики женского обрезания/Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/02/1437327>(дата обращения 28 марта 2023 г.).

Для борьбы с КОЖПО разрабатываются программы в рамках различных организаций: ВОЗ в 2008 г. приняла Резолюцию о ликвидации калечащих операций на женские половые органы. В том же году Фонд ООН по народонаселению и ЮНИСЕФ основали совместную глобальную Программу по ускорению отказа от нанесения увечий женским половым органам и облегчению последствий калечащих операций. Эта Программа содержит множество подходов и механизмов: каждый вид вмешательства зачастую носит религиозный характер, поэтому международное сообщество старается также привлекать к этой проблеме религиозных лидеров, кроме того, активно внедряются законодательные запреты, влекущие преследование – на сегодняшний день было проведено более 1400 судебных разбирательств. Ведется также контроль и за общинами, которые ранее практиковали КОЖПО – более 500 000 девочек было спасено от КОЖПО после применения данной системы. Девочки и женщины, ставшие жертвами КОЖПО получают поддержку в виде защиты и ухода. Крайне важным шагом стало проведение просветительских мероприятий, а также выдвижение инициативы Африканским союзом (далее АС) по искоренению КОЖПО путем создания регионального механизма подотчетности для контроля за государствами-членами АС¹⁶.

Кроме того, права женщин также нарушаются в силу продолжающейся и не сокращающейся в своей частоте торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации (далее ТЛСЭ) в коммерческих целях. Однако данный аспект требует детального и многогранного рассмотрения. Для общего понимания необходимо сказать, что под сексуальной эксплуатацией понимается «любое фактическое злоупотребление или

---

¹⁶UNFPA-UNICEF Joint Programme on the Elimination of Female Genital Mutilation. URL: <https://www.unfpa.org/unfpa-unicef-joint-programme-female-genital-mutilation> (дата обращения: 29 марта 2023 г.).

попытка злоупотребления уязвимым положением, дифференциальной властью, или доверием в сексуальных целях»¹⁷. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности, 72% жертв торговли людьми в мире – женщины и девочки¹⁸. В сексуальную эксплуатацию входит также проституция. Данная проблема и сегодня является актуальной в вопросе ее регулирования: многими организациями были предприняты попытки разработки документов, устанавливающих и унифицирующих запрет на ТЛСЭ. Например, такими международно-правовыми актами являются Международная конвенция 1921 г. о борьбе с торговлей женщинами и детьми, с изменениями, внесенными в нее Протоколом 1947 года и Международная конвенция 1933 г. о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами, с изменениями, внесенными в нее указанным Протоколом; а также Конвенция ООН «О борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами» (1949 год). Как отмечалось ранее, важную роль играет национальное регулирование. Например, принимаются механизмы регулирования на национальном уровне: Азербайджан разработал план по борьбе с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией детей¹⁹.

Тем не менее, многие государства «поощряют» процветание сексуальной эксплуатации: на данный момент, остро стоит вопрос ТЛСЭ в Индии и Бангладеше, так как между

---

¹⁷ Сообщение о сексуальной эксплуатации или насилии со стороны гуманитарных работников/UNHCR. URL: <https://help.unhcr.org/ukraine/ru/сообщение-о-сексуальной-эксплуатации/> (дата обращения: 29 марта 2023 г.).

¹⁸ ООН: жертвами торговли людьми становятся самые беззащитные/Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/07/1360151> (дата обращения 29 марта 2023 г.).

¹⁹ Доклад Генерального секретаря 73/257 от 24 июля 2018 года «Поощрение и защита прав детей». Документ A/73/257. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/240/90/PDF/N1824090.pdf?OpenElement> (дата обращения 29 марта 2023 г.).

этими странами существует город – Даулатдия – где оказывают сексуальные услуги зачастую не по своей воле. Девочки и женщины оказываются там по разным причинам: продажа родителями детей сутенерам; продажа партнером своих девушек и жен; вынужденная необходимость девушек работать там для того, чтобы заработать на жизнь. На протяжении десятилетий женщины работают там, чтобы выкупить себя, однако, многие не представляют свою жизнь вне города, поэтому сами становятся сутенерами. Это иллюстрирует то, что женщины не обеспечены защитой, поэтому вынуждены оказывать сексуальные услуги для сохранения своей жизни²⁰.

Подводя итог, необходимо сказать, что рассмотренные вопросы являются лишь частью огромного массива проблем, с которым предстоит вести беспринципную борьбу для реализации обеспечения гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек. Плодотворных результатов, как отмечалось ранее, можно добиться лишь при совместной работе не только международных межправительственных и неправительственных организаций, но и правительств тех государств, где вышеуказанные проблемы существуют. Кроме того, именно совершенствование законодательной системы и контроль за исполнением законов является большим вкладом в улучшение прав и свобод девочек и женщин повсеместно. Однако, важным шагом к изменению дискриминационного положения женщин во всем мире является просветительская деятельность, которая помогает пересмотреть многовековые традиции, которые так важны для многих племен и общин.

---

²⁰She was tricked as a teen into prostitution. A decade on, she has no work and faces starvation/CNN. URL:<https://edition.cnn.com/2020/05/26/asia/daulatdia-bangladesh-brothel-as-equals-intl/index.html> (дата обращения 29 марта 2023 г.).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Липкина Надежда Николаевна

Канд. юрид. наук, доцент

Доцент кафедры международного права

Саратовская государственная юридическая академия

Искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для повышения эффективности деятельности государства, бизнеса и частных лиц в различных сферах общественной жизни. Вместе с тем его использование также сопряжено с прямыми и косвенными рисками в сфере прав человека, в частности, связанными с произвольным вмешательством в гарантированные на международном уровне право на уважение частной и семейной жизни, свободу выражения мнения, право на справедливое судебное разбирательство и др. Проблема развития гарантий обеспечения прав человека в эпоху широкого внедрения искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни не является новой для международного права и практики. Международные органы и организации, обеспокоенные потенциально негативными последствиями искусственного интеллекта для прав человека, последовательно обращают внимание на соответствующие проблемы, возникающие при использовании искусственного интеллекта, и предлагают рекомендации по их решению¹.

---

¹ См., например: UN Resource Guide on artificial intelligence (AI) strategies. URL. https://sdgs.un.org/sites/default/files/2021-04/Resource%20Guide%20on%20AI%20Strategies_April%202021_rev_0.pdf (дата обращения: 12.04.2023); UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. URL. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 12.04.2023); Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence

Действующие международные стандарты основных прав человека формировались на протяжении десятилетий посредством международного правотворчества и правоприменения и в настоящий момент имеют широкое международное признание. Международные нормы об основных правах и свободах человека имеют характер общих принципов права и способствуют формированию «человеческого измерения» государственного управления и бизнеса.

Соответствующие нормы международного права обеспечивают необходимую гибкость правового регулирования и предусматривают хорошо зарекомендовавшие себя средства для установления баланса интересов человека, общества и государства, а также для эволюции стандартов прав человека, что позволяет судить о возможности адаптации данных норм и к таким новым условиям жизни общества, как цифровизация и использование искусственного интеллекта. Как подчеркивают исследователи, права человека превращают набор этических ценностей в международные нормы посредством создания широкого спектра практических инструментов реализации соответствующих стандартов, политического контроля и юридической ответственности².

Практика международных органов по правам человека по вопросам использования искусственного интеллекта не является объемной. Анализ такой практики свидетельствует о том, что международные органы пока не выражают готовность принимать общие позиции в отношении допустимости использования отдельно взятых технологий и их совместимости с правами человека. Вместо этого предметом их оценки с

(Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts. URL. <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 12.04.2023).

² См.: Jones K. AI governance and human rights. Resetting the relationship, January 2023. P. 17-18. URL. <https://www.chathamhouse.org/node/30981/nojs> (дата обращения: 12.04.2023).

точки зрения соответствия принципам, составляющим содержание конкретного права или свободы человека, становятся отдельно взятые факты использования технологий, включая технологии искусственного интеллекта³.

В настоящее время процесс оценки влияния использования искусственного интеллекта на сферу прав человека продолжается, результатами такой оценки должна стать выработка новых подходов к интерпретации имеющихся стандартов прав человека, а также к созданию новых таких стандартов. При этом представляется целесообразным учитывать следующие основные моменты.

Прежде всего, следует иметь в виду, что развитие правового регулирования и эволютивное толкование имеющихся правовых стандартов должно быть направлено не только на укрепление гарантий от рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта, но и на установление общих правовых рамок его использования, что позволит усилить правовую определенность в соответствующих вопросах и будет способствовать поощрению ответственного использования искусственного интеллекта при должном учете интересов прав человека. Такой подход поможет не допустить «перегибов» как в сторону чрезмерных ограничений использования искусственного интеллекта в интересах защиты прав человека, так и в сторону бесконтрольного использования новых технологий при восприятии прав человека в качестве препятствий технологическому прогрессу⁴.

---

³ См.: Molbæk-Steensig H. AI at the European Court of Human Rights: technological improvement or leaving justice by the wayside? // *Ordine internazionale e diritti umani*. 2022. Vol. 5. P. 1254-1267.

⁴ О балансе технологических выгод и прав человека см., например: Арзумян А.Б. Искусственный интеллект и права человека: стратегия Совета Европы // *Вестник Юридического факультета Южного федерального университета*. 2021. Т. 8. № 4. С. 21–25.

Особый предмет правового регулирования в данном случае обуславливает необходимость аккуратного подхода к выбору средств такого регулирования. Нельзя не согласиться с мнением А.В. Минбалеева о том, что «любые модели регулирования цифровых технологий ... должны формироваться с использованием технико-юридического метода, основанного на методах информатики, лежащих в основе исследований природы и особенностей функционирования информационных систем в цифровом мире»⁵.

Предлагаемое правовое регулирование не должно препятствовать развитию технологий искусственного интеллекта, формируя необходимое правовое поле для деятельности в данной сфере⁶. Правовые стандарты использования искусственного интеллекта могут служить инструментом принятия соответствующих решений и обеспечения единообразия в правоприменении, способствуя большей правовой определенности на всех этапах проектирования и внедрения искусственного интеллекта государственными органами и бизнесом.

Ключевое значение в контексте определения рамок использования технологий искусственного интеллекта имеют принципы, направленные на обеспечение прав человека, демократии и верховенства права. В рамках предлагаемых и реализуемых в данной сфере подходов выделяют следующие такие принципы. Например, в практике государств Латинской Америки акцентируется внимание на принципах предосторожности, самоопределения и свободного развития личности,

---

⁵ Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №12 (64). С. 34.

⁶ См.: Журков А.А. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта: международно-правовой опыт // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 194.

прозрачности и беспристрастности⁷. В пересмотренном нулевом проекте рамочной Конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права выделяются следующие принципы: принцип равенства и недискриминации; принцип конфиденциальности и защиты персональных данных; принцип подотчетности и юридической ответственности; принцип прозрачности и контроля; принцип безопасности; принцип безопасных инноваций⁸. Правительство Японии относит к социальным принципам человекоцентричного подхода к регулированию искусственного интеллекта принципы: человеческого достоинства; разнообразия; инклюзивности и устойчивости⁹.

Внедрение и использование искусственного интеллекта должно основываться на принципе должной распорядительности, который предполагает ответственное поведение государственных органов и частных компаний в сфере использования технологий искусственного интеллекта, предполагающий в том числе внедрение механизмов постоянной оценки воздействия таких технологий на права человека¹⁰. Для биз-

---

⁷ См. об этом: Степанян А.Ж., Заплата Т.С. Правовое регулирование роботов и искусственного интеллекта в странах Латинской Америки, проблема прав человека и ИИ // *Lex russica* (Русский закон). 2020. № 73(7). С. 132-133.

⁸ См.: Revised zero draft [framework] Convention on artificial intelligence, human rights, democracy and the rule of law. URL. <https://rm.coe.int/cai-2023-01-revised-zero-draft-framework-convention-public/1680aa193f> (дата обращения: 12.04.2023).

⁹ См.: Nabuka H. Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency. URL. <https://www.csis.org/analysis/japans-approach-ai-regulation-and-its-impact-2023-g7-presidency> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁰ См.: Jones K. AI governance and human rights. Resetting the relationship, January 2023. P. 17-18. URL. <https://www.chathamhouse.org/node/30981/nojs> (дата обращения: 12.04.2023). Особую актуальность оценка рисков использования искусственного интеллекта для прав человека приобретает в сфере разрешения споров, в том числе международных (см. об этом:

неса данный принцип предполагает необходимость продвижения этики использования искусственного интеллекта и программ ответственного ведения бизнеса, изменение корпоративного мышления и для этих целей привлечение к работе в компании специалистов в сфере прав человека, а для государства – постановку правозащитного элемента в центр правового регулирования и государственной политики в области искусственного интеллекта, использование сквозного регулирования для обеспечения того, чтобы искусственный интеллект, развернутый в государственном и в частном секторах, соответствовал стандартам в области прав человека¹¹.

Относительно гарантий прав человека в сфере использования технологий искусственного интеллекта, исследователи подчеркивают применимость общих подходов и выделяют три разновидности таких гарантий: материальные гарантии (право лица на возмещение); процессуальные гарантии (реализуемые при осуществлении правосудия); институциональные гарантии (правовое регулирование деятельности институтов, органов и учреждений по защите нарушенных прав)¹².

Особый подход к развитию правового регулирования в сфере искусственного интеллекта предложен к реализации в практике Европейского Союза¹³. Данный подход основан на

Красиков Д. В. Искусственный интеллект: проблемы и перспективы использования в практике международного арбитража // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 123–130).

¹¹ См.: Jones K. AI governance and human rights. Resetting the relationship, January 2023. P. 50-51. URL. <https://www.chathamhouse.org/node/30981/nojs> (дата обращения: 12.04.2023).

¹² См.: Кашкин С.Ю., Покровский А.В. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском Союзе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 80-81.

¹³ См.: Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts. URL. <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 12.04.2023).

оценке уровня риска (неприемлемый риск, высокий риск, ограниченный риск и минимальный риск) и способствует недопущению чрезмерно ограничительного правового регулирования, установлению баланса между поощрением дальнейшего развития инноваций и интересами защиты прав человека¹⁴.

Отдельные государства отстаивают целесообразность «мягкого» регулирования в рассматриваемой сфере ввиду чрезвычайно быстрых темпов технологического прогресса¹⁵. Вместе с тем исследователи справедливо подчеркивают необходимость сочетания «мягкого» и «жесткого» правового регулирования, а также развития «механизмов сорегулирования» со стороны профессионального сообщества¹⁶. Кроме того, существенная нагрузка по установлению и толкованию правовых подходов в сфере использования искусственного интеллекта ложится на суды, от активной позиции которых во многом зависит эффективность государственной политики в данной сфере.

Подводя итог, следует отметить, что интересы защиты прав человека требуют дальнейшего развития правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта. При выработке и совершенствовании такого правового регулирования необходимо учитывать применимые традиционные принципы обеспечения и защиты прав человека, такие как принцип верховенства права, принципы прозрачности и беспристрастности, принципы равенства и недискриминации,

---

¹⁴ См.: Марченко А.Ю., Энтин М.Л. Искусственный интеллект и права человека: что предлагает Европейский союз? // Цифровое право. 2022. № 3(3). С. 51.

¹⁵ См.: Nabuka H. Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency. URL. <https://www.csis.org/analysis/japans-approach-ai-regulation-and-its-impact-2023-g7-presidency> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶ См.: Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №12 (64). С. 34.

конфиденциальности, защиты персональных данных, принципы подотчетности и ответственности, человеческого достоинства, разнообразия, инклюзивности и устойчивости. Особое значение при выработке государственной правовой политики в рассматриваемой сфере должны иметь принципы должной распорядительности и правовой определенности, последовательная реализация которых может способствовать формированию необходимого правового поля для социально ответственного проектирования и внедрения искусственного интеллекта государственными органами и бизнесом, при обеспечении гарантий как для дальнейшего технологического развития, так и для интересов защиты прав человека. Ввиду быстрых темпов развития технологий «жесткое» правовое регулирование уместно сочетать с «мягким» регулированием, а также с механизмами саморегулирования со стороны профессионального сообщества. Существенное значение в сфере обеспечения эффективности государственной политики в рассматриваемой сфере имеет судебная практика.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦУР 4

Мгеладзе Валерия Зазовна

Студентка

РУДН имени Патриса Лумумбы

valeriiangeladze@mail.ru

В настоящее время предоставление лицам с ограниченными возможностями здоровья равных возможностей является одной из наиболее обсуждаемых на мировом уровне проблем. По данным ООН один миллиард людей с ограниченными возможностями здоровья — это крупнейшая в мире группа меньшинств, составляющая около 15 % мирового населения¹. Именно поэтому они относятся к уязвимой категории. Это обусловлено тем, что таким лицам намного труднее защищать свои права и отстаивать свои интересы.

В XXI веке вопрос равенства становится одним из самых актуальных. Доказательством этому служит принятие различных документов на универсальном уровне, в том числе программ по искоренению неравенства в различных сферах жизни общества, например стратегий по обеспечению инклюзивного образования, или продвигающих феминизм, экофеминизм, энвайронментализм и т.д. Ежедневно лица с ограниченными возможностями здоровья сталкиваются с проблемами при реализации своих прав.

Право на образование закреплено в ст. 24 Конвенции о правах инвалидов, принятой резолюцией 61/106 Генеральной

---

¹ Инвалидность и высшее образование: инклюзивность в академическом мире, который становится все более технологичным. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/131979> (дата обращения: 07.03.2023).

Ассамблеи 13 декабря 2006 года². Однако на практике, не каждое учебное учреждение может обеспечить полноценное образование для таких лиц. Образование – это важная составляющая в жизни каждого человека. Именно образование позволяет познавать людям их умственные возможности, изучать новые науки, развивать свои таланты и совершенствоваться. Стоит сказать, что образование содействует социализации индивидов в обществе. Для лиц с ограниченными возможностями здоровья не всегда доступно получение такого образования, поскольку общая образовательная программа чаще всего рассчитана на обучение людей, для которых не требуется наличие дополнительных специальных условий. Именно эти факторы привели к появлению инклюзивного образования. Инклюзивное образование достаточно новое явление для нашего общества. Его сущность заключается в предоставлении равных условий и возможностей для получения образования независимо от психологических, физических, умственных возможностей. В понятие инклюзивного образования также вкладывается необходимость предоставления качественного образования, которое было бы модифицировано под определённую категорию лиц и их индивидуальные потребности. Существуют разные точки зрения о том, когда же зародился термин «инклюзивное образование». В науке выделяют два исторических подхода. С точки зрения первого подхода считается, что инклюзивное образование начало зарождаться в начале 1980-х в США, когда в рамках их образовательной системы появилась возможность совместного обучения³. Вторая

---

² Резолюция 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года «Конвенция о правах инвалида». Документ A/RES/61/106. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения 08.03.2023).

³ Джапарова З.Б. Специальное и инклюзивное образование - история, будущее, проблемы / З.Б. Джапарова // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2017. – № 4. – С. 264-267.

точка зрения является наиболее обоснованной, поскольку впервые на международном уровне необходимость такого образования была освещена в рамках Всемирной конференции по образованию лиц с особыми потребностями, которая состоялась в 1994 г. под эгидой ЮНЕСКО. Именно в рамках этой конференции впервые был провозглашён принцип инклюзивного образования. Приведенные исторические моменты фактически указывают на временной промежуток, когда зародился термин «инклюзивное образование», а приведенные две теории лишь подтверждают официальное внедрение в терминологию понятия «инклюзивное образование». Первые попытки предоставления возможности обучения определенным лицам в специальных учреждениях были предприняты гораздо раньше. Так, например, первые школы для глухонемых и слепых были открыты в Париже ещё в середине XVIII века. Стоит отметить, что не только в западных державах развивалась возможность обучения для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Так, при Екатерине II в Петербурге открываются специальные школы для глухих и слепых. Приведенный выше исторический факт наглядно показывает, что лица с ограниченными возможностями здоровья на протяжении долгового времени были интегрированы в отдельную социальную группу. Подобная интеграция по критерию здоровья привела к тому, что такие люди фактически были вытеснены и отделены от общества в специализированные учреждения. С самого начала создание таких специальных школ несло в себе дискриминационный характер, поскольку людей фактически отделяли от общества из-за того, что их состояние здоровья отличается от других. Дискриминация – это неравенство, угнетение определенной категории лиц ввиду их непохожести по разным факторам: национальность, вероисповедание, состояние здоровья, пол, сексуальная ориентация, политические и иные взгляды. До определенного момента в обществе не поднимались вопросы о необходимости перемещения лиц с ограниченными возможностями здоровья в условия обычного

образования. Так, например, в Российской Федерации на период до середины 1990-х количество студентов с ограниченными возможностями здоровья достигало всего 0,08%⁴. Основным толчком для развития инклюзивного образования послужили такие причины, как глобализация, освещение данной темы в средствах массовой информации (далее – СМИ), деятельность международных организаций.

Процесс глобализации сочетает в себе такие признаки, как взаимозависимость, достигаемость, прозрачность⁵. Глобализация оказала активное влияние на образование, как с позитивной, так и с негативной точки зрения. Говоря о позитивном влиянии стоит сказать, что глобализация обеспечила вовлечение государств в международные образовательные обмены и трансформации. Негативный аспект просматривается в том, что в процессе глобализации в образовании происходит социальное расслоение, что подтверждают такие ученые, как П. Сорокин, А. Александрова, С. Ярошенко⁶. Именно процесс глобализации обеспечил признание данного факта дискриминацией и породил попытки борьбы с этим.

Платформами для освещения проблемы дискриминации лиц с ограниченными возможностями выступают СМИ и социальные сети, которые являются неотъемлемой частью современного общества. Посредством социальных сетей людям удастся донести важную информацию, поделиться каким-то наблюдением, идеей. Не исключается и факт того, что размещение информации в сети Интернет порой приводит к массовому обсуждению этой темы. Так, например, мальчик Мэтью

---

⁴ Криволапова Е.Р. Доступность и качество высшего образования для инвалидов / Е.Р. Криволапова, И.Р. Позднякова // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 4. – С. 29-30.

⁵ Новикова С.И. Доступность высшего образования для инвалидов: право на выбор / С.И. Новикова // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2011. – № 4(26). – С. 28-38.

⁶ Осипова Н.Г. Проблемы современного глобального неравенства. Вестн. моск. ун-та. сер. 18. социология и политология. 2014. № 2.

Уолцер обратился через социальные сети к компании Nike, с просьбой о создании специальных кроссовок, потому что из-за паралича он не может самостоятельно завязывать шнурки. Мэтью должен был поступать в колледж и сильно переживал из-за того, что ему нужно будет постоянно просить кого-то завязывать шнурки. В ответ на данное обращение компания выпустила свои первые спортивные кроссовки на молнии. Год назад данная компания представила свою новую коллекцию кроссовок без шнурков. Для того, что обуть эти кроссовки не требуется помощь рук. Обсуждение данной модели кроссовок привело к тому, что в социальной сети Twitter люди начали делиться своими историями о том, как им было тяжело пользоваться шнурками ввиду их ограниченных возможностей здоровья⁷. Различные статьи, опубликованные в СМИ привлекают внимание к необходимости борьбы с дискриминацией, предлагают различные идеи о том, как противостоять этому негативному явлению⁸.

Немаловажную роль в обеспечении инклюзивного образования сыграли международные организации. Самой глобальной организацией следует считать ООН, ведь именно под её эгидой функционируют различные международные неправительственные организации. Так, ЮНЕСКО, являясь специализированным учреждением ООН всячески пропагандирует и призывает к эффективной реализации государствами-участниками Конвенции о правах инвалидов 2006 г. Кроме того, ЮНЕСКО совместно с ЮНИСЕФ, Всемирным банком, ЮНФПА, ПРООН, структурой ООН-Женщины и УВКБ ООН организовала по приглашению Республики Корея с 19 по 25

---

⁷ Nike's New Hands-Free Sneaker Is Being Called a Win for Disability Design. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.health.com/fitness/fitness-gear/nikes-new-hands-free-sneaker-disability-design> (дата обращения: 07.03.2023).

⁸ Tackling disability discrimination with BBC Media Action. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sightsavers.org/from-the-field/2020/06/tackling-disability-discrimination-bbc-media-action/> (дата обращения: 08.03.2023).

мая 2015 г. в Инчхоне (Республика Корея) Всемирный форум по вопросам образования 2015 г.⁹. В рамках данного форума была принята Инчхонская декларация по повестке дня в области образования до 2030 г., которая направлена на обеспечение равного и полного образования для всех людей, в контексте ЦУР 4¹⁰. В 2015 г. государства-члены ЮНЕСКО приняли Рамочную программу действий «Образование-2030». Принимая декларацию и программу, международное сообщество признало, что для достижения целей ЦУР необходима и реализация цели, касающейся качественного образования¹¹. Помимо разработки и принятия подобных программ ЮНЕСКО активно участвует в информировании общества о наличии данной проблемы, выкладывает различные социальные ролики и статьи на своих официальных сайтах. Так, например, в рамках Международного дня инвалидов, провозглашённого в 1992 г. Генеральной Ассамблеей ООН (Резолюция 47/3)¹², генеральный директор ЮНЕСКО обратился к мировому сообществу с посланием¹³.

Цели в области устойчивого развития - важная составляющая современного общества. Это связано с тем, что мировое

---

⁹ Education 2030: Incheon Declaration and Framework for Action Towards inclusive and equitable quality education and lifelong learning for all. [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245656> (дата обращения: 08.03.2023).

¹⁰ Там же.

¹¹ Ведущая роль ЮНЕСКО в реализации глобальной Повестки дня «Образование-2030». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.unesco.org/themes/vedushchaya-rol-yunesko-v-realizacii-globalnoy-povestki-dnya-obrazovanie-2030> (дата обращения: 08.03.2023).

¹² Резолюция ГА ООН. Международный день инвалидов от 14 октября 1992 г. Документ ООН A/RES/47/3. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/023/71/IMG/NR002371.pdf?OpenElement> (дата обращения: 08.03.2023).

¹³ Послание Генерального директора ЮНЕСКО г-жи Одрэ Азуле по случаю Международного дня инвалидов. [Электронный ресурс]. URL: <https://iite.unesco.org/ru/news/639354-ru/> (дата обращения: 08.03.2023).

сообщество признает проблемы, открыто заявляет об этом и старается всячески предпринимать меры для их решения. ЦУР – это своеобразный призыв к действию, исходящий от всех стран — бедных, богатых и среднеразвитых¹⁴. Всего предусматривается 17 целей, которые должны быть достигнуты международным сообществом до 2030 года. Важное внимание в рамках поставленных задач уделяется образованию, которому посвящена ЦУР 4 «качественное образование»¹⁵. Задача 4.5 ключевое внимание уделяет необходимости обеспечения равного доступа к образованию и профессионально-технической подготовке всех уровней для уязвимых групп населения, в том числе для инвалидов¹⁶. Данная цель подразумевает собой наличие специально обученных преподавателей и учителей, которые бы могли донести тот или иной материал для лиц с ограниченными возможностями здоровья, наличие технического и иного оборудования для пребывания в образовательных учреждениях, наличие специализированных адаптированных материалов для преподавания таким лицам. Однако на практике не всегда получается предоставить подобные условия, что подтверждает отчет-мониторинг, предоставленный ЮНЕСКО¹⁷. В данном отчете особое внимание было уделено основным проблемам в области предоставлении равного образования. Например, одна из проблем – это обучение преподавателей и учителей, работающих с детьми с ограниченными

---

¹⁴ Цели в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 09.03.2023).

¹⁵ Цели в области устойчивого развития (ЦУР). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/common-agenda/sustainable-development-goals> (дата обращения: 09.03.2023).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Global education monitoring report, 2021/2: non-state actors in education: who chooses? who loses? [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379875> (дата обращения: 09.03.2023).

возможностями здоровья, не обладая при это специальными навыками и познаниями. В этой связи в мировом сообществе все активнее развивается тема, о том, что необходимо чаще проводить переквалификацию для учителей и преподавателей, расширять круг их возможностей и навыков, обучать новым методикам образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Предоставление и оснащение учебных учреждений необходимым оборудованием также является актуальной проблемой, поскольку требует больших финансовых затрат от государства.

В заключении стоит отметить, что сфера образования является достаточно уязвимой областью в современном мире, что подтвердил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в своем докладе на Саммите по трансформации образования в 2022 г.: «Но мы также знаем, что должны добиться трансформации образования. Потому что сегодня оно находится в глубоком кризисе»¹⁸. В современном мире не обучается в образовательных учреждениях около 244 млн детей, что очень сильно подрывает возможность достижения ЦУР 4. Однако стоит учитывать и тот факт, что до 2030 г. у мирового сообщества есть ещё 7 лет, для того чтобы исправить и улучшить данные показатели. Как уже было сказано, вопрос о дискриминации лиц в сфере образования является важной проблемой, о которой говорят не только в рамках международных организациях, но и в социальных сетях и СМИ, что способствует более активному распространению информации и привлечению внимания к данной проблеме.

---

¹⁸ Глава ООН предложил пять направлений действий по выходу из кризиса в сфере образования. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/09/1431821> (дата обращения: 09.03.2023).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Пчелинцева Валерия Викторовна

*Аспирант кафедры международного права
МГИМО МИД России
lintseva.l@gmail.com*

Организация исламского сотрудничества (далее – ОИС) представляет собой межрегиональную международную организацию общей компетенции, объединяющую 57 государств-членов Организации Объединенных Наций (далее – ООН), большинство населения которых являются мусульманами¹. Одной из целей данной Организации, предусмотренных ст. 1 Устава ОИС 2008 г.², являются защита и поощрение прав человека и основных свобод, включая права женщин, детей, молодежи, пожилых людей и лиц с особыми потребностями, наряду с сохранением исламских семейных ценностей. Статья 2 Устава закрепляет обязательство государств-членов ОИС соблюдать и поощрять права человека и основные свободы на национальном и международном уровне для достижения целей Организации.

В рамках ОИС были разработаны и приняты международно-правовые акты о защите и поощрении прав человека,

---

¹ В соответствии с ч. 2 ст. 3 Устава ОИС 2008 г. любое государство-член ООН, большинство населения которого является мусульманами и которое соблюдает положения Устава ОИС 2008 г., может присоединиться к Организации, подав заявку на членство в ОИС.

² Устав Организации исламского сотрудничества (Charter of the Organisation of Islamic Cooperation), принят 4 марта 2008 г. // Организация исламского сотрудничества. URL: https://www.oic-oci.org/upload/documents/charter/en/oic_charter_2018_en.pdf (дата обращения: 24.04.2023).

закрепляющие концепцию прав человека в исламе. К ним относятся Даккская декларация прав человека в исламе 1983 г.³, Каирская декларация прав человека в исламе 1990 г.⁴, Пакт о правах ребенка в исламе 2005 г.⁵ и Декларация ОИС о правах человека 2020 г.⁶ Согласно Резолюции № 1/49-IPHRC 49-ого Совета министров иностранных дел ОИС 2023 г.⁷ Независимая постоянная комиссия по правам человека (далее – НПКПЧ) ОИС завершила работу по пересмотру Пакта о правах ребенка в исламе 2005 г. и подготовке текста Конвенции

---

³ Даккская декларация прав человека в исламе (Dhaka Declaration of Human Rights in Islam), принята в декабре 1983 г. 14-м Советом министров иностранных дел ОИС // Организация исламского сотрудничества. URL: <https://www1.oic-oci.org/english/conf/fm/14/14%20icfm-org-en.htm> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ Каирская декларация прав человека в исламе (Cairo Declaration of Human Rights in Islam), принята Резолюцией 19-ого Совета министров иностранных дел ОИС № 49/19-Р в августе 1990 г. // Организация исламского сотрудничества. URL: <https://www1.oic-oci.org/english/conf/fm/19/19%20icfm-political-en.htm> (дата обращения: 24.04.2023).

⁵ Пакт о правах ребенка в исламе (Covenant on the Rights of the Child in Islam), принят резолюцией № 1/32-LEG 32-ого Совета министров иностранных дел ОИС в июне 2005 г. // Организация исламского сотрудничества. URL: <https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=473&refID=35> (дата обращения: 24.04.2023).

⁶ Каирская декларация Организации исламского сотрудничества о правах человека (Cairo Declaration of the Organization of Islamic Cooperation on Human Rights) принята резолюцией № 63/47-POL 47-ого Совета министров иностранных дел ОИС в ноябре 2020 г. // Организация исламского сотрудничества. URL: <https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=6626&refID=3255> (дата обращения: 24.04.2023). Данная декларация принята в результате пересмотра положений Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г.

⁷ Резолюция № 1/49-IPHRC по вопросам функционирования НПКПЧ ОИС (On Matters Pertaining to the Work of the OIC Independent Permanent Human Rights Commission), принята 49-ым Советом министров иностранных дел ОИС в марте 2023 г. // Организация исламского сотрудничества. URL: <https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=9802&refID=4271> (дата обращения: 24.04.2023).

ОИС о правах ребенка. Ожидается, что текст данного международного договора будет принят на 50-м Совете министров иностранных дел ОИС.

Характеризуя положения актов ОИС о защите и поощрении прав человека, В.А. Карташкин отмечает, что толкование прав и свобод государствами-членами Организации «учитывает их своеобразие религиозных верований»⁸. А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев и Д.В. Воробьев указывают на то, что положения о применении предписаний шариата к вопросам толкования Каирской декларации прав человека в исламе 1990 г. придает данному международно-правовому акту «традиционный характер»⁹. Отечественные¹⁰ и зарубежные¹¹ юристы-международники характеризуют позицию государств-членов ОИС по вопросам защиты и поощрения прав человека как один из видов культурного релятивизма. Представляется,

---

⁸ Карташкин В. А. Развитие международных отношений и универсализация прав человека // Государство и право. 2021. № 9. С. 134.

⁹ Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Воробьев Д. В. Компетенция Организации исламского сотрудничества в сфере защиты прав человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 115.

¹⁰ См. Ижиков М. Ю. Культурный релятивизм как проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1. С. 185; Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / А.Х. Абашидзе [и др.]. М., 2021. С. 473.

¹¹ См. Bielefeldt H. “Western” versus “Islamic” human rights conceptions? A critique of cultural essentialism in the discussion on human rights // Political theory. 2000. Vol. 28. № 1. P. 91; Harris-Short S. International human rights law: imperialist, inept and ineffective? Cultural relativism and the UN Convention on the Rights of the Child // Human Rights Quarterly. 2003. Vol. 25. P. 130-131; Morgan-Foster J. G. Reverse Moderate Relativism Applied: Third Generation International Human Rights from an Islamic Perspective // Bepress Legal Series. 2004. P. 237-239.

что по смыслу универсальных¹² и региональных¹³ международно-правовых актов о защите и поощрении прав человека термин «культурный релятивизм» применим к политико-правовой концепции, согласно которой, в ходе защиты и поощрения прав человека необходимо принимать во внимание исторические, культурные и религиозные особенности государств. Представляется, что политико-правовые концепции – и, в частности, политико-правовая концепция «культурного релятивизма» – лежат в основе международно-правовой позиции государств, убедительность которой последние стремятся обеспечить при осуществлении международно-правовой политики¹⁴.

При этом в актах главных и вспомогательных органов ОИС закреплена международно-правовая позиция данной Организации по вопросам защиты и поощрения прав человека. Осуществляя международное сотрудничество с государствами и международными организациями, ОИС стремится обеспечить убедительность данной международно-правовой позиции. Например, в своем выступлении на заседании Совета по правам человека ООН в марте 2023 г. Генеральный секретарь ОИС Хусейн Ибрахим Таха отметил, что участие в деятельности Совета является «новой возможностью для ОИС вновь подтвердить свою приверженность делу защиты и по-

---

¹² См. п. 5 разд. I Венской декларации и программы действий 1993 г., п. 121 Итогового документа Всемирного саммита 2005 г.

¹³ См. Бангкокскую декларацию министров иностранных дел государств Азии 1993 г., Арабскую хартию прав человека 1994 и 2004 гг., Декларацию прав человека государств-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива 2014 г., Декларацию ОИС о правах человека 2020 г.

¹⁴ См. Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 26.

ощрения прав человека и защиты человеческого достоинства»¹⁵. В своем выступлении он отметил следующие приоритеты Организации в области защиты и поощрения прав человека: борьба с «исламофобией», сохранение семейных ценностей, защита прав палестинского народа. Таким образом, ОИС осуществляет международно-правовую политику в сфере защиты и поощрения прав человека, отличную от ее государств-членов, по смыслу характеристики международно-правовой политики, данной в отечественной юридической доктрине¹⁶.

Правовым основанием осуществления международно-правовой политики ОИС является ее Устав 2008 г. В соответствии с положениями ст. 1 данного международного договора к целям Организации относятся защита общих интересов и поддержка правомерных притязаний (*legitimate causes*) государств-членов ОИС, в том числе на международных конференциях, в международных организациях и органах (в оригинальном тексте – *in the international fora*). ОИС имеет статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН с 10 октября 1975 г.¹⁷. Организация осуществляет международное сотрудничество со специализированными учреждениями ООН

---

¹⁵ Совет по правам человека ООН. URL: <https://www.ohchr.org/en/news/2023/03/human-rights-council-hears-16-dignitaries-it-continues-its-high-level-segment> (дата обращения: 27.04.2023).

¹⁶ См. Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 21-37; Магомедова О. С. Концепция международно-правовой политики в зарубежных сравнительно-правовых исследованиях // Московский журнал международного права. 2020. №. 3. С. 27-43; Магомедова О. С. Концепция международно-правовой политики государства как новый виток развития социологического подхода к международному праву // Международное право. 2021. № 4. С. 39-52.

¹⁷ Резолюция № 3369 (XXX) «Статус наблюдателя при Организации Объединенных Наций для Организации Исламская Конференция» (Observer Status for the Islamic Conference at the United Nations), принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 октября 1975 г. // Организация

(ЮНЕСКО¹⁸, МОТ¹⁹) и аффилированными с ООН международными организациями (МОМ²⁰), деятельность которых направлена на защиту и поощрение прав человека.

Правовой анализ деятельности ОИС и органов и организаций системы ОИС по защите и поощрению прав человека, включая НПКПЧ ОИС²¹, Международную академию исламского фикха (далее – МАИФ)²² и Организацию ОИС по развитию женщин²³, позволяет выявить приоритеты ее междуна-

---

Объединенных Наций. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/189351?ln=ru> (дата обращения: 24.04.2023).

¹⁸ См. Генеральный секретарь ОИС и заместитель Генерального секретаря ЮНЕСКО обсудили средства и способы укрепления сотрудничества (OIC Secretary-General and UNESCO Deputy Director-General Discuss Ways and Means to Enhance Joint Cooperation) // Организация исламского сотрудничества. URL: https://www.oic-oci.org/topic/?t_id=38602&ref=26283&lan=en (дата обращения: 24.04.2023).

¹⁹ Например, постоянный представитель ОИС в Женеве участвует в заседаниях Международной конференции труда. См. Протокол обсуждения докладов Генерального директора МОТ и Председателя Административного совета от 31 марта 2018 г. // Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_646271.pdf (дата обращения: 27.04.2023).

²⁰ См. Заявление ОИС о предоставлении статуса наблюдателя (Application by the Organization of the Islamic Conference (OIC) for Representation by an Observer) // Международная организация по миграции. URL: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/2019-01/MC2123_1.pdf (дата обращения: 24.04.2023).

²¹ НПКПЧ ОИС была учреждена в соответствии со ст. 15 Устава ОИС 2008 г. в качестве одного из главных органов данной Организации. Статут НПКПЧ ОИС был принят Резолюцией № 2/38-LEG 38-ого Совета министров иностранных дел ОИС в июне 2011 г.

²² МАИФ была учреждена в соответствии с Мекканской декларацией 3-его Исламского саммита в январе 1981 г. в качестве вспомогательного органа ОИС по смыслу ст. 23 Устава ОИС 2008 г.

²³ Данная международная организация обладает статусом специализированного учреждения ОИС по смыслу ст. 24 Устава ОИС 2008 г. Она была учреждена резолюцией № 2/37-ORG 37-ого Совета министров

родно-правовой политики в рассматриваемой сфере. Во-первых, деятельность Организации направлена на обеспечение соответствия концепции прав человека в исламе обязательствам государств по международному праву защиты и поощрению прав человека. Согласно преамбуле Устава ОИС 2008 г. государства-члены Организации подтверждают свою приверженность принципам Устава ООН 1945 г. и международного права. Одним из них является принцип уважения прав человека и основных свобод для всех без какого-либо различия. Одной из целей ОИС, предусмотренных ст. 1 Устава, являются защита и поощрение прав народов по смыслу Устава ООН 1945 г. и норм международного права. Преамбула Декларации ОИС о правах человека 2020 г. содержит положения о том, что государства-члены Организации принимают во внимание положения Устава ООН 1945 г., международно-правовых актов, составляющих Международный билль о правах человека, Венскую декларацию и программу действий 1993 г. и Дурбанскую декларацию и программу действий 2001 г. По смыслу резолюции № 1/49-IPHRC 49-ого Совета министров иностранных дел ОИС 2023 г. целью пересмотра Пакта о правах ребенка в исламе 2005 г. является обеспечение соответствия его положений универсальным стандартам защиты прав ребенка.

Во-вторых, ОИС придерживается правовой позиции о том, что защита и поощрение прав человека ее государствами-членами не должны наносить ущерб предписаниям шариата. К предусмотренным ст. 1 Устава ОИС 2008 г. целям Организации относятся: распространение, защита и поощрение исламских учений и ценностей, основанных на умеренности и терпимости; поощрение исламской культуры и защита исламского наследия. При этом Даккская декларация прав человека

иностранных дел ОИС в мае 2010 г. Организация ОИС по развитию женщин начала работу в 2020 г. после ратификации ее Статута 15 государствами-членами ОИС и его вступления в силу.

в исламе 1983 г. и преамбула Каирской декларации прав человека в исламе 1990 г. содержат положения о том, что учение об основных правах и универсальных свободах (*fundamental rights and universal freedoms*) является неотъемлемой частью исламской религии. Преамбула Декларации ОИС о правах человека 2020 г. закрепляет стремление государств-членов Организации осуществлять защиту прав человека как они гарантированы учениями об исламе (*as safeguarded by the teachings of Islam*). В соответствии с Мекканской декларацией 3-го Исламского саммита 1981 г. целью МАИФ является осуществление принципа иджтихада²⁴ для решения проблем уммы²⁵ с опорой на исламскую традицию и достижения исламской мысли. Одним из направлений деятельности МАИФ является толкование норм международного права защиты и поощрения прав человека²⁶. К предусмотренным ст. 5 Статута Организации ОИС по развитию женщин 2010 г.²⁷ относится привлечение внимания к роли ислама в защите прав мусульманской женщины, особенно на международных конференциях и в

---

²⁴ Термин «иджтихад» означает принцип исламского права, в соответствии с которым осуществляется толкование предписаний шариата, а также приемы и методы, используемые при таком толковании.

²⁵ Термин «умма», как правило, означает «религиозную общину» или «общину мусульман» (к последней также применяется термин «исламская умма»). Текст Устава ОИС 2008 г. содержит положения, наделяющие Исламский саммит (ст. 7) и Совет министров иностранных дел ОИС (п. 3 ст. 10) полномочиями для принятия решений по вопросам, представляющим интерес для уммы.

²⁶ См. Резолюцию МАИФ № 175 (1/19) о свободе совести по шариату: направления и критерии от 30 апреля 2009 г., Резолюцию МАИФ № 191 (6/20) о правах заключенных в исламской юриспруденции от 18 сентября 2012 г., Резолюцию МАИФ № 213 (9/22) о правах лиц с ограниченными возможностями в исламской юриспруденции от 22 марта 2015 г. и др. // Международная академия исламского фикха. URL: <https://iifa-ai.fi.org/en/resolutions> (дата обращения: 26.04.2023).

²⁷ Организация исламского сотрудничества. URL: https://ww1.oic-oci.org/english/convention/Statue_of_the_oic_women_development_org_en.pdf (дата обращения: 27.04.2023).

международных организациях и органах (*in the international fora*), в деятельности которых ОИС принимает участие. При этом следует согласиться с позицией А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцева и Д.В. Воробьева о том, что «в условиях нарастающей исламофобии» создание ОИС собственных механизмов защиты и поощрения прав человека «позволит наглядно продемонстрировать совместимость взглядов и идей мусульманского мира со взглядами остального мирового сообщества»²⁸.

Третьим приоритетом в международно-правовой политике ОИС в сфере защиты и поощрения прав человека является обеспечение суверенного равенства государств и невмешательства в дела, по существу входящие в их внутреннюю компетенцию, в процессе защиты и поощрения прав человека. В соответствии со ст. 2 Устава ОИС 2008 г. государства-члены Организации принимают на себя обязательство уважать национальный суверенитет (*national sovereignty*), независимость и территориальную целостность иных государств-членов, а также воздерживаться от вмешательства во внутренние дела других государств. Резолюция МАИФ № 126 (8/13) о правах человека от 27 декабря 2001 г.²⁹ содержит положения о том, что международные организации, осуществляющие защиту и поощрение прав человека, не вправе навязывать мусульманам нормы и ценности, которые они не принимают, а также о том, что суверенные государства не связаны законодательством иностранных государств или заключенными ими международными договорами. Согласно ст. 25 Декларации ОИС о правах человека 2020 г. ничто в данном междуна-

---

²⁸ Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Воробьев Д. В. Компетенция Организации исламского сотрудничества в сфере защиты прав человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 115.

²⁹ Международная академия исламского фикха. URL: <https://iifa-aifi.org/en/32851.html> (дата обращения: 27.04.2023).

родно-правовом акте не может быть истолковано как подрывающее суверенитет и территориальную целостность государств.

Таким образом, ОИС осуществляет международно-правовую политику в сфере защиты и поощрения прав человека в целях защиты своей позиции по вопросам толкования норм международного права защиты и поощрения прав человека. Организация осуществляет международно-правовую политику в соответствии с целями и принципами ее Устава 2008 г., а также положениями международно-правовых актов о защите и поощрении прав человека, принятых в рамках данной Организации.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ НА ПРИМЕРЕ ИРАКА

Самойлова Анна Александровна

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

samoilova-2001@mail.ru

Интеграция международно-правовой практики в законодательную систему Республики Ирак имеет детерминированный характер, связанный с появлением новых элементов в системе имплементационного процесса по борьбе с дискриминацией¹ и контролем за защитой и поощрением прав человека.

В Ираке до сих пор существует проблема терроризма. На большей части территории всё еще происходят столкновения с террористическими группами, а ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта, запрещена на территории РФ)² и вовсе считает, что города Ракка и Мосул – это их два главных административных центра.

Однако, на протяжении многих десятилетий одним из дискриминационных противоречий в этом государстве являлся религиозный аспект, согласно которому основной конфликтной ситуацией было противостояние суннитов и шиитов между. Учёные ряда стран, подробно исследовавшие эту проблему, пришли к выводу, что основной причиной столь плачевной ситуации является борьба за власть и природные

---

¹ Катамидзе В. И. «Ирако-кувейтский конфликт» – М.: АРИОС, Москва, 2000 – 300 с.

² Левант – это термин, используемый в западной литературе, который определяет регион между Сирией, Ливаном, Израилем, Палестиной, Иорданией. В оригинале это: аль-Даула аль-Исламия фи аль-Ирак ва аль-Шам).

ископаемые. Поэтому без постоянного правового диалога решить возникшую проблему в рамках международного права не представляется возможным.

Ещё одной острой проблемой для государства является дискриминация в отношении женщин и девочек, к примеру, назначение наказания за «убийства чести» с учетом смягчающих вину обстоятельств. Иракский министр по делам женщин Ибтихал аль-Заиди утверждает, что: «...каждая пятая женщина в Ираке подвергается физическим и психологическим надругательствам»³. Это свидетельствует о росте бытового насилия и связанного с ним физического и психологического насилия в отношении женщин, девочек и детей. Более того, Республику относят к числу так называемых нестабильных и постконфликтных государствах (*fragile and conflict-affected states*), в связи с чем защита и поощрение прав человека находится под пристальным вниманием мирового сообщества⁴.

Проблема дискриминации, насилия, торговли людьми, в частности, детьми, стоит особенно остро для государств Ближнего Востока, включая Республику Ирак. Одной из причин ухудшения ситуации в данной сфере послужило то обстоятельство, что в 2022 г. фокус внимания международного сообщества был смещен на западные государства. Нестабильная внутригосударственная обстановка в Ираке существует уже с 2003 г., когда войска США вошли на территорию республики с целью свержения правительства Саддама Хусейна. Именно вторжение США и осуществление их так называемой «превентивной самообороны», стало импульсом к резкому росту там террористических группировок. До этого терроризм процветал на границе между Пакистаном и Афганистаном. С возникновением на территории Ирака «Исламского государства

---

³ Доклад Миссии ООН по оказанию содействия Ираку (МООНСИ) и Управления ООН по правам человека. E/CN.4/2010/42. 16 января 2010 г.

⁴ Абашидзе А.Х. Ближний Восток и международное право. Учебное пособие. -М: Российский университет дружбы народов (РУДН) – 296 с.

Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и связанных с ним группировок в некоторых районах государства (Анбар, Дияла, Найнава и Салах-эд-Дин), преимущественно, в северной части государства, начались серьёзные нарушения прав человека, такие как массовые убийства, насильственное обращение, похищения, торговля людьми, рабство, сексуальное насилие и пытки, разрушение мест религиозной и культурной значимости, а также преследование групп по причине их этнической или религиозной принадлежности.

Положение в области защиты прав человека в Ираке всё ещё остаётся нестабильным, поскольку в стране продолжается процесс перехода от диктатуры, вооруженных конфликтов и насилия к миру и демократии⁵.

Для начала следует отметить, что Республика Ирак подписала Международный пакт о гражданских и политических правах⁶ 18 февраля 1969 года, а ратифицировала 25 января 1971 года.

Также Республика подписала 18 февраля 1969 года Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации⁷, а ратифицировала её 13 февраля 1970 года, взяв на себя тем самым обязательства перед международным сообществом по борьбе с дискриминацией. Как известно, на основании Конвенции создан Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации, куда, соответственно Ирак должен представлять периодические доклады об усилиях правительства по осуществлению обязательств, закрепленных в договоре.

---

⁵ Аль-Шаер Рами Мохаммед «Актуальные проблемы Ближнего Востока» – М.: журнал Международная жизнь, 2017. №8 – 188 с.

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. С. 291.

⁷ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 21. С. 211.

В качестве примера приведем четырнадцатый периодический доклад Ирака⁸, в котором подчёркивается, что все виды этнических групп и меньшинств мирно и спокойно существовали в Ираке с древних времен. В своей борьбе против расизма Ирак сосредоточил внимание на осуждении всех форм расовой дискриминации и подтвердил принцип недискриминации как императивную норму международного права, нарушение которой представляет собой международное преступление, отмечается в документе. В области внешней политики Ирак сотрудничает с международным сообществом в его усилиях по борьбе с расовой дискриминацией и сегрегацией.

По данным *Human right watch* на 14 июня 2022 г. обстановка в Ираке оставляет желать лучшего, в частности, ситуация с правами человека. В регионе вновь активизируются террористические группировки, увеличивается количество массовых убийств, вербовки. На сегодняшний день для официального правительства Ирака огромной нерешенной проблемой являются «невесты джихада»- европейские девушки, которые недавно приняли ислам и поехали служить за свою новую веру «на прекрасной и безопасной земле», чтобы возродить Халифат. То есть эти девушки добровольно покидают свои государства и едут на территории, подконтрольные террористам. Когда они понимают в какой ситуации оказались, вернуться домой представляется практически невозможным. Зачастую девушек при попытке побега просто демонстративно убивают, внушая страх и показывая остальным, что ждет за нарушение правил Халифата.

---

⁸ Четырнадцатый периодический доклад Ирака Комитету по ликвидации всех форм расовой дискриминации. 15 июня 1998 г. CERD/C/320/Add.3.

Однако, согласно Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. «право на жизнь»⁹ – является правом, которое не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах. Но, к сожалению, при анализе международно-правовых норм по защите права на жизнь, имплементированных Ираком, мы сталкиваемся с ужасающими фактами. Несмотря на колоссальные усилия правительства, ситуация в Республике ничуть не лучше, чем 10 лет назад. Это связано с активной деятельностью террористических организаций в регионе.

Как сообщается в Докладе Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях в рамках миссии в Ираке, ИГИЛ совершило ряд вопиющих нарушений международного гуманитарного права и международного права прав человека в отношении гражданского населения Ирака. Группа последовательно и целенаправленно проводила политику осуществления казней гражданских лиц в качестве метода внушения страха, установления контроля и мести. Они совершали массовые убийства гражданских лиц в рамках своей боевой стратегии, в том числе, используя их в качестве «живого щита» во время боевых действий. По меньшей мере в одном случае ИГИЛ издало *фетву*, в которой указывалось, что жители районов, отвоеванных ИГИЛ, являются «законными целями», что сопровождалось систематическими и прямыми нападениями на гражданское население¹⁰.

---

⁹ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. С. 291.

¹⁰ UNAMI and Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR), «Report on the protection of civilians in the context of the Ninewa Operations and the retaking of Mosul City, 17 October 2016–10 July 2017», p. 2.

Необходимо обратить внимание, что на основании Резолюции Совета Безопасности ООН 2522 от 29 мая 2020¹¹ г. отделение по правам человека МООНСИ (Миссия ООН по оказанию содействия Ираку) имеет правозащитный мандат. Представители Миссии ведут активное сотрудничество с правительством Ирака, национальными правозащитными учреждениями и гражданским обществом для улучшения уровня поощрения и защиты прав и основных свобод человека¹². Также следует отметить, что в 2019 г. в работу отделения были включены два дополнительных тематических мандата по защите детей и борьбе с сексуальным насилием в отношении детей.

Сейчас в Ираке действует две специальные миссии: Миссия ООН по оказанию содействия Ираку (МООНСИ) и Следственная группа ООН по содействию привлечению к ответственности за преступления, совершенные ДАИШ/ИГИЛ (ЮНИТАД). ЮНИТАД была учреждена на основании Резолюции 2379 СБ ООН¹³ с целью оказания помощи местным властям в расследовании военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида, совершенных представителями ИГИЛ.

Всё вышеперечисленные действия – есть потенциальная угроза миру и безопасности. Эта проблема, которую нужно решать всему мировому сообществу, а не исключительно силами внутригосударственного аппарата.

---

¹¹ Резолюция СБ ООН. Продление мандата Миссии Организации Объединенных Наций по оказанию помощи и содействия Ираку. 29 мая 2020 г. S/RES/2522.

¹² Ministry of Planning. First National Voluntary Review on Sustainable Development Goals in Iraq, p. 54.

¹³ Резолюция СБ ООН. Учреждение следственной группы во главе со специальным советником для поддержки национальных усилий, направленных на привлечение к ответственности членов ИГИЛ (ДАИШ). 21 сентября 2017г. S/RES/2379.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Ираке, как и во многих государствах на Ближнем Востоке, ведутся попытки построить «мир и обеспечить доступ к правосудию». Республика представляет собой интересную коллаборацию этнокультурных, правовых и религиозных аспектов. Не стоит забывать, что на территории Ирака проживают различные народности с их уникальным укладом жизни. Это означает, что несмотря на приоритет шариата в национальном законодательстве, не все нации придерживаются ислама. Собственно, именно данный аспект до сих пор является главным камнем преткновения между гражданами, которые пытаются защищать свои традиции. Однако, в свете происходящих там событий, а именно, непрекращающихся конфликтов, усиления позиций ИГИЛ, рост других террористических группировок, быстрое достижение стабильного мира на основе гуманных общечеловеческих парадигм видится нам процессом долгим, но многообещающим.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ-БЕЖЕНЦЕВ

Сибгатуллина Карина Лутфулловна

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

Основными международно-правовыми документами в области защиты прав детей-беженцев являются Конвенция о правах ребенка 1989 г.¹, Всеобщая декларация прав человека 1948 г.², Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.³, Женевские конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г.⁴, дополнительные протоколы к ним, а также Конвенция о статусе беженцев 1951 г.⁵, Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов 1974 г.⁶.

---

¹ Конвенция ООН о правах ребенка от 20.11.1989 г. // принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году // Режим доступа: КонсультантПлюс: справ. правовая система: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 20.03.2023 г.).

² Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 году // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291; 999 UNTS 171.

⁴ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 20.03.2023 г.).

⁵ Конвенция ООН о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28.07.1951) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 6–28.

⁶ Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов // принята резолюцией 3318 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/armed.shtml (дата обращения: 20.03.2023 г.).

В силу своей компетенции Конвенция о правах ребенка 1989 г. (далее - Конвенция) налагает четкие и конкретные обязательства на государств-участников. Конвенция требует от государств представлять регулярные доклады Комитету по правам ребенка, который был учрежден Конвенцией, о принятых ими мерах по осуществлению прав, изложенных в Конвенции. С момента ратификации Конвенции положение детей в целом и в ряде важнейших аспектов улучшилось, снизилась детская смертность; расширились и улучшились возможности детей в области образования; сократилось число детей-солдат и масштабы детского труда; были разработаны меры по борьбе с торговлей детьми и эксплуатацией детей. В данной Конвенции в рамках исследования мы придерживаемся той позиции, что Конвенция о правах ребенка является документом глобального значения. В нем излагаются права, которыми обладают все дети, где бы они ни жили. Он был ратифицирован всеми государствами, которые в рамках данного документа берут на себя обязательства по ее выполнению. На сегодняшний день лишь два государства не ратифицировали Конвенцию о правах ребенка – это Соединенные Штаты Америки и Сомали. Более того, дети сталкиваются с одинаковыми проблемами, независимо от их национальности, а значительное число из них сталкивается с проблемами, требующими решения на глобальном или транснациональном уровне: детьми торгуют в целях сексуальной эксплуатации; дети могут быть беженцами без гражданства; детей могут отправлять за границу для вступления в брак или для нанесения увечий, или для трансплантации органов.

В Конвенции закрепляется то, что она должна дать любому, кто заботится о благополучии и интересах детей, веские основания как для ее одобрения, так и для построения любых аргументов в пользу улучшения состояния детей в пределах. Статья 22 в пункте 1 Конвенции прямо указывает, что государства должны предоставить ребенку, желающему получить статус беженца или таковым являющимся, необходимую ему

гуманитарную помощь, надлежащую защиту и другие права, прописанные в данной Конвенции и других международных документах по правам человека и в области международного гуманитарного права⁷. 2 пункт этой же статьи указывает, что государства-участники данной Конвенции должны оказывать помощь в содействии Организации Объединенных Наций и другим компетентным организациям в поиске семей или родственников детей-беженцев. В случае, если родственники не могут быть найдены, то задачей государства будет предоставление защиты и обеспечение прав, предусмотренных в данной Конвенции и других международных документах по правам человека и международному гуманитарному праву⁸.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в рамках защиты прав беженцев, в том числе детей-беженцев в статье 14 указывает на то, что «каждый человек имеет право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем», и «это право не может быть использовано в случае преследования, в действительности основанного на совершении неополитического преступления, или деяния, противоречащего целям и принципам ООН»⁹.

С учетом ответственности Организации Объединенных Наций в деле международной защиты беженцев и по прекращению деятельности Международной организации по делам беженцев Резолюцией 319 (IV) Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1949 г. было принято решение о создании Управления Верховного комиссара по делам беженцев. Кроме того, были приняты международно-правовые документы, касающиеся

---

⁷ Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В., Аль Масри И. Адаптация сирийских подростков к чрезвычайным ситуациям Среднерусский вестник общественных наук, vol. 12, no. 1, 2017, pp. 185-190.

⁸ Армашова А.В. Права детей-беженцев и Конвенция ООН о правах ребенка /Аграрное и земельное право. 2020. - 188 с.

⁹ Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В., Аль Масри И. Адаптация сирийских подростков к чрезвычайным ситуациям Среднерусский вестник общественных наук, vol. 12, no. 1, 2017, pp. 185-190.

различных аспектов защиты беженцев, включая Конвенцию о статусе беженцев от 28 июля 1951 г., Протокол, касающийся статуса беженцев, принятый резолюцией 2198 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г., и Декларацию о территориальном убежище от 14 декабря 1967 г.

Женевская конвенция о статусе беженцев (далее – Женевская конвенция) была одобрена на конференции Организации Объединенных Наций 28 июля 1951 года. Первоначально Женевская Конвенция была направлена на защиту европейских беженцев после Второй мировой войны. Позже все региональные и временные ограничения были сняты Протоколом 1967 г. в целях расширения. Женевская конвенция с факультативным протоколом 1967 г. является одним из основных международных документов в области обеспечения и защиты прав беженцев. Закон о беженцах также включает обычное право, императивные нормы, некоторые региональные документы и конституционные законы некоторых государств о предоставлении убежища, которые в некоторых случаях определяют дополнительные правовые категории.

Женевская Конвенция и соответствующий протокол к ней обязывают государства предоставлять справедливое обращение всем лицам, ищущим убежища. Общая цель этих правил заключается в обеспечении четкого отличия беженцев и лиц, ищущих убежища, от других иностранцев и справедливой оценки их ходатайств о защите.

К ним относятся: общие правила, касающиеся некриминализации лиц, ищущих убежища; освобождение от правил, касающихся удостоверений личности, проездных и визовых документов; освобождение от правил задержания, возвращения и высылки иностранцев; освобождение от иммиграционных законов и правил, которые могут быть слишком ограничительным в некоторых принимающих странах.

Особое внимание стоит уделить защите прав детей-беженцев в ближневосточном регионе, где прослеживается своя

специфика в области механизма защиты прав человека в целом, поскольку во многих государствах данного региона проживает население, исповедующее ислам, а в основы законодательства составляет шариат, который трактует права человека с учетом религиозных аспектов. У государств, где религия тесно переплетается с правовой системой, зачастую возникают противоречия относительно имплементации международно-правовых документов в свое законодательство, например мусульманские государства, где в конституции будет прописан ислам в качестве государственной религии, а шариат как основа всего закона (Королевство Саудовская Аравия, Йеменская Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Исламская Республика Мавритания, Султанат Оман, Марокко, Алжир, Катар и др.) имеют свое представление относительно прав человека, не отрицая международные акты в данной области, однако превыше всего будет стоять шариат, так как в нем заложены религиозные аспекты, которые оказывают влияние на все сферы общественной жизни граждан. Несмотря на то, что страны ратифицировали международно-правовые акты в области прав человека, продолжают действовать внутригосударственные нормы, которые в некоторых случаях серьезно нарушают права человека и подвергаются критике со стороны мирового сообщества.

Государства Ближнего Востока и Северной Африки (Middle East South Africa – регион MENA) ратифицировали Конвенцию о правах ребенка, которая служит основой для признания и защиты прав ребенка в международном праве и охватывает всех детей, включая детей-беженцев. Регион MENA также характеризуется почти всеобщей ратификацией Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка об

участии детей в вооруженных конфликтах, так же, как и Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии¹⁰.

Большинство государств данного региона также присоединились к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г., который дополняет положения Конвенции о правах ребенка 1989 г., а также признает право всех детей на регистрацию при рождении, на приобретение гражданства и на защиту детей во всех ситуациях. Страны региона принимают документы, которые касаются защиты детей, в том числе Пакт о правах ребенка в Исламе¹¹, Африканскую хартию прав и благополучия ребенка¹², Арабскую хартию прав человека¹³, Африканскую хартию прав человека и народов¹⁴.

Таким образом, во время действия вооруженного конфликта, в районах, где ведутся военные действия, большой опасности подвергаются мирные жители, уязвимые группы населения, которые не способны защитить себя от военных атак. Вооруженные конфликты несут в себе разрушительные

---

¹⁰ Филиппова Т. А. Особая защита детей во время вооруженных конфликтов в соответствии с режимом Женевских конвенций 1949 года // право и государство: теория и практика. 2020. №1 (181).

¹¹ Пакт о правах ребенка в исламе. 2005. OIC/9-IGGE/HRI/2004/Rep.Final Independent Permanent Human Rights Commission of the Organization of Islamic Cooperation. Режим доступа: https://oiciphrc.org/docs/en/legal_instruments/OIC_HRRIT/327425.pdf (дата обращения: 20.03.2023 г.).

¹² Африканская хартия прав и благополучия ребенка // Принята Организацией африканского единства (ОАЕ) в 1990 году [Электронный ресурс] <https://au.int/en/treaties/african-charter-rights-and-welfare-child> (дата обращения: 20.03.2023 г.).

¹³ Арабская хартия прав человека // принята Советом ЛАГ на 102-й очередной сессии 15 сентября 1994 г. Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/arab/a003-2.html> (дата обращения: 20.03.2023 г.).

¹⁴ African Charter on Human and Peoples' Rights / Ministerial Meeting of the OAU on the Drafting of the African Charter on Human and Peoples' Rights, Banjul, The Gambia, 7–19 January 1981 // OAU Doc. CAB/LEG/G7/3/Rev.5.

последствия для психики детей, так как сцены насилия, боевых действий и все то, что видят дети в процессе вооруженного конфликта способно привести в итоге к осложнениям психического и физического здоровья и другим негативным исходам.

Вытекающие из вооруженного конфликта последствия, такие как голод, нищета, разрушение городов, гуманитарная катастрофа приводят к тому, что миллионы людей покидают свои дома в поисках безопасности и нуждаются в оказании помощи, для того чтобы адаптироваться к новой среде. Сегодня мировое сообщество стремится разрешить проблемы людей, оказавшихся беженцами, а разработка и принятие государствами международных актов по поддержке и защите прав беженцев является важным шагом в разрешении данной проблемы и недопущению ее еще большего распространения.

**ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВА
НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ
РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ПРАКТИКЕ АФРИКАНСКОГО
СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ**

Соловьева Анна Сергеевна

*Адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров кафедры прав человека
и международного права
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя*

В настоящее время признание прав человека представляется одним из значительных результатов эволюционного развития цивилизации. Права человека, как одна из основополагающих ценностей, выступают не только в качестве теоретического понятия, но и в формате категории практической направленности. Будучи исторически обусловленным феноменом, они «трансформировались в глобальную правовую и социальную систему со своими особыми элементами»¹.

Современная система защиты прав человека складывается из двух уровней: внутригосударственного и международного. Опираясь на принцип субсидиарности, в случаях, когда права человека должным образом не обеспечиваются в рамках национальных правовых систем, данный вопрос переходит в область регулирования международного права. В этой связи нельзя не согласиться с проф. В.А. Карташкиным, который от-

---

¹ Коннов В.А. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел / В.А. Коннов, Ю.В. Пузырева, А.Е. Симонова. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 5.

мечает, что «права человека являются предметом международно-правового регулирования и не входят уже исключительно во внутреннюю компетенцию государства»².

Вследствие добровольного принятия государствами на себя соответствующих обязательств по надлежащему обеспечению и защите прав человека, основная задача в данной сфере корреспондируется национальному механизму. Однако роль международного права в деле защиты прав человека приумножается и развивается с каждым годом. Заметное место в обозначенном диапазоне занимают универсальные и региональные механизмы защиты прав человека, в частности, международные судебные органы, комиссии, специальные процедуры.

Судебный способ защиты прав человека является наиболее предпочтительным и эффективным. В сфере правосудия, где права человека подвержены потенциальным нарушениям со стороны государства в лице его органов и должностных лиц, важная роль отводится праву на справедливое судебное разбирательство. Представляющее совокупность ключевых гарантий личности в рамках судопроизводства, рассматриваемое право получило свое закрепление как в рамках национального законодательства большинства государств, так и в международных соглашениях на универсальном и региональном уровнях. Однако необходимо подчеркнуть, что основополагающие международные документы по правам человека были выработаны в условиях идеологического противостояния. В этой связи их разработчиками не были сделаны уточнения относительно содержания многих понятий, среди которых есть и «справедливость»³.

---

² Карташкин В.А. Всеобщая демократия права человека в современном мире (к 40-й годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека) // СЕМП. 1989. С. 47.

³ См. Абашидзе А.Х. Права человека и глобализация // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2002. № 2. С. 62.

Основываясь на опыте европейской и американской систем защиты прав человека, в 1998 г. на африканском континенте был учрежден независимый региональный судебный орган – Африканский суд по правам человека и народов (далее – АСПЧН). Деятельность АСПЧН связана, в частности, с толкованием и применением Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. (далее – АХПЧН). Подчеркнем, что «отдельные права, закрепленные в Хартии, по сравнению с ЕКПЧ, сформулированы весьма расширительно, но в то же время гораздо менее содержательно»⁴.

АХПЧН закрепляет право на справедливое судебное разбирательство в рамках ст. 7. Отметим, что в обозначенной норме установлена лишь часть основных элементов исследуемого права (например, гарантии презумпции невиновности, разумного срока, беспристрастности суда и пр.). Иными словами, АХПЧН, в отличие от других региональных соглашений о правах человека не дает подробного описания исследуемого права. Однако в дополнение к ст. 7 АХПЧН следуют ст. 3 и ст. 26 данного договора, в которых закрепляются такие элементы исследуемого права, как равенство всех перед законом и независимость суда.

Рассмотрим некоторые правовые позиции и соображения АСПЧН относительно права на справедливое судебное разбирательство, которые определяют случаи нарушения исследуемого права.

В деле *Anaclet Paulo v. United Republic of Tanzania* (Анаклет Пауло против Объединенной Республики Танзания)⁵ АСПЧН признал государство ответственным за нарушение

---

⁴ Африканская система защиты прав человека и народов: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.Х. Абашидзе. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – С. 21 – Серия: Бакалавр и магистр. Модуль.

⁵ Case of *Anaclet Paulo v. United Republic of Tanzania*. Judgment of September 21, 2018. Application № 020/2016. URL: <https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/5f5/9c7/82d/5f59c782dc1b2982840306.pdf> (дата обращения 11 марта 2023 г.).

права на защиту в рамках права на справедливое судебное разбирательство. АСПЧН отмечает, что ст. 7 АХПЧН четко не предусматривает права конкретно на бесплатную юридическую помощь (§ 91), однако, согласно сложившейся практике Суда, указанный элемент является неотъемлемой частью исследуемого права (§ 92). Кроме того, АСПЧН подчеркивает, что в интересах правосудия обвиняемый (если он малообеспеченный или в случае совершения им серьезного преступления, за которое предусмотрено суровое наказание) должен быть уведомлен о своем праве на юридическую помощь со стороны защитника (§ 92). В рамках рассматриваемого дела заявитель Анаклет Пауло обвинялся в совершении преступления, за которое предусмотрено суровое наказание в виде 30 лет лишения свободы; а также заявитель не являлся специалистом в области юриспруденции и не был в состоянии оплатить услуги адвоката (§ 93).

В деле *Mgosi Mwita Makungu v. United Republic of Tanzania* (Мгоси Мвита Макунгу против Объединенной Республики Танзания)⁶ АСПЧН признал государство ответственным за нарушение права на обращение в компетентные национальные органы в рамках права на справедливое судебное разбирательство. По мнению АСПЧН, данная гарантия, закрепленная в п. 1 а ст. 7 АХПЧН, является основополагающим элементом исследуемого права (§ 56). Данное право представляет собой гарантию, в соответствии с которой лицу предоставляется возможность обратиться в компетентные органы для обжалования решений и действий, которые нарушают их права. Следовательно, государствам надлежит организовывать работу соответствующих механизмов для осуществления обжалования и создавать условия для реализации данного

---

⁶ Case of Mgosi Mwita Makungu v. United Republic of Tanzania. Judgment of December 07, 2018. Application № 006/2016. URL: <https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/5f5/8df/234/5f58df234e572332291975.pdf> (дата обращения 11 марта 2023 г.).

права отдельными лицами, в том числе предоставлять судебные решения, которые они желают обжаловать (§ 57). АСПЧН отмечает, что в настоящем деле заявителем Мгоси Мвита Макунгу были предприняты неоднократные попытки запросить заверенные подлинные копии протокола судебного разбирательства и судебные решения первой инстанции, однако эти попытки не дали желаемого результата. В отсутствие указанных документов заявитель не смог обжаловать свои обвинительные приговоры по двум уголовным делам (§ 58).

В деле *Ghati Mwita v. United Republic of Tanzania* (Гати Мвита против Объединенной Республики Танзания)⁷ АСПЧН признал государство ответственным за нарушение принципа разумного срока в рамках права на справедливое судебное разбирательство. АСПЧН уточняет, что для определения разумного срока судебного разбирательства каждое дело должно рассматриваться по существу, а также имеются три критерия: сложность дела, действия заявителя, действия национальных судебных органов (§ 95). В настоящем деле заявительница Гати Мвита была арестована 4 февраля 2008 года, предварительное слушание по ее делу было проведено 15 февраля 2010 года, судебный процесс начался 29 ноября 2010 года, Верховный суд признал заявительницу виновной и вынес приговор 19 сентября 2011 года (§ 96). То есть между арестом заявительницы и началом судебного разбирательства по ее делу прошло 2 года, 9 месяцев и 25 дней (§ 97). АСПЧН отмечает, что в протоколе судебного разбирательства не указано никаких причин, которые могли бы оправдать задержку его начала. Кроме того, государство-ответчик не приводит никаких аргументов, доказывающих, что задержка с началом судебного разбирательства была вызвана действиями заявителя.

---

⁷ Case of Ghati Mwita v. United Republic of Tanzania. Judgment of December 01, 2022. Application 012/2019. URL: <https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/639/0ab/573/6390ab5730346379766550.pdf> (дата обращения 11 марта 2023 г.).

В этой связи АСПЧН считает, что период в 2 года, 9 месяцев и 25 дней между арестом заявительницы и началом судебного разбирательства по ее делу является непростительной задержкой во внутригосударственных процедурах (§ 98).

Таким образом, анализируя практику АСПЧН, можно констатировать, что нарушениями права на справедливое судебное разбирательство Суд признавал следующие действия властей:

- не предоставление информации заявителю (обвиняемому) о том, что он имеет право на бесплатную юридическую помощь (*Anaclet Paulo v. United Republic of Tanzania* (Анаклет Пауло против Объединенной Республики Танзания), § 94);

- не предоставление заявителю, желающему подать апелляцию, заверенных подлинных копий протоколов судебного разбирательства и судебных решений первой инстанции по двум уголовным делам (*Mgosi Mwita Makungu v. United Republic of Tanzania* (Мгоси Мвита Макунгу против Объединенной Республики Танзания), (§ 65);

- неоправданная задержка между арестом заявительницы и началом судебного разбирательства (*Ghati Mwita v. United Republic of Tanzania* (Гати Мвита против Объединенной Республики Танзания), (§ 98).

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ**

Чернов Владимир Васильевич

*студент 2 курса магистратуры международно-правового
факультета*

*Всероссийской академии внешней торговли
vovah.c@yandex.ru*

Развитие технологий и знаний влияло на методики лечения недугов, оказывающих влияние на здоровье или жизнь отдельного индивида. При помощи научных открытий и стремительного прогресса исследовательской деятельности стали появляться лекарственные препараты и средства, которые смогли спасти миллионы жизней от преждевременной и мучительной смерти: среди них есть пенициллин, морфий, барбитураты (которые используются в качестве наркоза или успокоительного вещества), инсулин, вакцина от оспы, антиретровирусные препараты для лечения ВИЧ-инфекции. Наравне с расширением знаний и представлений о природе заболеваний продолжали совершенствоваться диагностические методики и техника, что привело к формированию фармацевтической промышленности – отрасли, в рамках которой осуществляется деятельность по изучению, открытию, производству и реализации лекарственных препаратов, изобретению и совершенствованию медицинского оборудования, необходимых для излечения пациентов, а также для облегчения симптомов или их устранения. Развитие фармацевтической промышленности повлияло на жизнь всего человечества и отдельных государств, в частности. Формирование и последующее усиление данной отрасли отражается на общем показателе здоровья населения, имеющего непосредственную связь с экономическими возможностями того или иного общества.

Поэтому ряд государств, в том числе США, Швейцария и ряд европейских стран, активно потворствуют формированию мирового фармацевтического рынка, а вместе с этим, и фармацевтических корпораций.

На начальном этапе развития фармацевтической деятельности (вторая половина XIX в.), как отмечает Подгорнев П.В., «... всё фармацевтическое производство контролировалось национальными компаниями, главным образом западно-европейскими и американскими»¹. Для начала стоит провести определенную цепочку по формированию глобального рынка в сфере фармацевтики: национальные компании выходили на региональный уровень, развивали на этом уровне производство и реализацию лекарственных препаратов, что позволяло этим компаниям с увеличившимися техническими, производственными и экономическими возможностями выходить на более масштабный рынок, тем самым увеличивая свой капитал, что и приводило к появлению международных корпораций. В XX вв. глобальный фармацевтический рынок начал формироваться на рубеже 1950–1960 гг., когда, как отмечает Литвиненко М.А., «... было разработано множество препаратов, включая освоение производства контрацептивов, кортизона, препаратов против сердечно-сосудистых заболеваний и др.»².

В связи с последующим развитием научно-исследовательских разработок и деятельности фармацевтических корпораций возникла необходимость формирования единого этического подхода к проведению клинических испытаний над

---

¹Подгорнев В.П. Эволюция корпоративной структуры мировой фармацевтической индустрии под воздействием рыночного фактора // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2015. С. 40.

²Литвиненко М.А. Развитие корпораций в фармацевтической промышленности: тенденции и приоритеты для компаний // Экономический анализ: теория и практика. 2012. С. 30.

пациентами. Предпосылки для урегулирования данного вопроса возникли, когда после окончания Второй мировой войны человечеству стало известно о принудительных медицинских опытах (лишенных даже теоретически соблюдения врачебной этики) немецкого врача Йозефа Менгеле, японских врачей из Отряда 731, проводивших принудительные эксперименты с изучением особенностей человеческого организма (например, сколько может прожить человек без пищи и воды) привело к появлению Нюрнбергского кодекса 1947 г. разработанного Нюрнбергским трибуналом, в тексте которого прямо говорится о том, что «...тяжесть свидетельских показаний, лежащих перед нами, заставляет делать вывод, что некоторые виды медицинских экспериментов на человеке отвечают этическим нормам медицинской профессии в целом лишь в том случае, если их проведение ограничено соответствующими, четко определенными рамками»³. Приведенный документ стал первым текстом, в котором говорится о необходимости соблюдения врачебной этики – в нем были определены основные принципы проведения медицинских испытаний на людях, в числе которых получение добровольного согласия лица, необходимость избегать неоправданных психологических и физических страданий, и, пожалуй, едва ли не ключевой принцип: «степень риска, связанного с проведением эксперимента, никогда не должна превышать гуманитарной важности проблемы, на решение которой направлен данный эксперимент»⁴. Появление подобного документа повлияло на последующее международное и национальное законодательство, установив этические и правовые принципы проведения медицинских исследований.

---

³Нюрнбергский кодекс от 1947 г. // URL: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2021/07/njurnbergskij-kodeks.pdf> (дата обращения: 02 апреля 2023 г.).

⁴Нюрнбергский кодекс от 1947 г. // URL: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2021/07/njurnbergskij-kodeks.pdf> (дата обращения: 02 апреля 2023 г.).

В 1947 г. была учреждена Всемирная медицинская ассоциация (далее ВМА), представляющая собой международный независимый союз врачей. В соответствии с информацией, указанной на официальном сайте ассоциации, Организация была создана для обеспечения независимости врачей и «...работы в соответствии с максимально возможными стандартами этического поведения и ухода со стороны врачей»⁵. Ключевым документом Организации является Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации (далее - Хельсинкская декларация), которая была принята в 1964 г. и впоследствии подверглась 9 пересмотрам, при чем последняя на сегодняшний день версия текста была утверждена в 2013 г. Суть данного документа заключается в установлении на международном уровне этических принципов медицинских исследований, в которых человек участвует в качестве субъекта. В соответствии с п. 9 все медицинские исследования с участием человека в качестве их субъекта «...должны проводиться в соответствии с этическими нормами, обеспечивающими уважение каждого человека, защиту его прав и охрану здоровья»⁶. В соответствии с п. 10 при проведении научных исследований врачи «...должны руководствоваться этическими, правовыми и регулятивными нормами и стандартами проведения научных исследований с привлечением человека..., а также соответствующими международными нормативами и стандартами»⁷. Тот же пункт устанавливает, что приведенные положения нельзя отменить на национальном или международном

---

⁵Официальный сайт Всемирной медицинской ассоциации // URL: <https://www.wma.net/who-we-are/about-us/> (дата обращения: 02 апреля 2023 г.).

⁶Хельсинкская декларация от 1964 г. // URL: <https://www.wma.net/wp-content/uploads/2018/07/DoH-Jun1964.pdf> (дата обращения: 02 апреля 2023 г.).

⁷Хельсинкская декларация от 1964 г. // URL: <https://www.wma.net/wp-content/uploads/2018/07/DoH-Jun1964.pdf> (дата обращения: 02 апреля 2023 г.).

уровне. Все последующие положения Хельсинкской декларации во многом закрепляют принципы, ранее установленные Нюрнбергским трибуналом, в частности необходимость должного информирования человека перед проведением исследований, получение данных о возможных рисках для жизни и здоровья, а также получение четкого и однозначного волеизъявления лица на участие в эксперименте.

Принятие данного документа являлось целесообразным с морально-этической точки зрения и закрепило на международно-правовом уровне этические принципы при проведении медицинских исследований, в числе которых тестирование новых лекарственных препаратов. Закрепление на глобальном уровне стандартов в сфере фармацевтической промышленности повлияло на национальные законодательства государств и последующее ужесточение требований к проведению клинических испытаний.

На уровне Организации Объединенных Наций (далее – ООН) важнейшим моментом в закреплении права на здоровье в международном праве стало принятие в ходе Международной конференции по здравоохранению 1946 г. под эгидой Экономического и социального совета ООН Устава (Конституции) Всемирной организации здравоохранения. В преамбуле отмечается, что государства должны прилагать всевозможные усилия для того, чтобы общество «...обладало наивысшим достижимым уровнем здоровья, что в свою очередь является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения»⁸. Другим документом, установившем на международном уровне право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, является Международный пакт об

---

⁸Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения от 22 июля 1946 г. // Министерство здравоохранения - Издательство «Медицина», ВОЗ, Женева, 1968 г. Преамбула.

экономических, социальных и культурных правах (далее Международный пакт 1966 г.), принятый Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1966 г. В п. 2 ст. 12 предусмотрены меры, которые должны быть приняты участвующими государствами для полного осуществления права человека на здоровье, включают мероприятия, необходимые для: «...обеспечения сокращения смертности и детской смертности и здорового развития ребенка; улучшения всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности; предупреждения и лечения эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними; создания условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни»⁹.

Ввиду трудоёмкого процесса разработки препаратов и высоких требований при проведении испытаний малые биотехнологические фирмы в силу закрепленных на международном уровне прав, касающихся забот о здоровье населения «...стали ориентироваться на формирование взаимовыгодных отношений (партнерств) с крупными фармацевтическими компаниями»¹⁰. Данные процессы привели к росту случаев слияний и поглощений, прошедшие в 1990-х гг., при этом указанный период был связан со «...значительным ростом исследовательских организаций, которые на контрактной основе осуществляют разработку и клинические испытания новых лекарственных средств»¹¹. В силу увеличения слияний и поглощений, которые могут наносить ущерб правам работников,

---

⁹Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // United Nations, Treaty Series, vol. 993, p. 35–43. Ст. 12.

¹⁰Литвиненко М. А. Развитие корпораций в фармацевтической промышленности: тенденции и приоритеты для компаний // Экономический анализ: теория и практика. 2012. С. 30.

¹¹Литвиненко М. А. Развитие корпораций в фармацевтической промышленности: тенденции и приоритеты для компаний // Экономический анализ: теория и практика. 2012. С. 30.

приводить к нарушениям антимонопольного законодательства, а также к возникновению случаев нарушений со стороны фармацевтических корпораций прав граждан на здоровье и принципов, касающихся проведения клинических испытаний.

В настоящий момент *Pfizer* является крупнейшей и влиятельной фармацевтической корпорацией, под чьей эгидой производились и продолжают производиться лекарственные препараты и медицинские изделия, оказывающих непосредственное влияние на здоровье и жизни граждан. В соответствии с положениями внутреннего кодекса организации, «Синей книги», корпорация стремится соблюдать законодательство как Соединенных Штатов, так и законов за его пределами. Несмотря на все достижения и успехи, в деятельности корпорации были трагические инциденты и противоречивые ситуации, которые могли оставить негативный след на ее репутации.

Один из таких инцидентов произошел в 1996 г. на территории Нигерии, когда произошла вспышка эпидемии цереброспинального менингита – инфекционного заболевания, затрагивающего спинной и головной мозг. В соответствии с фактами, приведенными *Pfizer*, эпидемия вызвала гибель «...12 000 жизней за шестимесячный период, затронула почти 110 000 человек...»¹² и стала серьезным ударом для всей системы здравоохранения страны. С целью спасения жителей страны компания решила провести клинические испытания антибиотика *Trovan* (тровафлоксацина), которое могло бы использоваться для лечения менингита, в том числе и у детей. *Pfizer* утверждает, что с их стороны отсутствовали нарушения, так как все разрешения для проведения испытаний были получены как от Национального агентства по администрированию и контролю за продуктами и лекарствами Нигерии, так и

---

¹²Обстоятельства дела, касающегося испытания лекарственного препарата Trovan в Нигерии. URL: https://cdn.pfizer.com/pfizercom/news/trovan_fact_sheet_final.pdf (дата обращения: 03 апреля 2023 г.).

от Управления по контролю за продуктами и лекарствами Соединенных Штатов Америки. Для проведения исследований было отобрано 200 детей, которых поделили на две равные группы: одних лечили при помощи тровафлоксацина, а других при помощи цефтриаксона. Как утверждает компания, в протоколе, получившем одобрения от нигерийских властей, «...предусматривались возможные риски и подробная информация о контроле за этими рисками»¹³. По итогам исследований несмотря на то, что тровафлоксацин доказал свою эффективность, были трагические последствия – погибло 11 детей, а несколько десятков стали инвалидами. Под давлением правозащитных групп и семей, пострадавших в результате судебного разбирательства, правительство Нигерии создало экспертную медицинскую комиссию для последующего возбуждения уголовного дела. Все завершилось достижением мирового соглашения с семьями погибших и пострадавших, в то время как эксперты установили вину компании в гибели четверых детей – их семьям были выплачены компенсации по 175 тысяч долларов.

Осознавая необходимость жесткого контроля за деятельностью фармацевтических корпораций и других видов предприятий такого влияния и масштаба, международное сообщество стало обсуждать закрепление прав и обязательства со стороны транснациональных корпораций (далее – ТНК). Инициатива по разработке Кодекса поведения ТНК не нашла единогласной поддержки в силу возросших противоречий между развитыми и развивающимися государствами. В XXI веке на уровне ООН государства-участники пытаются разработать правовые нормы, направленные на регулирование деятельности ТНК. В 2003 г. резолюцией Комиссии по правам человека ООН при Экономическом и социальном совете ООН

---

¹³Обстоятельства дела, касающегося испытания лекарственного препарата Trovan в Нигерии. URL: https://cdn.pfizer.com/pfizercom/news/trovan_fact_sheet_final.pdf (дата обращения: 03 апреля 2023 г.).

были приняты «Нормы, касающиеся обязанностей транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека» (далее «Нормы...»). Стоит сразу же оговориться, что «Нормы...» и последующие рассматриваемые документы являются собранием мягко-правовых норм, не имеющих обязательной юридической силы, и представляющие собой рекомендации как для государств, так и для корпораций. В пункте «Общие обязательства» отмечается, что именно государства «...несут главную ответственность в деле поощрения, гарантии осуществления, уважения, обеспечения соблюдения и защиты прав человека, признанных как в международном, так и во внутреннем праве, в том числе обеспечения уважения прав человека транснациональными корпорациями и другими предприятиями»¹⁴, причем круг обязанностей по соблюдению и защите прав человека распространяется также и на транснациональные корпорации. Фармацевтические корпорации обязаны «...обеспечивать равные возможности и равное обращение...в целях ликвидации дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических убеждений, национального или социального происхождения, социального положения, принадлежности к коренному народу, нетрудоспособности, возраста...»¹⁵. В «Нормах...» также выделяется пункт «Обязательства, касающиеся защиты интересов потребителей», направленный на соблюдение правил по обеспечению справедливой деловой практики и надлежащей маркетинговой деятельности, не занимаются распространением, реали-

---

¹⁴Нормы, касающиеся обязанностей транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека от 13 августа 2003 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901925098?section=text> (дата обращения: 03 апреля 2023 г.).

¹⁵Нормы, касающиеся обязанностей транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека от 13 августа 2003 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901925098?section=text> (дата обращения: 03 апреля 2023 г.).

защитой и рекламой опасных или потенциально вредных товаров – лекарственных препаратов, а также, как отмечается в статье Абашидзе А.Х. и Маличенко С.В., «...обеспечивать доступ к соответствующей информации о возможных побочных эффектах своей продукции и предостерегать о тех случаях, когда эксплуатация, неправильное использование или повреждение товара могут повлечь за собой смерть или вызвать серьезные травмы»¹⁶.

Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека были приняты в июне 2011 г. Советом ООН по правам человека и представляют собой первый общепризнанный глобальный международный стандарт в области прав человека и бизнеса. В одном из базовых принципов устанавливается обязанность государств «...в пределах своей территории и/или юрисдикции обеспечивать защиту от нарушений прав человека третьими сторонами, включая предприятия»¹⁷. Важность приведенного принципа состоит в том, что с государств по сути снимается ответственность за нарушение прав человека частными субъектами (фармацевтическими или иными видами корпораций), однако на всех государствах лежит обязанность по соблюдению верховенства права. В качестве базового принципа признается обязанность государства по четкому заявлению того, «...что они ожидают от всех предприятий, домицилированных на их территории и/или находящихся под их юрисдикцией, соблюдения прав человека в рамках своей деятельности»¹⁸. В силу приведенного

---

¹⁶Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Проблемы международно-правовой квалификации нарушений прав человека фармацевтическими компаниями // Московский журнал международного права. 2014. С. 15.

¹⁷Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека от 16 июня 2011 г. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_ru.pdf (дата обращения: 04 апреля 2023 г.).

¹⁸Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека от 16 июня 2011 г. URL: <https://www.ohchr.org/>

положения государствам следует проводить мониторинг по соблюдению корпорациям основных прав и свобод человека (в том числе, права человека на здоровье), в том числе посредством экстерриториальных мер, например обязанности по предоставлению отчетности о глобальной производственной деятельности всей корпорации материнскими компаниями.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что деятельность фармацевтических корпораций смогла принести пользу для международного сообщества посредством исследования и разработки лекарственных средств, которые смогли облегчить жизни множеству людей по всему земному шару. Однако наравне с очевидной пользой для человечества расширение фармацевтических корпораций может сопровождаться нарушениями прав человека, в том числе при проведении клинических испытаний тех или иных препаратов. В силу того, что изученные нами документы представляют собой рекомендательные акты, которые не несут обязывающей юридической силы, в настоящий момент государствам необходимо разработать Кодекс поведения для таких корпораций и заключить юридически обязательное для корпораций и государств международное соглашение, которое позволит взять различные виды ТНК (в том числе фармацевтические корпорации) под контроль, отметит положительные стороны деятельности корпораций и позволит устранить возможные негативные последствия в контексте защиты прав человека на жизнь и здоровье.

---

sites/default/files/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_ru.pdf (дата обращения: 04 апреля 2023 г.).

СЕКЦИЯ

**РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СДВИГОВ:
МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ**

ПРАВОМЕРНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Васильева Алёна Юрьевна

*студентка 3 курса юридического института
РУДН имени Патриса Лумумбы*

На сегодняшний день трудно представить себе сферу жизни современного человека во многих государствах, которую не затронули бы односторонние отказы от исполнения обязательств (более известные как «Санкции»).

Санкции Европейского Союза — это ограничительные меры Европейского Союза, цель которых добиться серьезных экономических последствий для Российской Федерации; а также это реакция на действия государства, в которой отражается неодобрительное отношение к ним и направленность на достижение конкретных неправовых последствий.

В 1919 году Президент США Вудро Вильсон произнес речь: «Бойкотированное государство находится в шаге от капитуляции. Никакие войны не нужны, когда есть подобные инструменты, незаметные и смертоносные. Это ужасное возмездие. Подобные меры не приводят к жертвам, однако оказываемое ими давление столь велико, что, по моему мнению, ни одно современное государство не способно его выдержать». Эти слова во многом предопределили будущую политику США¹.

Практика введения санкций распространена еще с середины 20 века. Ряд санкций США против Кубы действует уже

---

¹ Виноградова Е.В. Намчук А.В. «Санкции как инструмент международного давления в постбиполярном мире» URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-kak-instrument-mezhdunarodnogo-davleniya-v-postbipolyarnom-mire/viewer> (дата обращения: 11.04.2022).

больше 60 лет. На момент введения этих санкций они показали крайнюю эффективность. Факт того, что государства, продолжающие торговлю с Кубой, не смогут временно вести коммерческие отношения с США, в значительной степени обеспечил исполнение санкций. Нужно признать, что для Кубы, островного государства, прекращение покупки, как минимум, пресной воды было губительно, так как на острове наблюдается существенный дефицит именно с этим базовым ресурсом. Фактически запасы пресной воды обеспечиваются крайне редкими дождями. Именно эти обстоятельства в последующем принудили Кубу прибегнуть к помощи «патрона» в лице СССР, который в то время, обеспокоенный расположением баллистических ракет на территории Турции, искал стратегически и географически важного союзника. В будущем эти события привели к историческому эпизоду, который сейчас известен как «Карибский кризис».

В Европейской доктрине, в части изучения экономических санкций, указывается конечная цель – заставить страны платить за поведение, неприемлемое для международного сообщества². Специальный Докладчик Совета ООН по правам человека отнес односторонние санкции к способам ведения экономической войны, устанавливая, что всеобщий режим односторонних принудительных мер международного воздействия, вкуче с нормами внутригосударственного права о санкциях, создает режим блокады, последствия которой равносильны экономической войне³.

---

² Do sanctions against Russia work? Author(s): Iana Dreyer and Nicu Popescu European Union Institute for Security Studies (EUISS) (2014) Stable. URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep06799> (дата обращения: 05.04.2022).

³ UN expert warns against harsh effects of sanctions and blockades on civilians. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2018/09/un-expert-warns-against-harsh-effects-sanctions-and-blockades-civilians?LangID=E&NewsID=23552> (дата обращения: 05.04.2022).

В этой связи взгляд на санкции как на форму ведения экономической войны видится крайне удачным нововведением последних веков. Из очевидных положительных аспектов можно выделить поиск альтернатив вооруженным конфликтам, неминуемо несущим гибель мирного населения. Но также невозможно продолжать закрывать глаза на то, что хотя этот инструмент, в таком своем проявлении, и выполняет промежуточные задачи по «демонстрации отношения к какому-либо явлению», но конечной цели урегулирования спора невоенным методом достичь не получается.

Можно привести мало примеров санкций, которые бы в полной степени привели в жизнь основные цели. Чаще всего это больше схоже с какими-либо временными дискриминационными мерами, оказывающими неадресное и губительное воздействие, несущими дезинтегрирующие последствия и разрушающие выстроенные десятилетиями публичные и экономические связи между государствами.

Одной из стран, несущих бремя жесткого санкционного режима, можно назвать Иран. Первые санкционные меры против Ирана были введены в 1979 году в связи с кризисом в посольстве США в Тегеране и включали в себя заморозку иранских активов на сумму около 8,1 миллиарда долларов, включая банковские депозиты, золото и другое имущество, а также полное торговое эмбарго. Данные меры можно назвать радикальными, во много парализующим экономические силы страны. В 1981 году после заключения Алжирских соглашений упомянутые санкционные меры были отменены так как достигли главной цели – освобождения заложников. Разумеется, в данной ситуации нельзя говорить о том, что именно из-за успешного введения санкций США был достигнут результат, но и исключать это данный аспект нельзя. Далее, после 2006 года последовал этап введения санкций, связанный уже с ядерной программой Ирана. Действия Ирана по обогащению урана нарушали ст. 2 и п. 3 ст. 9 Договора о нераспространении ядерного оружия, ратифицированного Ираном в 1970

году. Здесь важно отметить, что изначально санкции были введены Советом Безопасности ООН в рамках Резолюции №1737, которая замораживала счета определенного перечня лиц и предприятий, связанных с ядерной программой (обогащением урана). В 2010 году в рамках ЕС было введено ограничение на вовлечение стран Евросоюза в Иранский энергетический центр, а также запрет торговых, финансовых и банковских взаимоотношений⁴. На сегодняшний день заместитель президента Ирана – Мохаммад Эслами – заявляет о технической возможности создания ядерного оружия. 30 марта 2023 года Международный суд ООН признал заморозку активов Ирана со стороны США незаконной и потребовал соразмерной компенсации за подобные нарушения обязательств по двустороннему «Договору о дружбе, экономических отношениях и консульских правах»⁵, что свидетельствует о подтвержденном на международном уровне неправомерном статусе подобных индивидуальных ограничительных мер.

В отношении Российской Федерации введено множество санкций, которые также включают экономические ограничения, но на данный момент особенно выделяется дискриминационный характер подобных действий. Он обусловлен применением таких односторонних отказов от исполнения обязательств, которые призваны буквально изолировать не только страну, но и граждан, предприятия, транснациональные корпорации от взаимодействия с остальным миром. Это ярко отражается в объявлении 36 стран о закрытии собственного воздушного пространства для самолетов из Российской

---

⁴ Комшуклова О.В. Санкции в отношении Ирана: цели и последствия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-v-otnoshenii-irana-tseli-i-posledstviya/viewer> (дата обращения: 20.04.2023).

⁵ Международный Суд ООН частично удовлетворил иск Ирана против США по делу об иранских активах. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1439397#:~:text=Международный%20Суд%20ООН%20признал%20незаконной,замороженных%20средств%20«Банка%20Маркази»> (дата обращения: 14.04.2023).

Федерации⁶. Обращаясь к действующей Конвенции о международной гражданской авиации 1944 года необходимо отметить положения п. в, ст. 9: «Каждое Договаривающееся государство также сохраняет за собой право немедленно при исключительных обстоятельствах ... временно ограничить или запретить полеты над всей своей территорией или какой-либо ее частью при условии, что такое ограничение или запрещение применяется к воздушным судам всех других государств, независимо от их национальности».

Необходимо признать, что механизм применения санкций — это очень активный инструмент, который используется почти при каждом конфликте международного уровня. Но на данный момент не выработан действенный и результативный механизм использования таких экономических санкций, который бы отвечали всем поставленным целям и достигали конечных задач. На национальном уровне в договорных отношениях установлены четкие границы и условия ответственности в механизмах, работающих в схожих с санкциями условиях. Подписанты всегда знают какую ответственность и за что они понесут. А именно вопрос реализации ответственности по международно-правовым обязательствам и невозможно обеспечить и есть этому ряд объективных причин. Среди них можно выделить:

1. Санкции не действенны и, исходя из действующей практики, очень редко достигают поставленных целей.
2. Санкции оборачиваются против самого государства, применившего санкции.
3. Санкции неизбирательные
4. Санкции чаще всего приобретают незаконную форму, форму дискриминации.

---

⁶ Какие страны закрыли воздушное пространство для России. URL: <https://www.forbes.ru/society/457229-kakie-strany-zakryli-vozдушное-prostranstvo-dla-rossii> дата обращения: 20.03.2023)

5. Отдаление стран, нарушение сложных и долгих интеграционных процессов.

Уже второй век санкции и односторонние отказы от исполнения обязательств демонстрируют свою несостоятельность во многих аспектах, и как никогда важно определить проблемы и приступить к работе по разработке решений вопроса обеспечительных мер. Во-первых: невозможно работать с этой проблемой пока не будет признана незаконность многих пунктов санкций, так как именно эта незаконность приводит государства к необходимости в качестве контрмер предпринимать такие же незаконные действия, что в итоге приводит к деградации права как такового. Во-вторых: необходимо признать за государствами возможность введения санкций одновременно с правовым закреплением всех аспектов осуществления реализации подобных мер.

Оставляя вопрос самотек, видится только растущая проблема отсутствия регулирования такой основополагающей сферы общественных отношений, а также разрушение всех хрупких и ценных результатов интеграционных процессов, которые были выстроены на протяжении многих лет.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБСИДИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Глазатов Михаил Владимирович

Аспирант

РУДН имени Патриса Лумумбы

Современные межгосударственные отношения в сфере торговли переживают кардинальные изменения. Построенные на многосторонних соглашениях правила торговли все больше интерпретируются крупными развитыми экономиками «в свою пользу». Применение односторонних ограничений, несоответствующих декларируемому Всемирной торговой организацией (ВТО) духу свободной торговли, оказывают негативное влияние на баланс прав и обязательств, которые скрупулезно выстраивались почти полвека усилиями многих стран, с 1947 год по 1995 год, в ходе нескольких раундов многосторонних торговых переговоров.

Вместе с тем, в условиях геополитической турбулентности, в том числе санкционного давления, подбор эффективного пула мер господдержки отечественных отраслей приобретает дополнительные аспекты. Сегодня меры поддержки должны быть связаны не только с обеспечением устойчивого экономического развития государства. Возникла дополнительная важная задача – технологический суверенитет.

При этом, следует отметить, что один из наиболее активно используемых странами инструментов поддержки – субсидии, как показывает многолетняя практика рассмотрения споров в многосторонней системе регулирования, часто становятся мишенью критики в международных торговых отношениях. Они воспринимаются в качестве элемента практики, искажающей обычный ход торговли.

В связи с этим, изучение правил регулирования субсидий в различных отраслях экономики является крайне важным

и востребованным в настоящее время. А изучение любой проблемы лучше начинать с терминологии.

Субсидии являются широко используемым, гибким и эффективным инструментом финансовой поддержки, но с точки зрения права это терминологически сложносоставное понятие. Более того, на всех уровнях регулирования – международном (многостороннем), региональном и национальном, понятие субсидии трактуется в зависимости от соответствующих иерархических задач.

На международном уровне понятие субсидии закреплено в Соглашении по субсидиям и компенсационным мерам (ССКМ), принятом в рамках ВТО по результатам Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров. В соответствии со статьей 1 данного соглашения под субсидией понимается финансовое содействие правительства или любого публичного органа, в результате которого предоставляется преимущество.

Финансовое содействие может быть выражено в форме: (1) прямого денежного перевода или предоставления обязательств по переводу, (2) отказа от взимания причитающихся доходов, (3) предоставления товаров или услуг помимо общей инфраструктуры или приобретение товаров, (4) осуществления платежей в механизмы финансирования, (5) любая форма поддержки доходов и цен¹.

С учетом практики разрешения споров ВТО, где были даны толкования отдельных элементов понятия термина², можно выделить четыре элемента: Механизм, Распорядитель, Получатель, Цель.

---

¹ Результаты Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров: правовые тексты. М., 2002. С. 226.

² Более подробно рассмотрено в статье: «Понятийный аппарат субсидии: эволюция и использование в рамках многосторонних правил торговли». Евразийский юридический журнал, № 10 (125) 2018.

Рисунок 1. Семантическая декомпозиция понятия субсидия

Базовое понятие для декомпозиции — Соглашение ВТО по субсидии и компенсационным мерам (Мarrакеш, 1994 г.)

Источник: составлено автором

При дальнейшем анализе в каждом из найденных элементов определяются локальные части. Например, элемент «распорядитель» в рассматриваемом понятии состоит из двух локальных частей – «правительство» и «публичный орган», «получатель» – из 4 частей (предприятие, группа предприятий или отрасль промышленности, группа отраслей промышленности), «цель» – из 1 части (предоставление преимущества), а элемент «механизм» – из 5-ти ((1) правительство осуществляет прямой перевод денежных средств; (2) правительство отказывается от взимания или не взимает причитающиеся ему доходы; (3) правительство предоставляет товары или услуги помимо общей инфраструктуры или закупает товары; (4) правительство осуществляет платежи в механизмы финансирования или поручает, либо предписывает частному лицу выполнять одну или несколько функций из числа указанных, на условиях, которые фактически не отличаются от обычной практики правительств; (5) существует любая форма поддержки доходов и цен в смысле статьи XVI ГАТТ 1994). Соответственно, в сумме базовое понятие состоит из 12 локальных частей. Для оценки значимости указанных локальных ча-

стей и их влияния на целое понятие был проведен поэлементный анализ определения ВТО и 10 других определений, применяемых на международном, региональном и национальном уровнях.

Следует отметить, что методы анализа отдельных частей целого объекта вначале были сформированы в отношении физических объектов, например, в машиностроении при проектировании деталей, поскольку необходимо обеспечить некоторые наперед заданные технологические свойства конструкции (обеспечение экономичности разрабатываемого объекта³ и др.). В дальнейшем анализ единого объекта по частям стал использоваться в системах обработки информации. При анализе таких систем используются показатели важности (весовые критерии) каждого из рассматриваемых критериев (локальных частей)⁴.

Так, для оценки весовых коэффициентов критериев используется формула Фишберна, основанная на том, что изменение весовых коэффициентов критериев подчиняется убывающей арифметической прогрессии. Критерии упорядочиваются в строгом ранжированном по важности ряду критериев $i=1,2,\dots,n$, первый критерий ($i=1$) является наиболее важным и имеет наибольший весовой коэффициент. Формула Фишберна для расчета весовых коэффициентов критериев имеет следующий вид:

$$\alpha_i = \frac{2 \cdot (n - i + 1)}{n \cdot (n + 1)}$$

---

³ Соболев В.М. Метод поэлементного анализа. URL: <https://metodolog.ru/00291/00291.html> (дата обращения 14.04.2023).

⁴ Постников В. М., Спиридонов С. Б. Методы выбора весовых коэффициентов локальных критериев // Наука и Образование. МГТУ им. Н.Э. Баумана. Электрон. журн. 2015. № 06. С. 267–287. DOI: 10.7463/0615.0780334. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-vybora-vesovykh-koeffitsientov-lokalnyh-kriteriev> (дата обращения 14.04.2023).

Расчет на основе данной формулы понятия субсидии, используемого в ССКМ (ВТО), приводит к следующим результатам:

Таблица 1. Весовые коэффициенты (значимость) локальных частей понятия субсидии, установленного в ССКМ ВТО

Элемент	Локальные части	Коэффициент
Механизм	5	0,4
Получатель	4	0,3
Распорядитель	2	0,2
Цель	1	0,1

Источник: составлено автором

Таким образом, в ходе проведенного исследования разработан и предложен к практическому использованию следующий метод поэлементного анализа сложносоставных понятий.

1. Одно из исследуемых понятий берется в качестве базового. В настоящей работе, учитывая общепризнанность понятия субсидии в ВТО, наличия в нем всех 4 элементов, именно оно взято в качестве базового для анализа понятий, применяемых другими международными организациями, а также в региональной и национальной юрисдикциях и секторальном разрезе.

2. При проведении декомпозиции выделяются основные элементы понятия, и их локальные части. Например, как было описано выше, элемент «распорядитель» в рассматриваемом понятии состоит из 2 частей «получатель» - из 4 частей, «цель» - из 1 частей, а элемент механизм – из 5-ти. Таким образом, базовое понятие состоит из 12 локальных частей. Этому числу присваивается, как целому и базовому, 100%.

3. Весовые оценки значимости элементов в понятии определяются по формуле, выведенной на основе формулы Фишберна и адаптированной под задачи данного исследования:

$$a_i = \frac{b_i}{c},$$

где:

a – вес (значение) рассматриваемого элемента понятия;

b – количество локальных частей рассматриваемого элемента;

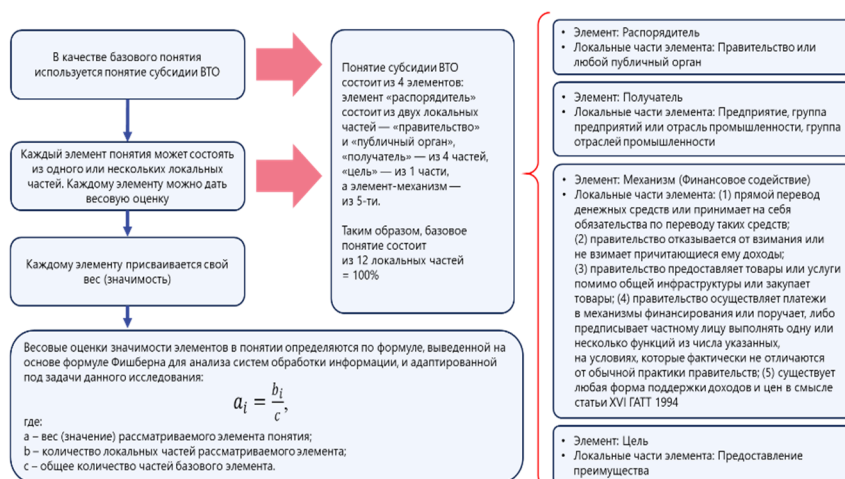
c – общее количество частей базового элемента.

4. В состав интегрального понятия элементы входят с весовыми коэффициентами значимости. На завершающем этапе сравниваются различные определения одного понятия, используемые на международном, региональном и национальном уровне, а также в секторальном разрезе.

Рисунок 2. Поэлементный анализ понятия субсидии

Поэлементный анализ понятия субсидии

5

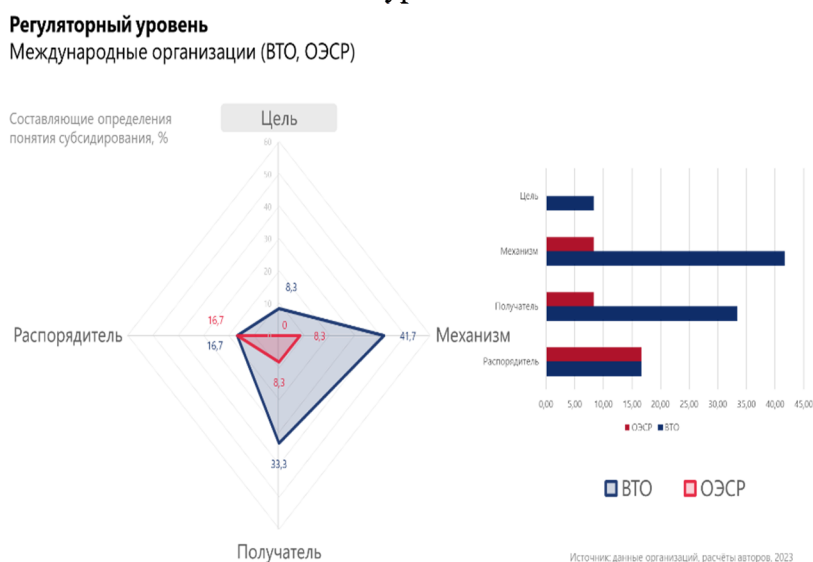

Источник: составлено автором

На международном уровне кроме ВТО, понятие субсидии также используется Организацией экономического со-

трудничества и развития (ОЭСР). В соответствии с Глоссарием статистических терминов ОЭСР⁵, субсидии представляют собой безвозмездные платежи, которые правительственные органы, в том числе органы-нерезиденты, осуществляют предприятиям на основе уровня их производственной деятельности или количества или стоимости товаров и услуг, которые они производят, продают или импортируют.

Рисунок 3. Понятие субсидии, используемое на международном уровне

Источник: составлено автором

Как можно видеть на рисунке 3, термин, используемый ОЭСР, что важно, не содержит такого элемента как «цель». Значимость остальных элементов распределена примерно поровну.

⁵ OECD Glossary of Statistical Terms. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-glossary-of-statistical-terms_9789264055087-en (дата обращения 14.04.2023).

На национальном уровне, анализ понятия субсидии проводился на примере законодательства таких стран-членов ВТО, как США, Россия, Казахстан⁶.

Так, например, в США в Законе о тарифе 1930 года⁷ под субсидией понимается финансовое содействие или предоставление любой формы доходов или поддержки цен, или плата в механизм финансирования со стороны органа власти, включая ситуации, когда такой орган поручает сделать это частному лицу, в отношении любого лица, в результате чего оно получает преимущество.

В Российской Федерации понятие субсидии закреплено в двух Федеральных законах и имеет разную сферу применения. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» (Федеральный закон № 165-ФЗ) определяет порядок проведения компенсационных расследований и введения компенсационных мер. В свою очередь, Бюджетный кодекс РФ (Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ) регулирует предоставление субсидий из бюджетов разных уровней (федерального, регионального и местного).

В соответствии с Федеральным законом № 165-ФЗ субсидия иностранного государства (союза иностранных государств) определяется как финансовое содействие, осуществляемое непосредственно правительством или иным государственным органом иностранного государства (союза иностранных государств), либо через негосударственную органи-

---

⁶ Более подробно изложено в статье: «Субсидии в законодательстве отдельных стран – членов ВТО и интеграционных объединений: сравнительно-правовой анализ». Государство и право, 2021, № 4, с. 120–130.

⁷ An Act To provide revenue to regulate commerce with foreign countries, to encourage the industries of the United States, to protect American labor, and for other purposes. SEVENTY-FIRST CONGRESS. Sess. II. CH. 497. June 17, 1930. Public, No. 361.

зацию по поручению правительства иностранного государства (союза иностранных государств), и дающее получателю субсидии дополнительные преимущества. Отличительной особенностью является то, что в качестве распорядителя субсидии могут выступать не только иностранные государства, но и их союзы.

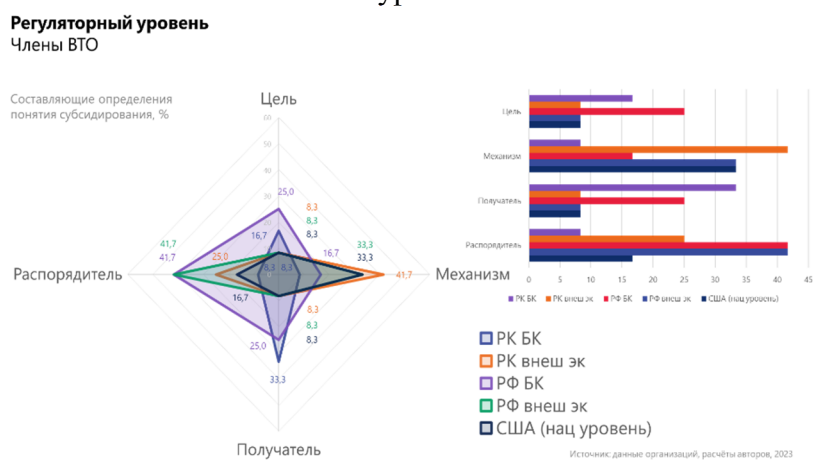
Интерес представляет определение, используемое в Бюджетном кодексе, поскольку определение субсидии в Федеральном законе № 165-ФЗ, так же как в случае США, во многом повторяет принятое в ВТО.

В соответствии со статьей 78 Бюджетного кодекса РФ субсидии предоставляются юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг. Субсидии предоставляются на безвозмездной и безвозвратной основе, а их целями могут быть (1) возмещение недополученных доходов и (или) затрат, связанных с производством или реализацией товаров, (2) выполнением работ, (3) оказанием услуг. В части 2 данной статьи уточняется, что субсидия может быть предоставлена (1) из Федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, (2) бюджета субъекта Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов, (3) из местного бюджета.

То есть, в Бюджетном кодексе уточняются категории получателей субсидии, их источник и цели предоставления, однако не фиксируется, должны ли субсидии предоставлять преимущество получателю, что является важным элементом, подтверждающим, как минимум, их эффективность и формирует, собственно, цель. А определение, используемое в Федеральном законе № 165-ФЗ, квалифицирует финансовое содействие со стороны правительства как предоставление преимущества, причем, уточняется, что рассматриваются не только субсидии отдельных государств, но и их союзов. Такой под-

ход является важным с учетом развития интеграционных объединений. Таким образом, при том, что в правовой системе РФ присутствуют два различных понятия субсидии, они, однако, схожи по своему наполнению.

Рисунок 4. Понятие субсидии, используемое на национальных уровнях

Источник: составлено автором

Республика Казахстан, как и Российская Федерация, является участником молодого интеграционного объединения – Евразийского экономического союза (Союз). Хотя в Договоре о Союзе присутствует общее для все членов определение субсидий (рассмотрено далее по тексту), государства-члены параллельно сохраняют свои национальные определения субсидий.

Подход к определению субсидии в Казахстане схож с российским. Точно также есть две дефиниции – в Бюджетном кодексе и в профильном законе. В соответствии с пунктом 4 статьи 35 Бюджетного кодекса Республики Казахстан от 4 декабря 2008 г. № 95-IV к бюджетным субсидиям (то есть четко уточняется, что это не просто субсидия, а именно бюджетная

субсидия) относятся невозвратные платежи из бюджета, которые предоставляются физическим и юридическим лицам, в т.ч. крестьянским или фермерским хозяйствам, только при отсутствии другого способа выполнения государственных функций и реализации социально-экономических задач развития республики или региона в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Казахстан.

В Законе Республики Казахстан от 8 июня 2015 г. № 316-V ЗРК «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах по отношению к третьим странам» содержится определение субсидии, используемое уже при внешнеторговом взаимодействии. В соответствии с данным Законом к субсидиям относится финансовое содействие, производимое субсидирующим органом (государственным органом либо органом местного самоуправления), которое создает для получателя субсидии дополнительные преимущества и осуществляется в форме: (1) прямого перевода денег; (2) списания средств либо полного или частичного отказа от взимания средств; (3) льготного или безвозмездного предоставления товаров либо услуг; (4) льготного приобретения товаров; (5) любой форме поддержки доходов или цен.

Следует отметить, что особенностью определения субсидий в рассмотренных национальных правовых системах, за исключением американского законодательства, является дуализм определения субсидий. Он наблюдается в том, что одно определение используется при внешнеторговой деятельности государства и, очевидно, с учетом участия стран в ВТО, во многом копирует определение субсидии, принятое в организации. Поэтому, значимость элементов понятия сбалансировано. С другой стороны, используется иное определение субсидии в сфере бюджетного законодательства. В данной сфере присутствует явный акцент на распорядителе и получателе субсидий, однако не фиксируется, предоставляется ли преимущество получателю субсидии. Этот важный аспект четко

разграничивает определения, используемые в внешнеэкономических отношениях, где получение преимущества является необходимой чертой субсидии, и определения, используемые в других сферах государственного регулирования.

На региональном уровне, в рамках ЕАЭС также присутствуют два определения понятия субсидии. Они закреплены в разных протоколах: (1) «внешнеэкономическое» закреплено в Протоколе о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам⁸ (далее Протокол о спецмерах), а (2) «промышленное» – в Протоколе о единых правилах предоставления промышленных субсидий⁹ (далее Протокол о субсидиях).

В силу пункта 1 Протокола о субсидиях, под субсидией понимается финансовое содействие, которое оказывается субсидирующим органом государства-члена (или уполномоченного государством-членом структурой), в результате которого создаются (обеспечиваются) преимущества. Данное финансовое содействие осуществляется посредством:

- прямого перевода денежных средств;
- полного и частичного отказа от взимания платежей, которые должны были бы поступать в доход государства-члена;
- предоставление товаров или услуг;
- приобретение промышленных товаров;
- любой другой формы поддержки доходов или цен, которая действует (прямо или косвенно) на сокращение ввоза промышленного товара с территории любого государства-

---

⁸ Приложение N 8 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/77069627ec60437a6e219066ea0dad0a4a34b94e/ (дата обращения 14.04.2023)

⁹ Приложение N 28 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/aeb33871d0f2fa0e32b429592c30d90e793cсба7/ (дата обращения 15.04.2023)

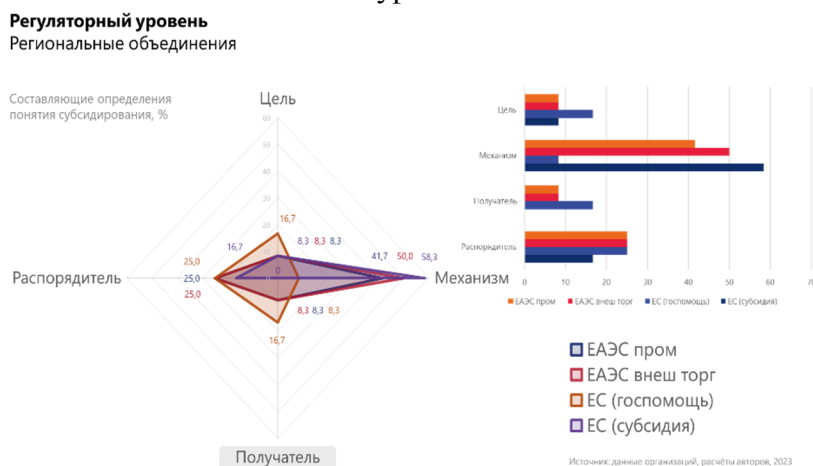
члена или на увеличение вывоза промышленного товара на территорию любого государства-члена.

Под субсидирующим органом в соответствии с пунктом 2 данного Протокола понимается один или несколько государственных органов либо органов местного самоуправления государств-членов, которые принимают решения в области предоставления субсидий. Получателем субсидии является производитель промышленного товара, приобретающий выгоду от субсидии.

В соответствии с пунктом 121 Протокола о спецмерах под субсидией понимается финансовое содействие, осуществляемое субсидирующим органом в пределах территории экспортирующей третьей страны и дающее получателю субсидии дополнительные преимущества. Субсидии могут предоставляться в форме (1) прямого перевода денежных средств или обязательства по переводу таких средств; (2) списания средств либо полного или частичного отказа от взимания средств; (3) льготного или безвозмездного предоставления товаров либо услуг; (4) любой формы поддержки доходов или цен.

Под субсидирующим органом согласно пункту 1 того же Протокола понимается государственный орган либо орган местного самоуправления экспортирующей третьей страны или лицо, действующее по их поручению или уполномоченное в соответствии с правовым актом или исходя из фактических обстоятельств.

Рисунок 5. Понятие субсидии, используемое на региональных уровнях

Источник: составлено автором

Описанный дуализм наблюдается и в рамках других интеграционных объединений. Так, в ЕС также используется два понятия – субсидия и государственная помощь. При этом, сфера их применения различна. Понятие субсидии (subsidy), закреплено в Регламенте Европейского парламента и Совета от 8 июня 2016 г. № 2016/1037 «О защите от субсидируемого импорта из стран, не являющихся членами ЕС» и используется при проведении компенсационных расследований Сообществом, а государственная помощь (State Aid), закреплена в Договоре об учреждении Европейского экономического сообщества 1957 г. и регулирует вопросы применения субсидий, предоставляемых правительствами государств – членом ЕС своим национальным производителям.

В соответствии со статьей 3 Регламента № 2016/1037 субсидия существует, когда существует финансовое содействие со стороны правительства страны экспорта, создающее преимущество. В качестве финансового содействия учитываются действия правительства по прямому переводу средств,

потенциальному переводу средств, или когда правительство отказывается от взимания причитающихся ему доходов, или когда предоставляет товары или услуги помимо общей инфраструктуры или приобретает товары, а также осуществляет платежи в механизм финансирования или поручает частному органу выполнить одну из указанных функций правительства. Под правительством понимается как непосредственно само правительство, так и любой публичный орган на территории страны экспорта.

В пункте 1 статьи 107 Договора о функционировании ЕС устанавливается, что к государственной помощи (State Aid) относится любая помощь государства-члена, предоставленная за счет государственных ресурсов в любой форме и которая искажает или является угрозой искажения конкуренции за счет создания преимуществ отдельным предприятиям или производству определенных товаров.

Характерно, что несмотря на особенности, присущие регулированию государственной помощи в ЕС (то есть устранение угрозы искажения конкуренции на внутреннем рынке за счет создания преимуществ отдельным предприятиям через предоставление отдельными государствами-членами финансового содействия своим предприятиям), данные признаки показывают некоторую корреляцию с определением субсидии, данным в ССКМ.

Таким образом, инструмент субсидии используется в разных регуляторных системах разного уровня, что как можно видеть, четко отражается в дефинициях. Особенностью регионального уровня является разделение определений субсидий в рамках одной отрасли экономики. То есть, два разных определения субсидии регулируют вопросы торговли, с одной стороны внешней по отношению к интеграционному объединению, с другой – внутренней. При этом, используемые определения имеют крайне схожую структуру. Очевидно, это связано с тем, что базой выступает определение, используемое в ВТО.

В определениях, используемых на региональном уровне, акцент в значимости смещен на распорядителя и механизм получения субсидии. Субсидии, как уже было отмечено, являясь главным инструментом политики государства в отношении развития отдельных секторов экономики, являются сложным и многогранным механизмом. Поэтому, их определение устанавливается не только при осуществлении поддержки промышленных предприятий, но и хозяйствующих субъектов в других видах деятельности.

Следует отметить, что в отношении субсидий, применяемых в специфических секторах экономики (например, энергетический сектор, сельское хозяйство и др.), четкого определения не выработано, оно варьируется в зависимости от того, какая международная организация осуществляет оценку субсидий. Кроме того, данные определения не имеют оформленного юридического закрепления в документах. Это, скорее подходы каждой из организаций к тому, что такое субсидия в их понимании. Определения данных терминов размещены на официальных сайтах. Тем не менее, этой информацией невозможно пренебрегать. Сегодня использование определений, размещенных таким способом, является распространенной деловой практикой, фактически, можно сказать, деловым обычаем, а обычай, как известно, рассматривается как источник права. Именно поэтому они также рассматриваются для полноты анализа.

В энергетическом секторе ОЭСР оценивает так называемую «господдержку» (government support)¹⁰, поскольку это позволяет «всесторонне и нейтрально» рассматривать политику правительства. Господдержка включает в себя как пря-

---

¹⁰ ANALYSING ENERGY SUBSIDIES IN THE COUNTRIES OF EASTERN EUROPE, CAUCASUS AND CENTRAL ASIA. URL: https://www.oecd.org/env/outreach/energy_subsidies.pdf (дата обращения 14.04.2023).

мые бюджетные, так и налоговые расходы, которые обеспечивают выгоду или преимущество для производства или потребления ископаемого топлива по сравнению с альтернативными источниками. То есть, ОЭСР выделяет финансовый элемент субсидии (бюджетные и налоговые расходы) и фиксирует получения преимущества за счет финансовых вливаний. При этом, очевидно, что финансирование осуществляется со стороны государства в пользу компаний производителей или потребителей энергии.

Можно отметить, что «господдержка», оцениваемая ОЭСР в энергетическом секторе, очень близка по своему элементному наполнению к определению «субсидии», используемому в ВТО. Однако, такой элемент субсидии как «распорядитель» не детализирован, хотя очевидно, что как бюджетные, так и налоговые ресурсы могут быть связаны только с государством. Остальные элементы детализированы не так подробно, как в ВТО, что может быть объяснено особенностью финансирования энергетического сектора, имея ввиду прямое финансирование из бюджета.

Международное энергетическое агентство (МЭА) определяет энергетические субсидии как «любое действие государства в первичном энергетическом секторе, направленное на снижение издержек производства энергии, повышение цены, уплачиваемой производителю энергии, или снижение цены, уплачиваемой потребителем энергии»¹¹. МЭА оценивает субсидии на ископаемые виды топлива, которые используются в качестве сырья конечными потребителями или в качестве ресурсов для производства электроэнергии. В данном случае подход представляется более широким. Уже рассматривается «любое действие» государства. Такое действие может как носить финансовый характер, так и не носить. Следо-

---

¹¹ IEA. Energy subsidies. URL: <https://www.iea.org/topics/energy-subsidies#methodology-and-assumptions> (дата обращения 14.04.2023).

вательно, оно выходит за рамки используемого в ВТО, и акцент смещен в сторону целей предоставления субсидий и их получателей.

Международный валютный фонд (МВФ) оценивает «доналоговые» (в основном на потребление) субсидии и «посленалоговые» субсидии, учитывающие снижение экологических издержек и налогов на потребление, а также производственные субсидии¹². Субсидии возникают, например, в случае, когда цена на энергоноситель не включает внешние издержки и/или существуют льготные ставки «налога» на потребление энергии. Внешние издержки включают вклад в изменение климата в результате выбросов парниковых газов, ущерб здоровью из-за выброса вредных загрязнителей, таких как твердые частицы, а также аварий, связанных с использованием топлива. Определение цены на энергоносители предполагает отражение этих неблагоприятных последствий и применение налогов на потребление топлива.

Подход МВФ связан исключительно с вопросами взимания налогов, поэтому он носит узкий характер. Вместе с тем, в таком подходе, очевидно, присутствует финансовый компонент, распорядителем субсидий является государство, а преимущество достигается за счет снижения налогов относительно «базового» уровня. Подход, используемый МВФ, основывается на двух элементах – это механизм и цель получения субсидий. Очевидно, что в данном случае «налогового» оценивания, распорядителем будет только государство, то есть элемент распорядитель имеет наиболее низкое значение.

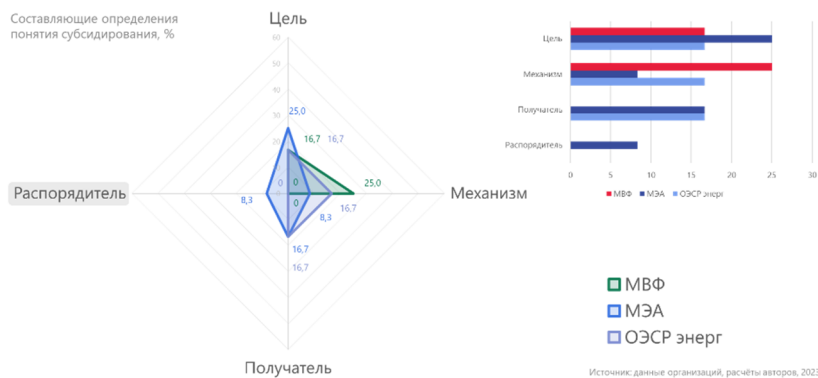
---

¹² IMF. Fossil Fuel Subsidies. URL: <https://www.imf.org/en/Topics/climate-change/energy-subsidies> (дата обращения 14.04.2023)

Рисунок 6. Понятие субсидии, используемое в энергетике

Секторальный уровень
Энергетика

Источник: составлено автором

На рисунке 6 можно видеть, что в энергетическом секторе определения не имеют достаточной детализации, и наиболее сбалансированный подход имеет термин, используемый ОЭСР. Это может объясняться тем, что основной деятельностью данной организации является экономический и статистический анализ, выявляющий особенности практики госрегулирования, поэтому используется детализированная терминология. Недостаточность в детализации объективно можно объяснить еще и этапом формирования.

Еще одним сектором, где понятие субсидии имеет специфический секторальный оттенок является сельское хозяйство. Сельское хозяйство – это особый сектор экономики, который ни в одной стране не обходится без господдержки, поскольку является крайне зависимым от воздействия внешних, прежде всего природных, факторов. Очевидно, что, различные погодные явления могут принести фермерам значительные убытки, вплоть до разорения. Кроме того, устойчивое развитие фермерства – это еще и важнейшие социальные задачи общенационального уровня по сохранению и развитию насе-

ления и территорий, обеспечения продовольственной безопасности. Безусловно, решение таких масштабных задач – это прерогатива государства, обеспечивающего соответственный постоянный объем поддержки.

В секторе сельского хозяйства для анализа были взяты определения:

- Минсельхоза США, так как министерством сформировано активно используемое секторальное определение. Следует отметить, что подобные практики, когда министерство пользуется самостоятельным определением, например, в Российской Федерации и Республике Казахстан, не применяются;

- ОЭСР, так как организация занимается подсчетом и анализом предоставляемых государствами субсидий, включая сельскохозяйственные;

- Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), так как организация является специализированным учреждением ООН, возглавляющим международные усилия по борьбе с голодом и обеспечивающим продовольственную безопасность, которая напрямую связана с вопросами поддержки сельского хозяйства;

- частного американского института (Stray Dog Institute) в качестве примера «квазисубсидирования»¹³. Данный институт продвигает достаточно передовые подходы к использованию продуктов животного происхождения, имея в виду их снижение и переход на растительные альтернативы. Современное промышленное сельское хозяйство в США максимизирует эффективность затрат в цепочках поставок и приносит непропорционально большую прибыль крупным корпоративным интересам за счет людей, животных и природных систем. Институт поддерживает сельскохозяйственную систему, которая защищает и улучшает благополучие животных, людей и

---

¹³ Данный термин используется, поскольку институт не является правительственным органом.

окружающую среду, предоставляя партнерам финансирование. Следует отметить, что «квазисубсидирование» формирует деловую практику, которая через деловой обычай фактически может являться источником норм и правил.

Так, Минсельхоз США (United States Department of Agriculture) определяют сельскохозяйственные субсидии, как денежные выплаты и другие виды поддержки фермерам или агропредприятиям¹⁴.

ОЭСР определяет сельхозсубсидии как ежегодную денежную стоимость валовых трансфертов сельскому хозяйству от потребителей и налогоплательщиков, возникающих в результате государственной политики поддержки сельского хозяйства, независимо от ее целей и экономических последствий¹⁵. Данный подход носит чисто экономической характер и оценивает объемы субсидирования в годовом выражении.

ФАО определяет субсидии как плата или льгота, предоставляемая для частичной компенсации стоимости определенных видов деятельности, таких как изготовление, производство или экспорт товара¹⁶.

В научной среде в отношении сельхозсубсидий подходы к определению коррелируют с определением Минсельхоза США. Например, американский частный институт «Straydog Institute» определяет сельхоз субсидии как денежные выплаты и другие виды поддержки, предоставляемые государством фермерам и агропредприятиям¹⁷.

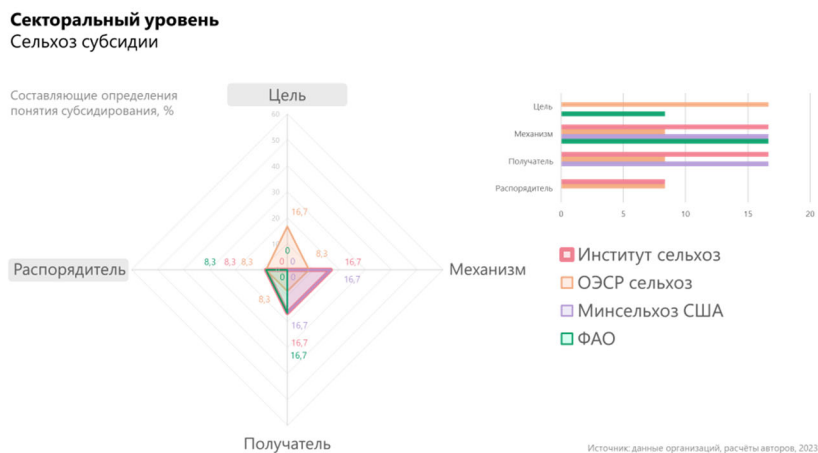
¹⁴ U.S. Department of Agriculture. National Agricultural Library. Agricultural Subsidies. URL: <https://www.nal.usda.gov/economics-business-and-trade/agricultural-subsidies> (дата обращения 14.04.2023).

¹⁵ OECD Data. Agricultural support. URL: <https://data.oecd.org/agrpolicy/agricultural-support.htm> (дата обращения 14.04.2023).

¹⁶ FAOLEX Database. URL: <https://www.fao.org/faolex/glossary/en/#S> (дата обращения 14.04.2023).

¹⁷ Challenges and Opportunities Surrounding US Agricultural Subsidies by Stray Dog Institute. URL: <https://straydoginstitute.org/agricultural-subsidies/> (дата обращения 14.04.2023).

Рисунок 7. Понятие субсидии, используемое в сельском хозяйстве

Источник: составлено автором

Таким образом, в сельскохозяйственном секторе также присутствует своя отраслевая специфика в подходах к определению субсидии. В данному секторе для государства является крайне важным, чтобы поддержка (субсидии) «дошла» до получателей наиболее эффективным и быстрым способом. Очевидно, что фермеры не могут быть застрахованы от непредвиденных обстоятельств, включая не только природные катаклизмы, но и волатильность сырьевых рынков. Государственные субсидии приобретают особое значение. Кроме того, регулирования сельскохозяйственных субсидий в ВТО отличается от аналогичного в промышленной сфере. Например, некоторые субсидии, не искажающие торговлю, могут быть разрешены. Именно поэтому основными элементами субсидии являются: получатель и механизм.

Выводы.

1. Понятие субсидии имеет юридическое закрепление на всех трех уровнях регулирования: международном, региональном, национальном.

2. Базовым определением, имеющим «жесткое ядро»¹⁸, состоящее из 4 элементов – «распорядитель», «получатель», «механизм» и «цель», является определение ВТО, и эти элементы полноценно наполнены локальными частями.

3. Субсидии – это практически всегда меры, связанные с предоставлением финансовых ресурсов со стороны государства или правительственных органов.

4. Не все рассмотренные определения содержат 4 элемента, и не во всех определениях элементы могут быть полноценно заполнены. Если смотреть в более широком контексте, то в охват мер поддержки отраслей попадают также и нефинансовые меры.

5. В целом, наиболее значимым элементом понятия субсидия является «Механизм».

6. На национальном и региональном уровне дополнительно к элементу «механизм» значение придается «распорядителю».

7. В секторальном разрезе значение имеют различные элементы. Так, в энергетике: «цель» и «механизм», а в сельском хозяйстве – «цель», «механизм» и «получатель».

---

¹⁸ По И.Лакатосу – это фундаментальные принципы (в данном случае элементы), которые помогают сохранять целостность (в данном случае понятие).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР СО СТОРОНЫ ЗАПАДА

Епихин Евгений Валерьевич

*Аспирант кафедры международного права
Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации
evgeny.epikhin@mail.ru*

В настоящей статье рассматриваются предпосылки и возможные последствия тектонических изменений в сфере трансфера технологий, возникшие вследствие современных беспрецедентных ограничительных мер со стороны Запада.

Согласно определению экспертов Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) под трансфером технологий (далее ТТ) понимается сделка, которая предусматривает любой вид передачи технологических услуг. Под технологическими услугами принято понимать совокупность знаний, научные достижения, результаты исследований и разработок, которые применяются в производстве продукции и услуг.

На сегодняшний день основными регулирующими механизмами ТТ являются возникшие естественным образом каналы передачи технологий. Каналы ТТ определяются как установившиеся обычаи в сфере международного коммерческого и научно-технического сотрудничества, а именно: совместная научно-исследовательская работа (НИР), инвестиции, торговля товарами и услугами, обратный инжиниринг, перемещение кадров, лицензирование, патенты. В сфере международного научно-технического сотрудничества (далее МНТС), в условиях ограничительных мер мировое сообщество объединяется в новые экономические и политические союзы, устанавливавшиеся десятилетиями каналы ТТ наруша-

ются, изменяются правила игры с точки зрения международного права в сфере интеллектуальной собственности – все эти предпосылки в корне меняют законы по которым будет развиваться мировое научно-технологическое сообщество.

В условиях современных ограничительных мер важность выработки новых международно-правовых основ ТТ является одной из критически важных составляющих обеспечения технологического суверенитета РФ и дружественных ей стран. Изменения в национальном праве, усиливающиеся МНТС в укрепляющихся союзах государств – неизбежно будут иметь принципиальное значение в формировании новых подходов к ТТ в международном праве.

Важным последствием санкций стали изменения в национальном законодательстве РФ, имеющие локальное значение, в частности выразившиеся в утрате силы Главы 77 (ГК РФ ч.4) с 01.01.2022 г. о «Праве использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии»¹. Одновременно возникают новые механизмы национального регулирования, которые имеют уже глобальное мировое значение, такие как «частичная отмена патентного права» - Премьер-министр РФ Михаил Мишустин 06.03.2022 г. подписал постановление №299², которое коренным образом

---

¹ Федеральный закон РФ от 22 декабря 2020 г. № 456-ФЗ "О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации". // Официальный интернет-портал правовой информации РФ (pravo.gov.ru). 22 декабря 2020 г. №: 0001202012220087.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 06 марта 2022 г. № 299 "О внесении изменения в пункт 2 методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядка ее выплаты". // Официальный интернет-портал правовой информации РФ (pravo.gov.ru). 06 марта 2022 г. №:0001202203070005.

меняет всю международную систему патентов, удостоверяющих исключительное право владельца патента на изобретение и закрепляющее возможность получения авторского вознаграждения за передачу прав на использование изобретения. В соответствии с принятым постановлением российские компании полностью освобождаются от оплаты авторского вознаграждения патентообладателям, зарегистрированным в недружественных для РФ странах. Кроме этого, сами технологии рожают новые законы в отношении самих себя – технологии искусственного интеллекта (далее ИИ), являющиеся частью объектов интеллектуальной собственности и/или технологии, стали влиять на саму суть этих нематериальных объектов, видоизменять и развивать их в процессе существования без участия человека – таким образом ИИ в корне меняет правовые и практические основы: защиты и обращения с объектами интеллектуальной собственности, авторства, лицензионных отношений и пр.

Вместе с этим современный мировой рынок сильно сегментирован, это, в частности, выражается в том, что в цепочке кооперации по МНТС в разработке и производстве высокотехнологичной продукции участвует множество агентов из дружественных и недружественных друг другу стран. Такая сегментация делает невозможным санкционное давление без отрицательных эффектов для всех агентов в цепочке кооперации, в том числе и на агентов из стран, инициировавших или поддержавших санкции. Здесь в качестве примера возможно привести тайваньскую компанию *TSMC*, занимавшую более 50% мировой выручки в области производства полупроводниковых компонентов, которая в результате введенных против России санкций осталась без ряда редкоземельных элементов, в отсутствии которых продолжение производства оказалось невозможным.

Для более глубокого понимания проблем, возникающих при ТТ, рассмотрим классификацию термина «трансфер технологий».

Определение ТТ приведено в начале статьи. Однако для понимания сути ТТ следует обратить внимание на три аспекта:

- Мягкое право. В контексте международного права трансфер технологий регулируется *мягким правом*;
- Каналы ТТ. Как уже было отмечено выше, процесс ТТ регулируется естественно возникшими каналами передачи технологий, именно каналы передачи определяют те законы (обычаи), которые имеют первостепенное значение для практических способов передачи технологии в мире;
- Классификация ТТ - третий важный аспект, который позволяет расширить понимание природы и процесса трансфера технологий.

Краткая классификация ТТ:

- По форме трансфера: основанная на национальном или международном праве и практическая;
- По типу участвующих субъектов: дружественные и недружественные друг другу страны;
- По типу исполнителя: НИИ, компания, консорциум, производственная цепочка;
- Искусственный интеллект. В последние годы, ИИ начал использоваться в виде, когда он является частью технологии и, в процессе своего развития, может влиять на параметры технологии и/или на ее суть;
- По типу технологии: военно-промышленного комплекса, двойного назначения, гражданская;
- Трансфер физических компонент технологии: технологические процессы, техническая и технологическая документация, оборудование, инструменты, материалы, программные продукты;
- Трансфер информационных компонент: научные знания; кадры; процессы: маркетинга, менеджмента, производства и сервиса.

Зарождение и развитие международно-правовых проблем трансфера технологий берет свое начало во времена работы мирового сообщества над восстановлением глобальной экономики в поствоенное время (1940-е - 1950-е годы). В это время проходит ряд важных раундов переговоров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее ГАТТ), фактически выполнявшего функции международной организации. Создается Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности³ (далее ТРИПС), Всемирная торговая организация (далее ВТО). Это же время знаменуется развитием санкционной политики. Важно обратить внимание, что «Экономические санкции по определению противоречат «золотому правилу» ГАТТ, воплощённому в принципе недискриминации и режиме наиболее благоприятствуемой нации»⁴. Статьи I и XI ГАТТ⁵ применяются к ограничениям не только на ввоз, но и на вывоз. Этот запрет прямым образом вступает в противоречие с любыми ограничениями или эмбарго, которые, как правило, и составляют суть экономических санкций. При этом санкции, как политическая практика, набрали вес именно во времена ГАТТ и благодаря работе в рамках раундов переговоров по этому соглашению. Позже многие исследователи стали называть это время - временем формирования так называемого «санкционного права».

---

³ Соглашение о торговых аспектах прав на интеллектуальную собственность (Agreement on Trade-Related Aspects of International Property Rights). 15 апреля 1994 г. ВТО. [https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm#:~:text=\(unamended\),Morocco%20on%2015%20April%201994](https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm#:~:text=(unamended),Morocco%20on%2015%20April%201994). (дата обращения 29 апреля 2023 г.).

⁴ См.: Рачков И.В. Экономические санкции с точки зрения права ГАТТ / ВТО. // Международное правосудие. 2014. С. 105.

⁵ Протокол о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению. // Собрание законодательства Российской Федерации. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2916–2991. Соглашение на английском языке опубликовано: Собрание законодательства Российской Федерации. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. V). С. 2442–2511.

В процессе инкорпорирования международно-правовых основ охраны и защиты интеллектуальной собственности в ГАТТ, проявились разные подходы развитых и развивающихся стран к объектам интеллектуальной собственности. Развивающиеся страны проявляли приверженность к принципам Всемирной организации интеллектуальной собственности (*WIPO*). Однако в результате компромисса в ГАТТ были сформированы новые международно-правовые механизмы, выразившиеся в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее ТРИПС). Согласно меткой мысли из работы Д.Ричмана и Д.Лэнга⁶: Соглашение ТРИПС явилось микрокосмосом более крупной *взаимо-«выгодной сделки»* достигнутой рамках Уругвайского соглашения⁷. Камнем преткновения, началом и сутью этой сделки стал вопрос регулирования и доступа развивающихся стран к патентам принадлежавшим агентам из развитых стран, особенно в областях аграрного сектора, медицины и фармацевтики. В конечном счете развивающиеся страны согласились принять кодифицированные условия в отношении прав на интеллектуальную собственность в обмен на доступ к развитым рынкам производства ТНП, медикаментов и продукции аграрного сектора.

Соглашение ТРИПС продемонстрировало квазигибкость в отношении развивающихся стран. Это была мина замедленного действия. Гибкость соглашения выразилась в переходном периоде – поэтапном выполнении условий ТРИПС: соглашением установлена 4-х летняя отсрочка для развивающихся стран (Ст. 65 ТРИПС) и 10-ти летняя отсрочка для

---

⁶ См.: J.H. Reichman, David Lange. Bargaining Around the TRIPS Agreement: The Case for Ongoing Public-Private Initiatives to Facilitate Worldwide Intellectual Property Transactions // *Duke Journal of Comparative and International Law*. 1998. V.9, N.1. С. 40.

⁷ Закон о соглашениях Уругвайского раунда. 08 декабря 1994 г. Конгресс США. Pub.L. 103—465, 108 Stat. 4809.

наименее развитых стран (Ст. 66.1 ТРИПС). Эта отсрочка материализовалась в реакцию со стороны развитых стран и их наиболее влиятельных агентов, которая выразилась в неуважении к необходимости предоставления доступа к своим технологиям, патентам, объектам интеллектуальной собственности во время законной отсрочки в выполнении развивающимися странами своих обязательств по соглашению.

Типичные для «цивилизованного мира» двойные стандарты проявили себя в трансформации переходного периода в неизменный, о чем красноречиво свидетельствуют цитаты:

«Если мы придем к системе, в которой защиты патентов не существует - мы убьем WIPO. Я всецело за проактивное воплощение, но я так же за защиту гарантированных юридических прав для американских и других компаний, принимая во внимание ведущуюся ими работу», – Посол США при ООН Бетти Кинг⁸, 2010 г.

«... около 60% населения наименее развитых стран моложе 25 лет. ... существует прекрасная возможность использовать этот молодой талант для будущего развития и роста. Это молодое население может получить образование за счет увеличения финансирования стипендий, стать предпринимателями и получить финансовую поддержку для развития предприятий в своих странах. При полном осуществлении статьи 66.2 Соглашение ТРИПС может использовать этот скрытый талант ...», – Дэвид М. Фокс⁹, 2019 г.

В условиях лукавого подхода «развитых» стран становится очевидной важность формирования новой междуна-

---

⁸ См.: William New. Intellectual property watch. // 2010. <https://www.ip-watch.org/2010/12/17/us-ambassador-over-focus-on-development-will-kill-wipo/> (дата обращения 25 апреля 2023 г.).

⁹ См.: David M. Fox. Technology transfer and the TRIPS agreement. Are developed countries meeting their end of the Bargain? // *Hastings science and technology law journal*. 2019. Vol.10:1. С. 38.

родно-правовой и национальной защиты трансфера технологий для технологического суверенитета России и дружественных государств (союзов государств).

Эпоха однополярного мира подходит к своему логическому завершению. Проблемы, рожденные в противостоянии «развитых» и «развивающихся» стран в 20 веке, в том числе обусловленные нормами международного права, закрепленными в принципах ВТО и ТРИПС, разница в трактовке таких норм и глобальная санкционная политика - стали основой для рождения многополярности. Количество санкций, а также скорость их штамповки не знают прецедентов. Неизбежное в этих условиях сопротивление «развивающихся» стран стало приводным механизмом развития национальных экономик, выстраивания политических, технологических отношений и союзов государств, в том числе с появлением новых центров в виде БРИКС, ЕАЭС, ШОС и других и появлением на мировой арене новых влиятельных игроков как в политическом, так и технологическом смыслах: Россия, КНР, Индия и др.

На Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2022) Президент РФ Владимир Путин заявил: «Речь идет об объективных процессах, о поистине революционных, тектонических изменениях в геополитике, глобальной экономике, в технологической сфере, во всей системе международных отношений, где существенно возрастает роль динамичных перспективных государств и регионов, интересы которых больше невозможно игнорировать». «Пытаясь сохранить мир со старыми правилами, США словно перестали замечать, что за последние десятилетия на планете появились новые мощные центры. И каждый из них развивает свои политические системы и общественные институты. У них есть свои модели экономического роста, они имеют право на обеспечение национального суверенитета», – добавил Путин¹⁰.

---

¹⁰ См.: Путин В.В. Речь. ПМЭФ-2022. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения 15 апреля 2023 г.).

На сегодняшний день национальный суверенитет государств в наибольшей степени зависит от уровня их технологического развития и выстроенных технологических цепочек как внутри страны, так и в МНТС.

Учитывая вышесказанное необходимо отметить, что наряду с каналами передачи технологий особую важность приобретает новая международно-правовая защита и регулирование процессов трансфера технологий, взаимодействия технологических цепочек предприятий, НИИ и вузов дружественных стран, в целях создания целесообразной меры автаркизации экономик союзов государств.

Рассмотренные выше события и процессы относятся к новейшей мировой истории, однако текущая ситуация с мировым технологическим противостоянием по многим моментам характеризуется игнорированием наилучших исторических практик МНТС, на которые следует обратить внимание.

Показательным является исследование механизмов успехов и неудач СССР в импортозамещении и технологизации производств в период наиболее успешного времени послевоенного становления промышленности, в сотрудничестве ГДР и СССР в период 1965-1975 гг. Правительства обеих стран искали новые механизмы управления народным хозяйством, что привело к реформам: в СССР – так называемая «Косыгинская реформа», в ГДР – «Новая экономическая система планирования и управления». Исторические факты дают право на проведение актуальной параллели с современной историей России и подходам к МНТС и ТТ.

Согласно архивным документам Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Федерального архива Германии (Бундесархив), решающая роль в развитии технологий и производств принадлежала руководству ГДР в лице Вальтера Ульбрихта и Главе правительства СССР Алексею Николаевичу Косыгину, проявившаяся в принятии нового механизма реформ в экономике СССР.

На фоне неудач во внедрении результатов НИР во времена правления Хрущева, показал свою эффективность механизм советского планирования и управления и внедрения первого советского сетевого графика. Фактически внедрялось горизонтальное нецентрализованное управление, в котором управление было передано в руки самих производств – цепочек «предприятие-предприятие», «предприятие-НИИ-предприятие». При этом контроль вертикальной власти подключался при критических обстоятельствах – в случаях недофинансирования, срыва графиков поставок, переноса сроков, природных катаклизмов, изменения договоров¹¹.

Подписан ряд международных договоров, обусловленных экономической целесообразностью в МНТС. При этом особо важную роль сыграло установление прямых связей Госстрой СССР – Министерство строительства ГДР. Подписаны следующие фундаментальные документы: Протокол об установлении научно-технического сотрудничества в 1967 г. (подписан 42 министерствами и ведомствами СССР и 22 министерствами и ведомствами ГДР); Протокол об установлении сотрудничества между Государственным комитетом СМ СССР по науке и технологиям и Министерством по науке и технике ГДР в 1968 г.

Реформы продемонстрировали преимущества последовательности взаимодействия: установление прямого взаимодействия между министерствами стран; подписание международных договоров направленных на развитие конкретных технологий; развитие горизонтальной схемы управления: НИИ, предприятия, вузы (как внутри государств и так и в международных отношениях); договора в области МНТС регламентировали постановку и достижение конкретных конкурентных результатов на международной арене. Отдельно устанавливалось, что общая сумма договора о международном сотрудничестве в области МНТС определялась общей сметой, которая

---

¹¹ См.: Хаберл-Яковлева Г.А. Причины блиц успехов СССР в импортозамещении и технологизации производств. // Власть. 2022. С. 206.

изначально являлась составной частью договора; созданы национальные и международные институты заказчика.

В результате в 3-4 года (1966-1969 гг.) удалось выполнить важнейшую задачу Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), в результате чего СССР-ГДР совместными усилиями вышли на новый конкурентный уровень, перешли от заимствования к самостоятельным и совместным технологическим разработкам¹².

С технологической точки зрения мировая экономика становится все более сложной. Расширение международного разделения труда более тесно связывает экономики отдельных стран, характеризуется сегментированностью и взаимозависимостью, здесь стоит упомянуть такие частные примеры как: производство полупроводниковых изделий (зависимость от российского и китайского неона), атомная энергетика (зависимость от Российской Федерации), зависимость стран ЕС от импорта российского газа и зависимость транспортировки последнего от западных технологий. В ситуации, когда мировые технологические цепочки выглядят как «лоскутное одеяло» – было бы странно предполагать, что санкционная политика «развитых» стран в отношении «развивающихся» не обернется встречными эффектами с органической (естественной) природой возникновения последних.

Для обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации необходимо решать проблемы: опережающего технологического развития на национальном уровне; разработки и внедрения международно-правового регулирования в сфере ТТ и МНТС в сотрудничестве с дружественными странами. Но и крайне необходимо учесть наиболее эффективные практики исторического опыта позволяющего МНТС быть эффективным и работать в интересах союзов государств, с учетом современной специфики и вызовов.

---

¹² См.: Хаберл-Яковлева Г.А. Причины блиц успехов СССР в импортозамещении и технологизации производств. // Власть. 2022. С. 210.

**РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ НА БАЗЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА
ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ИНВЕСТИЦИОННЫХ
СПОРОВ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ**

Журбин Александр Алишерович

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС) создан на основании Конвенции о разрешении инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами 1965 года¹ (далее – Вашингтонская Конвенция), которая вступила в силу 14 октября 1966 года после её ратификации 20 правительствами².

Под компетенцию МЦУИС в соответствии с Вашингтонской Конвенцией подпадают споры, возникающие из инвестиционных отношений между договаривающимся государством и лицом другого договаривающегося государства. Под лицом договаривающегося государства Вашингтонская Конвенция понимает не только юридических, но и физических лиц.

Вашингтонская Конвенция иногда рассматривается как инструмент защиты иностранных частных инвестиций. Эта характеристика односторонняя и слишком узкая. Целью Вашингтонской Конвенции является поощрение частных иностранных инвестиций путем улучшения инвестиционного

---

¹ Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (Конвенция о разрешении инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами). Вашингтон. 18 марта 1965 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902243> (дата обращения 20 апреля 2023 г.).

² Leng L. C., Ho J. and Paparinskis M. International Investment Law and Arbitration. Commentary, Awards and Other Materials. Cambridge University Press, 2021. Ch. 4.

климата как для инвесторов, так и для принимающих государств, разработчики приложили большие усилия, чтобы сделать ее сбалансированным документом³. Конвенция разрешает производство как по инициативе инвестора, так принимающего государства.

Для разрешения споров МЦУИС предлагает сторонам процедуры примирения и медиации, арбитраж и установление фактов. Остановимся на медиации и арбитражном разбирательстве.

По состоянию на 2022 год за время работы в МЦУИС было зарегистрировано 869 дел. 98,5 % процентов споров рассмотрены путем арбитража, и лишь 1,5 % споров были направлены в процедуру примирения⁴. Статистика наглядно показывает, что процедура примирения, закрепленная в Вашингтонской Конвенции, не подходит для разрешения инвестиционных споров.

Ряд событий привел к разработке правил медиации МЦУИС. Государства обратились к МЦУИС, как к нейтральной и пользующейся доверием международной организации, с просьбой о разработке правил медиации⁵. В 2018 году центр начал их разработку и в 2022 году правила медиации МЦУИС

---

³ Leng L. C., Ho J. and Paporinskis M. *International Investment Law and Arbitration. Commentary, Awards and Other Materials*. Cambridge University Press, 2021. Ch. 4.

⁴ Джан-Пушкина Д. Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (ICSID) принял правила медиации инвестиционных споров, они действуют с 1 июля 2022 г. URL: https://zakon.ru/blog/2022/08/04/mezhdunarodnyj_centr_po_uregulirovaniyu_investicionnyh_sporov_icsid_prinyal_pravila_mediacii_investi#:~:text=МЦУИС%20предлагает%20правила%20медиации%20инвестиционных,собою%20диалог%20между%20спорящими%20сторонами (дата обращения 20 апреля 2023 г.).

⁵ Nitschke F. *ICSID Mediation and ICSID Conciliation – Understanding the Differences* // *Kluwer Mediation Blog*, 2021. URL: <https://mediationblog.kluwarbitration.com/2021/12/06/part-3-icsid-meditation-and-icsid-conciliation-understanding-the-differences> (дата обращения 20 апреля 2023 г.).

увидели свет. В настоящее время внимание международного сообщества к медиации растет, о чем свидетельствует разработка Сингапурской конвенции о медиации⁶.

Кроме того, статистика показывает, что около 30–40% арбитражных разбирательств МЦУИС заканчиваются мировым соглашением или иным образом прекращаются до вынесения окончательного решения⁷, что указывает на то, что мирное разрешение инвестиционных споров не является редкостью.

Разрешение споров медиативным путем представляется менее затратным в финансовом и временном плане⁸, более того, медиация не вбивает клин между сторонами, а, наоборот, помогает в мирном ключе прийти к компромиссу.

Правила медиации МЦУИС доступны всем государствам независимо от их статуса члена МЦУИС. В результате в процедуре медиации необязательно должны участвовать стороны из двух договаривающихся государств или даже одна сторона, имеющая отношение к членству в МЦУИС. К медиации МЦУИС не предъявляются требования о гражданстве, и правила медиации не требуют, чтобы в медиации участвовало «лицо другого договаривающегося государства», как это требуется для процедуры примирения.

В отличие от процедуры примирения, сторона может отказаться от медиации в любое время (следовательно, можно

---

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации. Нью-Йорк. 20 декабря 2018 г. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements (дата обращения 20 апреля 2023 г.).

⁷ The ICSID Caseload – Statistics. URL: <https://icsid.worldbank.org/resources/publications/icsid-caseload-statistics> (дата обращения 20 апреля 2023 г.).

⁸ Jack J. and Coe Jr. Chapter 4: Settlement of Investor-State Disputes Through Mediation. Preliminary Remarks on Processes, Problems and Prospects in Bishop R.D. (ed.) *Enforcement of Arbitral Awards Against Sovereigns* // New York. JurisNet LLC, 2009. P 86.

говорить о постоянном согласии на медиацию). Также медиация не ограничивается временем возникновения спора. Она может быть использована на протяжении всего жизненного цикла инвестиций для урегулирования любых разногласий.

Роль посредника в процедуре медиации МЦУИС ограничивается оказанием помощи сторонам в достижении взаимоприемлемого разрешения всех или части спорных вопросов, тогда как при процедуре примирения мандат согласительной комиссии шире и включает обязательство «прояснить спорные вопросы». В отличие от согласительной комиссии, медиатор не имеет полномочий издавать официальные приказы или решения. Из этого можно сделать вывод о том, что процедура медиации менее формальна, чем процедура примирения, более того, медиатор не вправе разрешать юридические вопросы.

В ходе процедуры медиации, в отличие от примирительной процедуры, медиатор не определяет компетенцию МЦУИС, что позволяет сторонам и медиатору сосредоточиться на существе спорных вопросов.

Еще одним колоссальным преимуществом медиации по сравнению с процедурой посредничества является полная конфиденциальность процедуры медиации. Дело в том, что проведение процедуры посредничества отражается на официальном сайте МЦУИС, в то время как сведения о проводимой процедуре медиации не размещаются.

Таким образом, медиация и примирение на базе МЦУИС существенно различаются по объему и процессу. В МЦУИС поняли, что процедура посредничества не подходит для разрешения споров в сфере инвестиций. В свою очередь разрешение инвестиционных споров медиативным путем – всеобщий

тренд. Европейский союз поощряет международную медиацию как в коммерческой, так и в инвестиционной сферах⁹. В 2021 году первые споры между инвесторами и государствами начали проходить медиацию по правилам Международной ассоциации юристов¹⁰, в том же 2021 году Международная торговая палата провела свое первое дело по медиации, основанное на двустороннем инвестиционном договоре. В свете кризиса легитимности инвестиционного арбитража медиация была включена в повестку дня многосторонней реформы Системы урегулирования споров между инвесторами и государствами Рабочей группой III Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли в качестве потенциального метода разрешения инвестиционных споров¹¹, в настоящее время идет разработка новых правил медиации¹². Добавив медиацию к уже имеющимся процедурам, МЦУИС предоставил сторонам еще более широкий выбор процедур урегулирования споров в инвестиционной сфере.

---

⁹ См., например: Решение Комитета по услугам и инвестициям об утверждении правил медиации для использования спорящими сторонами в инвестиционных спорах (Decision of the Committee on Services and Investment adopting rules for mediation for use by disputing parties in investment disputes). 29 января 2021 г. Комитет по услугам и инвестициям Европейского Союза. Решение № 2/2021 [2021/266]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22021D0266&from=EN> (дата обращения 29 апреля 2023 г.).

¹⁰ International Bar Association Mediation Rules. URL: <https://www.ibanet.org/MediaHandler?id=C74CE2C9-7E9E-4BCA-8988-2A4DF573192C> (дата обращения 25 апреля 2023 г.).

¹¹ United Nations Commission on International Trade Law Working Group III (Investor-State Dispute Settlement Reform) Thirty-ninth session New York. 30 March–3 April 2020. Paras 30–31.

¹² Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Рабочая группа III: Реформирование системы урегулирования споров между инвесторами и государствами. URL: https://uncitral.un.org/ru/working_groups/3/investor-state (дата обращения 20 апреля 2023 г.).

Переходя к арбитражному разбирательству на базе МЦУИС, следует отметить, что помимо основного арбитражного регламента существуют факультативные правила МЦУИС, которые позволяют сторонам, одна из которых или обе не подпадают под указанные выше критерии (договаривающееся государство или лицо такого государства) передать спор на рассмотрение в МЦУИС. Отличаются регламенты в основном положениями о юрисдикции.

Для проведения арбитражного разбирательства по правилам МЦУИС от сторон спора требуется заключение арбитражного соглашения в письменной форме¹³.

Во время составления арбитражных соглашений стороны соглашения задумываются, на базе какого института они хотят разрешать спор. Арбитражные решения МЦУИС все чаще попадают под более пристальное внимание при рассмотрении. С другой стороны, национальные суды в «дружественных к арбитражу» юрисдикциях, таких как Англия, Франция и Соединенные Штаты, по-видимому, с большей неохотой отменяют арбитражные решения. Предположительно, может возникнуть тенденция к тому, что путь, не связанный с МЦУИС, с местом арбитража в «дружественной к арбитражу» стране, является более безопасным вариантом для инвестористца¹⁴.

---

¹³ Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (Конвенция о разрешении инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами). Вашингтон. 18 марта 1965 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902243> (дата обращения 20 апреля 2023 г.). Статья 25; См. также: The Rules of Procedure for Arbitration Proceedings (the Arbitration Rules) of ICSID. URL: <http://icsidfiles.worldbank.org/icsid/icsid/staticfiles/basicdoc/partF-chap01.htm#r01> (дата обращения 23 апреля 2023 г.). Rule 47.

¹⁴ Burgstaller M. and Rosenberg C.B. Challenging International Arbitral Awards: To ICSID or Not to ICSID? // 2011. 27 Arb Int'l 91. P. 91–93.

Арбитражный регламент МЦУИС, как и многие, если не все, современные регламенты наделяет стороны разбирательства правом запросить временные меры. Институт временных мер создан для предотвращения дальнейших нарушений прав стороны, которая их запрашивает, также временные меры могут быть направлены на обеспечение исполнимости будущего арбитражного решения.

Сложность с принятием обеспечительных мер в инвестиционном арбитраже заключается в том, что в процессе участвует суверенная сторона, с активами которой не всегда можно обращаться, по крайней мере, так же как с активами частной коммерческой стороны¹⁵. Отражено ли это различие в арбитраже МЦУИС, который разработан специально с учетом принимающих государств-ответчиков?

К военному кораблю страны, пришвартованному в гавани, нельзя относиться так же, как к банковскому счету частной компании. Арбитражное разбирательство с участием иностранного суверенного государства автоматически заслуживает особого внимания в некоторой степени именно потому, что государства обладают своими суверенными правами. Рассмотрим, например, уголовное разбирательство, возбужденное против инвестора в принимающем государстве. Может ли трибунал остановить такое разбирательство? Это относится к сути насущного вопроса о ненадлежащем объеме полномочий арбитража по отношению к суверенной власти принимающего государства.

Другим примером может быть просьба о вынесении постановления, требующего от принимающего государства воздержаться от введения или взимания налога до разрешения спора. В деле *ETI Euro Telecom International N.V. v.*

---

¹⁵ Matthews J. and Stewart K. Time to Evaluate the Standards for Issuance of Interim Measures of Protection in International Investment Arbitration // 2009. 25 Arb Int'l. P. 529.

Plurinational State of Bolivia трибунал МЦУИС указал на возможный способ решить проблему института временных мер – интеграция системы МЦУИС во внутреннее право государства¹⁶.

Говоря о признании и исполнении арбитражных решений МЦУИС, целесообразным будет провести сравнение с признанием и исполнением иных арбитражных решений, вынесенных не в рамках МЦУИС.

Как правило, решения, которые были вынесены не в рамках МЦУИС, подлежат исполнению в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года¹⁷ (далее – Нью-Йоркская Конвенция).

Проще говоря, правила, которые имеют отношение к международному коммерческому арбитражу, применяются к инвестиционному арбитражу, не относящемуся к МЦУИС путем закрепления соответствующих положений в двусторонних инвестиционных соглашениях.

Как решение международного коммерческого арбитража, так и решение инвестиционного арбитража, не относящегося к МЦУИС, может быть оспорено, или его приведение в исполнение может быть оспорено, или, как правило, оно может быть успешно приведено в исполнение обычным способом, так же, как и решение международного коммерческого арбитража, то есть по критериям, закрепленным в статье 5 Нью-Йоркской Конвенции.

---

¹⁶ E.T.I. Euro Telecom International N.V. v. Plurinational State of Bolivia (ICSID Case №ARB/07/28). 2008. EWCA Civ. 880. URL: <https://www.italaw.com/cases/3648> (дата обращения 24 апреля 2023 г.). Paras 99–102 (Lord Justice Lawrence Collins).

¹⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Нью-Йорк. 10 июня 1958 г. URL: <https://www.newyorkconvention.org/russian> (дата обращения 20 апреля 2023 г.).

Выше используется словосочетание «как правило», так как иногда возникают трудности, связанные с тем, что обычные правила, применимые к решениям международного коммерческого арбитража, все еще могут рассматриваться некоторыми национальными судами как неподходящие для приведения в исполнение решений инвестиционного арбитража. Может быть выдвинут аргумент о том, что решение инвестиционного арбитража не может быть приведено в исполнение в соответствии с Нью-Йоркской Конвенцией¹⁸. Если оставить в стороне такие недостатки, то Нью-Йоркская Конвенция остается в практическом плане чрезвычайно важным договором для приведения в исполнение решений инвестиционных арбитражей вне режима МЦУИС.

Позиция более однозначна в случае приведения в исполнение решений МЦУИС. Как и в случае с Нью-Йоркской Конвенцией, Вашингтонская Конвенция также требует приведения в исполнение арбитражных решений. Однако статья 54 Вашингтонской Конвенция содержит положения следующего характера: «Каждое Договаривающееся государство признает решение Арбитража, вынесенное в соответствии с настоящей Конвенцией, в качестве обязывающего и обеспечивает исполнение денежных обязательств, налагаемых решением Арбитража, в пределах своей территории, тем же образом, как если бы это было окончательное решение судебного органа этого государства»¹⁹.

МЦУИС имеет единую процедуру аннулирования и приведения решений в исполнение. Вместо того, чтобы сталкиваться со сложностью оспаривания отмены и со сложностью приведения в исполнение и, как уже оговорено, страдать от

---

¹⁸ Annecker C. and Greig R.T. State Immunity and Arbitration // 2004. 15 ICC Bulletin 70. P. 71–72.

¹⁹Вашингтонская конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами. Вашингтон. 18 марта 1965 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902243> (дата обращения 20 апреля 2023 г.). Статья 54.

вопросов о сложном взаимодействии отмены и оспаривания приведения в исполнение, проигравшая сторона может добиваться отмены решения специальным комитетом по аннулированию решений МЦУИС, созданным в соответствии с Вашингтонской Конвенцией²⁰. Однако основания для отмены во многих отношениях аналогичны основаниям для оспаривания приведения в исполнения решений, вынесенных не в рамках не МЦУИС, в национальном суде в соответствии с Нью-Йоркской Конвенцией.

Таким образом, МЦУИС предоставляет широкие возможности для разрешения инвестиционных споров между частным инвестором и принимающим инвестиции государством. Арбитраж на базе МЦУИС, как и любой инвестиционный арбитраж имеет ряд недостатков, на устранение которых достаточно непросто повлиять, так как многие проблемы упираются в неравенство сторон, которые процессуально равны лишь на бумаге. В этой связи трибуналы зачастую упираются в краеугольный камень инвестиционного арбитража – суверенитет государств. Возможным вариантом решения проблем, связанных с суверенитетом, является частичный отказ от него в рамках разбирательства, в частности, в случаях использования института временных мер. Представляется, что для этого потребуется интеграция системы МЦУИС во внутреннее право государств.

В свою очередь к медиации, заменившей неэффективную процедуру примирения, стороны прибегают все чаще. Это обусловлено тем, что при обращении к процедуре медиации «проблема» суверенитета государств попросту не является насущной. Все благодаря принципам разрешения споров медиативным путем: медиация является менее формальной, менее затратной процедурой и способствует поиску решения,

---

²⁰ См.: Bishop R.D. and Marchili S.M. *Annulment Under the ICSID Convention* // Oxford University Press. 2012.

приемлемого для обеих сторон, а не поиск «победителя». Решение, полученное по результатам медиации, не носит обязательный характер для сторон, если они не договорились об обратном. Об этой характерной черте медиации можно говорить, как о её существенном недостатке, однако в противном случае (в случае обязательности решения), стороны непременно будут пытаться «перетянуть одеяло на себя» и процедура станет неэффективной, потеряет свой смысл.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Костин Сергей Андреевич

*канд. юрид. наук, руководитель юридической службы
Общество с ограниченной ответственностью «Докумен-
тарная Платформа»
sergey.a.kostin@rambler.ru*

Масштабные геополитические сдвиги привели правовую основу обеспечения коллективной безопасности в подвижное состояние. Такое положение дел создало предпосылки для ревизии текущих и зарождения новых направлений интеграционных процессов в области международно-правового обеспечения региональной коллективной безопасности. Данные процессы представляются особенно важными, поскольку направлены на сближение военно-политической компоненты межгосударственных отношений, экономической инфраструктуры и формирование схожей системы ценностей, связанной с подходами к обеспечению безопасности.

Принято считать, что «правовыми формами интеграционных взаимосвязей государств в современном мире являются как традиционные (и при том универсальные) формы международного права – международный договор и международный обычай, так и новейшие (преимущественно организационные) формы международно-правовых объединений государств – международные организации и иные международные институции»¹. В настоящей статье предлагается рассмотреть

---

¹ Курс международного права. Т. 7. Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире / М.П. Бардина, С.А. Войтович, Ю.М. Колосов [и др.]. М.: Наука, 1993. С. 20.

некоторые аспекты интеграционного взаимодействия в области регионального обеспечения коллективной безопасности, применительно к Евроатлантике, Евразийскому и Азиатско-Тихоокеанскому пространствам.

По мере своего расширения, в Евроатлантическом регионе центральное место в обеспечении региональной коллективной безопасности занял Североатлантический альянс. Р.А. Курбанов, например, оценивает степень интеграции стран-участниц до уровня «единого военно-политического пространства. [...] На данном этапе интернирующиеся государства могут образовывать общие вооружённые силы, которые проводят согласованную внешнюю политику в области обороны и обеспечения безопасности, а также осуществлять на коллективной основе защиту территориальной целостности и суверенитета государств-членов»². Данную модель также принято считать «западной», отличительной чертой которой является высокая степень военно-политической интеграции.

Особенность Евроатлантического региона заключается в наличии крупного интеграционного объединения – Европейского Союза, имеющего обособленную стратегию в области Общей внешней политики и политики безопасности. В рамках ЕС, в ноябре 2017 г. Министры иностранных дел и обороны ряда стран-участниц подписали пакт по обороне, нацеленный на усиление сотрудничества внутри Союза, с последующим принятием Советом резолюции (CFSP 2017/2315)

---

² Курбанов Р.А. Региональная интеграция и право. М.: Юнити-Дана, 2016. С. 101–102.

и провозглашением начала работы Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*)³. Непосредственно в документе также была подчеркнута значимость работы *PESCO* в рамках сотрудничества ЕС и Североатлантического альянса.

На начальном этапе механизм *PESCO* использовался в качестве международно-правовой основы для осуществления *разноскоростной интеграции* между странами ЕС в сфере обеспечения обороны и безопасности, посредством предоставления возможности для реализации обособленных совместных проектов. Однако, с присоединением Канады к данному проекту в феврале 2023 г.⁴, его следует рассматривать уже не в качестве самостоятельного элемента в области Общей внешней политики и политики безопасности ЕС, а как интеграционный механизм Североатлантического альянса, действующий по принципу *разноскоростной интеграции* стран-участниц Альянса в целом.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) интеграционные процессы в сфере обеспечения безопасности также проходят с учетом своей специфики, «прежде всего в сфере экономики и бизнеса»⁵, а единая региональная модель обеспечения коллективной безопасности отсутствует. Наиболее крупными акторами данного региона, способными стать инициа-

---

³ Протокол заключения Совета ЕС от 14 дек. 2017 г. (EUCO 19/1/17 REV 1) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Европейского Союза. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-19-2017-REV-1/en/pdf> (дата обращения: 12.04.2023).

⁴ Council Decision (CFSP) 2023/385 of 20 February 2023 on the participation of Canada in the PESCO project Network of Logistic Hubs in the Europe and Support to Operations [Electronic resource] // Official website of the PESCO project. URL: <https://www.pesco.europa.eu/wp-content/uploads/2023/03/Participation-of-Canada-in-the-PESCO-project-Network-of-Logistic-Hubs-in-Europe-and-Support-to-Operations.pdf> (accessed: 12.04.2023).

⁵ Дисбалансы тихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014. С. 24.

торами построения региональной системы обеспечения коллективной безопасности, являются: Китайская Народная Республика, Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки.

Во внешнеполитическом курсе Китая не просматривается стремление к созданию военно-политических альянсов в рамках АТР. Аналогичного подхода применительно к АТР придерживается и Российская Федерация, уделяя внимание «поддержке региональной и субрегиональной интеграции в рамках дружественных многосторонних институтов, диалоговых площадок и региональных объединений»⁶. Реализация стратегий в области обеспечения безопасности упомянутых государств происходит посредством участия в интеграционных объединениях, имеющих как экономические, так и политические цели в сфере безопасности. К таким форматам можно отнести: Шанхайскую Организацию Сотрудничества, страны-участницы которой, придерживаются «Новой концепции безопасности, не направленной против других государств»⁷; со странами АСЕАН в форматах «АСЕАН+3»⁸ и «Диалогового партнёрства»⁹ соответственно, а также рядом других институций АТР.

---

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ № 229 от 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 12.04.2023).

⁷ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества от 14 июня 2001 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (дата обращения: 12.04.2023).

⁸ ASEAN Plus Three Cooperation Work Plan 2018-2022 [Electronic resource] // Official website of ASEAN Plus Three. URL: <https://aseanplusthree.asean.org/asean-plus-three-cooperation-work-plan-2018-2022/> (accessed: 12.04.2023).

⁹ Диалоговое партнёрство Россия – АСЕАН [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минэкономразвития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/dialogovoe_pa

Локальной действующей региональной системой обеспечения коллективной безопасности в рамках АТР, имеющей необходимые признаки, можно считать Договор *ANZUS* от 1951 г., участниками которого являются Австралия, Новая Зеландия и Соединенные Штаты. Статьями 4 и 5 данного Договора предусмотрен механизм коллективной обороны в случае вооруженного нападения на одну из его стран-участниц¹⁰. Усилением интеграционной составляющей Договора *ANZUS* следует считать Договор *AUKUS*, заключенный в 2021 г. и устанавливающий «продвинутое трехстороннее партнерство в области безопасности»¹¹ между Австралией, Соединенными Штатами и Великобританией.

На Евразийском пространстве сформировалась региональная система обеспечения коллективной безопасности в рамках Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Как известно, изначально в разделе III Устава СНГ¹² была заложена правовая основа для будущей интеграции в сфере обеспечения коллективной безопасности. Валестани Искандер отмечал, что «в этих условиях была выдвинута и

---

rtnerstvo_rossiya_asean/?ysclid=lgrsnolknj204756843 (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁰ Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America [ANZUS] (San Francisco, 1 September 1951) [Electronic resource] // Parliament of Australia official website. URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Joint/Completed_Inquiries/jfadts/usrelations/appendixb (accessed: 12.04.2023).

¹¹ Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Government of Australia, and the Government of the United States of America for the Exchange of Naval Nuclear Propulsion Information, Canberra, 22 November 2021 [Electronic resource] // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ukaustraliausa-agreement-for-the-exchange-of-naval-nuclear-propulsion-information-ms-no82021> (accessed: 12.04.2023).

¹² Устав СНГ [Электронный ресурс] // Официальный сайт СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/187#text> (дата обращения: 12.04.2023).

начала реализовываться концепция *разноскоростной интеграции*. Концепция *гибкой интеграции* или *интеграции разных скоростей* заключается в возможности более тесного сотрудничества среди тех государств Содружества, которые могут и хотят двигаться дальше и быстрее по пути интеграции, не опасаясь, что другие государства своим нежеланием или неготовностью смогут заблокировать это движение»¹³.

ОДКБ, прошедшая различные этапы своего становления до текущего интеграционного образования, явилась результатом более тесного сотрудничества ряда государств-участниц СНГ в области обеспечения региональной безопасности. Целостность данной региональной системы обеспечения коллективной безопасности обусловлена появлением «нового самостоятельного региона международной интеграции»¹⁴ и опытом длительного совместного существования государств региона в едином внутригосударственном пространстве безопасности.

В рамках ОДКБ сформирован широкий спектр органов¹⁵, позволяющих взаимодействовать ее участникам не только в военно-политическом измерении, но и в связи с необходимостью реагирования на новые гибридные вызовы и угрозы в области обеспечения безопасности. Ряд авторов отмечают, что: «государства-участники ОДКБ накопили достаточный опыт в сфере взаимодействия по вопросам военно-технического сотрудничества, что является предпосылкой со-

---

¹³ Валестани И. Проблемы интеграции и формирования региональной системы на постсоветском пространстве. М.: ЭПИКОН, 2002. С. 77–78.

¹⁴ Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы интеграционного права. М.: Проспект, 2014. С. 51.

¹⁵ См., напр.: Костенко Н.И. Право международной безопасности (теоретические основы становления и развития). М.: Юрлитинформ, 2018. С. 225–226.

здания на уровне Организации единого документа, регламентирующего вопросы торговли оружием»¹⁶. Примером углубленной интеграции в сфере обеспечения коллективной безопасности в данном регионе является Союз Белоруссии и России. Основываясь на этом, можно предположить наличие объективно обоснованного и осознанного процесса *интеграции с некоторыми признаками реинтеграции*, поскольку текущий формат предполагает взаимодействие между суверенными независимыми государствами.

В ряду условий, препятствующих интеграционным процессам в сфере международно-правового обеспечения региональной коллективной безопасности, можно выделить наличие конфликтных узлов, находящихся в различной стадии эскалации, а также действия внерегиональных акторов.

Природа конфликтных узлов зачастую имеет территориальную, религиозную или национальную подоплеку. Так, например, М.В. Андреев, справедливо указывает, что: «раскол в процессе формирования единой системы коллективной безопасности на территории СНГ был вызван двумя основными причинами: с одной стороны, это внутренние причины ..., с другой – к внешним причинам безусловно относится активная деятельность НАТО и других проамериканских структур, навязывающих странам СНГ антироссийскую политику в сфере обороны и безопасности»¹⁷. С.М. Смирнов обращает внимание, что «существенное воздействие на процессы региональной интеграции в АТР оказывают такие организации, как НАТО, ЕС и ШОС. Первые две структуры являются квинтэссенцией «западного» подхода к интеграции, они не

---

¹⁶ Международная интеграция и интеграционное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры / под общ. Ред. В.А. Шамахова, В.П. Кириленко, С.Ю. Кашкина. – СПб.: ИПЦ СЗИУ – фил. РАНХиГС, 2017. С. 355.

¹⁷ Андреев М.В. Политико-правовая институциональная система всеобъемлющей и региональной безопасности. Казань: ЦИТ, 2009. С. 208–209.

скрывают своей заинтересованности в развитии связей и взаимодействия с АТР и, что объяснимо, желали бы создать здесь удобные для себя механизмы партнерства. Но их интересы далеко не всегда совпадают с приоритетами стран АТР»¹⁸.

Постбиполярная система международных отношений представляется как квинтэссенция геополитической и геоэкономической направленностей развития. В силу этого изменился и характер конфликтов в сторону расширения диапазона и зачастую одновременно затрагивает не только военные, но и технологические, социально-экономические и культурные плоскости. В контексте эффективного развития и укрепления региональной модели обеспечения коллективной безопасности, представляется важным сконцентрировать внимание на *интеграционных процессах* в ряде направлений:

– в области сближения стратегических целей и военно-политических интересов государств, что повлечет за собой определение внешнего контура региональной системы обеспечения коллективной безопасности;

– в деле снижения напряженности межгосударственных отношений внутри предполагаемого контура региональной системы обеспечения коллективной безопасности, в том числе путем противодействия организации цветных революций, обеспечения информационной безопасности в самом широком смысле этого слова;

– в вопросах преодоления центробежных сил внерегиональных акторов, направленных на «изъятие» того или иного субъекта из складывающихся политико-экономических связей. Необходимо стремиться к интеграции в международно-правовую систему обеспечения безопасности, как целое политико-экономическое образование, с сохранением преимуществ единства региона. Среди критериев такой интеграции ряд авторов выделяет «преференциональность отношений

---

¹⁸ Смирнов С.М. Азиатско-Тихоокеанский регион и «западная» модель коллективной безопасности. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2008. С. 97.

друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых отношений по отношению к внегрупповым, готовность ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии»¹⁹;

– в расширении экономических связей в сфере военнотехнического сотрудничества, в качестве дополнительной интеграционной опоры региональной системы обеспечения коллективной безопасности;

– в направлении достижения высокого уровня *оперативной совместимости* вооруженных сил. В частности, С.М. Смирнов отмечает, что «для того, чтобы вооруженные силы разных государств могли успешно взаимодействовать в сложной обстановке, нужно очень многое. Это единый язык, на котором отдаются приказы, производятся доклады, осуществляется обмен информацией. Единые стандарты и процедуры связи, других видов боевого, тылового и материальнотехнического обеспечения. Кроме того, должна быть схожая система планирования боевого применения ВС и ведения операций»²⁰. Некоторые авторы обращают внимание, что «в современных условиях системы "коллективной безопасности" и "коллективной обороны" различаются по своим задачам и структуре, при этом коллективная оборона рассматривается как одна из составных частей коллективной безопасности и в некоторых случаях может играть второстепенную роль по отношению к ней»²¹. При этом тезис о том, что военная компонента является неотъемлемой частью любой системы обеспечения коллективной безопасности, не оспаривается.

---

¹⁹ Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование) / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Инфра-М [и др.], 2014. С. 103.

²⁰ Смирнов С.М. Азиатско-Тихоокеанский регион и «западная» модель коллективной безопасности. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2008. С. 50.

²¹ Валестани И. Проблемы интеграции и формирования региональной системы на постсоветском пространстве. М.: ЭПИКОН, 2002. С. 207–208.

В заключении необходимо отметить, что эффективная региональная система обеспечения коллективной безопасности обоснованно представляется действенным механизмом «создания условий, обеспечивающих защиту от опасности»²² посредством объединения государств со схожей «системой координат» и создания безопасных условий для сожительства народов. Однако, задача построения надежной коллективной системы сложно разрешима пределах одного поколения и требует поступательного движения и преемственности в долгосрочной перспективе.

---

²² Политизация религиозного фактора в контексте в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция / Г.В. Косов, В.Н. Панин, Г.В. Станкевич [и др.]; РГНФ. М.: Миракль, 2014. С. 41–42.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОРФАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Мальдонадо Рената Кристина Бенавидес

Студент

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

renatakristina@yandex.ru

На сегодняшний день проблема наличия сиротских произведений является одной из ключевых в международном авторском праве. Отсутствие автора на ту или иную работу может возникать по ряду причин: автор не хочет быть «увиденным», информация об авторе была потеряна и его невозможно найти и ряд других моментов. Несмотря на то, что существует определенное регулирование этого вопроса на международном уровне (в частности, Бернская конвенция 1980 г.), тем не менее на практике становятся видны некоторые пробелы.

Выработка национального законодательства по орфанным произведениям является трудной задачей для каждой страны. Необходимо учитывать стандарты международных актов и создавать достаточные условия для того, чтобы учитывать интересы обеих сторон: как автора, так и пользователя, что является проблематично в силу того, что первое лицо неизвестно.

Международная практика

Для Европы одним из основополагающих документов является Директива N 2012/28/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об определенном разрешенном использовании произведений, не определяемых по субъекту

авторского права»¹. Пункт 8 рассматриваемого документа говорит о важности единого статуса подобных произведений среди всех стран, входящих в союз, для лучшего функционирования рынка товаров, имеющих культурный контекст при отсутствии авторства. Основная цель Директивы создать юридически определенные рамки для облегчения распространения и оцифровки бесхозных произведений, чтобы помочь различным организациям культурного наследия поддерживать крупномасштабную оцифрованную коллекции или архивы. Таким образом, эти некоммерческие организации будут способствовать сохранению и популяризации европейского культурного наследия.

Ключевым воплощением заданной цели является цифровая библиотека «Еuroreana». Однако, несмотря на усилия государства в предоставлении возможности широким массам пользоваться подобными ресурсами, некоторые ученые и представители международным библиотечных организаций заявляют о том, что у них нет стимула оцифровывать крупные и интересные коллекции из-за неопределенных экономических последствий в дальнейшем и слишком затратных предварительных поисков². Это обосновывается тем, что в Директиве закреплены два важных момента: добросовестный поиск по указанным в акте источникам и также минимальный перечень таких источников (онлайн-базы, реестры авторских книг и другое). Проблема заключается в том, что даже если организация провела достаточно тщательный поиск, но не нашла автора и начала каким-либо образом использовать произведение, то автор спустя некоторое время может появиться и за-

---

¹ Директива N 2012/28/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об определенном разрешенном использовании произведений, не определяемых по субъекту авторского права» от 25 октября 2012 г. URL: <http://lexdigital.ru/2012/070/> (дата обращения 14 апреля 2023 г.).

² Vzhav A. A. The Situation of Orphan Works under Different Jurisdictions // Chicago-Kent Journal of Intellectual Property. 2021. P. 22-35.

явить права на результат своего творчества. Тогда организации необходимо будет выплатить ему справедливую компенсацию, чьи размер и условия могут быть локально урегулированы со стороны стран-участников³.

Важно также отметить, что сиротскими в странах Евросоюза признаются лишь некоторые виды произведений: литературные, кинематографические и аудиовизуальные⁴.

В регулировании сиротских произведений в Канаде есть своя особенность – лицензии. Согласно положениям Закона «Об авторском праве», если потенциальный пользователь не может найти правообладателя путем обоснованного запроса, он/она должен обратиться в административный орган – Совет по авторским правам, чтобы получить лицензию⁵. Такая лицензия позволяет ему использовать конкретно-определенное бесхозное произведение и не требует согласия со стороны автора. Прежде чем лицензия выдается, заявитель должен приложить «разумные усилия», чтобы найти автора, и представить доказательства добросовестного поиска в Совет по авторским правам.

Одна заявка может дать заявителю право на несколько бесхозных произведений. Совет по авторским правам выдает лицензию на определенных условиях, оговаривая тип использования, ограничения, дату истечения срока действия и другие моменты. Также пользователь должен оплатить лицензионный сбор. Кроме того, что касается цели использования, лицензия может быть выдана независимо от того, является ли организация коммерческой, религиозной или образовательной.

---

³ David R. Hansen et al., Solving Orphan Works for the United States // Columbia Journal of Law & the Arts. 2013. P. 18- 32.

⁴ Connor J. H. Permission Impossible: An Exception-Based Legislative Solution for Digitising Copyright Protected Works // Chicago-Kent Journal of Intellectual Property. 2018. P. 18-25.

⁵ Закон «Об авторских правах» (Copyright Act) от 1985 г. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/C-42.pdf> (дата обращения 14 апреля 2023 г.).

Если говорить об опыте США, то проблема бесхозных произведений впервые была заявлена в 2004 году, когда *Google* начала оцифровывать и делать доступными в режиме онлайн несколько вышедших из печати произведений через проект *Google Book Search*⁶. В 2006 был тщательно изучен вопрос о бесхозных произведениях, включая: определение наиболее распространенных препятствий для идентификации отслеживания владельца авторских прав; факторов, влияющих на проблему бесхозных произведений. В отчете от этого года было установлено, что Закон США «Об авторском праве»⁷ не содержит положения, направленные на решение проблемы бесхозных произведений.

В 2015 году Управление по авторским правам опубликовало отчет, в котором рекомендовался новый законодательный подход к бесхозным произведениям⁸. В докладе предлагается, чтобы при определенных обстоятельствах пользователи бесхозных произведений были защищены от судебных исков о нарушении авторских прав, если они проведут тщательный поиск владельца авторских прав и, по возможности, укажут авторство или владельца авторских прав.

Возможные пути налаживания международного рынка сиротских произведений

Несмотря на то, что в некоторых странах есть регулирование вопроса о сиротских произведениях, тем не менее, если рассматривать данную тему с международной точки зрения, то существует ряд пробелов, которые необходимо закрыть для лучшего функционирования рынка сиротских произведений и

---

⁶ Samuelson P. Legislative Alternatives to the Google Book Settlement// Columbia Journal of Law & the Arts. 2011. P. 12-38.

⁷Закон «Об авторских правах» (Copyright Act) от 19 октября 1976 г. // URL: <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf> (дата обращения 14 апреля 2023)

⁸ Orphan Works and mass digitization. URL: Orphan Works and Mass Digitization: A Report of the Register of Copyrights (дата обращения 14 апреля 2023 г.).

в целом для их сохранения. Важно отметить, что не разработаны основные моменты, связанные с этим институтом, такие как универсальные понятие и охрана, сроки давности. Отсутствие международных норм в этой сфере приводит не только к проблемам в связи с регулированием самих сиротских произведений, но и, как отмечает Луткова О.В. к проблемам с производными от них произведениями⁹. Остаются неясными права лица, которое порождает новое, беря за основу творчество с бесхозным автором.

Однако, исходя из анализа опыта различных стран, можно выделить несколько элементов, которые являются наиболее эффективными в контексте регулирования сиротских произведений. Их внедрение в национальное законодательство могло бы существенно улучшить положение результатов творчества неизвестных авторов.

Во-первых, необходимо отметить, что трудности с поиском правообладателей в значительной степени вызваны отсутствием метаданных, то есть любое перспективное решение проблемы сиротских произведений должно включать механизмы, поощряющие предоставление любой потенциально важной информации об авторстве. Если соответствующие метаданные станут общедоступными, это может снизить операционные издержки, связанные с идентификацией правообладателей, и, таким образом, облегчить оформление прав.

Во-вторых, обязательная лицензия на использование сиротского произведения. Более надежным способом обеспечения правовой определенности было бы разрешить пользователю обращаться в административный орган за получением лицензии на использование конкретного произведения в тех

---

⁹ Луткова О. В. Регулирование трансграничных авторских отношений, объектом которых являются произведения с потерянным правообладателем (сиротские) // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 12. — С. 109–121.

случаях, когда личность или местонахождение правообладателя не могут быть установлены путем обоснованного запроса, как происходит в Канаде.

В-третьих, создание частных коллективных профессиональных организаций, например, литературных, музыкальных и других. Подобный коллектив мог бы помогать потенциальному пользователю провести добросовестный поиск и в случае отсутствия автора взимать лицензионный сбор за пользование и дальнейшие действия с произведением. Размер подобной выплаты мог бы служить компенсацией для автора, если он решит заявить свои права на подобное творение.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ КАК ОДНО
ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА:
ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Постникова Елена Владимировна

доцент Департамента международного права
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
epostnikova@hse.ru

Внутренний рынок, будучи одним из важных достижений Европейского Союза (ЕС) и средством достижения целей ЕС¹, выступает ключевым элементом в достижении цифровой трансформации в направлении устойчивой экономики. Несмотря на то, что центр мировой экономики постепенно смещается в Азию внутренний рынок ЕС продолжает оставаться одним из наиболее конкурентоспособных, по мнению К.В. Энтина, достигается в основном за счет наличия четких «правил игры» для государств-членов и предприятий на внутреннем рынке². В п. 3 ст. 3 Договора о Европейском Союзе³ (ДЕС) закреплено, что Союз должен способствовать научно-техническому прогрессу. Масштабы и последствия

---

¹ См.: Право Европейского союза : учебник для вузов / С. Ю. Кашкин ; под редакцией С. Ю. Кашкина. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. С. 21.

² Энтин К. Свобода движения товаров в практике Суда ЕС // Право и управление. XXI век. 2011. № 2 (19). С. 124.

³ Consolidated Versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ C 115. 09.5.2008.

современного этапа информатизации общества носят революционный характер⁴. Развитие цифровых технологий стало фактором цифровизации права⁵. Бурное развитие информационных технологий, процессы цифровизации или цифровой трансформации делают актуальной разработку новых инструментов и механизмов нормотворческого процесса⁶.

Внутреннему рынку необходимо постоянно адаптироваться к быстро меняющимся условиям цифровой революции и глобализации, которые представляют собой вызов правовому регулированию и правоприменению. Речь, например, о таких взаимосвязанных вопросах, как кибербезопасность, защита данных и конфиденциальность, интернет вещей или искусственный интеллект. В 2020 году стала очевидна в очередной раз уязвимость цифрового пространства, а следовательно, и необходимость еще более детального его правового регулирования. Н.С. Ревенко подчеркивает, что киберугроза, вышедшая далеко за пределы национальных границ, стала серьезной проблемой, а такие правонарушения, как перехват информации, мошенничество с платежами, кража персональных данных и торговых секретов, ведут к значительным экономическим потерям⁷. Сегодня имеют место гибридные угрозы, которые сочетают дезинформацию с кибератаками на инфраструктуру и экономические процессы, что может привести к получению незаконного доступа к личным

---

⁴ Пилипенко А.Н. Франция: к цифровой демократии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 186.

⁵ См.: Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальное право. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 35 – 44.

⁶ А.А. Ефремов. Оценка воздействия правового регулирования на развитие информационных технологий: механизмы и методика // Закон. № 3. 2018. СПС Консультант Плюс.

⁷ Ревенко Н.С. Европейский Союз на пути к единому цифровому рынку // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 11.

данным, краже промышленных или государственных секретов.

Высокий уровень сетевой и информационной безопасности, а также общественной безопасности в Интернете в рамках всего ЕС играет ключевую роль для обеспечения доверия потребителей и развития онлайн-экономики. Опасения по поводу безопасности являются основным препятствием для использования онлайн-сервисов. Около двух пятых пользователей в ЕС столкнулись с проблемами, связанными с безопасностью, а три пятых считают, что не могут защитить себя от киберпреступности⁸. Каждое восьмое предприятие пострадало от кибератак⁹. Сотни миллионов записей теряются каждый год из-за утечек данных. Последствия кибератаки часто не могут быть изолированы и могут вызвать цепную реакцию во всей экономике¹⁰.

Цифровые услуги и финансовый сектор являются одними из наиболее частых объектов кибератак, однако готовность к ним и осведомленность среди предприятий и частных лиц остаются низкими, а рабочая сила испытывает серьезную нехватку навыков в сфере кибербезопасности. В прямой зависимости от сетевой и информационной безопасности находится должное функционирование прежде всего единого цифрового рынка ЕС. И в правовых актах ЕС это постоянно подчеркивается.

---

⁸ Digital Economy and Society Index. Cybersecurity. 11 June 2020. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/digital-economy-and-society-index-desi-2020> (дата обращения 14 апреля 2023 г.).

⁹ Eurostat Press release, «ICT security measures taken by vast majority of enterprises in the EU», 6/2020 - 13 January 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/10335060/9-13012020-BP-EN.pdf/f1060f2b-b141-b250-7f51-85c9704a5a5f> (дата обращения: 22 ноября 2022 г.).

¹⁰ Report from Joint Research Centre (JRC) «Cybersecurity, our digital anchor». URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/eur-scientific-and-technical-research-reports/cybersecurity-our-digital-anchor> (дата обращения 14 апреля 2023 г.).

Конечно, можно назвать много правовых актов ЕС, касающихся единого цифрового рынка, а также по вопросам безопасности и кибербезопасности, в частности. Например, это принятая в 2013 году Стратегия кибербезопасности ЕС¹¹, в которой было отмечено, что ценности ЕС применимы как в цифровом, так и материальном мире и были сформулированы стратегические приоритеты для борьбы с актуальными вызовами в сфере кибербезопасности.

Но хотелось бы сделать акцент лишь на некоторых из них, особенно подчеркивающих роль высокого уровня кибербезопасности для должного функционирования единого цифрового рынка.

В 2015 году была принята Стратегия единого цифрового рынка для Европы¹², которая предусматривала принятие ряда ключевых действий для создания единого цифрового рынка в рамках трех опор: онлайн-доступ к товарам и услугам в рамках всего ЕС; условия для развития цифровых сетей и услуг и цифровая экономика и общество. Для создания благоприятных условий для развития цифровых сетей и инновационных услуг предусматривалось среди прочего принятие мер по обеспечению кибербезопасности и борьбе с киберпреступностью. Очевидно, что обеспечение кибербезопасности выступает одним из инструментов повышения эффективности единого цифрового внутреннего рынка. Стратегия действовала до 2020 г. и ее приоритетом было устранение сохранявшихся препятствий в цифровой среде и обеспечение развития

---

¹¹ Joint Communication. Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace), JOIN/2013/01 final URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52013JC0001> (дата обращения: 14 апреля 2023 г.).

¹² Commission staff working document «A Digital Single Market Strategy for Europe - Analysis and Evidence». Accompanying the document «A Digital Single Market Strategy for Europe». COM(2015) 192 final. Brussels, 6.5.2015 SWD(2015) 100 final.

истинного единого цифрового пространства как фактически еще одного пространства свобод в ЕС¹³.

В дальнейшем был принят целый ряд как рекомендательных, так и нормативных правовых актов, в том числе программного характера, касающихся как воплощения предусмотренных ей мер в рамках разных направлений деятельности, так и касающихся единого цифрового рынка в целом.

Важным этапом стала Директива 2016/1148 о безопасности сетей и информационных систем¹⁴, которая является первым широкомасштабным правовым актом ЕС по кибербезопасности, как отмечается, например, в Ежегодном отчете Комиссии о применении права ЕС 2021 г. В Директиве прямо подчеркивается, что она устанавливает меры с целью достижения высокого общего уровня безопасности сетей и информационных систем в рамках Союза, чтобы улучшить функционирование внутреннего рынка. Данная директива закрепляет обязательства для всех государств-членов принять национальную стратегию безопасности сети и информационных систем; создает Группу сотрудничества для поддержки и облегчения стратегического сотрудничества и обмена информацией между государствами-членами, а также для развития доверия и уверенности между ними; создает сеть групп реагирования на инциденты в области компьютерной безопасности; устанавливает требования к безопасности и уведомлению для операторов основных услуг и поставщиков цифровых услуг; устанавливает обязательства для государств-членов по назначению национальных компетентных органов, единых контактных лиц и сети групп реагирования с задачами, связан-

---

¹³ Попова И.М. Механизмы влияния ЕС на международное регулирование цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 257.

¹⁴ Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union // OJ L 194, 19.7.2016, p. 1–30.

ными с безопасностью сети и информационных систем. Комиссия возбудила и рассматривала дела против Бельгии, Венгрии и Румынии за то, что они не выявили или не предоставили достаточную информацию об операторах основных служб в соответствии с Директивой. В 2021 году Комиссия закрыла эти дела о нарушениях, поскольку они выполнили конкретные обязательства по этой директиве.

В итоге, эта Директива способствовала улучшению возможностей кибербезопасности на национальном уровне, расширила сотрудничество между государствами-членами и повысила киберустойчивость государственных и частных организаций в семи конкретных секторах (энергетика, транспорт, банковское дело, инфраструктуры финансового рынка, здравоохранение, снабжение и распределение питьевой воды, а также цифровые инфраструктуры) и в трех цифровых сервисах (онлайн-рынки, онлайн-поисковые системы и сервисы облачных вычислений). Однако несмотря на заметные достижения были выявлены и ее недостатки и сегодня планируется заменить эту директиву в связи с адаптацией права ЕС к меняющимся вызовам и угрозам. Основные недостатки сводятся к следующему: сфера действия Директивы слишком ограничена с точки зрения охватываемых секторов; Директива недостаточно ясна, когда речь заходит о сфере охвата операторов основных услуг, и ее положения не обеспечивают достаточной ясности в отношении национальной компетенции в отношении поставщиков цифровых услуг¹⁵; Директива предоставляла государствам-членам широкую свободу действий при установлении требований к безопасности и отчетности об инцидентах для операторов основных служб и иногда государства-члены применяли эти требования по-разному,

---

¹⁵ Из-за этого сложилась некоторые виды организаций не были определены во всех государствах-членах и, следовательно, не обязаны принимать меры безопасности и сообщать об инцидентах.

создавая дополнительное бремя для компаний, работающих более чем в одном государстве-члене; режим надзора за применением Директивы является неэффективным¹⁶; государства-члены не обмениваются регулярно данными друг с другом.

В 2019 году был принят новый Регламент 2019/881 о ENISA (Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности) и о сертификации кибербезопасности в области информационно-коммуникационных технологий (Акт по кибербезопасности)¹⁷, целью которого является обеспечение надлежащего функционирования внутреннего рынка путем достижения высокого уровня кибербезопасности, киберустойчивости и доверия внутри Союза. Регламент усилил роль ранее созданного Агентства, а также впервые вводит общеевропейскую систему сертификации в сфере кибербезопасности для товаров, услуг и процессов с использованием информационных и коммуникационных технологий.

В 2020 году Комиссия предложила пакет мер по дальнейшему повышению устойчивости и способности реагирования на инциденты государственных и частных структур, компетентных органов и Союза в целом в области кибербезопасности и защиты критической инфраструктуры. В частности, была принята Стратегия кибербезопасности на цифровое десятилетие¹⁸, которая направлена на укрепление коллективной

---

¹⁶ Например, государства-члены очень неохотно применяют штрафы к организациям, не соблюдающим требования безопасности или не сообщающим об инцидентах.

¹⁷ Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act) // OJ L 151, 7.6.2019, p. 15.

¹⁸ Joint Communication. «The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade». 16 декабря 2020 г., JOIN/2020/18 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal->

кибербезопасности и реагирования на кибератаки. Учитывая результаты деятельности ЕС по итогу выполнения предыдущих стратегий, в этой Стратегии содержатся конкретные предложения по внедрению трех основных инструментов – регулирующего, инвестиционного и политического инструментов – для принятия мер в рамках трех направлений деятельности.

В рамках одного из направлений Комиссия предложила, например, пересмотреть Директиву 2016/1148 о безопасности сетей и информационных систем, принять меры в сфере регулирования Интернета безопасных вещей, создать Сеть оперативных центров безопасности ЕС с поддержкой искусственного интеллекта и сверхзащищенной коммуникационной инфраструктурой, использующей квантовые технологии. И уже в конце 2020 года Комиссия приняла проект Директивы о мерах о высоком общем уровне кибербезопасности по всему ЕС, которая заменит Директиву 2016/1148 о безопасности сетей и информационных систем¹⁹. Изменения необходимы для уменьшения несоответствий на внутреннем рынке путем согласования сферы действия, требований к безопасности и отчетности об инцидентах, национального надзора и правоприменения, а также возможностей компетентных органов. Важно еще, что новая Директива послужит основой для специальных норм, которые также необходимы для стратегически важных секторов, включая энергетику, транспорт и здравоохранение. С учетом правил, специфичных для энергетического сектора, разрабатывается сетевой кодекс кибербезопасности в соответствии с Регламентом по

---

content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020JC0018&qid=1682173245952 (дата обращения 14 апреля 2023 г.).

¹⁹ Отчет Комиссии «Мониторинг применения права Европейского Союза за 2021 г.» («Monitoring the application of European Union law 2021»), 15 июля 2022 г., COM/2022/344 final URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022DC0344&qid=1682182471308> (дата обращения 14 апреля 2023 г.).

электроэнергетике (ЕС) 2019/943²⁰ для повышения устойчивости и защиты энергетического сектора²¹. Новая Директива закрепляет обязательства государств-членов принять стратегии кибербезопасности, назначить компетентных национальных органов, единых контактных пунктов и групп реагирования на инциденты с нарушением компьютерной безопасности; устанавливает обязательства по обмену информацией о кибербезопасности. В принципе цели предлагаемой Директивы аналогичны целям действующей. Отметим и то, что обе директивы представляют собой инструмент минимальной гармонизации, то есть государства могут принимать меры по обеспечению более высокого уровня кибербезопасности.

В 2021 года было опубликовано Сообщение Комиссии «Цифровой компас: европейский путь цифрового десятилетия»²². В Сообщении отмечается, что чрезвычайно важно установить исчерпывающий набор цифровых принципов, к которым относятся: в частности, безопасная и надежная онлайн-среда. И одной из четырех траекторий развития, которые необходимо выполнить для достижения поставленных перед Союзом целей к 2030 году выступает «Безопасные и эффективные устойчивые цифровые инфраструктуры».

В 2021 году были приняты в форме Регламентов Программа Единого рынка²³, а также Программа Цифровой

---

²⁰ Regulation (EU) 2019/943 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on the internal market for electricity// OJ L 158, 14.6.2019, p. 54–124.

²¹ Joint Communication from The Commission “Report on implementation of the EU’s «Cybersecurity Strategy for the Digital Decade», 23 июня 2021 г., JOIN/2021/14 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021JC0014&qid=1682182908824> (дата обращения 14 апреля 2023 г.).

²² Communication from the Commission. 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade. Brussels, 9.03.2021. COM/2021/118 final/2.

²³ Regulation (EU) 2021/690 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 establishing a programme for the internal market, competitiveness

Европы (2021-2027)²⁴, которые естественно взаимосвязаны. И непременно, в этих документах подчеркивается важность повышения уровня кибербезопасности на территории ЕС. Среди конкретных целей второй программы значится «Кибербезопасность и доверие». Действия в рамках этой конкретной цели должны осуществляться главным образом через Европейский Центр кибербезопасности в области промышленности, технологий и исследований и Сеть национальных координационных центров.

В 2022 году, наконец, были приняты в форме регламентов Акт о цифровых рынках (2022/1925)²⁵, Акт о цифровых услугах (2022/2065)²⁶, а также Акт об управлении данными (2022/868)²⁷, в которых обеспечение кибербезопасности играет существенное значение.

А в конце 2022 года было опубликовано Сообщение о европейской политике киберзащиты²⁸, основной целью кото-

---

of enterprises, including small and medium-sized enterprises, the area of plants, animals, food and feed, and European statistics (Single Market Programme) and repealing Regulations (EU) No 99/2013, (EU) No 1287/2013, (EU) No 254/2014 and (EU) No 652/2014 // OJ L 153, 3.5.2021, p. 1–47.

²⁴ Regulation (EU) 2021/694 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 establishing the Digital Europe Programme and repealing Decision (EU) 2015/2240 (Text with EEA relevance) // OJ L 166, 11.5.2021, p. 1–34.

²⁵ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) // OJ L 265, 12.10.2022, p. 1–66.

²⁶ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // OJ L 277, 27.10.2022, p. 1–102.

²⁷ Regulation (EU) 2022/868 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act) // OJ L 152, 3.6.2022, p. 1–44.

²⁸ Joint Communication from The Commission «Политика в сфере кибербезопасности» («Policy on Cyber Defence»), 10 ноября 2022 г., JOIN(2022) 49 final URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022JC0049&qid=1682185722363>.

рой является расширение сотрудничества и инвестиций в киберзащиту и обеспечение лучшей защиты от увеличения числа кибератак.

Таким образом, институты ЕС в очень сжатые сроки могут предпринимать целый комплекс взаимосвязанных и чрезвычайно необходимых мер для усовершенствования правового регулирования единого цифрового рынка как ответ на ряд вызовов, с которыми сталкивается и весь мир, и ЕС, в частности. За последние несколько лет было принято много новых или внесено изменений в значительное число правовых актов, регулирующих отношения в рамках единого цифрового рынка ЕС и их включение в национальные правовые системы, исполнение и соблюдение находятся под пристальным контролем. Среди таких актов есть целый ряд, которые в той или иной степени касаются вопросов обеспечения кибербезопасности.

Там, где были выявлены пробелы, Комиссия постоянно вносит. В последние годы резко возросло число угроз в области кибербезопасности и в качестве ответа Комиссия разработала скоординированную политику в тесном сотрудничестве с государствами-членами и с другими институтами ЕС, а также с соответствующими заинтересованными сторонами. ЕС находится на пути повышения стандартов кибербезопасности и информационной безопасности в институтах, органах и агентствах ЕС. Повышение кибербезопасности имеет важное значение для того, чтобы люди доверяли инновациям, сетевому подключению и автоматизации, пользовались ими и извлекали из них выгоду, а также для защиты основных прав и свобод, включая права на неприкосновенность частной жизни и защиту личных данных, а также свободу выражения мнений и информации.

**INTERNATIONAL TRADE DISPUTE RESOLUTION
IN NORTH AMERICA AFTER
THE CANADA-US-MEXICO AGREEMENT**

Режис Коффи Н'гуан Жан Франсуа

Аспирант 3 курса кафедры международного права

РУДН имени Патриса Лумумбы

1042205163@rudn.ru

The mechanisms by which the parties can settle their disputes concerning the application or the interpretation of a free trade agreement are one of their essential characteristics. Unlike other types of treaties, international trade agreements generally provide for sophisticated mechanisms, which regulate the way in which a state can invoke the responsibility of another State in the event of a breach of its obligations, as well as the countermeasures that the injured State may wish to impose. Members of the World Trade Organisation (WTO) have access to one of the most effective dispute settlement mechanisms in international law, despite its recent setbacks with the blocking of the appointment of members of its Appellate Body¹. Since the main obligations of free trade agreements reproduce those of the WTO agreements, it should not be surprising that States generally prefer to resort to the multilateral mechanism to settle their disputes. However, free trade agreements contain specific commitments for which the WTO mechanism cannot be referred, which explains why these agreements continue to provide their own dispute settlement mechanism. Not only is a general mechanism provided for, but sometimes free trade agreements also provide for one or more special mechanisms aimed at disputes

---

¹Mémoire d'accord sur les règles et procédures régissant le règlement des différends, Annexe 2 de l'Accord de Marrakech instituant l'Organisation mondiale du commerce, 15 avril 1994, 1867 RTNU 3. Entrée en vigueur 1er janvier 1995.

concerning a specific chapter of the agreement, which may even go beyond the interstate framework to recognize procedural rights for private persons.

The settlement of disputes relating to the North American Free Trade Agreement between the Government of Canada, the Government of the United States, and the Government of Mexico² (NAFTA) was no exception.

The new Agreement between Canada, the United States and Mexico³ (CUSMA) replaces NAFTA, but it reproduces the same dispute settlement mechanisms, with some notable modifications. The general dispute settlement mechanism of NAFTA, provided for in its Chapter 20, essentially reproduced that established by Chapter 18 of its predecessor, the Free Trade Agreement between Canada, and the United States⁴ (FTA). Canada would have liked to see the creation of a true North American commercial court, like the Court of Justice of the European Communities at the time, but it had to comply with the preference of the United States for a mechanism much less institutionalized type of arbitration⁵. The establishment of a dispute resolution mechanism had been crucial for

---

² Accord de libre-échange nord-américain entre le gouvernement du Canada, le gouvernement des États-Unis et le gouvernement du Mexique, 17 décembre 1992, RT Can 1994 № 2, 32 ILM 289. Entrée en vigueur: 1er janvier 1994. [ALÉNA]. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/fra/lois/C-10.65/page-1.html>. (дата обращения: 12.03.2023).

³ Accord Canada–États-Unis–Mexique (ACEUM), en annexe du Protocole visant à remplacer l'Accord de libre-échange nord-américain par l'Accord entre le Canada, les États-Unis et le Mexique, 30 novembre 2018, RT Can 2020 n° 5. <https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/cusma-aceum/text-texte/protocol-protocole.aspx?lang=fra> (дата обращения: 12.03.2023).

⁴ Accord de libre-échange entre le Canada et les États-Unis d'Amérique 22 décembre 1987, RT Can 1989 № 3 [ALÉ]. URL: https://www.persee.fr/doc/rqdi_0828-9999_2022_hos_2_1_2647 (дата обращения: 12.03.2023).

⁵ Gantz D.A. The United States and Dispute Settlement under the North American Free Trade Agreement: Ambivalence, Frustration, and Occasional Defiance. // *The Sword and the Scales: The United States and International*

Canada, as the power imbalance between the two countries made any type of mechanism more desirable than mere diplomacy⁶. The mechanism provided by Chapter 20 resembled that of the General Agreement on Tariffs and Trade⁷ (GATT 1947) more than its successor the WTO⁸. No permanent body has been created, with disputes being decided by a five-member ad hoc arbitration panel, without the possibility of appeal. The North American Free Trade Commission, a political body bringing together the foreign trade ministers of the three parties, was involved at different stages of the process⁹. A notable difference with the GATT 1947 mechanism was that the establishment of the panel was automatic at the request of a party¹⁰. The panel report contained its findings on the compatibility of the challenged measure with NAFTA and made recommendations for the settlement of the dispute¹¹. Unlike the GATT 1947, the report did not have to be formally adopted by the parties or the Commission, but its content was not binding and was rather intended to allow the parties to agree on the solution of the dispute,

---

Courts and Tribunals, Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 356. P. 363 [Gantz, « NAFTA »].

⁶ Hage R. Dispute Settlement under the Canada-United States Free Trade Agreement. // Law Journal McGill. 1990. №28 pp 361-362. URL: <https://lawjournal.mcgill.ca/article/dispute-resolution-in-the-canada-united-states-free-trade-agreement-one-element-of-a-complex-relationship/> (дата обращения: 12.03.2023).

⁷ ACÉUM, supra note 3, art 31.5. URL: https://www.persee.fr/doc/rqdi_0828-9999_2022_hos_2_1_2647 (дата обращения: 12.03.2023).

⁸ Turp D. L'Accord de libre-échange nord-américain et sa procédure générale de règlement des différends. 1992. 38 AFDI 808. URL: <https://www.redalyc.org/pdf/824/82400406.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).

⁹ ALÉNA, supra note 2, arts 2007(1), 2008(2), 2012(1) et art 2019(3).

¹⁰ ALÉNA, supra note 2, art 2008(2). URL: <https://www.canlii.org/fr/doctrine/doc/2012CanLIIDocs648#!fragment/BQCwhgziBcwMYgK4DsDWszIQewE4BUBTADwBdoByCgSgBplTTCIBFRQ3AT0otokLC4EbDtyp8BQkAGU8pAELcASgFEAMioBqAQQByAYRW1SYAEbRS2ONWpAALÉN A.> (дата обращения: 12.03.2023).

¹¹ Carreau D. Droit international économique. Paris, Dalloz, 2017. pp 119-156.

consisting, if possible, in the withdrawal of the measure or the granting of tariff or other compensation¹². In the absence of an amicable settlement, the claimant party could impose countermeasures, the proportionality of which with the commercial damage suffered could itself be the subject of an examination by the panel, at the request of a party¹³.

Despite its importance for the conclusion of NAFTA, the Chapter 20 mechanism was quickly neglected since only three cases were submitted to a panel between 1994 and 2020, all during its first seven years of operation¹⁴. This disaffection is mainly due to two factors. On the one hand, the parties preferred to rely on the new dispute settlement mechanism of the WTO, deemed more effective with its quasi-compulsory jurisdiction, its Appellate Body, and its greater institutionalizations¹⁵. Indeed, most trade disputes between the parties could be submitted either to the WTO or to the Chapter 20 mechanism, due to the identity of the fundamental disciplines between the WTO agreements and NAFTA¹⁶. However, Chapter 20 remained necessary for the resolution of disputes over NAFTA-specific commitments. On the other hand, loopholes in

---

¹² ALÉNA, supra note 2, art 2018 URL: https://www.sqdi.org/wpcontent/uploads/115-130-HSACEUM_7_Th%C3%A9berge_Hivon_int%C3%A9gr%C3%A9.pdf. (дата обращения: 12.03.2023).

¹³ Secrétariat de l'ACÉUM. Mesures d'attribution des contingents tarifaires laitiers (États-Unis-Canada). 2021. URL: <https://can-mex-usa-sec.org/secretariat/disputes-litges-controversias.aspx?lang=fra> (дата обращения: 12.03.2023).

¹⁴ Gantz A. D. An introduction to the United States-Mexico-Canada Agreement: understanding the new NAFTA. Cheltenham, Edward Elgar, 2020. pp. 21, 46. 59-62.

¹⁵ ALÉNA, supra note 2, art 2005. URL: https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/95-113-HSACEUM_6_Ouellet_int%C3%A9gr%C3%A9.pdf. (дата обращения: 12.03.2023).

¹⁶ Lester S., Manak I., Arpas A. Access to Trade Justice: Fixing NAFTA's Flawed State-to-State Dispute Settlement Process. // World Trade Review. 2019. №18:1. p 67.

the rules for selecting members of panels have made their formation extremely laborious. The problem lay in the omission of the parties to draw up the list of persons qualified to act as members of the panels, which had to be adopted by consensus and then renewed every three years¹⁷. The parties were to select the chairperson of the panel by consensus, failing which a drawn party could do so, while each party had to select two members of the nationality of the other party, failing which the members were drawn randomly from the list¹⁸. The Failure to adopt or renew the slate by consensus first allowed the United States to stretch the panel selection phase—supposed to last about a month—to six months in the first two cases, then fourteen months in the third, to then block it completely in the sugar dispute with Mexico¹⁹. This latest case illustrates the shortcomings of Chapter 20 and the complex issues raised by the tangle of international economic dispute resolution mechanisms. After unsuccessfully attempting to form a panel to hear its complaint about its access to the sugar market in the United States under NAFTA commitments, Mexico opted to impose countermeasures on those latest by imposing a surtax on soft drinks containing high fructose corn syrup. These countermeasures were in turn successfully challenged by the United States, but this time

---

¹⁷ ALÉNA, *supra* note 2, art 2011(1). URL: https://www.lex-electronica.org/files/sites/103/17-1_dufour.pdf. (дата обращения: 12.03.2023).

¹⁸ Larios P. The Fight at the Soda Machine: Analyzing the Sweetener Trade Dispute Between the United States and Mexico Before the World Trade Organization. // *American University International Law Review*. 2005. №20:3. p. 649.

¹⁹ ADM v. Mexico. // *Archer Daniels Midland and Tate and Lyke Ingredients Americas, Inc. V. United Mexican States*, ICSID Case № ARB(AF)/04/5. URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-archer-daniels-midland-and-tate-lyle-ingredients-americas-inc-v-united-mexican-states-award-wednesday-21st-november-2007>. (дата обращения: 12.03.2023).

at the WTO, which refused to decline jurisdiction despite proceedings initiated under NAFTA²⁰. Yet Mexico's original Chapter 20 complaint never made it to a panel due to US obstruction. Access to justice under NAFTA was thus greatly undermined by these technical shortcomings regarding the selection of members of panels. From the beginning of the renegotiation of NAFTA, the United States expressed the wish to make the general dispute settlement mechanism less restrictive than that of Chapter 20²¹. From this perspective, the simple fact of maintaining the mechanism without diluting it was a gain for Canada and Mexico. This explains why the mechanism initially agreed on November 30, 2018, in Chapter 31 of CUSMA is a reproduction of Chapter 20, with some notable advances. The use of information technologies is now provided for, as is the possibility of agreeing to a special group of three members rather than five, or even new rules of evidence and procedure ensuring the publicity of the work of special groups and their power to agree to receive briefs from amicus curiae²² [6]. Like the WTO mechanism, a new remedy also allows the defending party to ask the panel to rule on the elimination of the non-conforming measure, when the claimant contests it and maintains its countermeasures²³.

The other improvements made in extremis to Chapter 31 respond to the problems of Chapter 20 by facilitating the constitution

---

²⁰ Gantz D.A. *An Introduction to the United States-Mexico-Canada Agreement: Understanding the New NAFTA*. Cheltenham, Edward Elgar, 2020. pp 21, 46, 59-62.

²¹ ACÉUM, *supra* note 3 arts 31.4.7, 31.9.1 (a), 31.11, 31.12. URL: https://www.persee.fr/doc/rqdi_0828-9999_2022_hos_2_1_2647 (дата обращения: 12.03.2023).

²² ACÉUM, *supra* note 3, art 31.19.3b). URL: https://www.persee.fr/doc/rqdi_0828-9999_2022_hos_2_1_2647 (дата обращения: 12.03.2023).

²³ Huntington D. S. *Settling Disputes under the North American Free Trade Agreement*. // *Canada-United States Law Journal*. 1993. №35:1. URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1057&context=cuslj> (дата обращения: 12.03.2023).

of panels, which this time also benefits trade disputes²⁴. The rules concerning the adoption of the list of persons qualified to be appointed as members of a panel are greatly relaxed and no longer allow a party to prevent it²⁵. Rather than having to imperatively adopt the entire list of thirty people by consensus, each party must appoint no more than ten people and the list can thus be made up of a smaller number even if one party refuses to do so. It remains in force for three years or as long as a new designation is not made, which solves the problem of its non-renewal. The obstruction of the process of appointing the members of the panel is also made more difficult, since in the event of inaction by the defendant in the appointment of the members, the plaintiff can do so in its place from the list²⁶. The surest way to definitively resolve these problems would undoubtedly have been to designate an appointing authority such as the Secretary General of the Permanent Court of Arbitration or the Director General of the WTO, but this solution was not considered. Finally, the right of the parties to recuse without reason a person not appearing on the list is now limited, since it cannot be exercised when no qualified and available person on the list has the necessary specialized expertise. These solutions to the problems of Chapter 20 of NAFTA are already undergoing the test of reality, since the first two trade disputes submitted to panels under Chapter 31 have led to the adoption of final reports concerning, in one on the one hand, the safeguard measures imposed by the United States and, on the other hand, certain terms of access to

---

²⁴ Ouellet R. L'ACÉUM: un révélateur de la vraie nature du processus d'intégration économique en Amérique du Nord. // *Revue québécoise de droit international*. 2022. pp. 95-113. URL: https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/95-113-HSACEUM_6_Ouellet_int%C3%A9gr%C3%A9.pdf. (дата обращения: 22.02.2023).

²⁵ ACÉUM, supra note 3, art 31.8. URL: https://www.persee.fr/doc/rqdi_0828-9999_2022_hos_2_1_2647 (дата обращения: 12.03.2023).

²⁶ Commission du libre-échange de l'ACÉUM, Règles de procédure pour le chapitre 31 (Règlement des différends). 2020. art 17.

the market for dairy products in Canada²⁷. Washington has also already activated the new rapid reaction mechanism by asking Mexico City to examine alleged violations of workers' rights in an automobile factory located in Mexico²⁸. Shortly before, Mexican workers submitted a first communication to the competent Mexican office regarding alleged breaches by the United States of Section 23²⁹. The disaffection with the general dispute settlement mechanism seems to be a thing of the past and CUSMA Chapter 31 could see better days than NAFTA Chapter 20.

At the end of the renegotiation of NAFTA, the settlement of international trade disputes in North America does not appear to be fundamentally transformed. Despite several improvements, CUSMA's general dispute resolution mechanism is consistent with that of its predecessor. On the other hand, the relaxation of ISDS in CUSMA constitutes a clear break with NAFTA and the usual approach of Canada and the United States. This break is part of the controversy that surrounds ISDS in general and, more specifically, its adequacy with relations between industrialized countries. On this level, a major change has indeed taken place and its impacts remain to be seen.

---

²⁷ Secrétariat de l'ACÉUM Mesures d'attribution des contingents tarifaires laitiers (États-Unis c Canada). 2021. URL: <https://can-mex-usa-sec.org/secretariat/disputes-litges-controversias.aspx?lang=fra> (дата обращения: 12.03.2023).

²⁸ Gervais N., Ouellet A-P. L'échapper belle: AMPA ou MPIA. Quatre lettres au secours du système de règlement des différends à l'OMC. // *Revue québécoise de droit international*. 2019. №32.2. URL: https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/29-57-GervaisOuellet_intégré-1.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

²⁹ Castel J.-G. The Settlement of Disputes under the 1988 Canada-United States Free Trade Agreement. 1989. // *American Journal of International Law*. №118. p. 120. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/232636584.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).

МОДЕРНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ЕАЭС

Татарченко Евгений Андреевич
Студент магистратуры
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
e.tatarchenko@students.cosmos.msu.ru

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) обладает международной правосубъектностью и применяет собственную систему союзного права. Суд ЕАЭС в Минске обеспечивает единообразное применение права ЕАЭС государствами-членами и союзными органами. Он состоит из двух судей от каждого государства-члена, избираемых сроком на девять лет и назначаемых Высшим Евразийским экономическим советом¹.

С момента создания в 2015 г. и до конца 2022 г. Суд ЕАЭС рассмотрел 91 жалобу, из них 44 по заявлениям хозяйствующих субъектов о разрешении споров². К ним относятся компании и физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей как в государстве-члене, так и за рубежом. Право на обращение со стороны юридических лиц, не входящих в ЕАЭС, было использовано только один раз, украинской компанией. Большинство обращений касается таможенно-тарифного и нетарифного регулирования ЕАЭС³.

---

¹ Кашкин, С. Ю. Право Евразийского экономического союза : учебник / Кашкин С. Ю. , Четвериков А. О. - Москва : Проспект, 2016. - 192 с.

² Официальный сайт Суда ЕАЭС. Статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза по состоянию на 20 июля 2022 года.

³ Евразийский экономический союз [Текст] / [Е. Ю. Винокуров, Д. А. Коршунов, В. С. Перебоев, Т. В. Цукарев ; под редакцией Е. Ю. Винокурова] ;

Тот факт, что до недавнего времени очень мало дел в Суде ЕАЭС было выиграно юридическими лицами, негативно сказалось на развитии судебной практики Суда. Суд ЕврАзЭС, его предшественник с 2012 по 2014 год, начал в этом отношении лучше, так как первое дело, возбуждённое компанией, ОАО «Южный Кузбасс», было вынесено в его пользу, что задало другой тон для этого суда⁴.

Как говорит один эксперт: «Суд попал в порочный круг. Первое дело в Суде ЕАЭС по заявлению хозяйствующего субъекта подал казахстанский индивидуальный предприниматель, представлявший себя. В целом, заявления от имени хозяйствующих субъектов были либо достаточно плохо подготовлены, либо были больше заинтересованы в толковании Суда ЕАЭС [для дальнейшего использования в национальных судебных делах], чем в фактическом выигрыше»⁵. Эта тенденция была окончательно прервана в октябре 2018 г., когда Суд ЕАЭС вынес решение в пользу истца перед Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) по делу ООО «Ойл Марин Групп»⁶. Это решение, вероятно, побудило бизнес-сообщество и юридические фирмы оспаривать действия ЕЭК в суде. Тем не менее, неспособность суда присудить компенсацию остаётся сдерживающим фактором для компаний, обращающихся за правовой помощью.

При этом в юридической практике ЕАЭС есть положительные сдвиги. Во-первых, в недавних постановлениях Суд

Евразийский банк развития. - Санкт-Петербург : Центр интеграционных исслед., 2017. стр. 88.

⁴ Исполинов А.С. Решение Большой Коллегии Суда ЕврАзЭС по делу Южного Кузбасса: насколько обоснован судейский активизм?

⁵ Там же.

⁶ Решение Суда Евразийского экономического союза от 11.10.2018.

ЕАЭС провозгласил принципы прямого применения⁷ и прямого действия⁸ положений Договора о ЕАЭС. Поэтому положения договоров должны применяться государствами-членами, поскольку нормы международных договоров и правовые нормы союзов могут применяться напрямую, без вмешательства национальных органов. Однако, компании и частные лица предпочитают отстаивать свои права из закона Союза и ссылаться на договор в национальных судах.

Во-вторых, в консультативном заключении 2018 г. о трудовых отношениях для спортсменов в странах ЕАЭС суд подтвердил верховенство права ЕАЭС над национальным законодательством⁹.

По словам судьи Суда ЕАЭС Татьяны Нешатаевой, неисполнения судебных решений не существует в связи с ежегодным отчетом суда перед главами стран ЕАЭС. Хотя право на обращение в Верховный Совет закреплено в статье 120 Статута Суда ЕАЭС, суд им ни разу не воспользовался. По словам Нешатаевой, «эта формула идеально подходит [в интеграционную структуру, в которую входят] европейские и азиатские страны. ... [В нашей культуре общения] человек достигает консенсуса, улыбаясь, когда это необходимо, воздерживаясь

---

⁷ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2017 N CE-2-1/1-17-БК <О разьяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014.

⁸ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 07.12.2018 «О разьяснении применения пункта 2 статьи 97 Договора о ЕАЭС в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств - членов ЕАЭС, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений к данной категории лиц при осуществлении трудовой деятельности».

⁹ Там же.

от использования ругательств и вежливо обращаясь с другими, что гарантировало бы выполнение решения [суда]»¹⁰.

В-третьих, растущее количество запросов от государств-членов и органов ЕАЭС на разъяснения положений права ЕАЭС¹¹ свидетельствует о возрастающей роли суда. К концу 2018 года почти половина всех обращений, принятых судом к рассмотрению (13 из 27), составляли запросы о разъяснении. Что ещё более важно, государства-члены обычно следуют решениям суда.

В-четвертых, как показывает анализ судебной практики российских судов, национальные суды все чаще обращаются к прецедентной практике Суда ЕАЭС и руководствуются её аргументацией¹², что является положительным моментом для Суда ЕАЭС и правовой системы союза в целом.

Согласно одному исследованию, Суд ЕАЭС в настоящее время занимается вопросами и вызовами, с которыми сталкивался Европейский суд в 1960-х и 1970-х годах¹³.

Опрошенные специалисты-практики и юристы признают наличие двух основных ограничений в сфере юрисдикции Суда ЕАЭС.

Во-первых, ЕЭК не может обратиться в суд с иском о принудительном применении права ЕАЭС государством-членом. Если ЕЭК выявляет нарушения союзного законодательства государством-членом, он может только информировать

---

¹⁰ Нешатаева Т.Н. Доклад. Действие актов международного суда в национальных правовых системах: на примере актов Суда ЕАЭС, 19 октября 2018 г., Минск, Беларусь.

¹¹ Они также могут быть поданы работниками и должностными лицами органов ЕАЭС в случае наличия положений о трудовых отношениях.

¹² Екатерина Дияченко и Кирилл Энтин, «Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реалии», *Международное правосудие*, 2017, № 3, С. 91–93.

¹³ Entin, K., & Pirker, B. (2018). The early case law of the Eurasian Economic Union Court: On the road to Luxembourg? *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 25(3), 266–287.

государство-член, без возможности передать нарушение в суд. Суд выносит решения только по делам, возбуждённым хозяйствующими субъектами или государствами-членами. В результате соблюдение союзного законодательства государствами-членами является слабым.

Государства-члены вправе в судебном порядке оспаривать друг у друга соблюдение Договора о ЕАЭС или решений органов ЕАЭС, либо оспаривать действия/бездействие ЕЭК. Однако, страны обычно предпочитают разрешать такие споры другими способами. За последние четыре года только одно государство-член оспаривало соблюдение другим государством Договора о ЕАЭС: Россия предъявила Белоруссии иск о конфискации бытовой техники, проходящей транзитом между Калининградом и материковой частью России, и суд ЕАЭС вынес решение в пользу России.

Во-вторых, национальные суды не могут запрашивать у Суда ЕАЭС предварительные решения, то есть не могут просить суд толковать союзное право. Без такой процедуры предварительного принятия решения страны ЕАЭС и их национальные суды могут по-разному толковать законы.

Так стало с техническим регламентом ЕАЭС «О безопасности мяса птицы и продукции его переработки»¹⁴, принятым в 2021 г. и вступившим в силу в 2023 г. В Белоруссии допускается производство продукции из мяса птицы из сырья, содержащего генетически модифицированные организмы (ГМО), если есть обязательная маркировка¹⁵. Однако, в России уже с 2016 действует тотальный запрет на использование сырья содержащего ГМО за исключением случаев проведения

---

¹⁴ Технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности мяса птицы и продукции его переработки» (ТР ЕАЭС 051/2021).

¹⁵ Ст. 10 Закона Республики Беларусь от 29 июня 2003 г. № 217-З «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека».

экспертиз и научно-исследовательских работ¹⁶. Регламент внёс запрет на использование ГМО сырья для детского питания, но не других возрастных групп. Таким образом, национальные суды стран-членов ЕАЭС должны будут разъяснить, с какого возраста возможно употребление генетически модифицированного мяса птицы.

Среди экспертов-правоведов существует общее мнение о том, что компетенция Суда ЕАЭС была сужена в связи с судебной активностью суда-предшественника. Суд ЕврАзЭС имел юрисдикцию выносить предварительные решения по запросу национальных верховных судов. На практике был подан только один такой запрос — от Высшего хозяйственного суда Белоруссии, который в конечном итоге был отозван всего через несколько недель. Суд ЕАЭС заплатил цену: ограничение своих полномочий. Вполне может быть, это обстоятельство вызвало недовольство [белорусского] национального Верховного суда и подтолкнуло национальные суды к лоббированию отмены процедуры предварительного принятия решения. Отсутствие процедуры предварительного принятия решения подрывает создание единого правового пространства, являющегося необходимым условием для полноценного общего внутреннего рынка. Однако, в какой-то мере это отсутствие компенсируется статьёй 49 Статута Суда ЕАЭС. Это позволяет странам ЕАЭС предоставить своим национальным институтам, в том числе судам, право обращаться в суд за толкованием.

Пока страны ЕАЭС распространили это право только на свои министерства юстиции и некоторые другие министерства.

---

¹⁶ Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 358-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности».

Таким образом, Суд ЕАЭС продемонстрировал неоднозначные результаты: он страдает от серьёзных ограничений, но в нем произошли некоторые замечательные положительные изменения в судебных правилах, сфере его юрисдикции и юридической практике. Если принять во внимание изложенные в этом эссе замечания к Суду ЕАЭС, и попытаться их устранить, то получится улучшить привлекательность ЕАЭС и создать комфортные условия для экономического роста Стран-членов ЕАЭС.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ МОЛДОВЫ В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Шишкова Александра Федоровна

*аспирант департамента международного права Националь-
ный исследовательский университет*

«Высшая школа экономики»

a.shishkova@hse.ru

Действия Европейского Союза (далее ЕС) на постсоветском пространстве в последние десятилетия выявили роль международного права в достижении, как экономических, так и политических целей во внешней политике ЕС. Европейская политика соседства (ЕПС) и программная инициатива – Восточное партнёрство (ВП) стали основой расширения права ЕС на постсоветские страны. Возникнув в качестве политических инструментов, данные направления внешней политики ЕС приобрели прочную правовую основу. Соглашения об ассоциации стали составной частью ЕПС и рычагом в распространении права ЕС на постсоветские страны.

Молдова стала одной из самых амбициозных стран по налаживанию связей с Европейским Союзом и имплементации норм договоров с ЕС на национальном уровне. В 2005 г. был подписан политический документ «План действий Европейский Союз – Республика Молдова», который установил стратегические цели по взаимодействию в политической, экономической, культурной областях и в сфере безопасности¹. По индексу Восточного партнёрства, отражающего прогресс стран ВП по обеспечению устойчивого демократического развития и интеграции в Европейский союз с 2013 по 2016 гг.

---

¹EU-Moldova ENP Action Plan, 2005. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/pdf/action_plans/moldova_enp_ap_final_en.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

Молдова была абсолютным лидером по показателю приближения к ЕС, а в 2021 г. разделяла лидирующую позицию с Украиной².

С подписанием Соглашения об ассоциации³ с Европейским Союзом Молдова взяла на себя масштабные обязательства по имплементации норм договоров с ЕС в национальное законодательство. В соответствии с Соглашением об ассоциации Молдова должна перенять огромное количество правовых норм Европейского Союза, планомерно имплементируя их в национальное законодательство. Таким образом, право Европейского Союза постепенно становится частью правовой системы Молдовы.

Как отметил Конституционный суд Молдовы в 2014 г. в своем Постановлении о конституционности Соглашения об ассоциации, Соглашение не ставит под сомнение верховенство Конституции страны над всей правовой системой в области суверенитета Молдовы и не предоставляет органам Европейского Союза законодательные полномочия, которые остаются исключительно в ведении национальных органов Молдовы⁴. При этом, взяв на себя обширные обязательства по Соглашению об ассоциации, Молдова перенимает значительную часть правовых актов Европейского Союза в национальную правовую систему.

---

² Eastern Partnership Index 2020-2021. URL: <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/EaP-Index-2020-2021.pdf> (дата обращения: 29.03.2023).

³ Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Moldova, of the other part OJ L 260, 30.8.2014.

⁴ The Association Agreement between the Republic of Moldova and the European Union – constitutional. 09.10.2014. [https://www.constcourt.md/libview.php?l=en&idc=7&id=583&t=/Overview/Press-Service/News/The-Association-Agreement-between-the-Republic-of-Moldova-and-the-European-Union-constitutional](https://www.constcourt.md/libview.php?l=en&idc=7&id=583&t=/Overview/Press-Service/News/The-Association-Agreement-between-the-Republic-of-Moldova-and-the-European-Union-constitutional?l=en&idc=7&id=583&t=/Overview/Press-Service/News/The-Association-Agreement-between-the-Republic-of-Moldova-and-the-European-Union-constitutional) (дата обращения: 30.03.2023).

С подписанием Плана действий в 2004 г. с Европейским Союзом Молдова постепенно начала внедрять механизмы гармонизации национального права с правом Европейского Союза. Правительство страны приняло правовые акты⁵ направленные на гармонизацию национального законодательства с правом Европейского Союза, также функционируют несколько государственных органов, одной из задач которых является приведение норм национального права в соответствие с правом Союза. Молдова принимает всесторонние меры по обеспечению наибольшего соответствия национального права нормам Европейского Союза.

Усилия Молдовы по имплементации права Европейского Союза и объем имплементируемых правовых норм свидетельствуют о системных изменениях внутреннего права страны, затрагивающих все сферы жизни государства и общества. Более того, в соответствии с положением о гармонизации Молдовы с правом Европейского Союза должен соблюдаться принцип необратимости. Он подразумевает, что достигнутый уровень гармонизации должен быть сохранен, и должно быть предотвращено введение правил, которые противоречили бы законодательству Европейского Союза⁶. В про-

---

⁵ Постановление Правительства Молдовы от 24.11.2006 № 1345 «О гармонизации законодательства Республики Молдова с законодательством Сообщества», 15.12.2006, № 189-192, ст. 1470. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=127943&lang=ru (дата обращения: 30.03.2023); Постановление Правительства Молдовы от 28.11.2018. № 1171 «О гармонизации законодательства Республики Молдова с законодательством Европейского Союза», 21.12.2018, № 499-503, ст. 1314. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=127943&lang=ru (дата обращения: 30.03.2023).

⁶ Правительства Молдовы от 28.11.2018. № 1171 «О гармонизации законодательства Республики Молдова с законодательством Европейского Союза», 21.12.2018, № 499-503, ст. 1314. URL:

цессе гармонизации Молдова должна учитывать учредительные договоры Европейского Союза, Хартию Союза об основных правах, все правовые акты вторичного права, а также решения Суда Европейского Союза и международные соглашения Союза. Все нормы в национальном праве Молдовы, которые несовместимы с правом Европейского Союза должны быть устранены.

Молдова, внедряя правовые нормы Европейского Союза, сталкивается с недостаточным их применением и реализацией⁷. Это объясняется во многом формальной имплементацией права с целью более быстрого получения финансовой помощи и положительной реакции со стороны Европейского Союза.

Согласно Постановлению Конституционного суда Молдовы о конституционности Соглашения об ассоциации «по смыслу Декларации о независимости и ст.1 Конституции, курс на сближение с пространством европейских демократических ценностей является определяющим элементом конституционной идентичности Республики Молдова», поэтому «процесс европейской интеграции Республики Молдова не только соответствует конституционной идентичности страны, любая другая неблагоприятная ориентация является неконституционной *a priori*»⁸. Здесь прослеживается некий диктат Конституционного суда, который, принимая такое решение,

---

https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=127943&lang=ru (дата обращения: 01.04.2023).

⁷ Niemann A., Wekker T. Normative power Europe? EU relations with Moldova. European Integration online Papers (EIoP), Vol. 14. 2010. P. 25.

⁸ The Association Agreement between the Republic of Moldova and the European Union – constitutional. 09.10.2014. <https://www.constcourt.md/libview.php?l=en&idc=7&id=583&t=/Overview/Press-Service/News/The-Association-Agreement-between-the-Republic-of-Moldova-and-the-European-Union-constitutional?l=en&idc=7&id=583&t=/Overview/Press-Service/News/The-Association-Agreement-between-the-Republic-of-Moldova-and-the-European-Union-constitutional> (дата обращения: 30.03.2023).

подтвердил европейский курс страны, явно, не допуская наличия иных стремлений общества, к примеру развития более тесных отношений с Евразийским экономическим союзом.

Несмотря на усилия Молдовы по имплементации договоренностей в рамках ЕПС и в искреннюю веру правящей власти в европейский путь страны, со стороны ЕС прослеживается применение двойных стандартов по отношению к странам Восточного партнерства. К примеру, ЕС указывает на недостатки демократии в Молдове, в то время как более снисходительно относится к недостаточному соблюдению демократических стандартов в странах-членах, таких как Франция, Бельгия и Польша⁹. Можно также привести в пример того, что только 11 из 25 государств-членов ЕС (по которым имеются данные) смогли выполнить более половины рекомендаций Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), в то время как Молдове удалось выполнить 60 процентов из них. Вместе с тем правительства стран ЕС не обязаны передавать в Комиссию ЕС информацию по вопросам, касающимся коррупции национальных государственных служащих, так как такие действия представляют собой нарушение национального законодательства. В то же время не утихают призывы к странам ЕПС, таким как Молдова к борьбе с коррупцией и изменению национального законодательства в данной сфере, чтобы оно соответствовало нормам ЕС¹⁰. Двойственная и несогласованная позиция ЕС подчеркивает разное отношение к третьим странам и странам-членам в части правовых требований, что расходится с теми правами, которые доступны данным категориям государств.

В 2020 г. Комиссия ЕС опубликовала Сообщение о Восточном партнерстве после 2020 г. под лозунгом «Укрепление

---

⁹ Niemann A., Wekker T. Normative power Europe? EU relations with Moldova. European Integration online Papers (EIoP), Vol. 14. 2010. P. 16.

¹⁰ Niemann A., Wekker T. Normative power Europe? EU relations with Moldova. European Integration online Papers (EIoP), Vol. 14. 2010. P. 16.

устойчивости – Восточное партнерство, которое приносит пользу всем»¹¹. Основной целью Восточного партнерства остается создание зоны демократии, процветания, стабильности и расширение сотрудничества на основе общих ценностей. Европейский Союз открыто признаётся в стратегическом интересе в продвижении своего «глобального лидерства в области прав человека и демократии во внешних действиях, в том числе в отношении Восточного партнерства». Отмечается, что политический подход к Восточному партнерству должен сохраняться и основываться на принципе «больше за большее» и «меньше за меньшее», который будет приносить пользу странам – партнерам наиболее вовлечённых в реформы. ЕС продолжает придерживаться принципа обусловленности со странами ЕПС, стремясь позиционировать себя в качестве глобального лидера в обеспечении демократии и прав человека. Тем самым ЕС укрепляет свой статус нормативной державы, активно вовлекая страны постсоветского пространства в свое правовое поле, задавая им определенную правовую планку, и предоставляя выгоды при её достижении.

При таких масштабных изменениях увеличиваются политические, экономические, торговые, социальные и культурные связи Молдовы с Европейским Союзом. Однако, внедряя нормы права ЕС Молдова не пользуется преимуществами, которые доступны странам-членам Европейского Союза, становясь всё более зависимой от решений институтов ЕС.

К тому же, в июне 2022 года Молдова стала кандидатом на вступление в Европейский Союз, что вероятно затянется на десятилетия и потребует от Молдовы ещё больших усилий по

---

¹¹ Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Eastern Partnership policy beyond 2020. Reinforcing Resilience - an Eastern Partnership that delivers for all. Brussels, 2020.

проведению реформ. Однако итог таких стараний, сопровождающихся массивными правовыми изменениями, является весьма неопределенным.

Вместе с тем ослабевают исторические связи Молдовы с постсоветскими странами, в особенности с Россией, а участие в таких интеграционных объединениях как Содружество Независимых Государств и Евразийский экономический союз сходит на нет. Такая тенденция лишает Молдову возможности многовекторного развития, а вместе с этим торгово-экономических преимуществ и способствует поляризации общества страны.

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ СПОРТИВНОЕ ПРАВО**

РАССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЯ АНТИДОПИНГОВЫХ ПРАВИЛ И ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СПОРТСМЕНОВ

Анчугова Ирина Андреевна

Студент

*Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева*

Международные спортивные организации заинтересованы в обеспечении равных условий для всех спортсменов вне зависимости от возраста, пола, религии и национальности и устанавливают единые рамки и правила участия в спортивных соревнованиях. При этом выделяются уязвимые категории спортсменов, в отношении которых устанавливаются дополнительные гарантии защиты прав. К ним, в частности, относятся несовершеннолетние спортсмены.

Несовершеннолетние спортсмены выступают на спортивных соревнованиях различных уровней и в некоторых аспектах они находятся в более уязвимом положении, нежели их совершеннолетние коллеги.

Наибольшая уязвимость несовершеннолетних спортсменов проявляется при обнаружении возможных нарушений антидопинговых правил. Учет уязвимого положения таких спортсменов позволит оптимизировать механизм привлечения к ответственности нарушителей допинговых запретов, а также не допустить чрезмерного давления на юных атлетов.

Автономия международных спортивных организаций проявляется в установлении дисциплинарной ответственности за нарушение антидопинговых правил, а также проведении расследований, в том числе в связи с их нарушением со стороны несовершеннолетних спортсменов, которые согласно Всемирного антидопингового кодекса получают статус защищенных лиц.

В литературе отмечается, что во время расследования несовершеннолетних спортсменов могут обязать явиться на допросы или предоставить полный доступ к разнообразной личной информации и документальным доказательствам, включая мобильные телефоны, электронную почту, телефонным разговорам и перепискам в социальных сетях и мессенджерах, медицинские записи¹. Однако допустимость такого рода вмешательства со стороны международных организаций кажется сомнительной с точки зрения нарушения прав несовершеннолетних спортсменов. Эта одна из многих проблем, касающихся защиты прав несовершеннолетних спортсменов при проведении расследований относительно нарушения антидопинговых правил. Представляется, что для ее разрешения международные спортивные организации должны учитывать принцип пропорциональности при проведении таких расследований, который требует учитывать особенности психики несовершеннолетнего спортсмена.

После вступления в силу в 2021 году новой редакции Всемирного антидопингового кодекса, в которой была закреплена такая категория, как защищенные лица, большое значение приобретает практика ее применения, в том числе рассмотрения споров с участием атлетов, не достигших совершеннолетия.

Одним из таких дел является ситуация в связи с обвинением в нарушении антидопинговых правил Камилы Валиевой.

Для участия в Зимних Олимпийских Играх в Пекине в 2022 году каждый спортсмен должны пройти допинг-контроль для допуска к соревнованиям, исключением не стала и Камила Валиева. 25 декабря 2021 года Камила приняла участие в Чемпионате России по фигурному катанию, в процессе которого были отобраны допинг-пробы для участия в Олим-

---

¹ Hessert, B. The protection of minor athletes in sports investigation proceedings. // *The International Sports Law Journal*, 2021. Vol. 21, P. 62–73.

пийских Играх. 7 февраля 2022 спортсменка участвовала в командных соревнованиях, несмотря на то, что она была допущена без полученного результата допинг-контроля со стороны Всемирного антидопингового агентства (ВАДА), который пришел в этот же день уже после проведения соревнования и проката Валиевой. Результат допинг-теста показал содержание в организме несовершеннолетней спортсменки триметазидина дозой в 2,1 нг/мл. 8 февраля 2022 года, в соответствии с правилами Всемирного Антидопингового Кодекса², Валиева была отстранена от участия в других соревнованиях. 9 февраля 2022 года прошло предварительное слушание по делу об отстранении в результате выявления допинг-субстанций, по итогам которого Российское антидопинговое агентство (РУСАДА) отменило решение об отстранении спортсменки. 11 февраля 2022 года Международный Олимпийский Комитет (МОК) и ВАДА подали заявления в Специальное подразделение Спортивного арбитражного суда (CAS) против РУСАДА в отношении обжалуемого решения. Валиева, Китайская Народная Республика и были названы Заинтересованными сторонами. В своем заявлении МОК и ВАДА также просили, чтобы РУСАДА было приказано обосновать обжалуемое решение. После чего началась подготовка позиций сторон по этому делу.

Первым заявителем выступил Международный Олимпийский Комитет, который обратился в CAS для принятия решения по настоящему делу на основании статьи 61(2) Олимпийской хартии³ и статей 1 и 2 Арбитражного регламента CAS для Олимпийских игр⁴. МОК ходатайствовал об отмене решения Дисциплинарного антидопингового комитета РУСАДА,

---

² Всемирный Антидопинговый Кодекс // Всемирное антидопинговое агентство, Монреаль, 2021.

³ Олимпийская хартия. // Международный олимпийский комитет, Лозанна, 2021.

⁴ Arbitration Rules applicable to the CAS ad hoc division for the Olympic Games. URL: <https://www.tas-cas.org/en/arbitration/ad-hoc-division.html>.

которое снимало временное отстранения, наложенного на Камилу Валиеву, и вынесение нового решения после слушания *de novo* (Статья 16 Правил CAS AHD) с участием всех сторон и заинтересованных сторон.

Вторым заявителем по делу являлся ВАДА, который поддержал позицию Международного Олимпийского Комитета по этому вопросу и заявил об отмене апелляционного решения, которое было решением Дисциплинарного антидопингового комитета от 9 февраля 2022 года по делу Камилы Валиевой; и немедленно возобновить отстранение спортсменки.

Последним заявителем выступил Международный Союз Конькобежцев (МСК), который заявил следующее: Специальному отделу CAS по Зимним Олимпийским Играм в Пекине предлагается заявить, что он обладает юрисдикцией в отношении этого дела, отменить решение РУСАДА от 9 февраля 2022 года и восстановить отстранение.

Первым ответчиком по делу выступила РУСАДА, которая изложила свою позицию следующим образом: «Слушание 9 февраля 2022 года было созвано в очень короткие сроки и не предоставило возможности для углубленного изучения доказательств и их возможного источника. Слушание заявлений в CAS дает возможность провести слушание *de novo*, на котором могут быть заслушаны все заинтересованные стороны, и провести полное рассмотрение CAS всех соответствующих доказательств, основываясь на них, CAS определит, виновность спортсмена и установить правомерность вынесенных ограничений. Также, помимо этого, CAS должен учитывать то, что спортсмен попадает под категорию «Защищаемые лица», которая распространяется на несовершеннолетних.

Вторым ответчиком стала сама спортсменка, которая заявляла, что Специальная палата CAS не обладает юрисдикцией для рассмотрения этого вопроса на следующих основаниях: ускоренная процедура в Специальном отделе CAS не дает достаточно времени для защиты прав спортсмена на

надлежащую правовую процедуру; в то время как у Спортсмена будет больше возможностей для защиты своего дела в Апелляционном отделе CAS, который также предоставляет право на назначение Камиле арбитра для защиты своей позиции и предоставить экспертные заключения. Спортсменка также сослалась на статью 15.2 Российских Антидопинговых Правил⁵, который предусматривает, что «решение о применении или отмене временного приостановления на основании предварительного слушания» может быть обжаловано в CAS, однако, нет положений, предоставляющего юрисдикцию для обжалования решения именно Специальному отделу CAS; следовательно, компетентным органом должен быть Апелляционный отдел CAS. Также Валиева просила учесть факт того, что она не принимала триметазидин, данный препарат принимал ее дедушка, а попадание в организм произошло при общении и совместной деятельностью путем загрязнения. Также несовершеннолетняя спортсменка ходатайствовала об отклонении заявок заявителей и компенсации с их стороны всех судебных издержек.

Последним ответчиком по делу выступил Российский Олимпийский Комитет (РОК). Он ссылаясь на задержку результатов проб, которые могли показать неправильный результат из-за нарушения сроков обработки проб вследствие пандемии Covid-19. Также данная сторона просила учесть принцип соразмерности, в соответствии с которым любая предварительная санкция, являющаяся более суровой, чем санкция, которая может быть наложена после полного слушания дела, будет сама по себе несоразмерной. РОК просил Специальную палату Спортивного арбитражного суда отклонить заявления, поданные Международным олимпийским комите-

---

⁵ Приказ Минспорта России от 24.06.2021 № 464 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил» // Документ опубликован не был.

том, Всемирным антидопинговым агентством и Международным Союзом конькобежцев по арбитражным делам CAS OG 22/ 08, CAS OG 22/09 и CAS OG 22/10.

Выслушав все позиции по делу, 17 февраля 2022 года суд пришел к следующим выводам и вынес следующее решение: Специальная палата Спортивного арбитражного суда обладает юрисдикцией для рассмотрения заявлений, поданных Международным олимпийским комитетом, Всемирным антидопинговым агентством и Международным союзом конькобежцев. Заявки, поданные МОК, ВАДА и МСК, отклоняются, что освобождает спортсменку от отстранения в участии в спортивных соревнованиях⁶.

Данное резонансное дело позволит выявить эффективность системы проведения расследований в отношении несовершеннолетних спортсменов как защищенных лиц, находящихся в уязвимом положении. Возможно, что для укрепления их статуса потребуется расширение гарантий, учитывающих позицию данной категории атлетов как слабой стороны.

---

⁶ Court of arbitration for sport (CAS) ad hoc division – xxiv Olympic winter games in Beijing, Award CAS OG 22/08 -CAS OG 22/09 – CAS OG 22/10, 17 February 2022.

ЗНАЧЕНИЕ МЯГКОГО ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНОМ СПОРТИВНОМ ПРАВЕ

Иванов Сергей Александрович
*Студент Высшей школы юриспруденции
и администрирования,
Научный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Спорт, как вид деятельности, является достаточно древним явлением. Однако с конца XIX века начинают создаваться первые международные спортивные федерации (далее МСФ), а с появлением Международного олимпийского комитета (далее МОК) в 1894 году и начинается постепенное формирование международного спортивного права (далее МСП). В то же время у МСФ отсутствуют четкие пределы нормотворчества. Как итог, они полноправны заниматься деятельностью, касающейся своей компетенции, закрепленной в учредительных актах той или иной международной спортивной организации¹. В силу чего результатом их деятельности становится создание актов «мягкого права». И если суть международных соглашений как источников МСП понятно, то генезис «мягкого права» до конца неизвестен, и можно ли считать его в качестве полноправного источника в МСП. Мы полагаем, что можно считать таковым. На наш взгляд, имеет смысл описать общую суть «мягкого права», а также обозначить значение данного феномена в МСП.

---

¹ См.: Залозная И.А. Международные спортивные организации: их роль и функции в защите прав спортсменов // Новая наука в новом мире: философское, социально-экономическое, культурологическое осмысление: сборник статей II Международной научно-практической конференции. 2019. С. 89.

Прежде всего нужно начать с того, что унифицированного определения «мягкого права» не существует как в отечественной, так и в зарубежной правовой литературе. Обычно под данным термином подразумевается международный инструмент, который не обладает обязательной юридической силой. К данным документам относятся различные декларации, резолюции, Руководящие принципы, правила, рекомендации и программы. Чаще всего, несомненно, «мягкое право» встречается в экономической, социальной и экологической областях².

И.В. Королёва приходит к выводу, что «мягкое право» выступает в качестве «вспомогательных, более мобильных и эффективных способов регулирования в разных сферах деятельности, в которых либо отсутствуют необходимые условия для выработки и принятия правового решения в традиционном смысле»³. Здесь, по нашему мнению, стоит частично согласиться с позицией автора, так как в действительности не всегда представляется возможность своевременно принять тот или иной международный договор в силу трудностей и длительности времени, связанных с переговорами и вступлением в силу договора. Однако, говоря про МСП, мы полагаем, что стремление отрасли к автономности от государств приводит к тому, что, на данный момент, не представляется возможным создать систему договоров по вопросу международного спорта, о чем подробнее будет сказано далее. Под автономностью следует понимать децентрализованность международных спортивных организаций в принятии решений от органов публичной власти и непосредственно государств. Указанный

---

² См.: Иванов С.А. Деятельность международных неправительственных спортивных организаций по защите окружающей среды: выпускн. квалиф. работа: 40.03.01. Рос. Унив. Дружбы Народов. Москва, 2021. С. 26.

³ См.: Королёва И.В. Проблема определения понятия "мягкое право" // Общество: политика, экономика, право. 2019. N 1 (66).

принцип закреплен в п. 5 Олимпийской хартии в разделе «Основнополагающие принципы»⁴ и в ч. 3 ст. 3 Европейской спортивной хартии⁵.

По мнению Фабьяна Терпана, под термином «мягкое право» следует рассматривать как юридически обязательные, так и не юридически обязательные нормы. Чтобы «мягкое право» рассматривалось в качестве правовой нормы, должно быть наличие какого-либо обязательства и/или механизма принуждения. Наличие хотя бы одного из двух представленных критериев помогает отличить от неправовых норм, таких как религиозных правил или морали. Но в отличие от «жесткого» права «мягкое» скорее «похоже на право обещания или заявления» что-либо выполнить, нежели исполнить в строгом обязательном порядке⁶. Мы считаем, что данное описание указанного феномена больше подходит в контексте нашего исследования: в «мягком праве» МСФ содержатся положения обязывающего характера не только для самих членов таких организаций, но и в том числе для самих организаций по различным вопросам, как-то: защиты прав человека⁷, окружающей среды⁸.

---

⁴ Информация получена на официальном сайте Международного олимпийского комитета: <https://olympics.com>.

⁵ Информация получена на официальном сайте Совета Европы: <https://www.coe.int>

⁶ См.: Terpan F. Soft Law in the European Union - The Changing Nature of EU Law // *European Law Journal*, Wiley. 2015. 21 (1). P. 77.

⁷ См.: Рекомендации по стратегии МОК в области прав человека (Recommendations for an IOC Human Rights Strategy). Март 2020 г. Режим доступа: https://stillmed.olympics.com/media/Document%20Library/OlympicOrg/News/2020/12/Independent_Expert_Report_IOC_HumanRights.pdf?_ga=2.109653186.698463621.1633518327-1696804904.1633518327.

⁸ См.: Экологическая стратегия ФИА на 2020-2030 гг. Режим доступа: <https://www.fia.com/multimedia/publication/fia-environmental-strategy-2020-2030>.

Ч. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН закрепляет перечень актов, которым руководствуется Суд при принятии консультативных заключений и решений. Между тем в широком смысле данная статья «признана в качестве авторитетного перечня источников международного права»⁹. В связи с чем мы можем прийти к выводу, что в соответствии с данной статьей акты «мягкого права» не являются источниками международного права. Однако отличительной особенностью МСП является тот факт, что оно основано не на межгосударственных соглашениях, резолюциях и конвенциях международных межправительственных организаций, и уж тем более не на нормах национального законодательства. Главными нормативными документами в МСП выступают принятая МОК Олимпийская хартия, уставы и регламенты МСФ, а также различные акты «мягкого права».

Для обозначения совокупности норм, закрепленных в приведенных выше документах, западной доктриной, по аналогии с *lex mercatoria*, был предложен термин *lex sportiva*. Данный термин был воспринят положительно как в западной, так и в отечественной доктрине¹⁰. Однако и здесь определение является размытым и единого мнения о его сущности отсутствует.

По мнению А.А. Соловьева, под *lex sportiva* стоит понимать «сложно структурированный и когерентный взаимодействующий комплекс систем материальных и процессуальных

---

⁹ Комиссия международного права ООН. Первый доклад по теме «Формирование и доказательство существования международного обычного права», подготовленный Специальным докладчиком Майклом Вудом. 17 мая 2013 г. A/CN.4/663. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/340/77/PDF/N1334077.pdf?OpenElement>. С. 15.

¹⁰ Спортивное право России : учебник для магистров / Блажеев В. В., Байрамов В. М. [и др.]; отв. ред. Д. И. Рогачев. — Москва : Проспект, 2016. С. 62.

неправовых норм, включающих в себя общие (на международном и национальном уровнях) и специальные (сгруппированные по видам спорта) части». Большая часть *lex sportiva*, по его мнению, состоит из актов «мягкого права в области спорта»¹¹.

Однако С.В. Алексеев, напротив, считает, что нормы *lex sportiva* главным образом носят императивный характер, и что к ним относятся «акты саморегулирования субъектов сферы спорта, которые относятся к системе внеправовой нормативной регламентации в области спорта»¹².

По мнению известного юриста в области спортивного права Майкла Белоффа, под термином *lex sportiva* скрываются следующие элементы: транснациональные нормы, базирующиеся на правилах и практике ведущих МСФ; и судебная практика, основанная на решениях Спортивного арбитражного суда, правовые принципы которой отличаются от принципов национальных судов¹³. И если второе можно считать в качестве вспомогательного средства, исходя из положений п. «d» ч. 1. ст. 38 Статута Международного Суда ООН, то правила и практика чаще всего излагаются в виде «мягкого права». Как нам кажется, «мягкое право» в МСП по аналогии с международным космическим правом играет важную роль в регулировании отношений субъектами отрасли. В МСП в силу того, что является новой отраслью в международном праве, еще не появились основополагающие международные соглашения универсального характера, которые бы закрывали

---

¹¹ См.: Васильев А.Д. О соотношении международных норм и национального законодательства в международном спортивном праве // Юридическая наука в XXI веке. Сборник научных статей по итогам работы восьмого международного круглого стола. 2018. С. 131.

¹² Алексеев С.В., Бариев М.М., Гостеев Р.Г. «Физическая культура и спорт: источники нормативного регулирования в современный период» // Культура физическая и здоровье. 2015. N 4. С. 15.

¹³ См.: Foster K. Is There a Global Sports Law? // Entertainment Law. 2003. Vol. 2. No. 1. P. 8.

существующие пробелы и вопросы, связанные со спортом; чем бы субъекты МСП могли бы руководствоваться при разрешении споров, например. А в силу того, что МСП в целом стремится к автономности от государств, то и возникает следующая ситуация, когда государства лишь содействуют развитию физической культуры и спорта, обеспечивают организацию и проведение спортивных соревнований соответствующего уровня, а также способствуют самим МСФ в тех или иных правоотношениях, оставляя вопрос регулирования международного спорта вне государственной юрисдикции. Существует точка зрения, что МСФ, на примере МОК, обладают ограниченной правоспособностью, в частности международной договорной правоспособностью по вопросам своей компетенции¹⁴. Однако традиционный подход предполагает отсутствие международной правосубъектности¹⁵. Между тем указанная проблема особо не мешает МСФ принимать непосредственное участие в создании актов «мягкого права», для которых, таким образом, являются почти что единственным способом урегулирования правоотношений¹⁶, а также способом восполнения пробелов в правовой системе.

---

¹⁴ См. об этом подробнее: Захарова Л.И. Элементы международной правосубъектности международных неправительственных организаций (на примере Международного Комитета Красного Креста и Международного олимпийского комитета) // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным чтениям и памяти профессора С.Н. Братуся. 2017. С. 113-117.

¹⁵ См.: Захарова Л.И. Элементы международной правосубъектности международных неправительственных организаций (на примере Международного Комитета Красного Креста и Международного олимпийского комитета) // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным чтениям и памяти профессора С.Н. Братуся. 2017. С. 108-110.

¹⁶ См.: Иванов С.А. Деятельность международных неправительственных спортивных организаций по защите окружающей среды: выпускн. квалиф. работа: 40.03.01. Рос. Унив. Дружбы Народов. Москва, 2021. С. 25.

В качестве подтверждения тезиса, что акты «мягкого права» закрепляют нормы международного права, можно привести следующий пример: «Регламент по статусу и переходам игроков», издаваемый Международной федерацией футбола (далее ФИФА). По своей сути можно утверждать, что он является актом «мягкого права». Однако в п. «а» ч. 4 ст. 11 Устава ФИФА закреплено, что одним из оснований для вступления в организацию любая Ассоциация обязуется «всегда соблюдать Устав, положения и решения ФИФА и соответствующей конфедерации»¹⁷. Кроме того, ч. 1 ст. 59 Устава ФИФА установлено, что «решения соответствующих органов ФИФА являются обязательными и не подлежат обжалованию»¹⁸. Также в статье 1 описанного ранее Регламента установлено, что данные «правила устанавливают глобальные и обязательные правила, касающиеся статуса игроков, их права участвовать в организованном футболе и их трансфера между клубами, принадлежащими к разным ассоциациям»¹⁹. Исходя из описанных положений, мы можем утверждать, что решения ФИФА имеют обязательную юридическую силу, отступление от которых недопустимо. Данный Регламент обладает юридическим обязательством, которому должны следовать Ассоциации, обладающие членством в ФИФА, а также иные субъекты, в отношении которых действует указанный Регламент. Как итог, указанный акт «мягкого права» приобрел обязывающий характер, и тем самым стал правовой нормой, регулирующей

---

¹⁷ Устав ФИФА (FIFA Statues). Май 2022 г. Режим доступа: https://digitalhub.fifa.com/m/3815fa68bd9f4ad8/original/FIFA_Statues_2022-EN.pdf.

¹⁸ Устав ФИФА (FIFA Statues). Май 2022 г. Режим доступа: https://digitalhub.fifa.com/m/3815fa68bd9f4ad8/original/FIFA_Statues_2022-EN.pdf.

¹⁹ Регламент ФИФА по Статусу и переходам игроков (Regulations on the Status and Transfer of Players). Март 2023 г. Режим доступа: <https://digitalhub.fifa.com/m/153157b40ca1dfd/original/Regulations-on-the-Status-and-Transfer-of-Players-March-2023-edition.pdf>.

отношения по вопросу трансфера футболистов и их статуса. В качестве признания источником права положений Регламента представляется возможным достичь двумя способами: признанием в качестве обычая или посредством закрепления в национальных законодательствах²⁰. И оба варианта, как нам кажется, реализуется в действительности. Первый случай доказывается вследствие непрерывности практики субъектами, в отношении которых действует указанный Регламент, а также существования *opinio juris*, то есть установления обязательности правил поведения для этих же субъектов. Второй случай реализуется посредством имплементации указанных норм в соответствующий регламент футбольных ассоциаций²¹. Впоследствии можно утверждать, что изученный нами Регламент стал источником права.

Генеральная ассамблея ООН в своих резолюциях не акцентировала свое внимание на значимость спорта в качестве мощного инструмента продвижения мира, благополучия и равенства. В пункте 37 Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. установлено, что «одним из важных факторов обеспечения устойчивого развития является также спорт». Тем самым ООН признает «растущий вклад спорта в дело развития и мира, поскольку он способствует утверждению принципов терпимости и уважения и содействует расширению прав и возможностей женщин и молодежи, отдельных лиц и общин, а также достижению целей в области здравоохранения, образования и социальной интеграции»²².

---

²⁰ См. об этом подробнее: Безбородов Ю.С. Концепция "мягкого права" в доктрине и структуре международного права // Российский юридический журнал. 2004. N 4(44). С. 73-74.

²¹ См., в частности: Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов от 01.07.2022 г. Режим доступа: https://rfs.ru/subject/1/documents?cat_id=58.

²² Резолюция ГА ООН. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 25 сентября 2015 г.

В связи с чем мы считаем, что МСФ оказывают сильное влияние на формирование международного общественного мнения, а также векторов развития по различным вопросам в области спорта. Одним из способов достижения является как раз создание актов «мягкого права».

Так, Андрес Вакс в своей статье приводит следующий пример. Изначально борьба против апартеида в южноафриканском спорте происходила в форме принятий резолюций. Однако со временем эти резолюции привели к созданию Международной конвенции против апартеида в спорте и, таким образом, было преобразовано в международное соглашение²³. В связи с чем можно утверждать следующее: государства предпочитают разработать правовые документы «на перспективу» в форме «мягкого права», чтобы в дальнейшем можно было принять те или иные нормы в форме конвенции или иного акта обязательного характера, то есть произвести переход в разряд «жесткого права».

Иначе обстоит ситуация с обычными рекомендациями, которые могут быть изданы МСФ. Так, в начале 2022 года Исполнительный комитет МОК, в связи со сложившейся ситуацией в области спорта, на официальном сайте издал рекомендацию по отстранению российских спортсменов от участия в международных спортивных соревнованиях. Согласно ней МОК рекомендовал «международным спортивным федерациям и организаторам спортивных мероприятий не приглашать и не разрешать участие российских и белорусских спортсменов и официальных лиц в международных соревнованиях»²⁴. Вследствие такой рекомендации многие федерации

A/RES/70/1. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>.

²³ См.: Wax A. Public International Sports Law – A “Forgotten” Discipline? // The International Sports Law Journal. 2010. N.3-4. P. 26.

²⁴ См.: IOC EB recommends no participation of Russian and Belarusian athletes and officials / Сайт Международного олимпийского комитета. URL:

отстранили российских атлетов от участия в соревнованиях под их эгидой, за исключением ряда МСФ (например, Ассоциации теннисистов-профессионалов или Международной шахматной федерации)²⁵. Однако под влиянием Письма Специального докладчика ООН в области культурных прав и Специального докладчика ООН по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, призвавшее недопуск дискриминации спортсменов по национальному признаку²⁶, а также Резолюции ГА ООН «Спорт как фактор обеспечения устойчивого развития», признававшая организацию международных спортивных соревнований «в духе мира, взаимопонимания и международного сотрудничества, дружбы и терпимости и без дискриминации по любому признаку и что необходимо уважать объединяющий и примиряющий характер таких состязаний»²⁷ МОК пересмотрел свою позицию и призвал допустить российских спортсменов к соревнованиям в «нейтральном» статусе²⁸. Все эти рекомендации, издаваемые МОК, несомненно,

---

<https://olympics.com/ioc/news/ioc-eb-recommends-no-participation-of-russian-and-belarusian-athletes-and-officials>.

²⁵ См.: Постникова Т. В каких видах спорта россиянам пока не запрещено выступать? Список совсем короткий // Чемпионат. 24 марта 2022 г. URL: <https://www.championat.com/other/article-4645105-rossiyu-otstranili-pochti-oto-vseh-mezhdunarodnyh-turnirov-v-kakih-vidah-sporta-rossiyanam-eschemozhno-vystupat.html>.

²⁶ Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Письмо Специального докладчика ООН в области культурных прав и Специального докладчика ООН по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. 14 сентября 2022 г. AL OTH 90/2022. Режим доступа: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=27552>.

²⁷ Резолюция ГА ООН. Спорт как фактор обеспечения устойчивого развития. 23 ноября 2022 г. A/77/L.28. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N22/710/28/PDF/N2271028.pdf?OpenElement>.

²⁸ Following a request by the 11th Olympic Summit, IOC issues recommendations for International Federations and international sports event organisers on the participation of athletes with a Russian or Belarusian passport

являющиеся актами «мягкого права», которые в силу признанного авторитета в области регулирования олимпийского спорта влияла тем или иным образом на позицию МСФ по допуску российских атлетов к участию в своих соревнованиях.

Таким образом, акты «мягкого права» имеют важное значение в урегулировании отношений в области спорта. Субъекты МСП должны стремиться исполнять акты «мягкого права» по доброй воле в силу авторитетности их создателей. Кроме того, они должны стремиться к закрытию тех пробелов, что не регламентированы императивными нормами как раз за счет принятия актов «мягкого права». В этом и заключается важность данных документов. Конечно, с точки зрения международного права, «мягкое право» никоим образом, на данном этапе развития международного права, не может быть признан в качестве источника права, однако в силу специфики самой отрасли и возникающих проблем, можно утверждать, что указанные акты являются таковыми.

---

in international competitions / Сайт Международного олимпийского комитета. URL: <https://olympics.com/ioc/news/ioc-issues-recommendations-for-international-federations-and-international-sports-event-organisers>.

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
МИГРАЦИИ И ВЫНУЖДЕННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В СФЕРЕ МИГРАЦИИ В ОТДЕЛЬНУЮ ОТРАСЛЬ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Жукова Ольга Игоревна

*Соискатель кафедры прав человека и международного права
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
olgaj626@yandex.ru*

Миграция сопровождала человечество на всех этапах его развития. На современном этапе международная миграция представляет собой сложное социально-правовое явление. В условиях всеобщей интеграции и глобализации в миграционные процессы вовлекается все больше людей, а миграционные потоки становятся более разнообразными и неоднородными по своему составу. В частности, в докладе Международной организации по миграции отмечается, что в международную миграцию на сегодняшний день вовлечено около 281 млн чел.: 146 млн мужчин и 135 млн женщин, число детей-мигрантов – чуть больше 41 млн¹. Термин «миграция» включает в себя множество различных перемещений, в том числе с пересечением государственных границ или внутри одной страны.

Международная миграция (т. е. миграция с пересечением границ государств) влияет на международную экономику и демографическую ситуацию в ряде стран, в частности изменяя этнический и конфессиональный состав населения, при этом позволяя избежать «старения» нации и сохраняя прирост численности населения в большинстве европейских и

---

¹ Доклад о миграции в мире, 2022 / Международная организация по миграции, 2021. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-russian> (дата обращения 24 апреля 2023 г.).

наиболее развитых азиатских государствах. Однако изменение состава населения воспринимается политиками и общественностью негативно, поэтому наиболее популярные страны назначения ужесточают свою иммиграционную политику, создавая более жесткие условия приема мигрантов. Также отметим, что другими детерминантами популяризации незаконной миграции выступают пандемия *COVID-19*, вооруженные конфликты международного и немеждународного характера в отдельных государствах и регионах, тотальная бедность населения развивающихся государств, повсеместная бюрократизация и др.

Изначально миграция регулировалась на национальном уровне, однако в связи с всеобщей глобализацией и интеграцией перестала быть внутригосударственным явлением. Международное сообщество пришло к выводу, что для наиболее эффективного регулирования миграционных процессов, в том числе для противодействия незаконной миграции, следует осуществлять международное универсальное, региональное и двухстороннее сотрудничество в сфере нормативного регулирования миграционных отношений.

Что же представляет собой совокупность норм, регулирующих вопросы международной миграции? Дискуссию, существующую в международно-правовой доктрине, отразила Е. В. Киселева, выделив несколько подходов: от признания существования международного миграционного права в качестве самостоятельной отрасли до признания международно-правового регулирования миграции комплексным правовым образованием². Некоторые исследователи (Н.Н. Тоцкий³, Т.Я.

---

² Киселева Е. В. Международно-правовое регулирование миграции : учебное пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 52.

³ Тоцкий Н. Н. Введение в миграционное право. Миграционное право как подотрасль конституционного права Российской Федерации. Нормативные акты, регулирующие правоотношения с участием мигрантов. М. : Диалог МГУ, 1999. С. 12.

Хабриева⁴, Ю.А. Пархомова⁵ и др.⁶) указывают на достаточную сформированность международного миграционного права как самостоятельной отрасли международного права.

Аналогичное мнение содержится в Глоссариях 2005 г. и 2019 г., подготовленных Международной организацией по миграции. В Глоссарии 2005 г. указано, что «международное миграционное право – это нормативно-правовые документы международного права, применяемые к миграции»⁷. Следовательно, Глоссарий 2005 г. изначально признает существование международного миграционного права, однако не конкретизирует, что именно в него входит помимо международно-правовых источников. В 2019 г. была опубликована обновленная версия Глоссария, в которой определение международного миграционного права было расширено и конкретизировано: «...международно-правовая база, основанная на источниках международного права, которая применяется к перемещению людей как внутри одного государства, так и между

---

⁴ Хабриева Т. Я. Миграционное право России: теория и практика. М.: Контракт, 2008. С. 14 ; Ее же. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 16; Ее же. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование : монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. С. 36.

⁵ Пархомова Ю. А. Источники международного миграционного права // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 3. С. 30–33.

⁶ Брик А. Д. Миграционное право: проблемы становления как отрасли российского права // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 2 (27). С. 110–114 ; Ее же. Проблемы становления и развития миграционного права // Миграционное право. 2009. № 2. С. 3–4 ; Зинченко Н. Н. Миграционное право в международно-правовой доктрине и практике: становление и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. М., 2012. 480 с.

⁷ Глоссарий терминов в области миграции / отв. ред. Р. Перрушу. Женева: Международная организация по миграции, 2005. С. 36.

государствами, регулирующая миграцию в целом, а также статус мигрантов, их права и обязанности и международное сотрудничество в указанной сфере» (перевод мой. – О. Ж.)⁸.

Однако можно ли говорить о самостоятельной отрасли международного права только на основании наличия системы источников, учитывая то, что в международно-правовых актах универсального и регионального уровня отсутствуют унифицированное понятие международной миграции и определения терминов «мигрант», «международный мигрант» и др.? На наш взгляд, для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к определению отрасли международного права в целом и к критериям выделения самостоятельной отрасли.

В.А. Василенко указывает, что «отрасль международного права – это крупный и стабильный комплекс международно-правовых норм, регулирующих обширную сферу однородных межгосударственных отношений, составляющими которых являются внутриотраслевые институты и подотрасли»⁹.

С.В. Троицкий в качестве критериев определения отрасли международного права выделяет:

- 1) специфичность объективно-предметной сферы действия норм, составляющих данный нормативный комплекс;
- 2) делимость нормативного комплекса на институты и подотрасли;
- 3) наличие в нормативном комплексе норм *erga omnes* многократного действия;
- 4) наличие среди норм *erga omnes* специальных отраслевых норм-принципов¹⁰.

---

⁸ Glossary on Migration. International Migration Law // International Organization for Migration. 2019. № 34. P. 113.

⁹ Василенко В. А. Основы теории международного права. Киев: Выща школа: Головное издательство, 1988. С. 219.

¹⁰ Троицкий С. В. Определение отрасли современного международного права // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 4. С. 148.

На наш взгляд, в международном регулировании миграции встречаются не все перечисленные критерии. Более того, для выделения самостоятельной отрасли международного права необходимы «обособленность или автономность международно-правовых норм и институтов»¹¹, что, по нашему мнению, является одним из фундаментальных аспектов в вопросе становления и формирования самостоятельной отрасли.

Так, Е.В. Киселева¹², О.С. Кажеева¹³ и др.¹⁴ указывают, что международно-правовое регулирование миграции представляет собой межотраслевой правовой комплекс (т. е. комплекс правовых норм, включающий нормы двух и более отраслей¹⁵), характеризующийся «сочетанием элементов международно-правовой защиты прав человека, прав беженцев, международно-правового сотрудничества по борьбе с преступностью, международно-правового регулирования экономической интеграции»¹⁶.

Б.И. Нефедов указывает на влияние миграционных процессов в том числе на становление нового вида правоотношений – транснациональных отношений, отягощенных

---

¹¹ Фельдман Д. И. Система международного права. Казань: Издательство Казанского университета, 1983. С. 46.

¹² Киселева Е. В. Международно-правовое регулирование миграции. М.: Российский университет дружбы народов, 2012. С. 75 ; Ее же. Международно-правовое регулирование миграции: учебное пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 52. ; Ее же. Двойственное измерение системности международно-правового регулирования миграции // Закон и право. 2014. № 5. С. 110–112.

¹³ Кажеева О. С. Институт реадмиссии в международном праве: дис ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2014. С. 83–84.

¹⁴ Кузнецова Р. Д. Миграционное право как элемент российского права: критерии, мнения и факты // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 4. С. 188.

¹⁵ Кажеева О. С. Указ. соч. С. 82.

¹⁶ Киселева Е. В. Международно-правовое регулирование миграции. М.: Российский университет дружбы народов, 2012. С. 75; Ее же. Международно-правовое регулирование миграции: учебное пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 52.

иностранным элементом, при этом данные отношения, в отличие от межгосударственных, регулируются и на международном, и на национальном уровне, так как одним из субъектов взаимодействия является физическое или юридическое лицо. Соответственно, в процессе их функционирования стало возможным создание так называемых межсистемных надотраслевых образований¹⁷. Отметим, что на современном этапе международно-правовое регулирование миграции может быть выделено в качестве межсистемного комплекса, характеризующегося сочетанием международного и национального права для наиболее эффективного регулирования.

На основе анализа международно-правовой доктрины полагаем, что говорить о международном миграционном праве как об отдельной отрасли международного права сейчас не представляется возможным: отсутствует единообразное понимание основных терминов в области международной миграции; отсутствует унифицированный подход к определению международного миграционного права и его места в системе международного права (в юридической литературе чаще встречается термин «международно-правовое регулирование миграции»), к тому же международно-правовое регулирование миграции выстраивается на основании норм других отраслей международного права в зависимости от аспекта миграции; не кодифицированы источники международного-правового регулирования миграции; дискуссионным остается вопрос о наличии норм *erga omnes* в международно-правовом регулировании миграции; отсутствует автономность международно-правовых норм и институтов, составляющих международно-правовое регулирование миграции (международное миграционное право).

---

¹⁷ Нефедов Б. И. Соотношение международного и внутригосударственного права: проблема формирования межсистемных образований: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. М., 2012. 454 с. ; Его же. Катехизис аспиранта кафедры международного права: учебное пособие / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М. : МГИМО-Университет, 2018. С. 35–39.

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ

Йордановски Стевица

Магистр международного права

Стажер Дипломатической академии МИД России

stefan@iordanovski.ru

Республика Северная Македония является небольшим государством, которое располагается на юго-востоке Европы, занимая центральное географическое местоположение на Балканском полуострове. Долгое время государство входило в состав Союзной Федеративной Республики Югославия, однако после проведения всеобщего референдума в 1991 г. Македония является независимым государством.

Нормативно-правовая база Македонии в сфере вынужденной миграции сформирована из международно-правовых норм универсального и регионального характера, а также норм национального права. Согласно Конституции Македонии, ратифицированные международно-правовые договоры, а также основные принципы международного права имеют высшую юридическую силу.

Международно-правовое сотрудничество Македонии в сфере вынужденной миграции в рамках универсальных международных организаций началось после ее выхода из Югославии в 1991 г¹. Характерным для данного государства является то, что права и обязанности Македонии по международным договорам в сфере вынужденной миграции возникли в

---

¹ Сафонов А. А. Международные конфликты в XXI веке : учебник и практикум для академического бакалавриата / А. А. Сафонов; под ред. М. А. Сафоновой. – М. : Юрайт, 2019. – С. 227–232.

результате заявления о правопреемстве в отношении международных договоров Югославии. Таким образом, для Македонии стали обязательны Конвенция о статусе беженцев 1951 г. и Протокол к ней 1967 г. Важно подчеркнуть, что никаких особых оговорок не было сделано, и таким образом, все положения вышеуказанных правовых актов являются обязательными для Македонии.

Кроме вышеуказанных международных правовых актов, Македония присоединилась к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Международным пактам о гражданских и политических правах; Международным пактам об экономических, социальных и культурных правах; Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Конвенции о правах ребенка; и др.

Международно-правовые акты регионального уровня, ратифицированные Республики Северная Македония, можно разделить на 2 группы:

1) международно-правовые акты регионального характера, разработанные и принятые в рамках Совета Европы.

2) международно-правовые акты регионального характера, разработанные и принятые в рамках Европейского союза.

Основной причиной такого деления является тот факт, что Республика Северная Македония стремится стать полноправным членом ЕС, и участие в важнейших международно-правовых организаций на территории Европы является существенным фактором для получения статуса члена ЕС.

В рамках Совета Европы была сформулирована большая нормативно-правовая база, которая помогает государствам-членам в поиске решения того или иного вопроса в сфере вынужденной миграции².

---

² *Кудашкин В.* Правовое регулирование международных частных отношений / В. Кудашкин. – М. : Litres, 2017. – С. 27–31.

Республика Северная Македония является членом Совета Европы с 9 ноября 1995 г.³, однако, можно сказать о том, что официальная позиция государства не определяет в качестве приоритета вопросы сотрудничества в сфере вынужденной миграции. Об этом говорит тот факт, что Македония до сих пор не присоединилась ни к одному правовому акту в данной сфере, который был принят в рамках Совета Европы. Например, один из первых международных договоров из данной области в рамках Совета Европы был принят еще в 1959 г. – Европейское соглашение об отмене виз для беженцев⁴. Данное Соглашение практически полностью повторяет положения универсальной Конвенции о статусе беженцев от 1951 г. Единственным новшеством данного Соглашения является то, что беженцы, законно проживающие на территории одной из договаривающихся сторон, освобождаются от обязательства приобретать визы для въезда на территорию или выезда с территории другой стороны через любую границу, если у них имеются действительные проездные документы и их пребывание не превышает трехмесячного срока (ст. 1).

В дополнение к вышеуказанному соглашению, а также с целью облегчения применения ст. 28 Конвенции о статусе беженцев 1951 г., в 1980 г. Совет Европы принял еще один договор – Европейское соглашение о передаче ответственности за беженцев⁵. Соглашение 1980 г. исходит из принципа передачи ответственности за беженцев тому государству, которое

---

³ Совет Европы. [Электронный ресурс]. —URL: <http://www.coe.int/ru/web/portal/-the-former-yugoslav-republic-of-macedonia-> (дата обращения - 17.01.2023).

⁴ Европейское соглашение об отмене виз для беженцев от 20.04.1959. Совет Европы. [Электронный ресурс]. —URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=031> (дата доступа: 17.01.2023).

⁵ Европейское соглашение о передаче ответственности за беженцев от 16.10.1980. Совет Европы. [Электронный ресурс]. —URL:

разрешило им оставаться на своей территории на постоянной основе или по истечении действия имеющегося у них проездного документа, по истечении двух лет фактического и непрерывного пребывания (ст. 2).

В большинстве случаев в рекомендациях Совета Европы содержится разъяснение тех или иных международно-правовых актов, а также порядок их имплементации в национальном законодательстве государств – участников. Среди таких правовых актов можно назвать Рекомендацию № R (1981)16 Совета Европы о согласовании национальных процедур, касающихся убежища⁶. В этой рекомендации содержатся разъяснения о процедуре признания статуса беженца: право и порядок предоставления переводчика; участие независимого юриста и оказание необходимой помощи; допуск сотрудников УВКБ ООН; и т.д. Также внимание заслуживает и Рекомендация № R (1984) 1 Комитета министров Совета Европы⁷, в которой разработан порядок обращения с лицами, которые не приобрели правовой статус «беженец», но находятся в условиях, невозможных для возвращения в страну своей гражданской принадлежности или постоянного места проживания (принцип non-refoulement) (ст. 1).

Несмотря на то, что Македония не ратифицировала международные договоры по вынужденной миграции, принятые в рамках Совета Европы, рекомендации, выданные в рамках

<https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=107> (дата обращения - 17.01.2023).

⁶ Рекомендация № R (1981) 16 Комитета Министров государствам-членам о согласовании национальных процедур, касающихся убежища : принята Комитетом министров в 1981 г. Совет Европы. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rm.coe.int/168050e7e4> (дата обращения - 17.01.2023).

⁷ Рекомендация № R (1984) 1 Комитета Министров государствам-членам о защите лиц, формально не признаваемых беженцами : принята Комитетом министров в 1981 г. Совет Европы. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rm.coe.int/16804ec678> (дата обращения - 17.01.2023).

данной организации, были приняты во внимание при внесении изменений в национальное законодательство. На примере Рекомендации № R (1981)16 Совета Европы была разработана процедура предоставления убежища, которая отражена в Законе об убежище и временной защите⁸, а Рекомендация № R (1984) 1 Комитета министров Совета Европы свое место нашла в Законе об иностранных гражданах⁹.

Национальное законодательство в сфере вынужденной миграции стало разрабатываться после выхода из состава Югославии. В 1992 г. был принят Закон о передвижении и пребывании иностранных граждан¹⁰, с помощью которого были урегулированы два вопроса – предоставление статуса политического убежища и статуса беженца.

В соответствии со ст. 50 Закона о передвижении и пребывании иностранных граждан, лицо, которое преследуется в государстве пребывания по политическим убеждениям, вправе претендовать на статус политического беженца в Македонии. Лицо, ищущее убежища, вправе претендовать на статус беженца в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться

---

⁸ Закон Республики Северная Македония о предоставлении убежища и временной защиты от 25.07.03. Государственная газета Республики Северная Македония. [Электронный ресурс]. —URL: <http://www.slvesnik.com.mk/besplatni-izdanija.nspх> (дата обращения - 24.01.2023).

⁹ Закон Республики Северная Македония о передвижении и пребывании иностранных граждан от 08.06.1992 г. Государственная газета Республики Северная Македония. [Электронный ресурс]. —URL: <http://www.slvesnik.com.mk/besplatni-izdanija.nspх> (дата обращения - 23.01.2023).

¹⁰ Закон Республики Северная Македония о передвижении и пребывании иностранных граждан от 08.06.1992. Государственная газета Республики Северная Македония. [Электронный ресурс]. —URL: <http://www.slvesnik.com.mk/besplatni-izdanija.nspх> (дата обращения - 23.01.2023).

защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений (ст. 51). Стоит отметить, что это определение идентично определению универсальной Конвенции о статусе беженцев 1951 г. В марте 2006 г. данный закон был отменен и вместо него был принят Закон об иностранных гражданах¹¹.

Республика Северная Македония с 2005 г. выступает за вступление в ЕС, но пока без определенной даты начала переговоров с ЕС. Тем не менее, она обязуется соблюдать международно-правовые нормы, принятые в рамках ЕС, поскольку одним из основных условий для начала переговоров о вступлении – это соответствие кандидата так называемым Копенгагенским критериям¹². Копенгагенские критерии требуют, чтобы не только будущие члены ЕС, но и любое государство – член ЕС соблюдало демократические принципы, права и свободы человека, принцип верховенства права, рыночной экономики, а также в государстве должны признаваться общие правила и стандарты ЕС, которые были установлены международными договорами, регламентами, решениями и директивами.

Получение статуса кандидата в ЕС для Македонии означает, что национальное законодательство должно быть построено в соответствии с нормативно-правовой базой Союза.

---

¹¹ Закон Республики Северная Македония об иностранных гражданах от 23.03.2006 г. Государственная газета Республики Северная Македония. [Электронный ресурс]. —URL: <http://www.slvesnik.com.mk/besplatnizdaniija.nspх> (дата обращения - 24.01.2023).

¹² Presidency Conclusions Copenhagen European Council - 21-22 June 1993. [Электронный ресурс]. —URL: https://www.europarl.europa.eu/enlargement/ec/pdf/cop_en.pdf; *Hertogh M. Research Handbook on the Ombudsman / M. Hertogh, R. Kirkham // Research Handbooks in Law and Politics Series. – Edward Elgar Publishing Limited, 2018. – P. 84–92.*

Важно отметить, что правительство Македонии еще в 2002 г. разработало программу внесения изменений в национальное законодательство, в которой отражены основные направления деятельности государственных органов Македонии по вопросам изменения законодательства и приближения национального законодательства к законодательству ЕС.

Первые результаты приспособления национального законодательства в сфере вынужденной миграции появились в марте 2006 г., когда был отменен Закон о передвижении и пребывании иностранных граждан от 1992 г. и вместо него был принят Закон об иностранных гражданах¹³. В процессе подготовки проекта закона Парламентские комиссии уделили внимание ряду нормативно-правовых актов, которые были приняты в рамках ЕС или являются частью права ЕС. Среди них: Конвенция о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г.; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.; Резолюция Совета ЕС от 20 июня 1994 г. об ограничении допуска на территорию государств-членов граждан третьих государств, прибывающих на работу; Резолюция Совета от 30 ноября 1994 г. об ограничении допуска на территорию государств-членов граждан третьих государств, которые занимаются индивидуальной трудовой деятельностью; Резолюция Совета от 30 ноября 1994 г. о разрешении гражданам третьих государств прибывать на территорию государств-членов для обучения и т. д.

Параллельно с принятием Закона об иностранных гражданах был принят и Закон об убежище и временной защите¹⁴.

---

¹³ Закон Республики Северная Македония об иностранных гражданах от 23.03.2006 г. Государственная газета Республики Северная Македония. [Электронный ресурс]. —URL: <http://www.slvesnik.com.mk/besplatnizdanija.nsrp> (дата обращения - 24.01.2023).

¹⁴ Закон Республики Северная Македония о предоставлении убежища и временной защиты от 25.07.03. Государственная газета Республики Северная Македония. [Электронный ресурс]. —URL:

Несмотря на то, что в данном законе были полностью отражены положения Конвенции о защите беженцев (1951) и Протокола к ней (1967); Конвенции о защите прав человека основных свобод (1950) и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), он закрепил порядок предоставления статуса «беженец» и временной защиты на территории Македонии, а также процедуры получения соответствующего статуса.

С начала 2010 г. с территории Ближнего Востока и некоторых государств Африки количество вынужденных мигрантов резко увеличилось из-за военных конфликтов. Огромное количество лиц, ищущих убежища, направилось к западноевропейским странам. В основном лица, ищущие убежища, пребывали в страны ЕС через три маршрута. Первый маршрут был – Марокко, Испания и потом в другие страны ЕС, второй маршрут – Ливия, Италия, и другие страны ЕС, и третий – страны Ближнего Востока, Турция, Греция, Македония, Сербия, Хорватия, Венгрия и другие страны ЕС.

Республика Северная Македония занимает центральное географическое местоположение в третьем маршруте или так называемой Балканской трассе¹⁵.

В начале 2015 г. только на границе Венгрии было задержано 62 620 человек за нарушение правила въезда на территорию данного государства¹⁶. У всех этих лиц был в наличии документ о временном пребывании на территории Македонии, который был выдан должным образом Министерством внутренних дел Македонии. В этом документе закреплено, что его

<http://www.slvesnik.com.mk/besplatni-izdanija.nspх> (дата обращения - 24.01.2023).

¹⁵ *Machkic J.* Proving Discriminatory Violence at the European Court of Human Rights / J. Machkic. – BRILL, 2018. – P. 303–305.

¹⁶ *FitzGerald D. S.* Refuge beyond Reach: How Rich Democracies Repel Asylum Seekers / D. S. FitzGerald. – Oxford University Press, 2019. – P. 117–121.

держатель имеет намерения подать заявление на получение статуса «беженец». Несмотря на то, что этот документ действителен только на территории Македонии, он подтверждает тот факт, что все эти лица пересекали внешнюю границу Республики Северная Македония.

В соответствии со ст. 25 Закона об иностранных гражданах, любое лицо, которое заявляет о своем намерении подать соответствующее ходатайство о приобретении статуса «беженец» на территории Республики Северная Македония, имеет право пересечь государственную границу Македонии, а органы исполнительной власти не могут запретить или каким-либо образом ограничить этому лицу право на въезд¹⁷. Согласно ст. 16а Закона об убежище и временной защите, лица, ищущие убежище, вправе заявить о своем намерении приобрести статус беженца на любом пункте пересечения государственной границы Македонии. Намерения могут подаваться в письменном или устном виде на македонском или английском языках. После подобного заявления, должностное лицо выдает документ о временном пребывании на территории Македонии, который действует не более 72 часов с момента его выдачи.

В соответствии с процедурой рассмотрения ходатайств о приобретении статуса беженца, которая разработана в рамках Закона об убежище и временной защите, лицо, ищущее убежище, после заявления о своем намерении получить соответствующий статус обязуется в течение 72 часов обратиться в Центральное отделение о предоставлении убежища, которое расположено в столице государства, для окончания процедуры рассмотрения ходатайства.

---

¹⁷ Закон Республики Северная Македония об иностранных гражданах от 23.03.06. Государственная газета Республики Северная Македония. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.slvesnik.com.mk/besplatnizdanija.nspх> (дата обращения - 24.01.2023).

Важно подчеркнуть, что вышеперечисленные законы не предусматривают ответственности за несоблюдение срока окончания процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении соответствующего статуса. В соответствии со ст. 28 Закона об убежище и временной защите, лицо, ищущее убежище, обязуется присутствовать лично при рассмотрении ходатайства о предоставлении соответствующего статуса. Рассмотрение ходатайства в отсутствие заявителя Законом не предусмотрено и является основанием для его отклонения.

Таким образом, лица, ищущие убежище, которые перемещались по Балканской трассе, имели возможность пересечь границу Македонии на законных основаниях и в течение трех дней покинуть территорию данного государства.

Согласно ст. 118 Конституции, любые международно-правовые акты, которые ратифицированы Македонией, являются частью национального права и положения международного права и положения международных актов не могут быть изменены национальным законодательством. Учитывая факт, что Македония является участником Конвенции о статусе беженцев 1951 г., а также Протокола к ней 1967 г., это означает, что положения данных международно-правовых актов являются частью национального права Македонии.

Отсюда возникает вопрос о соответствии национального законодательства Республики Северная Македония к международно-правовым нормам. С одной стороны, Республика Северная Македония взяла на себя международно-правовые обязательства по оказанию помощи вынужденным мигрантам, а с другой стороны национальное законодательство позволяет вынужденным мигрантам свободно пересекать государственную границу и находится на территории Македонии без соответствующего статуса.

По мнению автора, власти Македонии целесообразно придают преимущество национальному законодательству вопреки международно-правовых обязательств по следующим причинам:

Во-первых, с финансовой точки зрения Македония не в состоянии справиться с огромными потоками беженцев. Государственный долг Республики Северная Македония за 2022 г. равняется 30,8% ВВП, а официальный процент неработающего населения составляет 21,9%¹⁸. Вышеуказанные данные достаточно говорят о том, что в государственной казне Македонии нет лишних денежных средств, которые могут быть направлены на оказание помощи вынужденным мигрантам. Кроме того, в рамках ЕС пока нет конкретного решения об оказании финансовой помощи Македонии, чтобы государство справилось с наплывом мигрантов. В июне 2018 г. по инициативе УВКБ ООН и МОМ был проведен саммит в рамках ЕС, где было принято решение о расширении полномочий Фронтекс¹⁹ по вопросам проведения контроля на так называемой внешней государственной границе ЕС, однако, как показывает практика, работа данного агентства не приносит желаемого результата. Несмотря на то, что Македония не является участником ЕС, она могла бы принять участие в качестве наблюдателя, однако официальных представителей государства на саммите не было.

Во-вторых, процедура предоставления убежища и надления статуса беженца в Македонии длится гораздо дольше по сравнению с процедурами в Германии, Испании, Нидерланды, Австрии и в других государствах-членах ЕС. В Законе об убежище и временной защите (Гл. 2 Закона) регламентирована процедура предоставления статуса беженца, согласно которой, кроме устного или письменного заявления, требуется и доказательство, подтверждающее факт, что заявитель в силу

---

¹⁸ Министерство финансов Республики Северная Македония. [Электронный ресурс]. —URL: <http://www.finance.gov.mk/> (дата обращения 25.01.2023).

¹⁹ Совет Европы. [Электронный ресурс]. —URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/06/29/20180628-euco-conclusions-final/> (дата обращения - 24.01.2023).

вполне обоснованных опасений может стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или из-за политических убеждений (п. 3 ст. 30). Практика показывает, что процесс предоставления статуса беженца занимает несколько месяцев с даты подачи соответствующего ходатайства. Например, лица, подавшие ходатайства в начале 2015 г. до конца 2017 г. получили ответ спустя 8 месяцев с даты его подачи. С 2017 г. процедура рассмотрения ходатайств значительно ускорилась, но, с другой стороны, с 2017 по 2021 г. в Македонии были зарегистрированы 20 случаев подачи ходатайств на получение статуса беженца. Все они были рассмотрены в срочном порядке, поскольку заявители находились в тяжелом состоянии и нуждались в срочной медицинской помощи.

В-третьих, Македония сталкивается с нехваткой персонала, который должен оказывать соответствующую помощь лицам, обратившимся с заявлением о получении статуса беженца. Это неоднократно подтверждал официальный представитель УВКБ ООН, а также представители неправительственных организаций²⁰. Нехватка соответствующих специалистов в сфере защиты прав беженцев, переводчиков, соответствующих центров для оказания первой помощи, сложная процедура получения статуса беженцев и т. д. зачисляются Македонию в список непривлекательных для получения статуса беженца стран.

В заключении можно сделать вывод, что международное сообщество не обращает внимание на подобные случаи, ведь исторически сложилась такая практика, что проблему с вынужденной миграции нужно решать по мере поступления. На

---

²⁰ *Kuhnemund J.* Topographies of "Borderland Schengen": Documental Images of Undocumented Migration in European Borderlands / *J. Kuhnemund.* – Verlag, 2018. – P. 87–89.

данный момент не замечается массовое переселение вынужденных мигрантов на территории Европы, следовательно, власти принимающих государств справляются с поставленными перед собой задачами.

С другой стороны, в Республике Северная Македония разработан легальный механизм неисполнения международно-правовых обязательств в сфере вынужденной миграции, который оказался на практике весьма эффективным. Также, отрицательной реакции от международного сообщества не было получено, что позволяет данной стране применять данный механизм защиты национальных интересов и в будущем.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФОРУМ ПО БЕЖЕНЦАМ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И УЧАСТИЕ РОССИИ

Киселева Екатерина Вячеславовна

*Канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
международного права юридического института
РУДН имени Патриса Лумумбы*

Решетникова Виктория Дмитриевна

*аспирант кафедры международного права
юридического института
РУДН имени Патриса Лумумбы*

При возрастающем объеме территориального перемещения населения особое внимание международным сообществом уделяется беженцам. Глобальный форум по беженцам является эффективным инструментом по развитию международного диалога в области защиты беженцев, итогом проведения которого становится взятия на себя обязательств государствами и иными акторами по практической реализации мер поддержки беженцев. Глобальный форум по беженцам консолидирует усилия государств для обеспечения справедливого и эффективного управления миграционными процессами и интеграции беженцев, и Российская Федерация также участвует в этом процессе.

Масштабы вынужденного перемещения не снижаются в последние годы. По оценкам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), по состоянию на 24 октября 2023 года более 110 миллионов человек во всем мире являются вынужденно перемещенными лицами¹. Вынужденно перемещённым лицам приходится сталкиваться с

---

¹ Key indicators. Refugee data finder / UNHCR [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/> (дата обращения: 21.12.2023).

особыми вызовами, как и принимающему обществу. Международное сообщество нуждается в расширении мер поддержки беженцев во всем мире. Например, экономический статус беженцев (вопросы доходов, трудоустройства, квалификации) может сыграть важную роль в их привлекательности в качестве клиентов финансовых услуг, однако именно беженцы, как правило, находятся в неблагоприятном положении к их доступу².

17 декабря 2018 года был принят Глобальный договор о беженцах (ГДБ), что реализовывало соответствующие устремления государств, выраженные в Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах 2016 года. ГДБ нацелен на поддержку и развитие существующих механизмов регулирования процессов по беженцам, таких как Конвенция о статусе беженцев 1951 года.

ГДБ используется для реализации более значительных мер, которые могут иметь решающее значение для многих стран, как например, Бангладеш, Уганда, Иордания, Колумбии и других, несущих на себе основное бремя глобального кризиса беженцев. На Глобальный договор о беженцах была возложена задача по его введению в действие с помощью механизмов последующего надзора, в результате чего права вынужденно перемещенных лиц могут быть гарантированы в качестве постоянного вопроса в международной повестке дня³.

---

² Ting Zhang. Often Shut Out of the Financial System, Refugees and Other Migrants Face Economic Integration Challenges, 2023 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.migrationpolicy.org/article/refugees-migrants-financial-inclusion?eType=EmailBlastContent&eId=cfa3adc5-dbc5-44db-a66a-6e8f4e9280d2> (дата обращения: 16.12.2023).

³ Goodwin-Gill G.S. United Nations Treaty-Making: refugees and stateless persons // The Oxford Handbook of United Nations Treaties / ed. by S.Chesterman, D.M. Malone, S.Villalpando. Oxford Handbooks, 2019; online edn, Oxford Academic, 2 July 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://academic.oup.com/edited-volume/41298/chapter-abstract/352051340?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 09.12.2023).

Одним из инструментов претворения в жизнь регулятивных механизмов по улучшению жизни беженцев является Глобальный форум по беженцам на уровне министров, который, начиная с 2019 года, проводится каждые четыре года. Первый Глобальный форум по беженцам состоялся 16-18 декабря 2019 года в Женеве через год после принятия ГДБ.

Форум служит площадкой, на которой государства принимают конкретные обязательства в форме финансовой, материальной и/или технической поддержки; вносят изменения в национальную политику, законы и практику; разрабатывают и расширяют программы переселения; докладывают о результатах выполнения обязательств в соответствии с целями ГДБ. Таким образом, форум предоставляет государствам-участникам возможность взять на себя обязательства в различных формах, которые рассматриваются на следующих форумах на предмет их выполнения⁴. Для успешной адаптации вынужденных перемещенных лиц необходимо разрабатывать специальные программы, нацеленные на включение беженцев в принимающее сообщество, обязательства в рамках форума представляют собой меры включения беженцев в новую среду.

В таких документах, как Нью-Йоркская декларация и Глобальный договор о беженцах, подтверждается, что защита беженцев является международной ответственностью, которую несут все государства. Однако государства должны сделать гораздо больше, чтобы воплотить эти обязательства в практические и значимые действия⁵.

---

⁴ Обзор Европейского парламента «Глобальный договор о беженцах. Укрепление международного сотрудничества в целях облегчения участи беженцев во всем мире» от 11 января 2019 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/623550/EPRS_BRI\(2018\)623550_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/623550/EPRS_BRI(2018)623550_EN.pdf) (дата обращения: 10.12.2023).

⁵ Harley T. Global Compact on Refugees: Opportunities for Australian reform and leadership? // AQ: Australian Quarterly. 2019. No. 90(4), 36–43. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/26773348> (дата обращения: 07.12.2023).

Одна из приоритетных задач Форума заключается в том, чтобы побудить государства взять на себя обязательства по осуществлению большего переселения и дополнительных направлений деятельности. Например, в 2018 году УВКБ получило 81 337 заявок на переселение, из которых только 55 680 привели к положительному решению о переселении⁶.

Взятие государствами на себя обязательств характеризуется тем, что государство самостоятельно определяет объем своих обязательств, вне связи с каким-либо внешним субъектом, таким как договорный орган или группа государств, а также тем, что эти обязательства носят сугубо декларативный, а не юридически обязывающий характер⁷. На Глобальном форуме по беженцам государства сообщают о том, что они добровольно берут на себя обязательства, уделяя внимание и правам беженцев и государственным интересам, и конкретизируют принимаемые обязательства, не имеющие юридически обязательного характера⁸.

Обязательства реализуются разными способами, например, Эфиопия разработала и приняла Национальную комплексную стратегию по делам беженцев и реагированию на них, которая служит дорожной картой, определяющей поддержку, оказываемую беженцам. Обязательства охватывают широкий спектр прав, предоставляемых беженцам, и они

---

⁶ Mlazi K., Small M. Is the Global Compact on Refugees Fit for Africa's Purposes? // South African Institute of International Affairs. 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/resrep25889> (дата обращения: 07.12.2023).

⁷ Показательным является употребление на английском языке слова "commitments", однозначно свидетельствующего о не юридически обязывающем свойстве таких обязательств.

⁸ Eluere P. Chapter 26. UNHCR and the Global Compact on Refugees: The negotiation and current issues // Psychosocial Experiences and Adjustment of Migrants / ed. by G.J. Rich, J.Kuriansky, U.P. Gielen, D.Kaplin. Academic Press, 2023. P. 355-363, ISBN 9780128237946, [Электронный ресурс] Режим доступа: (дата обращения: 09.12.2023) <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-823794-6.00019-0>.

включают доступ к работе и основным услугам, таким как здравоохранение, образование, а также политику перемещения⁹.

Обязательства принимают на себя не только государства, но и частный сектор. Так, ведущие технологические компании, включая Google и Meta, объединили усилия, чтобы подготовить проект «Цифровая защита», который заключается в принятии мер по предотвращению пагубного воздействия ложной информации и разжигающих ненависть высказываний на перемещенных лиц и лиц без гражданства в онлайн-пространстве¹⁰.

Многосторонне обязательство с участием заинтересованных лиц по соблюдению права на образование и включение детей-беженцев в национальные системы образования является одной из ключевых мер поддержки по адаптации вынужденно перемещенных лиц. Из 15,5 миллионов детей-беженцев во всем мире более половины не посещают школу, включение детей-беженцев в национальные системы образования представляет собой долгосрочную инвестицию как для беженцев, так и для принимающего общества¹¹. В связи с этим, более 100 обязательств было принято организациями и

---

⁹ См.: Muhumad A.A., Jaji, R. Somali Refugees, Informality, and Self-initiative at Local Integration in Ethiopia and Kenya // *Journal on Migration and Human Security*. 2023. 11(1), 75-88. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/370115168_Somali_Refugees_Informality_and_Self-initiative_at_Local_Integration_in_Ethiopia_and_Kenya (дата обращения: 16.12.2023).

¹⁰ См.: Pledges and contributions. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://globalcompactrefugees.org/pledges-contributions> (дата обращения: 16.12.2023).

¹¹ UNHCR Education Report 2023 – Unlocking Potential: The Right to Education and Opportunity / UNHCR, 2023. P. 6, etc. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.unhcr.org/media/unhcr-education-report-2023-unlocking-potential-right-education-and-opportunity> (дата обращения: 16.12.2023).

государствами для урегулирования вопросов возможности получения образования¹².

По итогам первого Глобального форума 2019 года было принято 770 обязательств по оказанию поддержки беженцам в таких областях, как защита, занятость и образование. Государства и другие заинтересованные стороны взяли на себя финансовые обязательства на общую сумму более 10 млрд. В рамках форума 2019 года государства и организации представили более чем 350 практик по поддержке вынужденно перемещенных лиц, лиц без гражданства, что свидетельствует о том, что Договор уже вносит свой вклад в улучшение жизни беженцев и принимающего общества. Верховный комиссар ООН по делам беженцев отметил, что первый форум продемонстрировал «решительный сдвиг» в сторону долгосрочных действий по оказанию помощи более чем 25,9 миллионам людей во всем мире, которые покинули свою родину в результате конфликтов, преследований или насилия¹³.

В центре внимания второго Глобального форума по беженцам, который состоялся 13-15 декабря 2023 года, находилось выполнение обязательств. Государства и гражданское общество объявили о своих результатах в таких областях, как образование, доступ к рынку труда, смягчение последствий изменения климата и переселение. По итогам второго форума государства договорились о создании глобального спонсорского фонда, который позволит переселить миллион беженцев к 2030 году.

Центральное место на втором форуме заняло обсуждение обязательств об участии беженцев в реализации поли-

---

¹² См.: Pledges and contributions. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://globalcompactrefugees.org/pledges-contributions> (дата обращения: 16.12.2023). Здесь и в следующем абзаце использованы данные из этого источника.

¹³ См.: [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447772> (дата обращения: 16.12.2023).

тики, более 100 организаций взяли на себя обязательство содействовать участию вынужденно перемещённых лиц в принятии решений, влияющих на их качество жизни. Обязательство об участии беженцев было объявлено в 2019 году в преддверии первого Глобального форума по беженцам с целью активизации сотрудничества и поддержки значимого участия беженцев в процессах выработки политики.

Позиция Российской Федерации касательно ГДБ неоднократно озвучивалась. Так, из заявления постоянного представителя РФ в ООН Василия Небензи на брифинге, проводимом Верховным комиссаром ООН по делам беженцев в 2019 году, следует, что Российская Федерация высоко оценивает эффективные действия УВКБ по управлению гуманитарных кризисов, приводящих к массовым потокам беженцев¹⁴. Глобальный договор о беженцах, поддержанный Россией, будет способствовать укреплению международного режима защиты беженцев. Россия вносит свой вклад в поддержание международного режима защиты беженцев, принимает большое число беженцев и вынужденных переселенцев из различных стран, оказывает значительную помощь странам в создании благоприятных условий для возвращения своего населения, которая заключается в восстановлении базовой инфраструктуры, водоснабжения и электроснабжения, восстановлении школ, больниц, жилых домов, предоставлении срочной помощи пострадавшим.

В октябре 2023 года заместитель постоянного представителя РФ в ООН Мария Заболоцкая отметила, что Россия привержена своим обязательствам в отношении беженцев и

---

¹⁴ Заявление постоянного представителя РФ в ООН Василия Небензи на брифинге, проводимом Верховным комиссаром ООН по делам беженцев 9 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://russiaun.ru/en/news/re_0904 (дата обращения: 07.12.2023).

принимает меры по оказанию помощи лицам, ищущим защиты¹⁵. Глобальный договор о беженцах рассматривается как ключевой инструмент консолидации усилий международного сообщества по защите прав и улучшению положения беженцев.

Г.М. Гатилов, представитель Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве, в своем выступлении на втором форуме отметил, что в Российской Федерации проходит «комплексная модернизация российского миграционного законодательства. Разрабатываются меры по совершенствованию института предоставления убежища и создания дополнительных благоприятных условий для адаптации и интеграции в российское общество». По состоянию на декабрь 2023 года Российская Федерация предоставила статус беженца и временное убежище выходцам из 69 государств¹⁶.

В целом, Российская Федерация участвует в мероприятиях в рамках Глобального договора по беженцам, сохраняя четкую позицию об отсутствии у этого документа юридически обязывающей силы.

---

¹⁵ Заявление заместителя постоянного представителя Марии Заболоцкой на брифинге Верховного комиссара ООН по делам беженцев в ООН 31 октября 2023 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russia.un.org/en/news/3311023> (дата обращения: 07.12.2023).

¹⁶ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве Г.М. Гатилова на втором Глобальном форуме по беженцам 15 декабря 2023 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://clck.ru/37AE2G> (дата обращения: 16.12.2023).

АВТОМАТИЗАЦИЯ РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ И ОБРАЩЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН, ИЩУЩИХ УБЕЖИЩЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Паукова Юлия Викторовна

Канд. юрид. наук

член Ассоциации административистов

В Россию почти за год с даты начала специальной военной операции прибыло более 5,2 млн вынужденных мигрантов¹. Прибывшие иностранные граждане и лица без гражданства (далее – иностранные граждане, иностранцы, мигранты) обращались за предоставлением статуса беженца² и временным убежищем³, в том числе в упрощенном порядке⁴, продлением разрешенного срока пребывания и получением документов, подтверждающих право проживания в России⁵. В случае подачи соответствующего заявления граждане Украины, ЛНР, ДНР и лица без гражданства признаются гражданами

---

¹ С февраля 2022 года в Россию прибыли более 5,2 млн беженцев с территории Украины / Сайт Информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16914809> (дата обращения 11 апреля 2023 г.).

² Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» // Рос. газ. 1997 июнь.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2001 г. № 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 16. Ст. 1603.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2014 г. № 690 «О предоставлении временного убежища гражданам Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики на территории Российской Федерации в упрощенном порядке» // СЗ РФ. 2014. № 30. Ст. 4326.

⁵ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

России при условии постоянного проживания 30 сентября 2022 года на территориях ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областей и принесения Присяги гражданина Российской Федерации⁶.

В этой связи, помимо текущей работы, для сотрудников миграционных органов возникла дополнительная работа, в частности, по рассмотрению ходатайств о признании беженцем, заявлений о предоставлении временного убежища в Российской Федерации, по определению наличия гражданства России, документированию паспортами гражданина Российской Федерации, а также рассмотрению обращений иностранных граждан и иных запросов по вопросам, касающимся действующего законодательства и порядка осуществления юридически значимых действий.

Объем работы сотрудников миграционных органов растет из года в год. На официальных сайтах отдельно статистика по количеству предоставленных государственных услуг и обращений по вопросам убежища не размещена. Согласно общей статистике подразделения по вопросам миграции оказывают 18 видов государственных услуг; в 2020 году было предоставлено 52,8 млн услуг в сфере миграции, в 2021 году

---

⁶ Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6930; Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6931; Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Запорожской области» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6932; Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Херсонской области» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6933.

– 66,7 млн, 2022 г. – 71,10 млн⁷. В 2020 году количество обращений по вопросам миграции составило более 24 тысяч, в 2021 г. и в 2022 г. – более 30 тысяч⁸.

В рамках исследования разработана общая схема порядка рассмотрения заявлений о предоставлении временного убежища. Процедура характеризуется проверкой фактов, изложенных в заявлении, и подготовкой документов «вручную». Заявление о предоставлении временного убежища принимает уполномоченный сотрудник миграционного органа. Далее руководитель определяет ответственного исполнителя, который в рамках рассмотрения заявления получает информацию из государственных информационных систем, формирует запросы и направляет их с помощью Системы межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ) в иные органы власти. После обработки полученных ответов на запросы исполнитель готовит проект ответа заявителю, который, как правило, представляется руководителю посредством системы документооборота. После принятия им решения исполнитель вносит в информационную систему результат рассмотрения заявления⁹ (рис. 1).

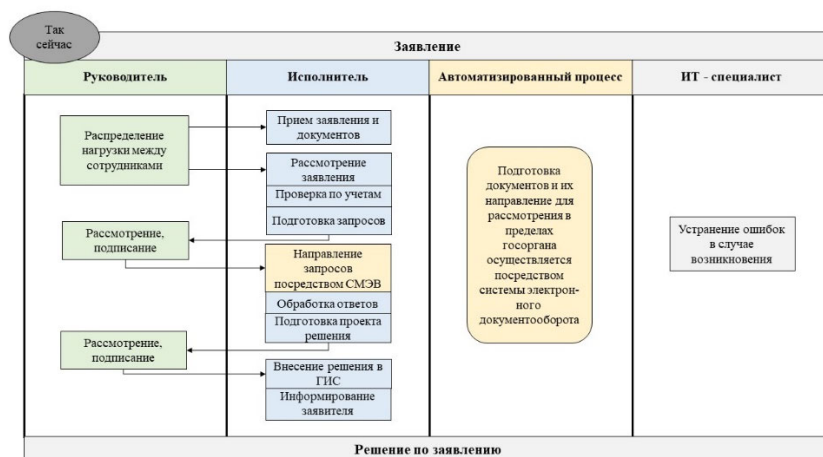
---

⁷ Сведения о результатах мониторингов предоставления государственных услуг / Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/сведения-о-результатах-мониторингов> (дата обращения 11 апреля 2023 г.).

⁸ Обзоры обращений в МВД России / Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Departamenti/Departament_deloproizvodstva_i_raboti_s/Informacija_o_rassmotrenii_obraшhenij#:~:text=Число%20обращений%2C%20поступивших%20из%20Управления,официального%20сайта%20МВД%20России%20 (дата обращения 11 апреля 2023 г.).

⁹ См. подробнее Паукова Ю.В. Предоставление госуслуг в сфере миграции в условиях цифровизации // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития : сб. ст. по итогам IV Новосиб. междунар. юрид. форума (25–27 мая 2022 г.) : в 3 ч. / Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. — Ч. 2 / под ред. О.Н. Шерстобоева, М.В. Громоздиной, М.С. Саламатовой. — Новосибирск: НГУЭУ, 2023. С. 359-362.

Рис. 1. Укрупненная схема процесса рассмотрения заявлений о предоставлении временного убежища должностными лицами

Источник: сост. автором.

Таким образом, для реализации процедуры рассмотрения ходатайств и заявлений о предоставлении государственных услуг в сфере вынужденной миграции целесообразна автоматизация.

В ближайшее время все государственные органы должны перейти на работу в коммуникационном сервисе «Автоматизированное рабочее место государственного служащего», который будет работать в браузере, включать в себя почту, облачное хранилище, календарь, предусматривать работу с документами, возможность видеозвонков¹⁰. «Автоматизация»

¹⁰ Минцифры запустит суперприложение для чиновников / Сайт «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5050693> (дата обращения 11 апреля 2023 г.); Чернышенко поручил всем ведомствам к маю перейти на «Автоматизированное рабочее место» для госслужащих / Сайт БФМ.РУ. URL: <https://www.bfm.ru/news/520570> (дата обращения 11 апреля 2023 г.).

тизированное рабочее место» позволит работать с информацией, передавать ее по защищенным каналам связи и хранить на своих серверах. Однако, на оптимизацию работы по рассмотрению заявлений и обращений иностранных граждан внедрение такого подхода не повлияет.

В настоящее время МВД России разработаны проекты федеральных законов «О предоставлении убежища на территории Российской Федерации»¹¹ и «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»¹² (далее – законопроект «Об условиях въезда...»), которыми предусмотрено кардинальное изменение российского миграционного законодательства. Законопроектом «Об условиях въезда...» предусмотрена цифровизация миграционной сферы: в частности, иностранцы смогут обращаться за государственными услугами в электронном виде, а также получать информацию о принятом решении в личном кабинете на Едином портале государственных услуг и в мобильном приложении. В связи с чем законопроектом будет скорректирован перечень государственных услуг, оказываемых мигрантам. Судя по процедурам, описанным в данных законопроектах, должных мер по автоматизации процесса рассмотрения заявлений сотрудниками миграционных органов ни в сфере предоставления убежища, ни в иных сферах в настоящее время не предусмотрено.

---

¹¹ Паспорт проекта федерального закона «О предоставлении убежища на территории Российской Федерации» / Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Официальный сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=124403> (дата обращения 11 апреля 2023 г.).

¹² Паспорт проекта федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Официальный сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=113698> (дата обращения 11 апреля 2023 г.).

С помощью современных информационных технологий возможно автоматизировать процесс рассмотрения заявлений о предоставлении государственных услуг в сфере вынужденной миграции. Одними из направлений научных исследований в сфере искусственного интеллекта являются методы машинного обучения и интеллектуальный анализ текста¹³. Машинное обучение, базирующееся на статистическом моделировании, позволяет компьютеру обучаться без непосредственных инструкций. Целью интеллектуального анализа текста является получение информации из текстовых документов. Программа может различать «текст, речь или другой тип вводных данных... Распознавание естественного языка позволяет программе не только читать эти данные, но и генерировать текст на основе языка таких данных»¹⁴. Однако, из-за отсутствия понимания, как было принято решение и какие исходные данные на него повлияли, алгоритм принятия решения часто называют «черным ящиком». Для решения этой проблемы программистами уже предложены десятки программ¹⁵.

Таким образом, использование методов искусственного интеллекта позволит компьютеризировать процесс рассмотрения заявлений о предоставлении государственных услуг, что позволит организовать распределение нагрузки между сотрудниками, автоматизировать получение информации из государственных информационных систем, формирование запросов и направление их посредством СМЭВ в иные органы

---

¹³ См. подробнее Цифровые платформы управления жизненным циклом комплексных систем / Под общ. ред. д.э.н., проф. В. А. Тупчиенко. – М.: Издательство «Научный консультант», 2018. С. 182.

¹⁴ Кондрашин Ю.А., Терлецкий А.С. Text mining - интеллектуальный анализ текста // Актуальные проблемы естественных, математических, технических наук и их преподавания: сборник научных трудов. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 106.

¹⁵ См. подробнее Паукова Ю.В., Попов К.В. Цифровая трансформация порядка привлечения иностранных граждан к административной ответственности // Юридические исследования. 2021. № 8. С. 87 - 88.

власти, а также подготовку проектов ответов. В случае необходимости исполнитель сможет готовить дополнительные запросы и дорабатывать проекты ответов, а ИТ-команда - совершенствовать программу (рис. 2).

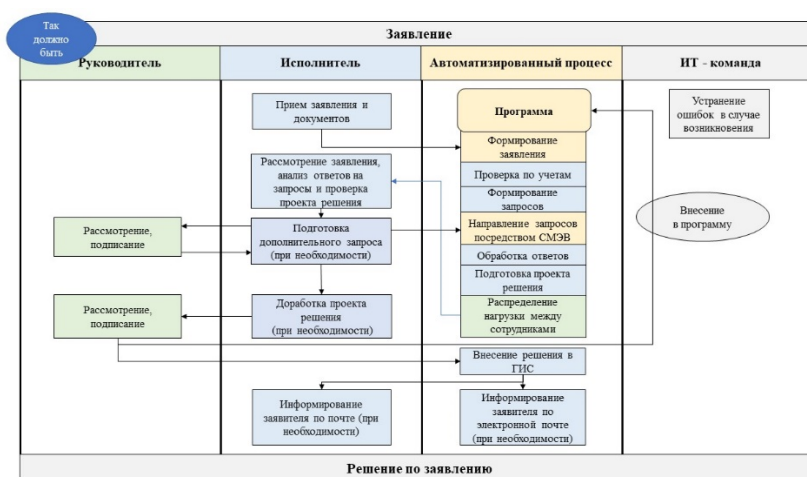

Рис. 2. Укрупненная схема автоматизированного процесса рассмотрения заявлений о предоставлении временного убежища должностными лицами

Источник: сост. автором.

Использование методов искусственного интеллекта позволит не только автоматизировать процесс рассмотрения заявлений о предоставлении государственных услуг в области убежища, но и оптимизировать работу с обращениями граждан¹⁶.

¹⁶ См. подробнее Паукова Ю.В. Об автоматизации работы с обращениями граждан и заявлениями о предоставлении государственных услуг по вопросам миграции // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 12 июня 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 117-118.

В государственные органы в соответствии с Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹⁷ поступают обращения, содержащие заявления, жалобы или предложения. Кроме того, иностранные граждане запрашивают различную информацию общего характера, не содержащую персонализированных сведений.

В рамках рассмотрения обращения, содержащего заявление или жалобу, руководитель распределяет между сотрудниками нагрузку, исполнитель осуществляет проверку поступивших сведений в автоматизированных информационных системах, при необходимости формирует запросы и поручения, обрабатывает ответы на них и готовит проект ответа «вручную» (рис. 3).

Рис. 3. Укрупненная схема процесса рассмотрения должностными лицами обращений, содержащих заявления или жалобы

Источник: сост. автором.

¹⁷ Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

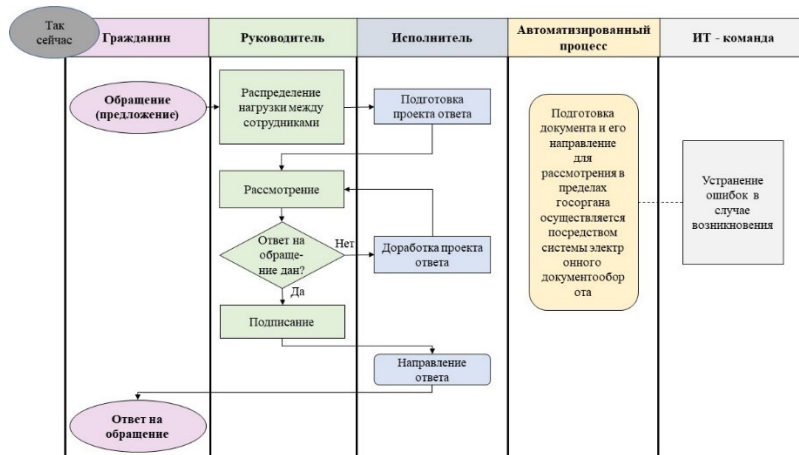
Однако, программа должна автоматически получать информацию из автоматизированных информационных систем, при необходимости направлять запросы и готовить проект ответа, исходя из имеющихся в ее распоряжении шаблонов и ранее данных ответов. Затем проект ответа должен быть при необходимости доработан исполнителем и представлен руководителю для рассмотрения и подписания (рис. 4).

Рис. 4. Укрупненная схема автоматизированного процесса рассмотрения должностными лицами обращений, содержащих заявления или жалобы

Источник: сост. автором.

В государственные органы зачастую поступают однотипные обращения, содержащие предложения, на которые исполнитель также готовит проект ответа «вручную», а руководитель после рассмотрения возвращает исполнителю для доработки либо подписывает ответ (рис. 5).

Рис. 5. Укрупненная схема процесса рассмотрения должностными лицами обращений, содержащих предложения

Источник: сост. автором.

Внедрение методов искусственного интеллекта позволит программе распределять нагрузку между сотрудниками, готовить и предоставлять проект ответа исполнителю для рассмотрения и доработки при необходимости (рис. 6).

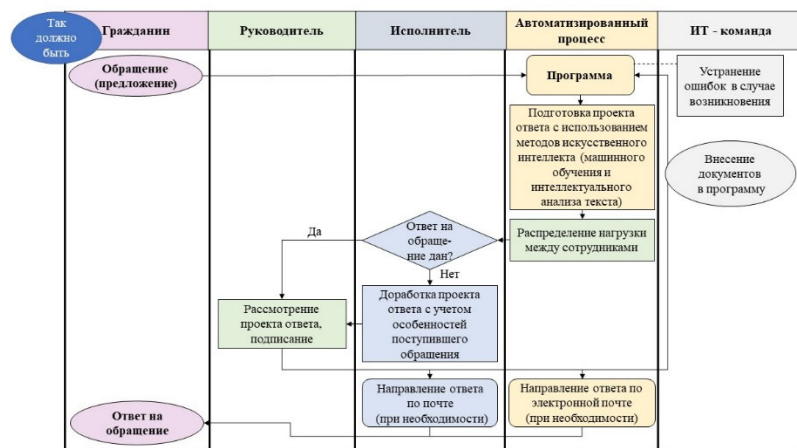

Рис. 6. Укрупненная схема автоматизированного процесса рассмотрения должностными лицами обращений, содержащих предложения

Источник: сост. автором.

Иностранные граждане активно запрашивают различную персонифицированную информацию, например, просят разъяснить порядок осуществления действий для оформления какого-либо документа. Несмотря на то, что запросы содержат типовые вопросы, они также рассматриваются «в ручном режиме». Схема рассмотрения таких запросов аналогична «Укрупненной схеме процесса рассмотрения должностными лицами обращений, содержащих предложения».

Для снижения количества поступающих запросов, во-первых, на официальных сайтах миграционных органов необходимо регулярно обновлять и дополнять раздел, содержащий ответы на часто задаваемые вопросы. Во-вторых, должна быть предусмотрена возможность направления запросов по общим вопросам и предоставление ответов автоматизированным способом, в том числе посредством чат-ботов. В-третьих, в случае поступления письменного запроса в миграционный орган

ответ иностранному гражданину должен быть подготовлен и направлен без участия человека (рис. 7).

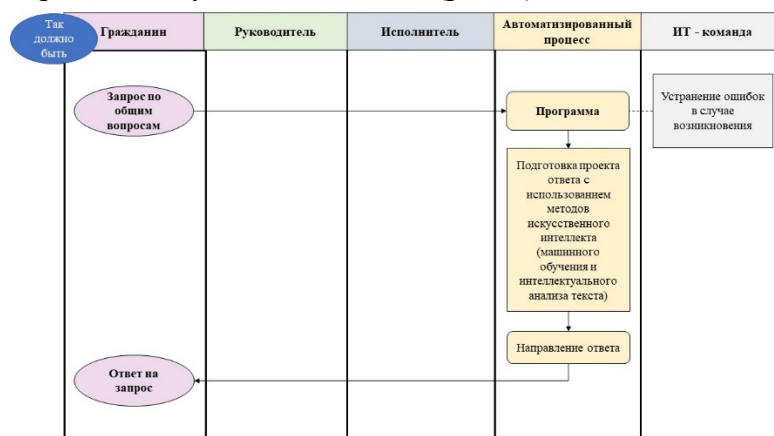

Рис. 7. Укрупненная схема автоматизированного процесса рассмотрения запросов по общим вопросам

Источник: сост. автором.

Таким образом, следует оптимизировать работу сотрудников, автоматизировав рассмотрение заявлений и обращений в сфере вынужденной миграции. Предложенные меры позволят снизить высокую нагрузку, как правило, связанную с выполнением механической работы, устранить технические ошибки и высвободить время для эффективного выполнения задач, решение которых возможно только человеком.

ВКЛАД ОТРАСЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПООЩРЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ МИГРАНТОВ

Растрелин Виктор Евгеньевич

*Аспирант кафедры международного права
РУДН имени Патриса Лумумбы*

Вопрос о формировании правовых основ поощрения и защиты прав мигрантов является дискуссионным в доктрине международного права и носит многомерный характер, поскольку отдельные элементы международно-правового статуса мигрантов были разработаны и закреплены на универсальном уровне в рамках международно-правового регулирования миграции¹. Также они были закреплены в ряде отраслей международного права, например, международное право прав человека, международное трудовое право, международное право беженцев, международное уголовное право, международное гуманитарное право, консульское право². Для определения вклада каждой указанной отрасли в области поощрения и защиты прав мигрантов предлагается дать характеристику международно-правовых основ, закрепляющих права человека в области миграции.

Международное право прав человека является одной из основных отраслей международного публичного права, содержащей нормы, регулирующие права и свободы мигрантов, а также порядок их защиты. Права человека закреплены в Международном билле о правах человека, который состоит из

---

¹ Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции: учебное пособие для вузов / Е.В. Киселева. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. С. 55.

² Migration, human rights and governance Handbook for Parliamentarians № 24. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---exrel/documents/publication/wcms_415618.pdf.

Всеобщей декларации прав человека 1948 года (далее - ВДПЧ), Пакта, посвященного гражданским и политическим правам 1966 года (далее МПГПП) и пакта, закрепляющего экономические, социальные и культурные права 1966 года (далее МПЭСКП), а также протоколов, принятых к ним.

Международное право прав человека однозначно устанавливает, что мигранты являются прежде всего людьми, наделенными всеми универсальными правами человека, а также обладающими достоинством, требующим особой защиты. Естественно, мигранты могут быть ограничены в ряде прав, например, политических, поскольку они не являются гражданами государства пребывания³. Следовательно, в случае нарушения их прав такие лица пользуются международной защитой наравне с другими категориями лиц.

Права мигрантов рассматриваются как в контексте прав человека, так и отдельно⁴. Основные права мигрантов – это право покинуть любую страну и право вернуться в страну, гражданином которой он является. Эти права закреплены в ст. 13 ВДПЧ и в ст. 12 МПГПП. Проблема с правом на выезд из страны заключается в том, что в настоящее время не закреплено свободного права на въезд в другую страну. Напротив, одним из основных черт государственного суверенитета является право государства принимать решение об условиях въезда на свою территорию. Однако нелегальные мигранты, нарушающие правила, установленные принимающим государством в отношении въезда, не подпадают под обязательства по защите, взятые государством-участником Международного билля о правах человека. В качестве специальных

---

³ Чесноков А.С. Участие иммигрантов-неграждан в политических процессах в принимающих странах // Социум и власть. 2009. №4. С. 49.

⁴ Киселева Е.В. Международно-правовая защита прав мигрантов: документы и механизмы // Миграционное право. 2011. № 1. С. 31. Здесь и далее в этом абзаце.

прав мигрантов можно выделить права, которые принадлежат трудящимся-мигрантам.

Рассматривая права человека в контексте миграции, необходимо отметить, что в ст. 5 Венской декларации и программе действий 1993 года⁵ раскрываются основные принципы прав человека: они универсальны – ими пользуются все люди в равной степени повсеместно, независимо от местонахождения; неделимы – политические и гражданские права не могут быть отделены от социальных и культурных прав и иных прав человека; взаимосвязаны между собой – реализация одних прав человека зачастую невозможна без защиты других прав и неотъемлемы – в них нельзя отказать ни одному человеку⁶. Это является основой концепции «прав человека для всех», сформулированной в ст. 2 ВДПЧ, что является особенно важным для отдельных категорий мигрантов, права которых так и не были закреплены.

Как справедливо отмечает профессор А.Х. Абашидзе, нельзя приуменьшать роль основных универсальных договоров в области защиты прав человека⁷, одним которых является Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятая в 1990 году⁸. Данный документ регулирует некоторые аспекты правового статуса мигрантов, покинувших страну своего гражданства в поисках работы, а также членов их семей. Кроме того, ст. 75 данной

---

⁵ Исаченко П.А. Универсальность прав человека: Pro et contra // Отечественная юриспруденция. 2016. №9 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalnost-prav-cheloveka-pro-et-contra> (дата обращения: 26.03.2023).

⁶ Иванов Д.В. Международное право защиты и поощрения прав человека: прошлое, настоящее и будущее (Часть 1) / Д. В. Иванов, Е. В. Тарасьянц // Московский журнал международного права. 2009. № 1(73). С. 40.

⁷ Международная защита прав человека: учебник / А. Х. Абашидзе, А. И. Абдуллин, Е.С. Алисиевич [и др.]; под ред. А. Х. Абашидзе. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РУДН, 2020. С. 201.

⁸ Турсунова, М. Правовые основы защиты прав трудящихся мигрантов / М. Турсунова // Вестник юридических наук. 2018. № 3. С. 101-107.

Конвенции наделяет Комитет рассмотрение индивидуальных жалоб и осуществление правом принимать замечание общего порядка, конкретизирующие обязательства государств по данной Конвенции. Но он до сих пор не действует по причине того, что большинство государств не признают компетенцию данного органа⁹.

Среди других международных документов, затрагивающих отдельные вопросы защиты прав мигрантов, можно выделить Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года и Конвенция о правах ребенка 1989 года, которые содержат в себе принцип недискриминации. Отдельно следует отметить, что в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года содержатся нормы о запрете пыток и применения других унижающих достоинство видов обращения, а также закреплён принцип невыдворения распространяющийся на все случаи, в которых есть основания полагать, что человек может подвергнуться пыткам в случае возвращения в страну, гражданином которой он является.

Следует также отметить, что несмотря на широкую ратификацию правозащитных документов, касающихся прав женщин, детей или жертв расовой дискриминации, существует стойкое сопротивление в отношении признания прав мигрантов¹⁰.

Таким образом, отрасль международного права прав человека содержит нормы, регулирующие более широкий круг

---

⁹ Косолапов М.Ф. Влияние соображений (мнений) комитетов по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику / М. Ф. Косолапов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5(148). С. 93.

¹⁰ Mattila H.S. (2001), Protection of Migrants' Human Rights: Principles and Practice. *International Migration*, 38: 56.

прав человека, в том числе мигрантов, а также нормы, касающиеся прав отдельных категорий мигрантов.

Переходя к нормам международного трудового права в рассматриваемой области, следует согласиться с мнением Д.К. Бекашева, который отмечает, что существенную роль в разработке и закреплении таких положений занимает Международная организация труда (далее – МОТ)¹¹. С самого начала своей деятельности данная международная межправительственная организация уделяла существенное внимание защите прав трудящихся-мигрантов¹². В п. 2 Устава МОТ в качестве основных задач организации отмечается: «защита интересов трудящихся при найме на работу в странах, не являющихся их собственными». Позднее МОТ инициировала разработку международных трудовых стандартов в интересах мигрантов. Примерами являются Конвенция о трудящихся-мигрантах 1949 года, посвященная вопросам найма и условий труда трудящихся-мигрантов, в ней устанавливается принцип равенства обращения с гражданами и негражданами, и Конвенция о злоупотреблениях в области миграции 1975 года. Она направлена на защиту нелегальных мигрантов, обязывает государства-участники принимать все необходимые меры для пресечения незаконной миграции и преследовать организаторов нелегальных перемещений. Кроме того, в ней также закрепляется принцип равенства обращения и устанавливается обязательство уважать основные права человека всех трудящихся-мигрантов.

В качестве примеров актов международного уголовного права в данной области можно привести два Палермских протокола к Конвенции ООН против транснациональной органи-

---

¹¹ Бекашев Д.К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты): учебник. М.: Проспект, 2015. С. 83.

¹² Черняева Д.В. Международные стандарты труда (международное публичное трудовое право): учеб. пособие. М.: Кнорус, 2010. С. 56.

зованной преступности, принятые в 2000 году, а именно Протокол о предупреждении, пресечении и наказании за торговлю людьми, особенно женщинами и детьми, и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху. В первом документе предусматривается помощь жертвам торговли людьми и их защита, во втором же определяются случаи незаконного ввоза мигрантов, предусматриваются меры по предотвращению таких случаев и способы урегулирования спорных ситуаций.

Взаимосвязь норм международного права прав человека и норм международного гуманитарного права представляется очевидной, поскольку в результате вооруженных конфликтов всегда увеличивается число вынужденных мигрантов¹³. При этом ряд авторов справедливо отмечают взаимосвязь двух отраслей, обращая внимание на комплементарность между ними¹⁴. Основными документами международного гуманитарного права (далее МГП) в рассматриваемой области являются четыре Женевские конвенции 1949 года (далее ЖК) и Дополнительные протоколы к ним 1977 года (далее ДП). Как гражданские лица, мигранты подпадают под действие норм, обеспечивающих общую защиту гражданского населения как в международных вооруженных конфликтах, так и в вооруженных конфликтах немеждународного характера. В международных вооруженных конфликтах мигранты также защи-

---

¹³ Несмеянова С.Э. Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт / С. Э. Несмеянова, Е. Г. Калинина // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4(100). С. 8.

¹⁴ Абашидзе А.Х. Договорные органы по правам человека: Учебное пособие. М., 2012. С. 21. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Инфра-М, 2011. С. 54–58; Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: Учебник. 2-е изд. М.: Норма, 2009. С. 163–165; Международное гуманитарное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. И.И. Котлярова. 3-е изд. М.: Юнити-Дана, 2009. С. 20.

щены как иностранцы, находящиеся в руках стороны конфликта или оккупирующей державы. при условии, что они являются «покровительствуемыми лицами» и могут пользоваться защитой как «беженцы»¹⁵. При рассмотрении вопроса о том, кто является беженцем для целей МГП, важно отметить, что существуют различные понимания того, какие категории лиц подпадают под этот термин, в зависимости от применимых правил, и как это влияет на их защиту. Мигрант может считаться беженцем для целей ст. 44 или п. 2 ст. 70 Четвертой ЖК. Если он подпадает под действие ст. 44, он или она также является защищенным лицом согласно ей. Между тем, если мигрант является беженцем для целей ст. 70, он или она не является защищаемым лицом (если только не применяется нормы Первого ДП, а лицо не отвечает критериям, позволяющим считать его беженцем). Наконец, мигрант также может быть беженцем в соответствии со ст. 73 Первого ДП: в этом случае такое лицо будет являться покровительствуемым лицом в соответствии с Четвертой ЖК. Хотя положения Первого ДП распространяют статус «покровительствуемого лица на всех тех, кто имеет статус беженца, тем самым усиливая их защиту, термин «беженец» в этом документе имеет более узкое значение, чем в Четвертой ЖК.

Нормы консульского права, относящиеся к правам мигрантов, содержатся в Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, Факультативном протоколе к ней, касающемся приобретения гражданства, и Факультативном протоколе, касающемся обязательного разрешения споров, которые также включают в себя ряд положений о защите граждан страны за рубежом. Особый интерес представляет положение ст. 36 Венской конвенции, определяющее обязательства компетентных органов в случае ареста или задержания иностранного гражданина гарантировать его или ее неотъемлемое

---

¹⁵ Obrego'n Gieseken H. (2017), The Protection of Migrants under International Humanitarian Law. *International Review of the Red Cross* , 99 (1), 121–152.

право на адвоката и надлежащую правовую процедуру посредством консульского уведомления и эффективного доступа к консульской защите. Это право, относящееся к миграции¹⁶, было подтверждено в Деле Авена, рассмотренного Международным судом ООН в 2004 году.

В рамках международного права прав беженцев также были разработаны документы, закрепляющие вопросы прав и свобод вынужденных мигрантов. К ним можно отнести: Конвенцию о статусе беженцев 1951 г. и принятый к ней в 1967 году Протокол, касающийся статуса беженца, а также Декларацию ООН о территориальном убежище 1967 г. Конвенция, запрещает применение дискриминационного режима в отношении таких лиц (ст. 3), перечисляет основные права беженцев (ст. 12-16), освобождает их от наказания за незаконный въезд на территорию другого государства (ст. 31), однако при этом они обязаны без промедления явиться к властям с объяснением своего незаконного въезда. Конвенция запрещает коллективную высылку беженцев в страну, где их жизни угрожает опасность (ст. 32, 33 документа).

Протокол к Конвенции 1951 года подтвердил основные положения принятого ранее документа и расширил количество лиц, подпадающих под мандат УВКБ ООН. Несмотря на большую степень разработанности нормативной базы в области защиты прав беженцев, а также наличие контрольных механизмов обеспечения их прав, ситуация в области защиты прав данной категории мигрантов далека от идеала¹⁷.

Таким образом, международно-правовая база в области поощрения и защиты прав мигрантов содержит в себе нормы из целого ряда отраслей международного публичного права.

---

¹⁶ Shelton, D. (2004). Case Concerning Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States). 43 ILM 581 (2004). American Journal of International Law, 98(3), 559-566.

¹⁷ Павельева Э.А. Недостатки универсальных механизмов правовой защиты беженцев в свете современных вызовов / Э. А. Павельева, Р. Х. Пайтян // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3(82). С. 114.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, сформировалась определенная система поощрения и защиты прав мигрантов под которой следует понимать совокупность международно-правовых норм, выработанных в рамках отдельных отраслей международного права и регулирующих особенности осуществления и защиты прав людей, перемещающихся через международные границы, а также механизмы защиты прав мигрантов.

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС**

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАНСПОРТИРОВКЕ НЕФТИ И ГАЗА

Галдашкина Арина Владимировна

Студент

РУДН имени Патриса Лумумбы

galdashkinaarina@gmail.com

Морские перевозки нефти и газа являются самым актуальным способом транспортировки углеводородов. Несмотря на сложную энергетическую обстановку на мировом рынке и в геополитике потребность в перевозке нефти и газа морским транспортом растет. В связи с этим увеличиваются риски загрязнения морской среды.

Опасность разливов нефти и нефтепродуктов для экологии заключается в том, что нефть обладает долгим распадом и быстро покрывает большую площадь поверхности воды. Нефтяные пятна могут дрейфовать за счет ветра, менять форму и перемещаться от места аварии на значительные расстояния. Еще одну опасность данная нефтяная пленка представляет для морской флоры и фауны, нарушая теплообмен в слоях воды, поскольку солнечные лучи не могут проникнуть через нее¹.

Понятие «загрязнение морской среды» имеет антропогенный характер, подразумевая попадание вредных веществ в морскую среду извне². Перечень к требованиям по снижению

---

¹ Сайт Нефть и газ – Промышленная и экологическая безопасность на арктическом шельфе: технологии, разработки, оборудование. URL: <https://neftegaz.ru/science/ecology/331531-promyshlennaya-i-ekologicheskaya-bezopasnost-na-arkticheskom-shelfe-tehnologii-razrabotki-oborudova/> (дата обращения: 04.04.2023).

² Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Повестка дня на XXI век. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch17a.shtml (дата обращения: 04.04.2023).

или предотвращению загрязнений содержится в ряде международных договоров, основополагающим является Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.³, которая ратифицирована более чем 160 государствами. Стороны Конвенции должны сотрудничать между собой в целях достижения долгосрочной и стабильной деятельности по использованию водных ресурсов.

Предотвращения и сокращения вреда экосистеме можно достигнуть благодаря воздействию на причины возникновения опасности. В частности, к угрозам относится выявление рисков разливов нефтепродуктов, возгорания или взрыва топлива на разных этапах его транспортировки. Вред окружающей среде может быть причинен и непредвиденными ситуациями, такими как неблагоприятные погодные условия, столкновение с другими судами, технические неполадки судна, нападение пиратов и др.

Число аварий, связанных с добычей и перевозкой нефти и газа уменьшается, однако ужасающие последствия уже случившихся аварий до сих пор не ликвидированы. При недостатке необходимых технологий для устранения последствий таких аварий необходимо создавать систему жестких международно-правовых предписаний превентивного характера. Примером крупнейшей аварии разливов нефти может служить авария на нефтедобывающей платформе *Deepwater Horizon* в Мексиканском заливе, которая произошла в 2010 г.⁴. Причинами пожара и взрыва были несколько факторов, к числу которых относится человеческий, технические неполадки и несовершенство конструкции платформы. Нефтяное

---

³ Конвенция ООН по морскому праву. 1982. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

⁴ Сайт Всемирного фонда дикой природы (WWF). Авария в Мексиканском заливе. URL: <https://wwf.ru/what-we-do/green-economy/the-accident-in-the-gulf-of-mexico/> (дата обращения: 07.04.2023).

пятно распространилось на площадь 68 тыс. кв. км.⁵. На ликвидацию было потрачено 69 млрд долларов США, но последствия на данный момент до конца не устранены. Рыба в заливе загрязнена углеводородами, а работники продолжают страдать от респираторных заболеваний.

Сжиженный природный газ (СПГ) имеет значительные преимущества перед нефтью энергетическом и экономическом плане: высокая теплотворность; возможность сетевой (трубопроводной) или танкерной доставки к любому потребителю; отсутствие золы при горении⁶. При его использовании в атмосферу выбрасывается меньше диоксида углерода, оксидов серы и оксидов азота. Однако негативное воздействие на окружающую среду также может быть вызвано авариями самого различного характера. Примером служит подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток – 2»⁷, который был осуществлен в 2022 г. Взрывы сопровождались выбросами газа в окружающую среду. Опасность представляет негативное воздействие метана на окружающую среду, поскольку он обладает большим парниковым эффектом по сравнению с углекислым газом⁸. Обеспечение безопасности при транспортировке газа является первостепенной задачей заинтересованных в получении топлива сторон. Необходимо также как и в случае с транспортировкой нефти и нефтепродуктов создавать международные стандарты и улучшать нормативную базу, направленную на предотвращение аварий.

---

⁵ Сайт РИА Новости. Разлив нефти в Мексиканском заливе 22 апреля 2010 года. URL: <https://ria.ru/20200422/1570286195.html> (дата обращения: 07.04.2023).

⁶ Сайт Нефть и газ. Газ природный. URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/energoresursy-toplivo/141748-gaz-prirodnyy/> (дата обращения: 01.04.2023).

⁷ Сайт ТАСС. Что известно о газопроводах «Северный поток» и об их подрыве. URL: <https://tass.ru/info/17258101> (дата обращения: 07.04.2023).

⁸ Ульбаев Т.С., Коротеев М.П., Артамонова И.В. Роль метана в парниковом эффекте. // Мелиорация и рекультивация, экология. – №1. – 2009. – С. 44.

Рост количества долгосрочных контрактов на фрахтование танкеров по перевозке СПГ диктует более четкое и жесткое регулирование в сфере предъявления требований к судам, снижения выбросов метана и обеспечения транспортировки газа на протяжении всего технологического процесса.

Морские перевозки СПГ производятся танкерами, оборудованными двухтопливным типом двигателя. Во время транспортировки происходит испарение СПГ и образуется отпарной газ, который используется в качестве судового топлива⁹. В соответствии с Международной конвенцией по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ)¹⁰ все танкеры, перевозящие СПГ, должны соответствовать определенным международным стандартам по количеству содержащихся вредных выбросов в выхлопных газах судов.

Интерес представляет Приложение VI МАРПОЛ¹¹, к которому были приняты значительные поправки. В 2016 г. Комитет по защите морской среды Международной морской организации ввел новое требование для морских судов, которое заключалось в том, что судовое топливо должно содержать не более 0,5% серы по массе¹². Этого получилось достичь благодаря введению новых технологий по рециркуляции отработавшего газа; использованию СПГ в качестве судового топлива; селективного каталитического восстановления оксида азота

---

⁹ Аметистова Л.Е., Книжников А.Ю. Экологические аспекты СПГ-проектов в Арктических условиях. Всемирный фонд дикой природы. Москва, 2016. С. 12.

¹⁰ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ). 29 декабря 1972 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dumping.shtml (дата обращения: 09.04.2023).

¹¹ Приложение VI к МАРПОЛ «Правила предотвращения загрязнения воздушной среды с судов». 19 мая 2005 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014496> (дата обращения: 09.04.2023).

¹² ИМО Часто задаваемые вопросы. Предел содержания серы в топливе 2020 г. URL: <https://bmtech.pro/images/files/Контроль%20за%20содержанием%20серы%20в%20топливе%20с%201%20января%202020%20г.pdf> (дата обращения: 09.04.2023).

аммиаком¹³. В 2018 г. начала работу Глобальная система сбора данных по расходу топлива¹⁴, что значительно сократило общее количество выбросов азота серы на 10%. Данная система действует по принципу сбора данных по расходу топлива и их конфиденциального хранения.

Популярным способом транспортировки нефти и газа является использование магистральных трубопроводов. Их строительство, прокладка и эксплуатация регулируются нормами национального и международного права, поскольку трансграничные трубопроводы проходят через территорию нескольких государств. В теории выделяют юридически «единые» трубопроводы и юридически «соединенные». Особенностью первых является единый правовой статус на всей протяженности, который согласуется соответствующими государствами. В документации прописываются общий собственник инфраструктуры; общие транспортные условия; правовой режим устанавливается в соответствии с применимыми нормами международного права. Юридически «соединенный» трубопровод предусматривает использование национального права на каждом отдельном участке трубопровода. Каждое государство обладает своей исключительной юрисдикцией над определенным участком, находящемся на его территории, а управление осуществляется разными операторами. Вопросы о тарифах, транзитных сборах, о праве на доступ к трубопроводу, распределении пропускной способности и преимуще-

---

¹³ Свецкий А.В. Правовая охрана морской среды при транспортировке нефти и нефтепродуктов: международно-правовые аспекты. // *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations*. – 2022. – №4. – С. 27.

¹⁴ Штефан Б.А., Тимченко Т.Н. Перестройка топливной системы судов в связи с вступлением в силу новых требований МАРПОЛ. // *Эксплуатация морского транспорта*. – 2019. – №4. – С. 19.

ственном праве регулируются дополнительными соглашениями¹⁵. Первый вариант трубопровода в меньшей степени может привести к трудностям с регулированием и распределением полученной выгоды.

Природоохранные мероприятия при трансграничной транспортировке углеводородов трубопроводным транспортом помимо Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁶ регулируются Конвенцией об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г.¹⁷; Конвенцией о биологическом разнообразии 1992 г.¹⁸; Международной конвенцией по предупреждению загрязнения с судов 1973 г.¹⁹ (с Протоколом 1978 г.²⁰); Конвенцией ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.²¹; Международной конвенцией ИМО по ответственности и ком-

---

¹⁵ Уршуля М. Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. / Уршуля М. – Москва, 2016. – С. 26.

¹⁶ Конвенция ООН по морскому праву. 1982. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁷ Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте. 25 февраля 1991 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁸ Конвенция о биологическом разнообразии. 5 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁹ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ). 29 декабря 1972 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dumping.shtml (дата обращения: 09.04.2023).

²⁰ Протокол 1978 года к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ). 17 февраля 1978 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764505> (дата обращения: 07.04.2023).

²¹ Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия. 16 ноября 1972 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 07.04.2023).

пенсации в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ 1996 г.²²; Конвенцией о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение 1971 г.²³. Данные конвенции создают общие природоохранные нормы, которые значительно ужесточают экологические требования при прокладке и использовании трубопроводов в открытом море.

В качестве эффективной меры превентивного характера выступает процедура оценка воздействия деятельности на окружающую среду ОВОС. Она применяется при строительстве и прокладке трансграничных трубопроводов, когда возможно возникновение негативного эффекта на окружающую среду за пределами государственной территории. Данная процедура закреплена в Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г., позже к этой Конвенции был принят Протокол о стратегической экологической оценке 2003 г.²⁴. На практике применение процедуры ОВОС необходимо, когда инвестиции, в нефтегазовые проекты в одной стране могут затронуть права и законные интересы другого государства, а также могут негативно воздействовать на морскую флору и фауну в трансграничном контексте.

Конвенция 1991 г. охватывает широкий круг вопросов, таких как добыча углеводородов на континентальном шельфе;

---

²² Международная конвенция ИМО по ответственности и компенсации в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ. 1996 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901760504> (дата обращения: 09.04.2023).

²³ Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение. 2 февраля 1971 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml#:~:text=В%20настоящей%20Конвенции%20под%20водно,отливе%20не%20превышает%20шести%20метров (дата обращения: 09.04.2023).

²⁴ Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте. 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/protocol_ecology.pdf (дата обращения: 09.04.2023).

строительство и эксплуатация нефте- и газопроводов; укрепление сотрудничества государств по процедуре ОВОС; улучшение качества информации с целью принятия более эффективных решений в области минимизации негативного эффекта на окружающую среду.

Государство, которое планирует осуществлять деятельность по строительству или прокладке трубопровода в открытом море обязана уведомить Стороны, интересы которой могут быть затронуты (п. 1 ст. 3); подготовить документацию об ОВОС (ст. 4); проводить консультации с этой Стороной по предотвращению и уменьшению возможных рисков (ст. 5).

Конвенция 1991 г. применяется к «Северному потоку – 1», поскольку его действие оказывает влияние на окружающую среду в трансграничном контексте. Отчете о воздействии на окружающую среду должны быть адресован всем государствам, которые могут нести убытки, связанные с использованием данного трубопровода. Отчет был подготовлен компанией «*Nord Stream AG*» в 2009 г.²⁵, он информировал все затрагиваемые стороны «об ожидаемом трансграничном воздействии в результате запланированных и незапланированных потенциальных (случайных) событий, связанных со строительством и эксплуатацией газопровода»²⁶.

Таким образом, регулирование международных транспортировок нефти и газа морским транспортом является неотъемлемой частью мировой экономики. Международно-правовые нормы – это стандарты в области обеспечения экологической безопасности, которая должна соблюдаться на высшем уровне, поскольку транспортировка углеводородного топлива как танкерами, так и трубопроводами несет высокие

---

²⁵ Экологический отчет 2009 г. URL: <https://rspp.ru/download/3de1101eef0e0c46d7d69bdd1296d944/> (дата обращения: 11.04.2023).

²⁶ Уршуля М. Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. / Уршуля М. – Москва, 2016. – С. 109.

риски нарушения экосистемы. Основной процедурой, которая помогает превентивно защитить морскую флору и фауну от аварий, является процедура оценки воздействия на окружающую среду. Она применяется при прокладке трубопроводов в открытом море и не раз доказывала свою эффективность. Государства должны принимать меры по предотвращению загрязнений с судов, транспортирующих углеводороды, в соответствии с принятыми нормами международного права.

**ОБЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В ПРЕДЕЛАХ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ:
ЭТО ЛИ НЕ ЦЕЛЬ, ЧТО ВСЕМ ЖЕЛАННА?**

Глазова Анастасия Петровна

*Канд. юрид. наук
angla.1892@mail.ru*

Пресечение правонарушений в пределах морских пространств сопровождается целым комплексом мер принуждения в отношении судов правонарушителей. К таким мерам относятся меры по преследованию таких судов их осмотру, и, при необходимости, задержанию и конвоированию в порт.

Основная проблема, связанная с применением данных мер, заключается в том, что отсутствуют международно-правовые стандарты применения указанных мер должностными лицами. Логично было бы принять стандарты осуществления принудительных мер правоохранительного характера на море в рамках резолюции ИМО, которая определяла бы процесс осуществления принудительных мер правоохранительного характера на море как упорядоченную систему осуществления процессуальных действий.

Исследование международных договорных норм, практики государств, чьи интересы особенно затронуты, принципов международного права, положений резолюций международных организаций позволяет говорить о формировании стандартов осуществления мер правоохранительного характера, направленных на прекращение движения судна; мер, правоохранительного характера, направленных на обнаружение, сохранение и закрепление доказательств противоправ-

ного деяния; мер правоохранительного характера, осуществляемых по итогам обнаружения доказательств противоправного деяния.

К примеру, в настоящее время сформировались некоторые общие стандарты по идентификации и инициированию преследования по горячим следам и остановки иностранного судна-правонарушителя. Однако на сегодняшний день правоприменитель сталкивается с реальными сложностями при определении, какие факторы могут считаться разумными основаниями для правомерного вмешательства в деятельность иностранного судна.

При этом на уровне национальных правовых систем имеются правовые решения, позволяющие, если не разрешить проблему, то хотя бы внести ясность, что конкретно может считаться разумными основаниями для мер принуждения.

В частности, косвенными признаками являются следующие: на судне может быть неправильно поднят флаг¹, или отсутствует совсем²; указано несколько наименований³, или наименование не указано⁴; отсутствуют регистрационные номера⁵ или ходовые огни⁶ и т.д.

В том случае, когда невоенное судно-правонарушитель не выполняет требование об остановке, возникает вопрос о применении силы и огнестрельного оружия в отношении такого судна с целью принудительной остановки.

Основное правило касательно применения силы и огнестрельного оружия сформулировано Международным трибуналом по морскому праву в *Деле The M/V «SAIGA» (No. 2)*

---

¹ См.: U.S. v. Alvarez-Mena, 765 F.2d 1259 (1985); U.S. v. Batista, 731 F.2d 765 (1984).

² См.: U.S. v. Cuevas-Esquivel, 905 F.2d 510 (1990).

³ См.: U.S. v. Batista, 731 F.2d 765 (1984).

⁴ См.: U.S. v. Cuevas-Esquivel, 905 F.2d 510 (1990).

⁵ См.: U.S. v. Cuevas-Esquivel, 905 F.2d 510 (1990).

⁶ См.: U.S. v. Burke, 716 F.2d 935 (1983).

(*Сент-Винсент и Гренадины против Гвинеи-Бисау*), в котором Трибунал со ссылкой на Дело «*I'm alone*» (*Канада против США*) и Дело «*The Red Crusader*» (*Дания против Великобритании*) указал, что следует избегать применения силы до тех пор, пока это возможно⁷. Однако если это необходимо, то применение силы не должно выходить за рамки разумного и необходимого в данных обстоятельствах; соображения гуманности применимы к морскому праву так же, как и другим областям международного права⁸.

Вместе с тем большинство сформировавшихся стандартов по применению силы и огнестрельного оружия на сегодняшний день отражены, как правило, в документах, которые носят рекомендательный характер⁹.

Можно признать, что в целом сложились определённые паттерны поведения должностных лиц *при осуществлении принудительных мер правоохранительного характера, направленных на обнаружение, сохранение и закрепление доказательств*. Но все же, нельзя сказать, что они столь же последовательны и конкретны как стандарты осуществления

---

⁷ См.: International Tribunal for the Law of the Sea. *The M/V "SAIGA" (No. 2) Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea)*. Judgment of 1 July 1999, 155, 156. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_2/published/C2-J-1_Jul_99.pdf (Accessed: 20.03.2022).

⁸ «...*the use of force must be avoided as far as possible and, where force is unavoidable, it must not go beyond what is reasonable and necessary in the circumstances. Considerations of humanity must apply in the law of the sea, as they do in other areas of international law...*» см.: International Tribunal for the Law of the Sea. *The M/V "SAIGA" (No. 2) Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea)*. Judgment of 1 July 1999, 155, 156. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_2/published/C2-J-1_Jul_99.pdf (Accessed: 20.03.2022).

⁹ Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятых восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Гаване в 1990 г., Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979.

принудительных мер правоохранительного характера, направленных на прекращение движения судна-нарушителя. Анализируя процесс осуществления мер принуждения для борьбы с незаконным, несообщаемым и нерегулируемым рыбным промыслом в рамках схем совместного международного контроля можно лишь предложить экстраполировать сложившиеся модели поведения должностных лиц по обнаружению, сохранению и закреплению доказательств на борьбу с иными правонарушениями на море.

К примеру, высадка на борт судна-правонарушителя производится только после предварительного уведомления по радио либо с использованием Международного свода сигналов¹⁰ независимо от того, признаётся ли такое уведомление полученным или нет¹¹.

Должностные лица правоохранительных органов или другие уполномоченные должностные лица, осуществляющие принудительные меры правоохранительного характера на море, являются сотрудниками правоохранительных или иных государственных органов, которые должным образом

---

¹⁰ В частности, действуя через субрегиональные или региональные рыбохозяйственные организации или договоренности в соответствии с Соглашением об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 04.12.1995 г., государства установили соответствующее положение в схемах совместного международного контроля, применяемых в пределах различных конвенционных районов Мирового океана См.: **NEAFC** Scheme and Annual Changes for 2022. Art. 18. URL: <https://www.neafc.org/scheme/contents> (Accessed: 05.03.2022); **NAFO** Conservation and Enforcement Measures 2022. Art. 34 (a). URL: <https://www.nafo.int/Portals/0/PDFs/COM/2022/comdoc22-01.pdf> (Accessed: 06.03.2022); **WCPFC** Boarding and Inspection Procedures dated by 15.12.2006. Art. 20. URL: <https://www.wcpfc.int/doc/cmm-2006-08/western-and-central-pacific-fisheries-commission-boarding-and-inspection-procedures> (Accessed: 30.04.2020).

¹¹ См.: **NEAFC** Scheme and Annual Changes for 2022. Art. 18. URL: <https://www.neafc.org/scheme/contents> (Accessed: 05.03.2022).

уполномочены своим государством и которые носят форму или имеют иные четко отличающие их признаки¹². При высадке на судно они обязаны предъявить капитану судна для ознакомления должным образом выданные правительством удостоверения личности¹³. Важно приложить все усилия, чтобы связь с капитаном судна осуществлялась на том языке, который он может понять¹⁴.

Относительно применения *принудительных мер правоохранительного характера, осуществляемых по итогам обнаружения доказательств противоправного деяния*, можно

---

¹² См.: Протокол к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства от 14.10.2005 г., ч. 10, ст. 8 bis. URL: legal.un.org/cod/books/russian/terrorism_handbook_voll.pdf (дата обращения: 31.03.2020); Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 04.12.1995 г., ч. 2, ст. 22. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/274/69/PDF/N9527469.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.03.2020); The Code of Conduct concerning the Repression of Piracy and Armed Robbery against Ships in the Western Indian Ocean and the Gulf of Aden, January 29, 2009. Art. 6. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35467/piracy-djibouti-meeting.pdf (Accessed: 22.03.2020);

¹³ См.: Протокол к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства от 14.10.2005 г., ч. 10, ст. 8 bis. URL: https://legal.un.org/cod/books/russian/terrorism_handbook_voll.pdf (дата обращения: 31.03.2020).

¹⁴ Акцент на данном положении сделан в некоторых схемах совместного международного контроля см.: NPFC's High Seas Boarding and Inspection Procedures 2021-09. Art. 22 URL: https://www.npfc.int/system/files/2021-04/CMM%202021-09%20FOR%20HIGH%20SEAS%20BOARDING%20AND%20INSPECTION%20PROCEDURES%20FOR%20THE%20NPFC_0.pdf (Accessed: 06.03.2022); WCPFC Boarding and Inspection Procedures dated by 15.12.2006. Art. 21. URL: <https://www.wcpfc.int/doc/cmm-2006-08/western-and-central-pacific-fisheries-commission-boarding-and-inspection-procedures> (Accessed: 30.04.2020).

отметить лишь нормы общего характера, которые вряд ли позволяют четко понимать возможную формулу поведения должностного лица при принятии решения о необходимости осуществления указанных мер.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 года предусматривает, что в открытом море или в любом другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства любое государство может захватить пиратское судно или пиратский летательный аппарат либо судно или летательный аппарат, захваченное(-ный) посредством пиратских действий и находящееся(-щийся) во власти пиратов, арестовать находящихся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество¹⁵. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства и Протокол к ней содержат также положения, согласно которым при обнаружении доказательств противоправного деяния государство флага может разрешить государству, осуществляющему правоохранительную функцию, задержать судно, груз и людей на его борту в ожидании получения от государства флага указаний относительно принятия мер¹⁶.

Другими мерами, которые могут осуществляться по итогам обнаружения доказательств противоправного деяния, являются конвоирование/направление судна в ближайший соответствующий порт, а также его буксировка (в случае поломки,

---

¹⁵ См.: Конвенция ООН по морскому праву от 10.12.1982 г., ст. 105. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

¹⁶ См.: Протокол к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства от 14.10.2005 г., ч. 6, ст. 8 bis. URL: https://legal.un.org/cod/books/russian/terrorism_handbook_voll.pdf (дата обращения: 31.03.2020).

к примеру)¹⁷. Исходя из положений Соглашения об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 04.12.1995 г., данная мера является крайней и применяется только в том случае, если имеются четкие основания полагать, что судно совершило серьезное нарушение, а государство флага судна-нарушителя отказывается осуществлять принудительные меры правоохранительного характера самостоятельно¹⁸. Важно, чтобы на судне-нарушителе в ходе его направления/буксировки оставались офицеры, ответственные за осуществление правоохранительной функции, поскольку именно на них возлагается обязанность по обеспечению сохранности доказательств. Кроме этого, государство,

---

¹⁷ См., например, ч. 8, ст. 21 Соглашения об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 04.12.1995 г.: *Если после высадки и осмотра существуют четкие основания полагать, что судно совершило серьезное нарушение, а государство флага либо не представило ответа, либо не приняло мер, требуемых по пункту 6 или 7, то инспектора могут оставаться на борту и обеспечивать сохранность доказательств и могут потребовать от капитана оказать им содействие в дальнейшем расследовании, включая, где это уместно, посредством немедленного следования судна в ближайший соответствующий порт или в такой иной порт, который может быть указан в процедурах, установленных в соответствии с пунктом 2.* См.: Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 04.12.1995 г., ст. 21. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/274/69/PDF/N9527469.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.06.2019).

¹⁸ См.: Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 04.12.1995 г., ст. 21. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/274/69/PDF/N9527469.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.06.2019).

производившее осмотр, незамедлительно информирует государство флага о названии порта, в который должно проследовать судно¹⁹. Государство, производившее осмотр, и государство флага и в соответствующих случаях государство порта принимают все необходимые меры к тому, чтобы обеспечить благополучие членов экипажа судна, независимо от их гражданства²⁰.

Исходя из вышеизложенного повышению эффективности правоохранительных мер на море, их единообразию будет способствовать формирование таких международно-правовых стандартов, как: 1) идентификация судов, осуществляющих правоохранительные функции; 2) подача световых и иных визуальных сигналов; 3) порядок и содержание радиопереговоров с останавливаемым судном с целью его остановки в правоохранительных целях; 4) представление должностных лиц на борту осматриваемого судна, их формы одежды, отличительных знаков, документов, установленного образца; 5) порядок получения согласия государства-флага судна на осуществление мер принуждения. Развития требуют стандарты, касающиеся: оценки оснований для осуществления правомерных мер принуждения; обнаружения, сохранения и закрепления доказательств противоправного деяния; обращения с лицами на борту суда в случае их задержания; применения силы

---

¹⁹ См.: Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 04.12.1995 г., ст. 21. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/274/69/PDF/N9527469.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.06.2019).

²⁰ См.: Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 04.12.1995 г., ст. 21. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/274/69/PDF/N9527469.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.06.2019).

и огнестрельного оружия в процессе осуществления мер принуждения; дальнейших мер в море по итогам обнаружения доказательств противоправного деяния. В настоящее время универсальные нормы международного права в данной области отсутствуют, а осуществляемые меры основываются на законодательстве прибрежных государств и разрозненных международных договорах и обычаях.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА АРКТИКИ И ЕЕ ТРАНСПОРТНЫХ АРТЕРИЙ

Карпова Е.И.

*Уфимский университет науки и технологий
lizakarp02@gmail.com*

Одной из особенностей политико-правового статуса Арктики является его секторальность, когда каждая страна из арктической пятерки, которая включает в себя Россию, Канаду, Данию, Соединенные Штаты и Норвегию, имеет свой собственный сектор.

Этот принцип существовал с самого начала освоения арктических территорий, но юридически стал оформляться только в XIX и XX веках. Так, в 1825 году Российская империя заключила Санкт-Петербургскую Конвенцию с Британской империей, чтобы разграничить территории между российской Аляской и канадским Юконом¹. После продажи Аляски Северо-Американским Соединенным Штатам, этот же документ определял восточную границу, а западную – Договор о передаче Северо-Американским Соединенным Штатам Русской Аляски. Однако принято считать, что официальные претензии на арктические территории, в частности острова, Россия предъявила в 1918 году. Во времена Советского Союза также юридически закреплялся секторальный принцип. Так, в 1924 году по Постановлению Президиума ЦИК все территории от

---

¹ Санкт-Петербургская Конвенция с Англией относительно разграничения обоюдных пространств владений России и Англии в Северной Америке (Русско-английская Конвенция 1825г.) // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3 томах. Российский совет по международным делам // [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/common/upload/Arctic%20Anthology%20Vol%203.pdf>.

побережья СССР до северного полюса объявлялись территориями Советского Союза².

Канада подтвердила приверженность секторальному принципу, когда в 1904 году Министерство внутренних дел выпустило карту, где западная и восточная границы арктических территорий Канады определялись по 141° и 60° меридианам, а сенатор Пуарье в 1907 году заявил, что все земли, расположенные между этими меридианами, принадлежат Канаде³. В 1909 году Правительство Канады впервые юридически закрепило за собой все территории к западу от Гренландии⁴. В 1921 году Канада приняла закон, по которому все земли, находящиеся севернее ее береговой линии, находятся под суверенитетом Канады⁵.

США в начале XX века также поддерживали секторальный принцип. Так, в 1924 году секретарь по морским делам Демби заявил, что Соединенные Штаты намерены претендовать на Северный полюс, так как он является продолжением Аляски. В 1945 году впервые вводилось понятие «континен-

---

² Постановление Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926 «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

³ Арктика. Регион будущего развития / С.С. Жильцов, И.С. Зонн. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 320 с.

⁴ Ковалев А.А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России. // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / Российский совет по международным делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. – М.: Аспект Пресс, 2013. // [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/docs-7/Arctic%20Anthology%20Vol%201.pdf>.

⁵ Ковалев А.А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России. // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / Российский совет по международным делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. – М.: Аспект Пресс, 2013. // [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/docs-7/Arctic%20Anthology%20Vol%201.pdf>.

тальный шельф», а Прокламация № 2667 того же года юридически закрепляла, что недра континентальных шельфов, прилегающих к береговым территориям Соединенных Штатов, и их богатства принадлежат США⁶.

В арктический сектор Дании входят остров Гренландия и Фарерские острова. В 1933 году Постоянная палата международного правосудия закрепила за Данией Восточную Гренландию, разрешив спор об ее принадлежности между Данией и Норвегией⁷.

Норвегия – единственная арктическая страна, которая до сих пор не закрепила юридически свои арктические территории. Хотя Договор о Шпицбергене 1920 года закрепляет за Норвегией этот остров, а Договор между Российской Федерацией и Норвегией от 2010 года устанавливает границу между российским и норвежским секторами в Баренцевом море, доля поровну спорную акваторию⁸.

Однако неопределенность секторального принципа заключается в том, откуда начинаются эти сектора. Конечно, арктические страны в разный период времени настаивали на том, что их сектора начинаются от северного полюса и закан-

---

⁶ Proclamation 2667 of September 28, 1945. Policy of the United States with Respect to the Natural Resources of the Subsoil and Sea Bed of the Continental Shelf // [Электронный ресурс]. URL: https://www.gc.noaa.gov/documents/gcil_proc_2667.pdf.

⁷ Ковалев А.А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России. // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / Российский совет по международным делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. – М.: Аспект Пресс, 2013. // [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/docs-7/Arctic%20Anthology%20Vol%201.pdf>.

⁸ Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 15.09.2010 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/707>.

чиваются их прибрежными территориями, образуя своеобразный треугольник. Однако это противоречит принципам Конвенции ООН по морскому праву от 1982 года (далее Конвенция ООН по морскому праву), в соответствии с которой территориальным морем каждого государства является лишь 12 морских миль от прибрежной территории, а исключительная экономическая зона – 200 морских миль⁹.

Таким образом, в зависимости от того, признает ли государство Конвенцию ООН по морскому праву, оно и определяет свой арктический сектор. Так, например США до сих пор не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву, хотя и заявляют, что они соблюдают ее принципы¹⁰. И как утверждают такие исследователи, как А.Н. Вылегжанин, И.С. Жудро и П.А. Гудев, это позволяет США не ограничивать свои претензии на континентальный шельф в рамках 200-мильной зоны.

Хотя в Илулиссатской декларации закрепляется, что только пять государств являются арктическими странами и в силу их суверенитета, суверенных прав и юрисдикции над значительными районами Северного Ледовитого океана они находятся в уникальном положении для реагирования на возможности и вызовы, неарктические государства неоднократно поднимали вопрос о статусе Арктике¹¹. Так, еще в начале 20-

---

⁹ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf

¹⁰ Воронов К.В. Арктические горизонты стратегии России: современная динамика. // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / Российский совет по международным делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. – М.: Аспект Пресс, 2013. // [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/docs-7/Arctic%20Anthology%20Vol%201.pdf>.

¹¹ The Ilulissat Declaration // Arctic ocean conference Ilulissat, Greenland, 27 – 29 May 2008 // [Электронный ресурс]. URL: https://www.arctictoday.com/wp-content/uploads/2018/05/Ilulissat_Declaration.pdf.

х годов XX века предлагалось разделить Арктику на три сектора в зависимости от континента: европейский, азиатский и американский. Контроль над этими секторами и их использование осуществлялись бы коллективно странами соответствующих континентов.

Также выдвигалась идея о полном контроле Арктики международным сообществом. Европейский союз, в частности, выдвинул идею заключения договора аналогичного Договору об Антарктике, по которому ни одно государство не имеет права создавать военные базы, испытывать оружие и проводить военные учения в этом регионе, а также устанавливает, что «никакая новая претензия или расширение существующей претензии на территориальный суверенитет в Антарктике не заявляются пока настоящий Договор находится в силе»¹². Таким образом, при заключении подобного договора арктическим странам пришлось бы свернуть все военные базы, предоставлять доступ наблюдателям на все станции, морские и воздушные суда и согласиться на наблюдение с воздуха в любое время над любым участком региона.

Существуют разные подходы к трактовке Конвенции ООН по морскому праву относительно Арктики. И хотя статья 57 о ширине исключительной зоны вполне ясна, согласно статье 234 прибрежные государства в своих исключительных экономических зонах, покрытых ледниками, имеют особые права принимать законы по судоходству и защите морской среды¹³. Это вызывает критику у приверженцев интернационализации Арктики, так как они считают, что следует рассматривать Арктику как открытое море. В таком случае у каждого

---

¹² № 5778. Договор об Антарктике // Официальный сайт ООН // [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf.

¹³ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf.

государства есть право свободного судоходства и рыболовства, а их военные судна пользуются полным иммунитетом¹⁴.

Однако не только внерегиональные игроки неоднократно заявляют об изменении статуса Арктики. Даже сами арктические страны такие, как США и Норвегия, выступают за передачу Арктики под управление международного сообщества. Это связано с желанием получить доступ к добыче ресурсов не только в своем секторе, но и в более богатых секторах других стран. Так, если Аляска Соединенных Штатов богата в основном нефтью, то арктический сектор России содержит значительные запасы газа, с учетом того, что за последние 40 лет было исследовано лишь 5% российского шельфа¹⁵.

В то же время ни одно арктическое государство не согласилось на разработку всеобъемлющего договора по подобию Договора об Антарктике, так как считают существующие международные нормы достаточными для регулирования этого региона¹⁶. Отсутствие такого договора позволяет каждой арктической стране маневрировать и по-своему трактовать эти нормы.

Соединенные Штаты также отстаивают право свободного прохода в Арктике. В Стратегиях национальной безопасности США за последние 20 лет неоднократно заявляется о важности свободной навигации и мореплавания. В Стратегии национальной безопасности от 2022 года вновь

---

¹⁴ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf

¹⁵ Арктика. Регион будущего развития / С.С. Жильцов, И.С. Зонн. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 320 с.

¹⁶ Загорский А.В. Интернационализация Арктики. Тезисы к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 24 октября 2012 г. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2012/24102012_tez.pdf.

подтверждается, что США намерены «защищать свободу навигации»¹⁷.

Так, США оспаривают статус Северного морского пути (СМП) и Северо-Западного прохода (СЗП), которые в долгосрочной перспективе станут одними из важнейших транспортных артерий для мировой торговли. В первую очередь Соединенные Штаты также считают неправомерным применения метода прямых исходных линий, которые Россия и Канада провели в 1985 году, включая тем самым проливы Северного Ледовитого океана в свои внутренние воды. СМП проходит и через внутренние морские воды, и через территориальное море, и через исключительную экономическую зону России, и через открытое море. В российском законодательстве Северный морской путь определяется, как исторически сложившаяся транспортная коммуникация Российской Федерации¹⁸. Однако многие неарктические и некоторые арктические государства, например США, утверждают, что несколько проливов СМП такие, как проливы Лаптевых и Санникова, должны иметь международный статус, так как они лежат в территориальных водах России, соединяя две части открытого моря, и используются для международного судоходства¹⁹. Соединенные Штаты при этом ссылаются на дело Международного Суда по проливу Корфу от 1949 года. В Национальной

---

¹⁷ National Security Strategy. October 2022. // Официальный сайт Белого дома США // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

¹⁸ Федеральный закон от 31.07.1998 года № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12742/page/2>.

¹⁹ Тодоров А.А. Правовой спор между Россией и США о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-западном морском пути // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 74-89. // [Электронный ресурс]. URL: https://narfu.ru/upload/iblock/f3f/04_Todorov.pdf.

стратегии США в Арктическом регионе от 2022 года утверждается, что Россия «пытается ограничить свободу судоходства посредством своих чрезмерных морских притязаний на Северный морской путь»²⁰. Однако Россия выступает за то, что в силу исторических обстоятельств эти проливы должны находиться под юрисдикцией российского судоходного законодательства.

США активно оспаривают суверенитет Канады над Северо-западным проходом, так как считают его международной артерией, которая соединяет Атлантический и Тихий океаны и, следовательно, соединяет две части открытого море, а также используется для международного судоходства. Канада считает СЗП частью своих внутренних вод, и Конвенция ООН по морскому праву постановляет, что транзитный проход, которого требует США, не затрагивает «любых районов внутренних вод в пределах пролива»²¹.

На сегодняшний момент Россия четко обозначила свою позицию в отношении Арктики, что выражается в недавно принятой Концепции внешней политики Российской Федерации. Так, в пункте 36 выражено намерение уделять приоритетное внимание «закреплению в соответствии с международным правом внешних границ континентального шельфа Российской Федерации, защите ее суверенных прав на континентальном шельфе»²². В пункт 50 выражает позицию России в

---

²⁰ National Strategy for the Arctic region. October 2022 // Официальный сайт Белого дома США // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf>.

²¹ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf

²² Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел России // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.

отношении роли Конвенции ООН от 1982 года в регулировании международных отношений в Арктике и определяет ее как достаточную. Выражено намерение обеспечить неизменность «исторически сложившегося международно-правового режима внутренних морских вод Российской Федерации»²³. В том же пункте показано, что одним из приоритетных направлений политики России в этом регионе является нейтрализация курса недружественных стран ограничить реализацию суверенных прав России в Арктике.

Таким образом, политика России в регионе основана на признании Конвенции в качестве основного документа, регулирующего межгосударственные отношения в регионе, а также ставит перед собой задачу сохранения существующего политико-правового статуса Арктики и недопущения попыток его изменения со стороны других государств.

В свою очередь неарктические государства, имеющие статус наблюдателя в Арктическом Совете, пытаются усилить присутствие своих компаний, активно проталкивая экологическую повестку, что ведет к ограничению экономической деятельности арктических государств. Так, приоритетами своей политики в Арктике Германия считает, прежде всего, защиту окружающей среды и проведение научных исследований²⁴. При этом отмечается ответственное отношение немецких компаний к сохранению экосистемы Арктики и их участие в экологических проектах в регионе.

Также отмечается намерение построить наднациональный механизм регулирования вне рамок Арктического Совета под предлогом беспокойства об окружающей среде и правах

---

²³ Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел России // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.

²⁴ Кузьменко Е.А. Арктические интересы Германии в конце XX — начале XXI века // Россия: общество, политика, история. 2022. № 4. С. 102-116. // [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/Zhurnal_ROPI_Arktika_4_vyusk.pdf.

коренных народов²⁵. Так, все чаще различные организации выражают обеспокоенность последствиями экономической деятельности арктических государств для экосистемы Арктики. Организация «Гринпис» проводит кампанию «Защитим Арктику», нацеленную на полный запрет нефтедобычи и рыболовства в регионе, и предлагает предать акватории вокруг Северного полюса, которая не затрагивает территории государств, статус заповедника. В 2014 году Европейский Союз поддержал данную идею.

В заключении необходимо отметить, что статус как арктических транспортных путей, так и самой Арктики в целом до сих пор до конца не определен, однако на данный момент можно сказать о секторальном принципе делимитации региона с учетом норм Конвенции ООН по морскому праву от 1982 года или конвенциональном принципе. В то же время не стоит забывать, что не все арктические страны ратифицировали Конвенцию по морскому праву, что оставляет вопрос о статусе Арктики открытым. Многие страны выступают за интернационализацию Арктики и ее транспортных артерий, в то время как такие основные игроки в этом регионе, как Россия и Канада, отстаивают свои исторические права, поддерживая секторальный принцип делимитации Арктики.

В связи с желанием неарктических стран усилить свое влияние в регионе посредством лозунгов о сохранении экологии региона и попытками уменьшения роли Арктического Совета следует продолжать отстаивать главенствующую роль этого форума, в качестве площадки для разработки нормативно-правовой базы регулирования межгосударственных отношений в Арктике. В условиях игнорирования России в рамках форума предлагается не допускать изолирования нашей

---

²⁵ Политика, экономика и безопасность современной Арктики (к 25-летию Арктического Совета). // Ц. Ван, Ц. Янь, Б.Е. Власов [и др.]. – М.: Институт Европы РАН. 2022. – 150 с. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report112022_397. – EDN: YVGEHY – ISBN 978-5-98163-196-2.

страны в регионе, призывать к налаживанию диалога в целях взаимовыгодного сотрудничества и устойчивого развития Арктики и продолжать наращивать сотрудничество с такими заинтересованными государствами, как Китай и Индия. Интернализация региона также недопустима и угрожает интересам безопасности страны не только в оборонной, но и в экономической сферах.

МОРСКОЕ АВТОНОМНОЕ НАВОДНОЕ СУДОХОДСТВО: ИННОВАЦИЯ ИЛИ ПРОБЛЕМА?

Субботин Анатолий Павлович

*Аспирант кафедры международного права
РУДН имени Патриса Лумумбы
apsubbotin@rbpharm.ru*

«Современные проблемы требуют современных решений». Фраза, сказанная американским комиком Дэйвом Шапеллом отнюдь не юмористическая, а вполне актуально применимая в отношении ускоренного научно-технического прогресса в области цифровых технологий, ставшим ключевым трендом миллениалов - поколения Y. Морское автономное надводное судоходство едва ли можно назвать проблемой, скорее, новой вехой в развитии торгового мореплавания, однако, неизменным остается тот факт, что перед лицом мирового сообщества актуальным является вопрос адаптации действующего законодательства в области международного судоходства, которое, к сожалению, в текущих реалиях не способно в полной мере ответить «революционным» технологическим вызовам современности.

Сегодня, автономные суда используются во многих областях, включая добычу нефти и газа, контроль зараженных водных бассейнов, а также для доставки грузов по морю.

Однако, развитие автономного судоходства не ограничивается только лишь созданием морских судов. Для полноценного функционирования автономных морских судов необходима инфраструктура (системы связи, навигации, управления трафиком) и, что немаловажно, четко проработанная нормативно-правовая база, регулирующая данный вид деятельности, что в совокупности позволило бы безопасно и эффективно осуществлять морские перевозки по морю с использованием автономных технологий.

Не особо лестно признавать тот факт, что для перехода к решительным действиям мировое сообщество нуждается в «триггерах», которые берут на себя роль стимуляторов прогрессивного развития. Небезызвестная трагедия круизного лайнера «Титаник» в 1912 году, по различным оценкам унесшая жизни 1500 людей, словно расчётливым, быстрым и, несомненно, болезненным для всех ударом морского кортика, вскрыла главную проблему международного судоходства начала XX столетия: вопросам безопасности, стандартизации и кодификации правовых норм в области международного судоходства не уделялось должного внимания, что и послужило причиной ужасающих последствий катастрофы. Только после такого по-настоящему серьезного потрясения пришло осознание исключительной важности организации работы и повсеместного сотрудничества в области правового регулирования и развития международного судоходства не только на национальном, а также и на международном уровне, о чем свидетельствует факт принятия 12 ноября 1913 года первой Международной конвенции по охране человеческой жизни на море (англ. – SOLAS).

Тезис «путь к успеху тернист и состоит из цепи неудач» в полной мере применим к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (далее – Конвенция ООН 1982г.). И этот путь был проделан не напрасно. В узких кругах Конвенцию ООН 1982 г. называют «Конституцией морей», отмечая тем самым ее архи-важность для международного морского права и мирового сообщества в целом. Ведь не с проста замечено, что в Резолюции 55/7 «Мировой океан и морское право», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 30 октября 2000 года на своей 55-й сессии, Генеральная Ассамблея ООН отметила универсальный характер Конвенции и ее фундаментальное значение

для поддержания мира и безопасности.¹ Однако, стоит заметить тот факт, что с момента принятия Конвенции ООН 1982 г. прошло уже 41 год, а с момента вступления в силу – 29 лет. И несмотря на всю свою монументальность, Конвенция ООН 1982 г. не способна отвечать на современные вопросы, возникающие по мере развития инновационных видов использования Мирового океана, в том числе и при организации морского автономного надводного судоходства, в связи с чем необходимо разработать новые международно-правовые нормы и правила, которые учитывали бы специфику автономных морских судов и обеспечивали их безопасное использование в открытом море.

Внедрение автономного надводного судоходства в сферу деятельности человека в мировом океане может столкнуться с рядом международно-правовых барьеров. Одной из ключевых проблем является отсутствие ясных и конкретных норм и правил, регулирующих использование автономных судов в Мировом океане.

Учитывая активную политику государств в области развития национальной морской деятельности путем внедрения продвинутых технологий в систему торгового мореплавания, в частности, повсеместное принятие стратегии по развитию и планомерному переходу к морскому автономному надводному судоходству, что подтверждается появлением первых опытных образцов морских автономных надводных судов и анонсированием их испытаний, ИМО в настоящее время организовала работу по изучению и оценке существующих международно-правовых инструментов регулирования деятельно-

---

¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 5 декабря 2017 года 72/73. Мировой океан и морское право. [Электронный ресурс] URL: <https://www.poi.dvo.ru/sites/default/files/Documents/Oceandecade/Резолюция%20Генассамблеи%20ООН%20от%205.12.2017.pdf?ysclid=lh3dmk7tdv207518981> (дата обращения: 16.04.2023).

сти в Мировом океане с целью постепенной интеграции передовых технологий в области автономного судоходства в международное морское право. Озабоченность ИМО вопросом регулирования нового типа судоходства подтверждается принятым Стратегическим планом ИМО на шестилетний период с 2018 по 2023 гг. (*Resolution A.1110(30). Adopted on 6 December 2017. Strategic plan for the organization for the six-year period 2018 to 2023*).²

Очевидно неизбежное появление высокотехнологичных судов на просторах морей и океанов требует серьезного пересмотра устоявшейся правовой модели регулирования торгового судоходства. Оценивая текущее состояние разработки морских автономных надводных судов, не представляется возможным со стопроцентной точностью утверждать, каким будет «конечный продукт». Несмотря на это, Комитетом по безопасности на море ИМО была проделана работа по классификации морских автономных надводных судов по уровню автоматизации. Так, Комитет по безопасности на море ИМО разделил автономные надводные суда на 4 категории, выделив разные уровни автоматизации:

- первый уровень: **судно с автоматизированными процессами и экипажем на борту**. Допускается нахождение экипажа на борту для управления и контроля за судовыми системами. Некоторые операции могут быть автоматизированы и иногда выполняться без присмотра экипажа, в критические моменты экипаж может взять управление на себя;

- второй уровень: **дистанционно управляемое судно с экипажем на борту**. Судно управляется извне (к примеру, с

---

² A30/Res. 1100. Strategic plan for the organization for the six-year period 2018 to 2023. 08.12.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/About/strategy/Documents/A%2030-RES.1110.pdf> (дата обращения: 19.04.2023).

пульта управления на береговой линии). Допускается нахождение экипажа на борту для управления и контроля за судовыми системами в критических ситуациях;

- третий уровень: **дистанционно управляемое судно без экипажа на борту**. Судно полностью находится под дистанционным управлением без присутствия экипажа на борту;

- четвертый уровень: **полностью автономное судно**. Операционная система судна способна самостоятельно принимать решения и определять дальнейшие действия по управлению без человеческого вмешательства.³

Народная русская пословица «без капитана нет корабля, без корабля нет капитана», по всей видимости, с внедрением морских автономных надводных судов в систему торгового мореплавания также может потерять свою актуальность, равно как и большая часть существующих конвенциональных норм применительно к морским автономным надводным судам.

Необходимо привести, что называется, *Ad deliberandum*, пару практических примеров. Возвращаясь к истокам, рассмотрим некоторые положения Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1972 г. (далее – SOLAS). Обозревая главу VII SOLAS «Перевозка опасных грузов», Международный кодекс опасных грузов в море (МКМПОГ) и Международный кодекс постройки и оборудования судов, перевозящих опасные химические грузы наливом (МКХ), невольно напрашивается вывод о том, что в обязательном порядке требуется определение роли капитана и экипажа морских автономных надводных судов, поскольку

---

³ MSC.1/Circ. 1638. Outcome of the regulatory scoping exercise for the use of Maritime Autonomous Surface Ships (MASS). 03.06.2021. [Электронный ресурс] URL: [https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/MediaCentre/HotTopics/Documents/MS1-Circ.1638%20-%20Outcome%20Of%20The%20Regulatory%20Scoping%20ExerciseFor%20The%20Use%20Of%20Maritime%20Autonomous%20Surface%20Ships...%20\(Secretariat\).pdf](https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/MediaCentre/HotTopics/Documents/MS1-Circ.1638%20-%20Outcome%20Of%20The%20Regulatory%20Scoping%20ExerciseFor%20The%20Use%20Of%20Maritime%20Autonomous%20Surface%20Ships...%20(Secretariat).pdf) (дата обращения: 17.04.2023).

согласно положениям вышеуказанных документов, при перевозке опасных химикатов наливом, у экипажа на борту существуют четкие инструкции, которые требуют определенных физических операций и выполнения ряда действий в случаях аварийного реагирования. Как уже было сказано ранее, Комитетом по безопасности на море ИМО было установлено, что моряки на борту могут взять на себя управление за судовыми системами на уровнях автоматизации 1 или 2, однако остается неясным, в чем будет заключаться их практическая роль. В отношении морских автономных надводных судов должны быть приняты соответствующие альтернативные меры безопасности для достижения функциональных возможностей, предусмотренных существующими правилами. Необходимо четкое понимание уровня риска, связанного с отсутствием людей на борту.

Согласно Главе III SOLAS о спасательных средствах, в обозримом будущем моряки по-прежнему будут необходимы на борту судна в соответствии с правилом III/10 SOLAS. Их главной целью является оказание помощи и/или эвакуация пассажиров в чрезвычайных ситуациях. Необходимо разработать соответствующие протоколы безопасности непосредственно перед тем, как будут реализованы уровни автоматизации судов 3 и 4, которые полностью исключают нахождение моряков на борту. Также требуется разработка порядка действий морских автономных надводных судов в ситуациях «человек за бортом». Представляется логичным, что в любом случае потребуется специальная подготовка персонала (технического и иного) на борту морского автономного надводного судна к действиям в чрезвычайных ситуациях, что, в свою очередь, требует пересмотра положений Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 г.

Нормативная база, регулирующая безопасное судоходство, исторически основывалась на объективных правилах, интерпретируемых через человеческий фактор; например,

«комплектование» судов, «поручение капитана» или принятие мер предосторожности, требуемых «обычной практикой моряков». Будучи практическими правилами, основной целью которых является предотвращение столкновений на море, Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновения судов в море от 20 октября 1972 года (далее – МППСС) обеспечивают объективное руководство по приоритету судов, но также требуют (субъективных) отклонений от правил в соответствии с обычной практикой моряков, если того требуют обстоятельства. В судоходной отрасли активно обсуждается вопрос о том, могут ли дистанционно управляемые или полностью оснащенные искусственным интеллектом суда строго соответствовать положениям действующих МППСС, включая Правило 2 (Ответственность), Правило 8 (Действия для предупреждения столкновений) в отношении стандарта мореплавания, Правило 5 (Наблюдение) и Правило 18 (Взаимные обязанности судов), разработанные в отношении судов с экипажем на борту. Вопрос о том, может ли полностью автономное судно быть запрограммировано на определение того, применим ли Раздел II – Плавание судов, находящихся на виду друг у друга (Правила 11-18) и Раздел III – Плавание судов при ограниченной видимости (Правило 19) Части В - Правила плавания и маневрирования, в части возможной ситуации в непосредственной близости, является важным, но если управляемые и автономные суда пользуются одними и теми же водными путями, то необходимо, чтобы и те, и другие соблюдали идентичные правила.

Несмотря на все существующие на сегодняшний день барьеры, автономное морское судоходство имеет потенциал стать основой будущего морского транспорта и обеспечить более безопасные экономические и экологически чистые услуги перевозки грузов.

Автономные морские суда могут иметь ряд экономических выгод в сравнении с традиционными морскими судами, на которых трудятся моряки.

Во-первых, автономные суда могут быть более эффективными и экономичными в использовании ресурсов. Например, они могут использоваться современные технологии для мониторинга и управления грузами, оптимизации маршрутов и экономии топлива. Это может привести к уменьшению затрат на эксплуатацию морского судна и увеличению его грузоподъемности.

Во-вторых, автономные морские суда могут работать без перерывов и вынужденных остановок на ремонт или замену членов экипажа. Это может увеличить количество перевозок, а также сократить время на доставку грузов.⁴

В-третьих, автономные морские суда могут быть более безопасными, так как предполагается использование передовых технологий для предотвращения столкновений и других аварийных ситуаций. Это может привести к уменьшению рисков для экипажей и сохранности груза.⁵

Однако, для достижения полной автономности необходимо разработать системы искусственного интеллекта, которые позволят адаптироваться морскому судну к изменяющейся обстановке и принимать решение на основе анализа сенсорной информации.

В заключение автономные морские суда представляют собой новую технологическую реальность, которая может написать будущее и огромные выгоды. Однако для того, чтобы они действительно стали основой морского транспорта будущего, необходимо устранить барьеры, которые связаны с их использованием в международном праве. Хочется отме-

---

⁴ Володин А.Б., Преснов С.В., Якунчиков В.В. На пути к автономному судоходству // Вестник РУДН. Инженерные исследования. 2021. № 22(4). С. 355-363.

⁵ Экономический и Социальный Совет. Автономное плавание и внутренне судоходство. Записка секретариата. 07.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/trans/doc/2019/itc/ECE-TRANS-2019-16r.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

тить положительную превентивную реакцию контролирующих органов на вызовы прогресса. Уже в 2017 году Комитет по безопасности на море ИМО отметил, что в морском секторе наблюдается все большее развертывание морских автономных надводных судов для обеспечения безопасных, экономически эффективных и высококачественных результатов.⁶ В настоящее время ведутся значительные научные и коммерческие исследования и разработки (НИОКР) по всем аспектам деятельности морских автономных надводных судов. К сожалению, в рамках одной статьи невозможно всецело охватить абсолютно все сферы международно-правового регулирования, требующие пристального внимания в случае повсеместного использования автономных технологий. В качестве основных направлений деятельности Комитетом по безопасности на море ИМО были обозначены совместные усилия в установлении понятийного аппарата в области автономного судоходства для дальнейшего принятия решений по вопросам обеспечения безопасности на море, пересмотра вопроса оснащения судов, актуализации стандартов и нормативов в судостроительной области, а также разработки новых программ обучения моряков и рыбаков. Среди международных соглашений, которые будут подвергнуты тщательному анализу, относятся Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года, Правила предупреждения столкновений судов в море 1972 года, Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года, Международная конвенция о подготовке и дипломировании персонала рыболовных судов и несении вахты 1995

---

⁶ Maritime safety committee. MSC 98/20/13. Work Programme Maritime Autonomous Surface Ships. Proposals for a regulatory scoping exercise. 13.04.2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.itfglobal.org/sites/default/files/node/resources/files/2017%20MSC%2098-20-13%20-%20Maritime%20Autonomous%20Surface%20Ships%20Proposal%20for%20a%20regulatory%20scoping%20exerciseComments%20on%20MS...%20%28ITF%29_1.pdf (дата обращения: 17.04.2023).

года, Международная конвенция о поиске и спасанию на море 1979 года, Международная конвенция по обмеру судов 1969 года, Международная конвенция по безопасным контейнерам 1972 года и, наконец, Соглашение по пассажирским судам, осуществляющим специальные перевозки 1971 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.Х. Абашидзе Введение.....	5
СЕКЦИЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	
Акинбодева Олуватениола Солале Венская конвенция и содержащиеся в ней положения о смягчении последствий неисполнения договорных обязательств.....	9
Веселкина А.К. Контрмеры и санкции в международном праве: сходства и различия	17
Гуляева Е.Е. Современные тенденции прогрессивного развития международного права в эпоху четвертой промышленной революции	25
Евдокимова А.А. Международно-правовая квалификация односторонних принудительных мер в свете института контрмер	37
Жебриков В.В. Прогрессивное развитие института ответственности ТНК за совершение преступлений международного характера	45
Киселева О.А. Основные начала диалога в международном праве	56
Комлева А.М. Международная кибербезопасность – правовое обеспечение мирного и стабильного развития глобальной ИКТ-среды	68
Костылева У.В. Искусственный интеллект: международно-правовые аспекты	78
Панова П.С. Международное право в свете позитивистской школы права	86
Ромашев Ю.С. Правопреемство в отношении международных обычаев.....	97
СЕКЦИЯ ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
Антоник А.В. Международно-правовые аспекты расширения НАТО: проблемы и последствия для России	105

Близнецкая Е.А., Ивлев С.В., Кутейников А.Е. Правовые основания использования ресурсов международных организаций в решении вопросов климатических изменений в Санкт-Петербурге	111
Бучникова Е.Д., Кудрин П.М., Мишин Д.И. Международные неправительственные организации: социологический взгляд на юридический феномен	116
Войников В.В. Правовые аспекты легализации механизма изъятия имущества российских частных лиц в праве ЕС как элемент санкционной политики	123
Доурадо Р.Г. Возможно ли реформирование Организации американских государств?	133
Дудченко М.Г., Кристман А.А. Влияние членства в Европейском союзе на политику стран Центральной и Восточной Европы по отношению к Российской Федерации	139
Зубрякова О.В., Горосян А.М. Организация исламского сотрудничества и права женщин	146
Истомин Н.А. Взаимодействие международных и немеждународных организаций в области управления адресным пространством интернета	154
Лукина Л.С. К вопросу об охране окружающей среды в праве ВТО	162
Парсян А.А. Проблемы соотношения защиты прав интеллектуальной собственности и решения задач общественного здравоохранения	175
Рахмилов А.И. Кризисные явления в системе разрешения споров ВТО	181
Романова Е.Е. Международная ответственность в праве ВТО	186
Ушаков Р.М. Роль международных организаций в формировании системы публично-правового регулирования государственно-частного партнерства (на примере нефтегазового комплекса)	197

Фатихов Д., Баскаков К.П. Роль международных организаций и механизмов в предотвращении нарушений прав человека	208
---	-----

СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Абдуманнон С.С. Вклад Организации Объединенных Наций в поддержание международного мира и безопасности в Центральной Африке (на примере миротворческих операций в Южном Судане и Демократической Республике Конго)	215
Бровко А.А. Преступления против человечности и современное международное право	226
Гусева О.В. Проблемы уголовной юрисдикции РФ в отношении преступлений, совершённых против граждан или против собственности за границей	232
Зубрицкая У.И. Международно-правовая квалификация деятельности отряда 731. Опыт Хабаровского трибунала и современные оценки	237
Когай С.В. Правомерность участия ЧВОК в современных вооруженных конфликтах.....	243
Ладутько К.Ф. Проблема квалификации нападения и других форм враждебного поведения в современном международном гуманитарном праве.....	255
Нигматуллин Р.В. Международно-правовые проблемы противодействия иностранным боевикам-террористам	263
Прохорова А.Д. Правомерность применения силы в отношении гражданских воздушных судов-нарушителей.....	276
Пузырева Ю.В. Тенденции развития международного гуманитарного права в условиях современных вооруженных конфликтов	280
Смирнов М.Г. Проблемы международного контроля химического оружия в условиях развития двойных технологий	291
Тенета А.Б. Развитие системы защиты прав военнопленных и гражданских лиц	296

Фам Тхи Тхук Ань Необходимость специальных положений о защите прав пожилых людей в международном гуманитарном праве	308
Экнодосьян Е.А. Процессуальные аспекты деятельности Международного уголовного суда	314

СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аблеева Г.Р. Доктрина свободы усмотрения и защита прав ребенка	325
Аньшакова М.А. Международно-правовые аспекты обеспечения независимости судей и адвокатов	333
Багаудинова С.А. Проблема эвтаназии в контексте прав человека	340
Гайдаржи П.И. Защита прав женщин в контексте достижения ЦУР 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек	347
Липкина Н.Н. Права человека и искусственный интеллект: подходы к развитию правового регулирования	358
Мгеладзе В.З. Актуальные проблемы развития инклюзивного образования в контексте ЦУР 4	366
Пчелинцева В.В. Международно-правовая политика Организации исламского сотрудничества в сфере защиты прав человека: общая характеристика	374
Самойлова А.А. Имплементация международно-правовых обязательств по защите гражданских и политических прав на примере Ирака	384
Сибэгатуллина К.Л. Международно-правовые механизмы защиты прав детей-беженцев	391
Соловьева А.С. Особенности защиты права на справедливое судебное разбирательство в практике Африканского суда по правам человека и народов	398
Чернов В.В. Международная защита прав человека сквозь призму деятельности фармацевтических корпораций	404

**СЕКЦИЯ РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СДВИГОВ:
МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ**

Васильева А.Ю. Правомерность экономических санкций европейского союза: международно-правовой анализ	417
Глазатов М.В. Об особенностях определения субсидий в международном экономическом праве	423
Епихин Е.В. Международно-правовые проблемы трансфера технологий в условиях ограничительных мер со стороны Запада	446
Журбин А.А. Разрешение споров на базе Международного центра по урегулированию инвестиционных споров: преимущества и недостатки	457
Костин С.А. Интеграционные процессы в сфере международно-правового обеспечения коллективной безопасности	468
Мальдонадо Р.К.Б. Правовой режим орфанных произведений в международном частном праве	478
Постникова Е.В. Обеспечение кибербезопасности как одно из направлений повышения эффективности функционирования внутреннего рынка Европейского Союза: тенденции правового регулирования	484
Режис Коффи Н'гуан Жан Франсуа Разрешение международных торговых споров в Северной Америке после заключения соглашения между Канадой, США и Мексикой	495
Татарченко Е.А. Модернизация деятельности Суда ЕАЭС	503
Шишкова А.Ф. Особенности интеграции Молдовы в правовое поле Европейского Союза	510

**СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ СПОРТИВНОЕ ПРАВО**

Анчугова И.А. Расследования нарушения антидопинговых правил и защита прав несовершеннолетних спортсменов	519
---	-----

Иванов С.А. Значение мягкого права в международном спортивном праве	525
--	-----

**СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ И ВЫНУЖДЕННОГО
ПЕРЕМЕЩЕНИЯ**

Жукова О.И. Актуальные дискуссионные вопросы о возможности выделения международного сотрудничества в сфере миграции в отдельную отрасль международного права	539
---	-----

Йордановски С. Особенности регулирования вынужденной миграции в Республики Северная Македония	545
--	-----

Киселева Е.В., Решетникова В.Д. Глобальный форум по беженцам: общая характеристика и участие России	558
--	-----

Паукова Ю.В. Автоматизация рассмотрения заявлений и обращений иностранных граждан, ищущих убежище в Российской Федерации: правовой аспект	566
--	-----

Растрелин В.Е. Вклад отраслей международного права в развитие института поощрения и защиты прав мигрантов	578
---	-----

**СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС**

Галдашкина А.В. Экологическая безопасность при международной транспортировке нефти и газа	589
--	-----

Глазова А.П. Общие международные стандарты осуществления принудительных мер правоохранительного характера в пределах морских пространств: это ли не цель, что всем желанна?	598
--	-----

Карпова Е.И. Подходы к определению политико-правового статуса Арктики и ее транспортных артерий	607
--	-----

Субботин А.П. Морское автономное наводное судоходство: инновация или проблема?	618
---	-----

CONTENTS

A.Kh. Abashidze Introduction	5
SECTION INTERNATIONAL LAW THEORY	
Akinbodewa Oluwateniola Solape The Vienna convention and the provisions it has for mitigating non-performance of treaty obligations	9
Veselkina A.K. Countermeasures and Sanctions in International Law: Similarities and Differences	17
Gulyaeva E.E. Modern Tendencies of Progressive Development of International Law in the Era of the Fourth Industrial Revolution	25
Evdokimova A.A. International Legal Qualification of Unilateral Coercive Measures in the Light of the Institute of Countermeasures	37
Zhebrikov V.V. Progressive Development of the Institute of Liability of TNCs for Committing Crimes of International Character	45
Kiseleva O.A. Basic Principles of Dialogue in International Law ...	56
Komleva A.M. International Cyber Security - Legal Ensuring of Peaceful and Stable Development of Global ICT Environment ...	68
Kostyleva U.V. Artificial Intelligence: International Legal Aspects	78
Panova P.S. International Law in the Light of Positivist School of Law	86
Romashev Y.S. Succession to International Customs.....	97
LAW OF INTERNATIONAL ORGANISATIONS SECTION	
Antonik A.V. International legal aspects of NATO enlargement: problems and consequences for Russia	105
Bliznetskaya E.A., Ivlev S.V., Kuteinikov A.E. Legal Basis for the Use of Resources of International Organisations in Addressing Climate Change in St. Petersburg	111

Buchnikova E.D., Kudrin P.M., Mishin D.I. International Non-Governmental Organisations: Sociological View of the Legal Phenomenon	116
Voynikov V.V. Legal Aspects of Legalisation of the Mechanism of Seizure of Property of Russian Private Persons in EU Law as an Element of Sanctions Policy	123
Dourado R.G. Is it possible to reform the Organisation of American States?	133
Dudchenko M.G., Christman A.A. Influence of Membership in the European Union on the Policy of the Countries of Central and Eastern Europe in Relation to the Russian Federation	139
O.V. Zubryakova, A.M. Torosyan, Organisation of Islamic Cooperation and Women's Rights	146
Istomin N.A. Interaction of International and Non-International Organisations in the Field of Internet Address Space Management	154
Lukina L.S. On the Question of Environmental Protection in the WTO Law	162
Parsyan A.A. Problems of Correlation of Protection of Intellectual Property Rights and Solution of Public Health Problems	175
Rakhmilov A.I. Crisis Phenomena in the WTO Dispute Settlement System	181
Romanova E.E. International Liability in WTO Law	186
Ushakov R.M. The Role of International Organisations in Formation of the System of Public-Legal Regulation of Public-Private Partnership (on the Example of Oil and Gas Complex)	197
Fatikhov D., Baskakov K.P. The Role of International Organisations and Mechanisms in Preventing Human Rights Violations	208

**SECTION INTERNATIONAL HUMANITARIAN
AND CRIMINAL LAW**

Abdumannon S.S. Contribution of the United Nations to the maintenance of international peace and security in Central Africa (on the example of peacekeeping operations in South Sudan and the Democratic Republic of the Congo)	215
Brovko A.A. Crimes against humanity and contemporary international law	226
Guseva O.V. Problems of Criminal Jurisdiction of the Russian Federation in respect of Crimes Committed against Citizens or against Property Abroad.....	232
Zubritskaya U.I. International Legal Qualification of Activity of Detachment 731. Experience of Khabarovsk Tribunal and Modern Estimates	237
Kogay S.V. Legality of participation of PMSCs in modern armed conflicts	243
Ladutko K.F. Problem of Qualification of Attack and Other Forms of Hostile Behaviour in Modern International Humanitarian Law	255
Nigmatullin R.V. International legal problems of counteraction to foreign terrorist fighters	263
Prokhorova A.D. Legality of Use of Force against Civil Aircraft Violators	276
Puzyreva Y.V. Tendencies of development of the international humanitarian law in the conditions of modern armed conflicts	280
Smirnov M.G. Problems of International Control of Chemical Weapons in the Conditions of Development of Dual Technologies	291
Teneta A.B. Development of the System of Protection of the Rights of Prisoners of War and Civilians	296
Pham Thi Thuc Anh The need of special provisions on protecting the rights of older persons in International Humanitarian Law	308
Ekndosian E.A. Procedural Aspects of the Activity of the International Criminal Court	314

**SECTION INTERNATIONAL DEFENCE
OF HUMAN RIGHTS**

Ableyeva G.R. Doctrine of freedom of discretion and protection of the rights of the child 325

Anshakova M.A. International legal aspects of ensuring the independence of judges and lawyers 333

Bagaudinova S.A. The problem of euthanasia in the context of human rights 340

Gaidarzhi P.I. Protection of Women's Rights in the Context of Achieving SDG 5: Ensure Gender Equality and Empowerment of All Women and Girls 347

Lipkina N.N. Human Rights and Artificial Intelligence: Approaches to Development of Legal Regulation 358

Mgeladze V.Z. Actual problems of inclusive education development in the context of SDG 4 366

Pchelintseva V.V. International Legal Policy of the Organisation of Islamic Cooperation in the Sphere of Human Rights Protection: General Characteristics 374

Samoylova A.A. Implementation of International Legal Obligations on Protection of Civil and Political Rights on the Example of Iraq 384

Sibagatullina K.L. International legal mechanisms of protection of the rights of refugee children 391

Solovieva A.S. Peculiarities of Protection of the Right to Fair Trial in the Practice of the African Court on Human and Peoples' Rights 398

Chernov V.V. International protection of human rights through the prism of pharmaceutical corporations' activities 404

**SECTION DEVELOPMENT OF INTEGRATION
PROCESSES IN THE CONTEXT OF MODERN
GEOPOLITICAL SHIFTS: BETWEEN EUROPE AND ASIA**

Vasilieva A.Yu. Legality of economic sanctions of the European Union: international legal analysis 417

Glazatov M.V. About peculiarities of definition of subsidies in the international economic law	423
Epikhin E.V. International legal problems of technology transfer in the conditions of restrictive measures on the part of the West	446
Zhurbin A.A. Dispute Settlement on the Basis of the International Centre for Settlement of Investment Disputes: Advantages and Disadvantages	457
Kostin S.A. Integration Processes in the Sphere of International Legal Provision of Collective Security	468
Maldonado R.C.B. Legal Regime of Orphan Works in International Private Law	478
Postnikova E.V. Provision of cyber security as one of the directions of increase of efficiency of functioning of the internal market of the European Union: tendencies of legal regulation	484
Régis Coffey N'guan Jean Francois International trade dispute resolution in north America after the Canada-US-Mexico agreement	495
Tatarchenko E.A. Modernisation of the EAEU Court Activity	503
Shishkova A.F. Peculiarities of Moldova Integration into the Legal Field of the European Union	510

SECTION INTERNATIONAL ORGANISATIONS AND INTERNATIONAL SPORTS LAW

Anchugova I.A. Investigations of Anti-Doping Rule Violations and Protection of the Rights of Underage Athletes	519
Ivanov S.A. The Importance of Soft Law in International Sports Law	525

SECTION INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF MIGRATION AND FORCED DISPLACEMENT

Zhukova O.I. Topical discussion issues on the possibility of separating international cooperation in the field of migration into a separate branch of international law	539
--	-----

Jordanovski S. Peculiarities of regulation of forced migration in the Republic of North Macedonia	545
Kiseleva E.V., Reshetnikova V.D. Global Forum on Refugees: General Characteristics and Russia's Participation	558
Paukova Y.V. Automation of consideration of applications and appeals of foreign citizens seeking asylum in the Russian Federation: legal aspect	566
Rastrelin V.E. Contribution of the branches of international law to the development of the institution of promotion and protection of migrants' rights	578

**SECTION INTERNATIONAL MARITIME LAW
AND SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS**

Galdashkina A.V. Ecological safety in international oil and gas transportation.	589
Glazova A.P. General International Standards for the Implementation of Coercive Measures of Law Enforcement Character within the Maritime Spaces: Isn't it the Goal that Everyone Desires?	598
Karpova E.I. Approaches to the Definition of the Political and Legal Status of the Arctic and its Transport Arteries	607
Subbotin A.P. Maritime Autonomous Flood Navigation: Innovation or Problem?	618

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
КАК ОСНОВА ДИАЛОГА
И ГАРАНТИИ МИРА**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 01.04.2023 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,2. Тираж 100 экз. Заказ 519.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: 8 (495) 955-08-74. E-mail: publishing@rudn.ru